

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
САРАТОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ:
ОТ РАННЕЙ БРОНЗЫ ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2005-2006 гг.)**

САРАТОВ 2010

ПРАВИТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КОМИТЕТ ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГУК «НПЦ по историко-культурному наследию области»

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
САРАТОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ:
ОТ РАННЕЙ БРОНЗЫ ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(по материалам исследований в 2005-2006 гг.)**

Издательство
«Научная книга»

Саратов 2010

ББК 63.4 (2)
Ю 16

**Археологические памятники Саратовского Правобережья:
от ранней бронзы до средневековья**

(по материалам исследований в 2005-2006 гг.).

Саратов: Изд-во «Научная книга», 2010. 284 с., ил.

В коллективной монографии представлены материалы исследования археологических памятников, попавших в зону строительства новых путей Приволжской железной дороги на территории Саратовского Правобережья. Итоги исследований представлены материалами широкого хронологического диапазона – от эпохи ранней бронзы до средневековья, публикуются материалы археологических разведок, а также результаты естественно-научных исследований полевых материалов.

Для всех, интересующихся древнейшей историей края, археологов, историков, студентов.

На обложке: долина р.Терешки в Хвалынском районе Саратовской области

Под общей редакцией

доктора исторических наук А.И.Юдина

Рецензенты:

доктор исторических наук А.В.Кишко
(Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону):

кандидат исторических наук П.Ф.Кузнецов
(Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г.Самара)

ISBN 978-5-9758-1250-6

© Авторы статей

© ГУК «Научно-производственный центр
по историко-культурному наследию
области»

ВВЕДЕНИЕ

В истории Саратовского края есть несколько примеров масштабных полевых исследований, связанных с новостроечными археологическими работами и привлечением коллективов исследователей из соседних регионов. Это в первую очередь, раскопки в зоне затопления Сталинградской ГЭС, исследования 80-х годов в зонах мелиорации и в начале нашего века на строительстве газопровода Петровск-Фролово.

В 2005-2006 годах на территории Саратовской области наиболее значительные археологические раскопки велись в зоне строительства и реконструкции новых железнодорожных путей. В результате исследований получена информация о подкурганных и грунтовых захоронениях от эпохи ранней бронзы до средневековья, а также ряде бытовых памятников эпохи бронзы и средневековья. Для проведения спасательных археологических исследований Государственным учреждением культуры «Научно-производственный центр по историко-культурному наследию области» была создана комплексная экспедиция в составе отрядов ГУК НПЦ, Волжского отряда Института археологии РАН, Саратовского государственного университета.

Работы финансировались «Приволжской железной дорогой – филиалом ОАО «РЖД»» и «Дирекцией по строительству объектов железных дорог Юга России – филиалом ОАО «РЖД»».

В 2005 году исследования были сосредоточены в южной части Саратовского Правобережья, вдоль сооружаемого второго железнодорожного пути на участке между разъездом Суворовский и станцией Паницкая (Красноармейский район) железной дороги Саратов-Волгоград.

Красноармейский район – самый южный район Саратовского Правобережья. Волга является естественной восточной границей района, а с Приволжской возвышенности берут начало несколько рек, в том числе Иловля и Карамыш с правыми притоками Голый Карамыш и Горючка. Вершины Приволжской возвышенности покрыты лесами, к западу от которых на склоне возвышенности простирается степь. Все исследованные курганы располагались в зоне отвода земель под строительство.

ГУК «НПЦ по историко-культурному наследию области» исследовал два отдельно стоящих кургана у ст.Суворовский (рук. Ю.А.Африканов) с погребениями ранней, средней и поздней бронзы (рис. 1, 1). Экспедиция Учебно-научной археологической лаборатории Саратовского госуниверситета проводила охранные исследования курганного могильника Мессер-V (4 кургана) (рук. В.А.Лопатин) с аналогичными захоронениями (рис. 1, 2). Волжский отряд ИА РАН произвел раскопки курганной группы Паницкое 6 (5 курганов) и одиночного кургана Паникое 6Б (рук. О.В.Зеленцова и Р.А.Мимоход). В курганах Паницкое 6 исследованы погребения средней бронзы и раннего железного века. Кроме того, в одиночном кургане Паницкое 6Б в числе прочих обнаружены погребения рубежа энеолита-ранней бронзы (рис. 1, 3).

В полевом сезоне 2006 года, как и в предыдущем, основные археологические исследования в пределах Саратовской области проводились на новостройках железных

дорог, большая часть которых пришлась на участок Сызрань – Сенная в пределах Вольского и Хвалынского районов Саратовской области, где проводилась электрификация и строительство второго главного железнодорожного пути.

Район проведения исследований относится к долине р.Терешки. Бассейн р.Терешки расположен на юге лесостепной зоны, на Приволжской возвышенности Правобережья Волги. Терешка образует просторную долину в Приволжской возвышенности, течет параллельно Волге в 30-50 км от нее и впадает в волжское водохранилище в 45 км выше Саратова. Район отличается насыщенностью памятниками позднего бронзового века.

На участке от села Дубовый Гай до станции Буровка проводил исследования Северный отряд НПЦ по историко-культурному наследию (рук. Ю.А.Африканов). Раскопано 2 кургана в группе Буровка 1 (рис. 1, 9), один курган в группе Дубовый Гай 1 (рис. 1, 11) и курган у с.Ново-Яблонька (рис. 1, 10), который содержал крупнейший в Нижнем Поволжье кенотаф раннесрубной культуры.

В районе с.Новопокровка и станции Чернавка проводил исследования Южный отряд НПЦ по историко-культурному наследию (рук. А.И.Юдин). Раскопан один курган в группе Новопокровка 1 и 4 кургана в группе Новопокровка 2 (рис. 1, 7, 8) и один курган в группе ст. Чернавка (рис. 1, 6). Все они содержали погребения развитого этапа срубной культуры.

Здесь же, по обоим берегам Терешки были проведены разведки бытовых памятников с шурфовкой культурного слоя (рук. И.В.Тупалов). Выявлено 4 новых поселения срубной культуры эпохи поздней бронзы и золотоордынского времени (рис. 13, 1-4).

Волжская экспедиция Института археологии РАН (рук. Р.А.Мимоход) исследовала уникальный памятник археологии – курган Золотой в Хвалынском районе – самый крупный курган в Саратовской области (рис. 1, 13). Курган был частично разрушен в годы Великой Отечественной войны при строительстве рокадной железной дороги, а при сооружении второго пути в 2004 году насыпь его была уничтожена на три четверти. По счастливой случайности основное погребение не было разрушено и своевременные спасательные раскопки сохранили для науки историческую информацию.

Южнее, был исследован курган рубежа средней-поздней бронзы у с.Дубовый Гай (рук. Ю.А.Зеленеев и А.И.Юдин), насыпь которого была полностью уничтожена при строительстве второго железнодорожного пути (рис. 1, 12). Курган содержал погребения начального периода поздней бронзы с уникальным набором погребального инвентаря.

В 2006 году также проводились раскопки в зоне строительства второго железнодорожного пути на перегоне между разъездами Буркино и Ивановский в Саратовском районе. Отрядом Учебно-научной археологической лаборатории Саратовского государственного университета исследовано почти четыре десятка погребений в позднесредневековом могильнике Ивановский (рис. 1, 5) (рук. С.И.Четвериков) и курган с уникальным раннесрубным кенотафом, раннесрубными погребениями и погребением начала раннего железного века (рис. 1, 4) (рук. В.А.Лопатин).

Таким образом, двухлетние исследования охватили узкую полосу Саратовского Правобережья вдоль Волги в пределах южной лесостепи на севере области, пограничья степи-лесостепи в районе Саратова и северной степи к югу от Саратова. Расстояние между крайним северным памятником (курган Золотой) и самым южным (курган Суворовский) составляет около 250 км. Причем, памятники бассейна р.Терешка относятся в Волжскому бассейну, курган и грунтовой могильник у разъезда Ивановский занимают Приволжскую возвышенность, являющуюся естественным Волго-Донским водоразделом, а памятники в бассейне р.Карамыш, несмотря на свою близость к Волге, относятся уже к Донскому бассейну. Такой широкий географический охват позволил полу-

чить материалы по основным культурам эпохи средней и поздней бронзы и, в меньшей степени, раннего железного века, представленных в исследованных курганах. Кроме того, источниковедческая база пополнилась материалами средневекового могильника Ивановский и новыми поселенческими памятниками в бассейне р. Терешки.

Полученные материалы обработаны в специализированных научных организациях Саратова, Москвы, Самары и Донецка (Украина). Результаты естественнонаучных исследований представлены в разделе 4 данного издания. Комплексное исследование курганных могильников Саратовской области позволило уточнить хронологические позиции погребений различной культурной принадлежности, дополнить данные о хозяйстве населения эпохи бронзы, пополнить источниковую базу по палеоантропологии, конкретизировать функциональное назначение ряда изделий из рога и кости.

В данной работе публикуются результаты исследований археологических памятников, произведенных сотрудниками Саратовского госуниверситета и Научно-производственного центра по охране историко-культурного наследия Саратовской области, а также итоги естественнонаучной обработки представленных в книге материалов. Часть материалов, вошедших в данную коллективную монографию, была опубликована ранее в различных региональных изданиях (Африканов Ю.А., 2007; Лопатин В.А., 2006; Лопатин В.А., 2008; Лопатин В.А., Четвериков В.И., 2006; Тупалов И.В., Африканов Ю.А., 2006; Юдин А.И., 2007а; Юдин А.И., 2007б; Юдин А.И., 2008а; Юдин А.И., 2008б; Юдин А.И., 2009).

Композиционно работа состоит из четырех глав. Три первые сформированы по географическому принципу: памятники бассейна р. Карамыш; памятники бассейна р. Терешки и памятники окрестностей г. Саратова. В последней главе объединены работы аналитического характера по материалам эпохи поздней бронзы, а также итоги естественно-научной обработки материалов.

Памятники, исследованные Волжской экспедицией ИА РАН, опубликованы ранее отдельным изданием (Мимоход Р.А., 2009).

По итогам полевых работ 2005 и 2006 годов в музее Приволжской железной дороги были организованы две временные выставки: «Дорогами прошлого» (по раскопкам 2005 г.) и «Дорогами прошлого-II» (по раскопкам 2006 гг.). К этим выставкам также изданы буклеты под теми же названиями. Оба раза выставки функционировали в течение месяца. За это время квалифицированный экскурсовод, сотрудник ГУК НПЦ по историко-культурному наследию области Н.Ф. Астафьева ознакомила с археологическими находками более 600 работников Приволжской железной дороги.

По нескольким вопросам интерпретации полученных материалов у авторов монографии есть некоторые разногласия, но в данном случае на них не стоит акцентировать внимание, так как полученные материалы многогранны и, несомненно, вызовут и в дальнейшем дискуссии. Главная цель данной работы – скорейшее введение в научный оборот в полном объеме новых материалов, показывающих многообразие и во многих аспектах уникальность археологических памятников Саратовского Правобережья.

Работа выполнена следующим коллективом авторов: Ю.А. Африканов (раздел 1.1 и 2.3), Ю.А. Зеленева (раздел 2.4), В.А. Лопатин (раздел 1.2 и 3.1), И.В. Тупалов (раздел 2.1), А.Н. Усачук (раздел 4.4), А.А. Хохлов (раздел 4.3), С.И. Четвериков (раздел 1.2 и 3.2), А.И. Юдин (введение, раздел 2.2, 2.4, 4.1, 4.2, заключение).

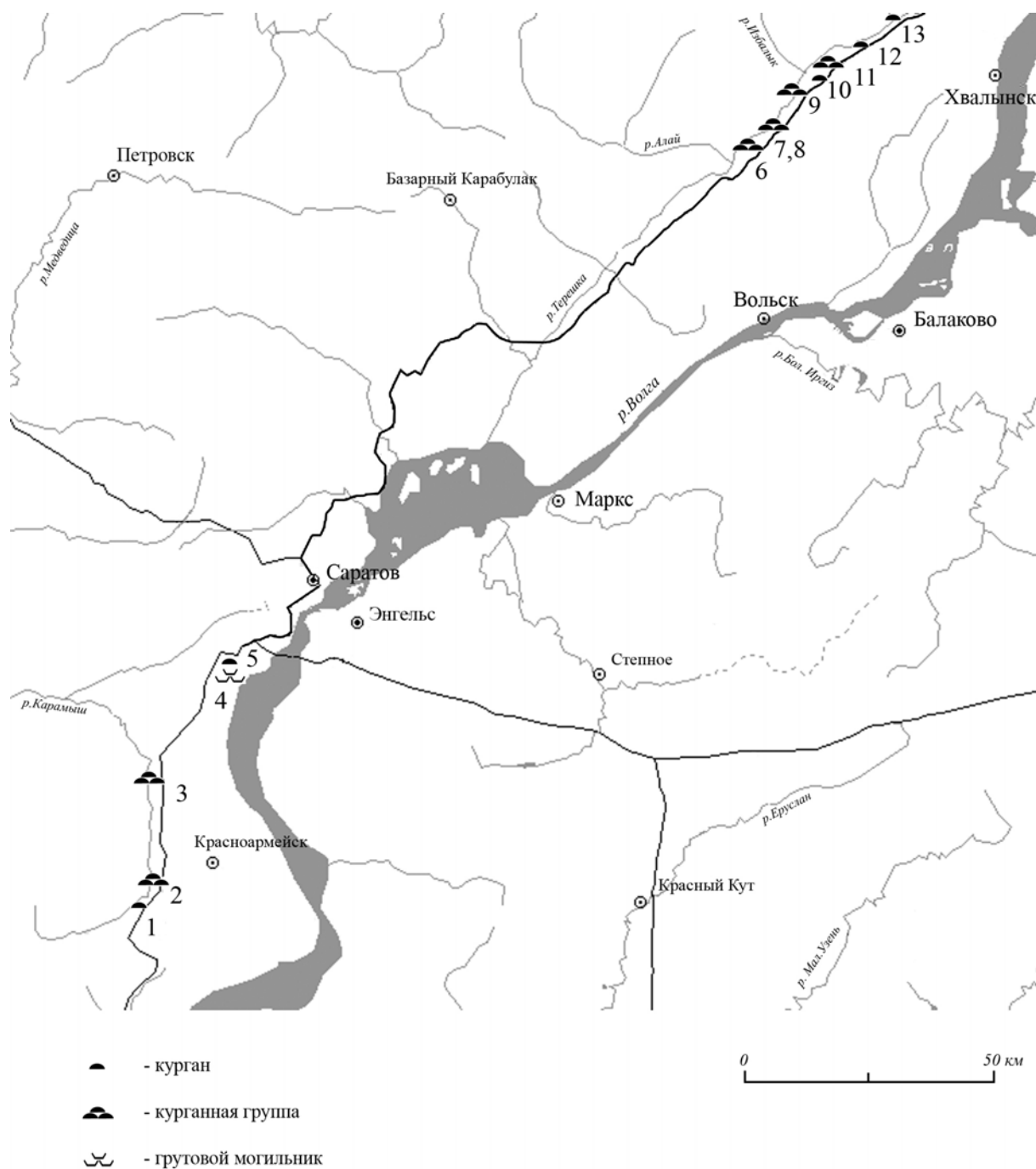

Рис. 1. Археологические памятники Саратовского Правобережья, исследованные в 2005-2006 гг. в зонах строительства и реконструкции железных дорог. 1 – курганы Суворовский 1 и 2; 2 – курганная группа Мессер V; 3 – курганная группа Паницкое 6 и курган Паницкое 6Б; 4 – курган у разъезда Ивановский; 5 – Ивановский грунтовой могильник; 6 – курганная группа у ст.Чернавка; 7, 8 – курганские группы Новопокровка 1 и 2; 9 – курганная группа Буровка 1; 10 – курган у с.Ново-Яблоновка; 11 – курганная группа Дубовый Гай 1; 12 – курган у с.Дубовый Гай; 13 – курган Золотой

ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАНИЯ В БАССЕЙНЕ р.КАРАМЫШ

1.1. КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ У РАЗЪЕЗДА СУВОРОВСКИЙ

В полевом сезоне 2005 года экспедицией Научно-производственного центра по историко-культурному наследию области были проведены спасательные раскопки двух курганов, попадавших в зону строительства второго железнодорожного пути у разъезда Суворовский Красноармейского района Саратовской области (рис. 1, 1).

Курган Суворовский 1.

Курган расположен на склоне водораздельной террасы, в 1,3 км к востоку от левого берега р.Карамыш, в 0,8 км к северо-востоку от правого берега р. Лесной Карамыш и железнодорожного моста через нее. В 1,9 км к юго-юго-западу от кургана находится железнодорожный разъезд Суворовский, а в 2,7 км к юго-юго-востоку от кургана – поселок Каменский. Материалы этого кургана коротко опубликованы ранее (Тупалов И.В., Африканов Ю.А., 2006, с. 52-58).

Высота кургана по южной поле составляла 0,2 м, по северной – 0,33 м; диаметр насыпи 18 м.

Для наблюдения за стратиграфией была оставлена одна бровка толщиной 1 м, которая была ориентирована по линии север-юг (рис. 2, 1).

Зачистка бровки дала следующую стратиграфию (рис. 2, 3). В верхней части фаса, на всем его протяжении зафиксирован пахотный слой в виде неровной полосы гумусированной черной рыхлой супеси толщиной от 15 до 35 см, имевший тенденцию к утолщению к краям бровки.

Древняя насыпь, которая частично уничтожена глубокой распашкой и впускными погребениями, залегала на погребенной почве и отслеживалась в пределах 6,5 м к югу и 9,4 м к северу от нулевого репера в центре кургана. Насыпь в виде светло-коричневого суглинка плотной структуры имела максимальную мощность до 0,45 м в центральной части бровки.

Погребенная почва, залегавшая на глубине до 64 см от нулевого репера (в центральной части насыпи) фиксировалась в пределах 5,95 м к югу и 5,45 м к северу от репера. К этим отметкам погребенная почва полностью выклинивается.

На глубине от 60 до 76 см по всему профилю отмечен темно-желтый материковый суглинок с обильными включениями карбонатов, глубже переходящий в светло-желтую с зеленоватым оттенком супесь.

Между 2,62 - 3,43 м к югу от репера в бровку попала часть заполнения входной ямы погребения 2. Заполнение состояло из мешаного (пятнистого) рыхлого светло-серого суглинка с обильными включениями мелких комков материковой глины и карбонатов. Оно фиксировалось ниже пахотного слоя и пробивало древнюю насыпь кургана.

Погребение 1.

Впускное. Находилось в насыпи кургана на уровне материка. Обнаружено в юго-западном секторе, в 3,12 м к юго-западу от репера, на глубине 73-77 см от репера.

Могильная яма не фиксировалась. Скелет взрослого человека покоился скорченно на левом боку, черепом на восток-юго-восток. Ноги сильно согнуты в коленях. Руки сохранились фрагментами и возможно были вытянуты кистями к коленям. В 20 см к югу от левого коленного сустава на глубине 43 см от репера (на уровне погребенного) обнаружены небольшие кусочки прокаленной глины и угольки (рис. 3, 5). Погребальный инвентарь отсутствовал. Погребение относится к срубной культуре позднего бронзового века.

Погребение 2.

Впускное. Парное. Обнаружено в западной части кургана, в 0,6 м к юго-западу от нулевого репера, на глубине 0,79-0,92 м от репера. Входная яма подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами ориентирована длинной стороной по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад и имела ровные стенки, вертикально опускающиеся ко дну. Заполнение состояло из мешаной супеси черного и серого цветов с вкраплениями желтой материковой глины. Размеры входной ямы: 1x1,85 м, глубина от репера 2,93 м и 1,99 от материка. Дно ровное, плавно опускалось ко входу в погребальную камеру и было покрыто по всей площади белыми меловыми и гипсовыми вкраплениями. Вход имел форму полуэллипса и занимал почти всю южную стену входной ямы. Заполнение погребальной камеры неоднородно: в верхней части материковая глина, нижние слои – черная супесь с вкраплениями древесного тлена темно-коричневого цвета. Дно камеры ровное, покрыто черным и коричневым тленом, залегающим слоями, и охрой темно-красного цвета по всей площади. На дне погребальной камеры обнаружено парное захоронение (рис. 2, 4).

Скелет 1 (северный) взрослого человека покоился скорченно на правом боку, с сильным завалом на спину и был ориентирован черепом на юго-восток. Череп лежал на правой височной кости. Руки слегка согнуты в локтях и положены на таз. Кости ног согнуты в коленях под тупым углом. К северу от правых лучевых костей находился бараний альчик.

К югу от скелета 1 обнаружен скелет 2 взрослого человека, который лежал вплотную к первому, также на правом боку, с сильным завалом на спину. Ориентирован головой на юго-восток. Череп покоился на затылочной кости и был немного повернут на правую сторону. Левая рука вытянута вдоль тела и проходит под левым крылом таза скелета 1. Правая рука согнута в локте под прямым углом, фаланги пальцев касаются левого крыла таза северного скелета. Погребение относится к волго-донской катакомбной культуре эпохи средней бронзы.

Погребение 3.

Впускное. Обнаружено в западной поле кургана, в 3,1 м к западу от репера, на глубине 0,95 м от репера. Входная яма подпрямоугольной формы со слегка закругленными углами (1,62x1,15 м) ориентирована длинными сторонами по линии восток – запад. Стенки ровные, вертикально опускались ко дну на глубину 2,87 м от репера. Заполнение состояло из серого мешаного суглинка с вкраплениями светлого материкового суглинка. Дно входной ямы было покрыто мелом. В южной стене входной ямы расчищен вход в погребальную камеру. Вход имел в плане форму полуэллипса и занимал почти всю площадь южной стенки входной ямы. По границе дна входного колодца и погребальной камеры были расчищены остатки деревянного заклада, состоящего из вертикально стоящих деревянных плах. Наибольшие размеры их составляют: длина 69 см, ширина 20 см, толщина до 3 см. Плахи сохранились с юго-восточной стороны входа.

Погребальная камера располагалась параллельно входной яме и имела подпрямоугольную форму размерами 1,8x0,9 м.

На дне был расчищен скелет взрослого человека, покоившийся скорченно на спине, ориентированный черепом на восток. Череп лежал на затылочных костях. Руки согнуты в локтях, кисти положены на таз. Ноги сильно согнуты в коленях. Под скелетом прослеживалась мощная подстилка, состоящая из трех слоев: внизу меловая посыпка, выше черный тлен (кожа?) и сверху посыпка красно-коричневой охрой (рис. 3, 1).

В погребении находился следующий погребальный инвентарь.

1. К востоку от черепа стоял лепной орнаментированный сосуд. В верхней части сосуд украшен шнуровым орнаментом, в нижней части оттисками ископаемой раковины (аммонит). В изломе тесто глины черного цвета, хорошо отмучено, с примесью шамота и толченой раковины. Диаметр тулова 19 см, высота 17 см. Обжиг неравномерный (рис. 3, 4).

Сосуд такого типа с ребристо-профилированным туловом был найден в Заволжье – Бережновка I, погребение 5, курган 32 (Синицын И.В., 1959, с. 71, рис. 17, 15).

2. К северо-востоку от черепа на дне могилы находился бронзовый нож с лезвием ромбовидной формы и раскованной пяткой черешка. Длина ножа 7 см (рис. 3, 2).

Аналогичные металлические изделия А.В. Кияшко относит к раннедонецкому периоду (успенский этап кавказской металлургии) катакомбной культуры (Кияшко А.В., 2002, с. 34, рис. 6, 11). Близкий по форме нож был найден А.А. Хрековым в погребении 6 кургана 8 курганного могильника Тростянка в Балашовском районе Саратовской области (Хреков А.А., 2005, с. 17, рис. 9, 2).

3. К юго-востоку от черепа обнаружен фрагмент каменного полированного топора из диорита (?) (рис. 3, 3).

Подобные находки распространены в погребениях эпохи средней бронзы Поволжья. Например, обломок топора со вторичным использованием известен в погребении 5 кургана 4 у с. Новая Квасниковка (Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989, с. 137, рис. 7, 7) в Заволжье и половинка топора встречена в кургане 4 погребения 6 курганной группы Широкий Карамыш-2 (Дрёмов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В., 2005, с. 28, рис. 3, 4).

Погребение 4.

Основное. Обнаружено в западной поле кургана, в 3 м к юго-западу от репера, на глубине 1,08 м от репера. Захоронение частично разрушено входной ямой погребения 3. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами ориентирована длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад. Юго-западная часть захоронения повреждена грызунами.

На дне могилы обнаружен скелет ребенка 6-7 лет, ориентированный черепом на северо-восток. Скелет сохранился фрагментально. Положение рук и ног зафиксировать не удалось. Покойный, вероятно, лежал на спине. Дно могильной ямы и кости погребенного были обильно посыпаны красно-коричневой охрой (рис. 2, 2).

К северо-западу от черепа обнаружена крупная (длина 15 см, ширина 6 см) створка речной раковины *Unio*. Погребение относится к ямной культуре эпохи ранней бронзы.

В результате исследования памятника выяснилось, что изначально курган сооружен над погребением 4 эпохи ранней бронзы, чья могильная конструкция перекрывается древней насыпью. Далее в курган, пробив древнюю насыпь, были впущены погребения подбойной конструкции эпохи средней бронзы (погребение 3 срезало северо-восточную часть погребения 4). Кроме того, расположение захоронений 2 и 3, ориентировка могильных ям и погребенных в них говорит если не об одновременности этих захоронений, то о небольшом промежутке времени между ними. В свою очередь входные колодцы погребений 2 и 3 были перекрыты более поздним погребением 4 в этом кургане, которое относится к эпохе поздней бронзы.

Курган Суворовский 2.

Одиночный курган Суворовский 2 расположен в 1,2 км к северу от железнодорожного разъезда Суворовский. Памятник расположен на почти ровном мысу, образованном р.Карамыш и ее левым притоком р.Лесной Карамыш, место впадения которой находится в 1,2 км к северо-западу от кургана.

Следов рва или других каких-то конструкций на поверхности кургана не прослеживалось. Насыпь имела следующие размеры: диаметр 23 м, высота 0,57 м. Для наблюдения за стратиграфией была оставлена одна бровка, ориентированная по линии север – юг (рис. 4, 1).

В верхней части фаса, на всем его протяжении зафиксирован дерновый слой в виде рыхлой супеси черного цвета, толщиной 10-25 см.

Насыпь залегала на погребенной почве и состояла из светло-коричневого суглинка плотной структуры и имела мощность до 0,66 м в северной части бровки.

Погребенная почва, залегающая на глубине до 0,91 м (в северной части насыпи) фиксировалась в пределах 9,15 м к северу и 13,65 м к югу от репера. К этим отметкам погребенная почва полностью выклинивается. Ее мощность достигает 35 см (рис. 4, 2).

Материковый выкид желто-серого цвета из погребения 1 фиксировался на уровне погребенной почвы и был перекрыт насыпью кургана. Наибольшая толщина выкида составляла 25-30 см.

На глубине от 0,9 м до 1,05 м по всему профилю отмечен темно-желтый материковый суглинок с обильными включениями карбонатов, глубже переходящий в светло-желтую с зеленоватым оттенком супесь.

В процессе снятия насыпи были обнаружены фрагменты лепного неорнаментированного округлобокого сосуда со слегка отогнутым наружу венчиком. Поверхность сосуда гладкая, обжиг неравномерный, в тесте глины имеется небольшое количество толченой раковины. Приблизительный диаметр венчика – около 15 см (рис. 5, 1). Там же, в насыпи встречен фрагмент венчика лепного сосуда с обильной примесью толченой раковины в тесте глины. Фрагмент орнаментирован зубчатым штампом (рис. 5, 2). Вероятно, данную керамику следует связывать с основным погребением 1.

Погребение 1.

Основное. Совершено в простой грунтовой яме (рис. 5, 5). Обнаружено в центре кургана, в восточной поле. Могильное пятно (2,99x3,84 м), ориентированное длинной стороной по линии северо-восток – юго-запад, хорошо читалось на фоне желтой материковой глины. Заполнение ямы – черный, вязкий, комковатый суглинок с содержанием комочков материкового суглинка. В заполнении по всей площади и на всех уровнях в большом количестве встречались мелкие фрагменты дерева в виде буро-коричневого тлена. Северо-восточный угол могилы был забутован материковой глиной, которая отличалась от материка более светлым тоном.

В заполнении погребения, в северо-восточном углу ямы, на глубине 1,49 м от репера, были расчищены фрагменты черепа взрослого человека, от которого сохранилась только теменная часть.

Вокруг погребения, со всех сторон на уровне погребенной почвы, прослеживался материковый выкид мощностью до 35 см. Наибольшее его распространение отмечено в юго-восточном (до 3,7 м) и северо-западном направлениях (до 3,2 м) от погребения.

Стенки могильной ямы вертикально, с небольшим сужением опускаются ко дну. Исключение составляет северо-западная стенка могилы, сужение которой в районе дна составляет 40 см.

Дно ровное, песчаное, желтого цвета с зеленоватым оттенком. На дне ямы, ближе к западному углу обнаружены кости ног взрослого человека, лежащие в анатомиче-

ском сочленении. Кости ног согнуты в коленях под прямым углом и лежат с завалом влево. Другие кости скелета в погребении отсутствовали.

В южном углу могильной ямы, в 17 см ниже уровня дна погребения, в сурчином перекопе были обнаружены костяная пронизь и костяной псалий (рис. 5, 3, 4).

Костяная пронизь изготовлена из трубчатой кости животного длиной 2,6 см, диаметр трубки 1,4 см, толщина стенок 1-2 мм.

Левый псалий изготовлен из двойной (?) пластины лосиного рога. Псалий имеет следующие размеры: 7,9 x 6,1 см, толщина до 7,5 мм. Сохранность очень плохая, поверхность осыпается.

Трасологический анализ псалия проведен А.Н.Усачуком. Результаты анализа приводятся ниже, в разделе 4 главы 4.

Погребение 2.

Впускное. Совершено в простой грунтовой яме. Обнаружено в северо-восточном секторе кургана, в 32 см к северу от северо-западного угла могильной ямы погребения 1. Хорошо читалось на уровне материка на глубине 99-101 см от репера по заполнению черного и серого цвета, плотной комковатой структуры. В заполнении встречались мелкие фрагменты дерева.

Могильная яма в форме неровного эллипса (155x70 см) была ориентирована длинной стороной по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Края ямы неровные, сильно потревоженные норами грызунов. Стенки с сильным сужением полого опускаются ко дну, заглубляясь в материковый суглинок на 2-4 см. Дно неровное, сильно изрытое норами грызунов.

На дне, на глубине 103-105 см от репера, обнаружен скелет взрослого человека, покоившийся вытянуто на спине, черепом на запад-юго-запад, глазами на юг. Череп раздавлен, нижняя челюсть не сохранилась. Позвоночный столб вытянут прямо. Ребра левой части груди и шейные позвонки уничтожены норами грызунов. Кости рук вытянуты вдоль скелета, фаланги не сохранились. Кости ног вытянуты, стопы отсутствуют. Погребальный инвентарь в захоронении не обнаружен (рис. 4, 3).

Погребение, вероятнее всего, относится ко времени позднего средневековья.

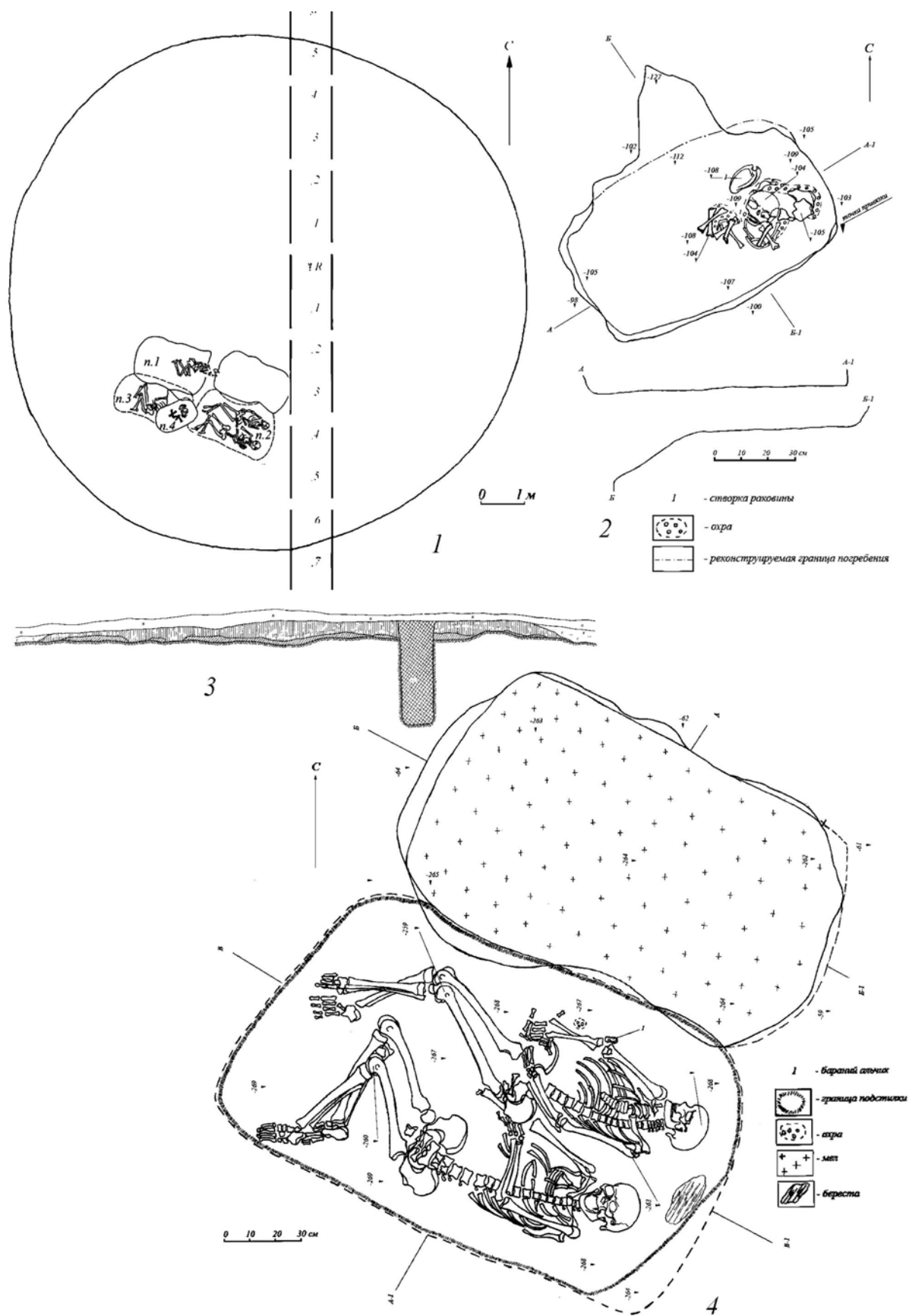

Рис. 2. Одиночный курган Суворовский 1. 1 – план кургана; 2 – план погребения 1; 3 – стратиграфия кургана; 4 – план погребения 4

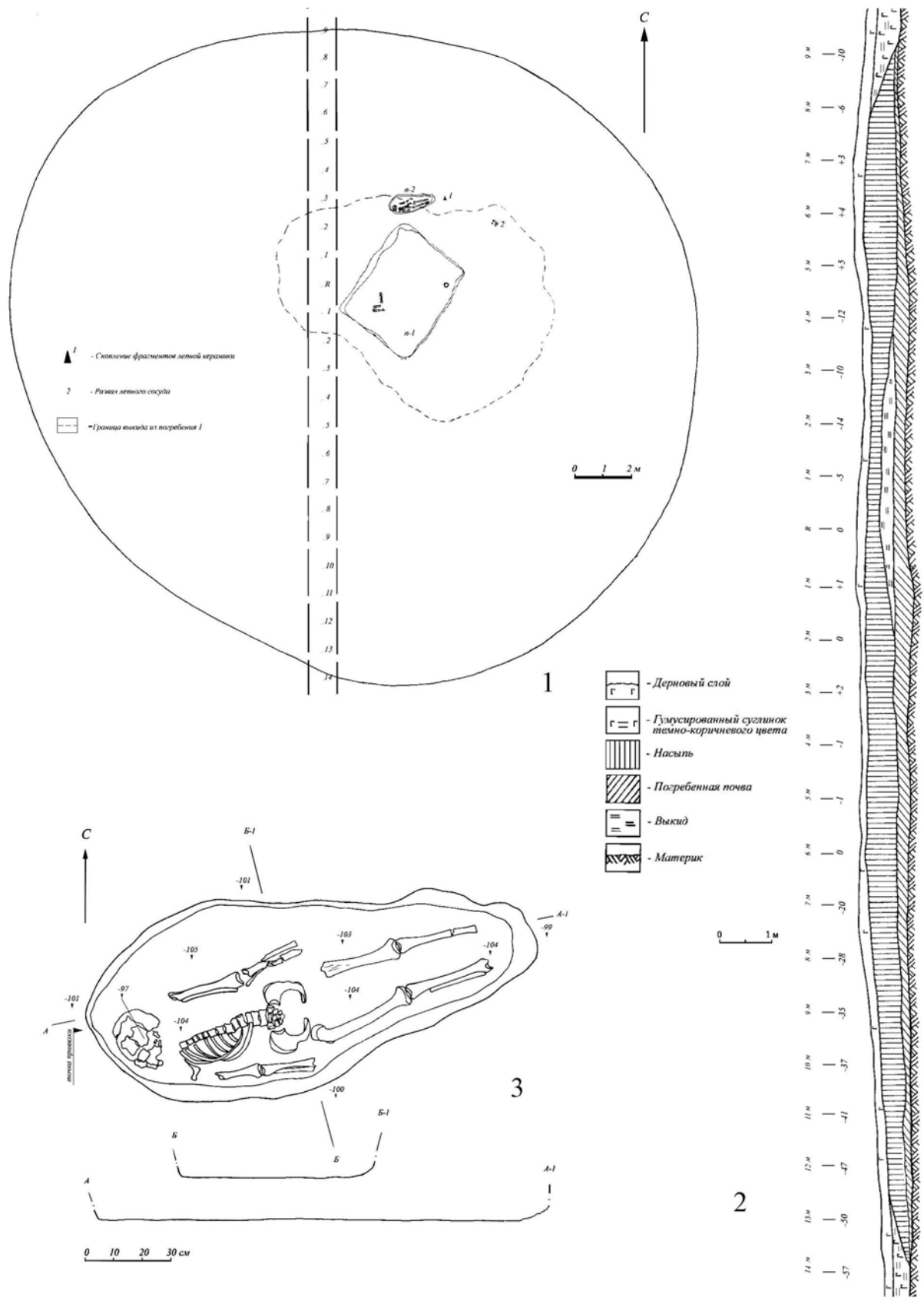

Рис. 4. Одиночный курган Суворовский 2. 1 – план кургана; 2 – стратиграфия кургана; 3 – план погребения 2

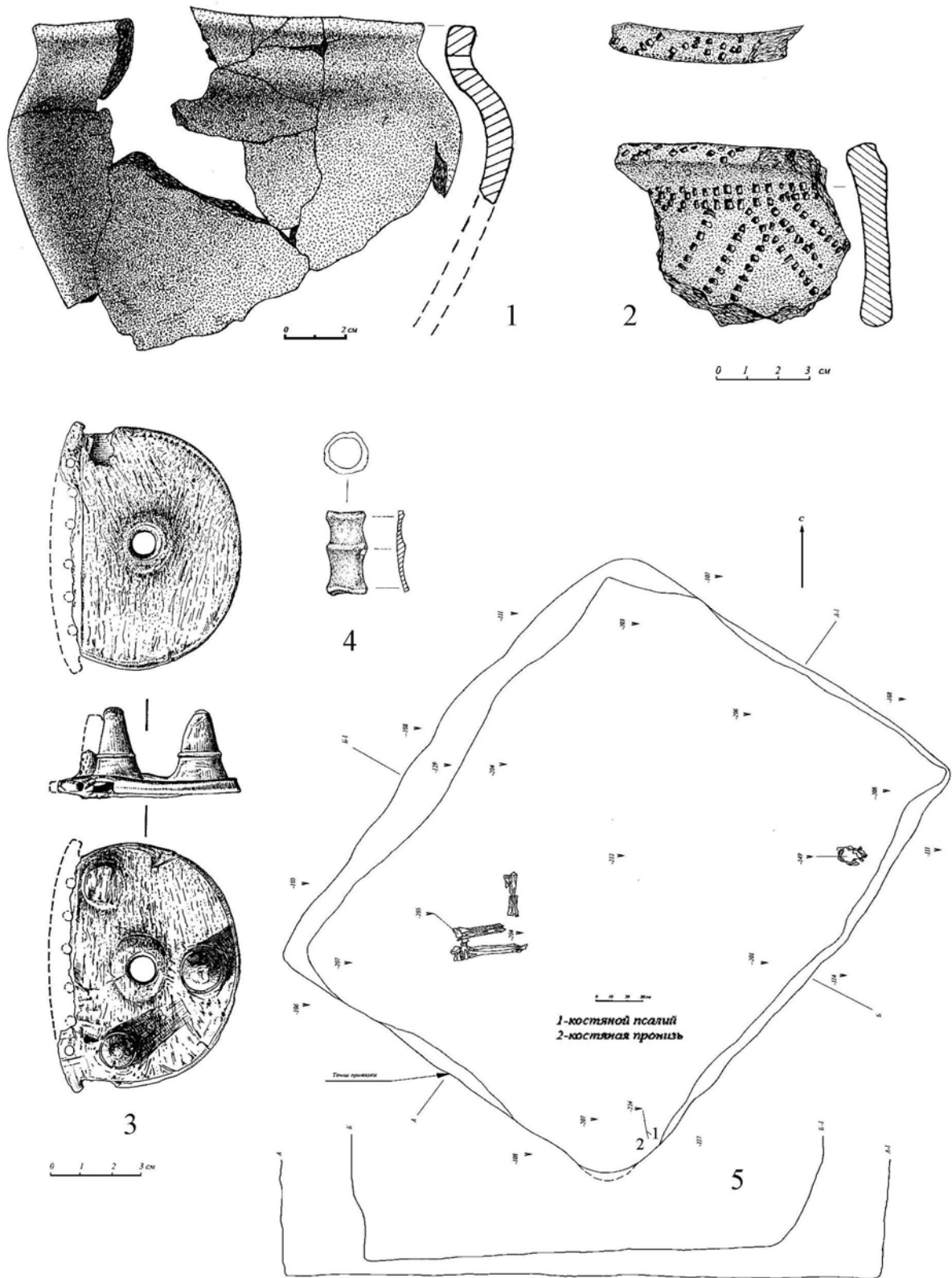

Рис. 5. Одиночный курган Суворовский 2. 1, 2 – керамика из насыпи кургана; 3 – псалий из погребения 1; 4 – костяная пронизь из погребения 1; 5 – план и профили погребения 1

1.2. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК МЕССЕР V

В июне 2005 г. экспедиция Учебно-научной археологической лаборатории СГУ проводила охранные исследования курганного могильника Мессер-V в Красноармейском районе Саратовской области (рис. 1, 2). Местность, в которой проводились исследования, относится к северной части Волго-Донского междуречья. На востоке она ограничена Приволжской возвышенностью, которая пологими уступами понижается в западном направлении. С нее набирают свое течение малые реки донского бассейна, в том числе Иловля и Карамыш. Последний, в отличие от Иловли, которая самостоятельно впадает в Дон, является левым притоком р. Медведицы. В соответствии с географическим районированием здесь проходит граница двух природных подзон – степной и лесостепной, а сама местность характеризуется мозаичным чередованием увлажненных долин с разнотравьем и байрачно-пойменными лесными массивами и возвышенных водоразделов, занятых сухостепными участками, березово-осиновыми колками, дубравами и протяженными типчаково-полынными пространствами.

Курганный могильник Мессер-V располагался на мысовом изгибе высокой надпойменной террасы правого берега р. Карамыш, в 2 км к юго-западу от станции Карамыш Приволжской железной дороги. С северо-востока и юго-запада этот участок берега ограничен двумя неглубокими оврагами, по которым протекают и впадают в реку мелкие ручьи. С западной стороны под террасой сохранилась заболоченная речная старица. В непосредственной близости от курганов, с юго-запада на северо-восток проходит линия железной дороги с защитными лесополосами. Поверхность террасы здесь ровная, плотно задернованная, от края она плавно повышается в юго-восточном направлении (рис. 6, 1).

Впервые памятник был открыт в 1989 году, при выполнении программы по составлению археологической карты Красноармейского района Саратовской области (Четвериков С.И., 1989). Тогда удалось выявить три хорошо заметные насыпи, стоявшие на террасе в одну линию с северо-запада на юго-восток. Курган 1 был расположен в центре группы. Через всю его насыпь раньше проходила старая грунтовая дорога из поселка Каменского на станцию Карамыш, параллельно современной дороге, накатанной в юго-восточной стороне. Курган 2 располагался в 80 м к юго-востоку относительно первого, возле защитной лесополосы, которая частично перекрывает край юго-восточной долины его насыпи. Курган 3 находился в 115 м к северо-западу от центрального первого, на краю мысового окончания террасы. При более тщательном осмотре местности в 2005 г, в 141 м к юго-западу от того же первого кургана выявлен новый курган 4, насыпь которого сильно повреждена и сnivelирована старой грунтовой дорогой, из-за чего он остался незамеченным во время первого обследования.

В целях максимально точной привязки памятника к ландшафту, был снят тахеометрический топоплан с фиксацией каждого кургана по навигационному прибору GPS «Garmin» (рис. 6, 1). Перед началом земляных работ курганные насыпи были тщатель-

но обмеряны и пронивелированы через каждый метр по центральным осям. Грунт, славший насыпи всех курганов, убран скрепером на снос до материка. Для наблюдения за стратиграфией на каждом раскопе оставалась одна центральная бровка, ориентированная с юга на север, шириной 1 м. Лишь на кургане 2 бровку пришлось расположить по оси северо-восток – юго-запад, параллельно проходящей вплотную лесополосе.

Непосредственно в полевых условиях проводилась первичная обработка и реставрация материалов, выполнение чертежей и рисунков, подробное описание находок. Компьютерная обработка графики и фотоматериалов, составление текстовых и иллюстративных разделов предлагаемой публикации осуществлялось в Учебно-научной археологической лаборатории исторического факультета Саратовского государственного университета.

После завершения раскопок проведена полная рекультивация почвенных покровов с восстановлением плодородного слоя.

Аспирантом Института этнографии и антропологии РАН А.А. Евтеевым выполнены предварительные поло-возрастные определения скелетного материала, которые приводятся в статистической таблице (табл. 1). Кроме того в ней сведены все данные по погребальному обряду, параметрам сооружений и инвентарю. В работе с таблицей следует обратить особое внимание на графу «№ погребения», где сложные комплексы каменных двухкамерных коллективных погребений кургана 4 помечены специальными индексами: «в» - восточная камера; «з» - западная камера; «с» - северная камера; «ю» - три скелета из южной камеры. В примечаниях к таблице 1 даются краткие пояснения к статистике обряда, остеологии и сопроводительного инвентаря.

Курган 1.

Курган 1 – сильно уплощенная грунтовая насыпь, имевшая в плане форму окружности с неровными краями. Диаметр насыпи 28-32 м, высота над дневной поверхностью 0,29-0,43 м (рис. 6, 2).

Данные стратиграфии: гумус – супесь черного цвета с включениями мелкого гравия (от 0,05 м на вершине кургана до 0,25 м на его полах); насыпь – супесь темно-серого цвета с глыбами желтого суглинка и вкраплениями карбонатов (до 0,45 м); тонкие прослойки золы под насыпью светло-серого цвета (3-5 см); погребенная почва – прослой пестрой супеси от светло-коричневых до серо-коричневых тонов (до 0,2 м); материк – глины и суглинки рыжевато-желтых оттенков с горизонтальными выходами мелкого гравия.

В процессе снятия насыпи около восточного, лицевого фаса бровки, в 3 м к юго-юго-востоку от 0R, на глубине 0,31-0,32 м от вершины кургана обнаружены обломок кости животного и два куска древесного тлена. Два объекта, получившие условное наименование «зольники», выявлены в северо-западном секторе кургана, под дерном, в 6,5 м к северо-западу от условного центра кургана, на глубине 0,35-0,45 м от 0R (рис. 6, 2). Это круглые ямы, заполненные в нижней части речным песком, а сверху смесью золы и мелкого гравия. Диаметры ям 0,8–0,85 м, глубина от условной вершины кургана 0,5 м.

В первом кургане обнаружены 4 захоронения.

Погребение 1.

Погребение выявлено в 2 м к юго-западу от условного центра кургана. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами была ориентирована с юго-запада на северо-восток. Её вертикальные стенки плавно переходили в плоскость дна с незначительным углублением в центре. Местами на стенках сохранились вертикальные полосы шириной 3-4 см, представляющие собой следы орудий землекопов. С западной стороны от могилы зафиксирован материковый выкид, аморфной грудой лежавший по-

верх зольной прослойки. Наибольшая толщина выкида 15-20 см. На краях ямы сохранились концевки поперечного бревенчатого перекрытия сечением 20-22 см.

Короткие стенки деформированы грабительским лазом. Признаки ограбления отмечены и в заполнении могилы – пестром грунте, сильно перемешанном с глыбами материковой глины. На разных глубинах здесь встречались кости взрослого человека, фрагменты деревянного перекрытия, кусочки растительного тлена от подстилки толщиной 2-2,5 см. Наиболее плотное скопление переотложенных костей отмечено в северо-восточном углу могилы, но некоторые части скелета бессистемно заполняли всю её площадь. Здесь же, при осторожной выборке грунта, были обнаружены обломки двух лепных сосудов, два бронзовых наконечника «стрекал» и костяная втулка от рукояти плети.

На дне могилы обнаружены сохранившиеся *in situ* остатки скелета мужчины возрастом 25-35 лет (грудная клетка, таз и левое бедро). По всем имеющимся признакам умерший был похоронен на растительной подстилке, в скорченной позе адорации на левом боку, с легким завалом на грудь, головой к северо-востоку (рис. 6, 3).

Один из сосудов имеет реберчатую форму с максимальным расширением тулова в верхней части (рис. 8, 1). Венчик короткий, слабо отогнутый наружу. Диаметры: устья 17,4 см, наибольшего расширения по ребру 19,2 см, днища 9,3 см. Общая высота сосуда 18,1 см. Фактура на изломе рыхлая, черного цвета, с примесью песка, дресвы и шамота. Обжиг неровный, внешняя поверхность желтовато-серого цвета с темными потеками, обработана небрежным сглаживанием. На внутренних стенках сохранились остатки пищевого пригара. На венчике и линии ребра расположены горизонтальные ряды косях и вертикальных оттисков короткого штампа.

Второй сосуд округлобокий, с коротким, слабо отогнутым наружу венчиком, не орнаментирован (рис. 8, 2). Его общая высота 15,8 см, диаметр устья 15,6 см, расширение тулова – 17 см, диаметр днища – 7,9 см. Технологические показатели аналогичны тем, что отмечены для первого экземпляра (внешние расчесы, слабые обжиг и фактура, копоть и нагары).

Костяная втулка от рукояти плети изготовлена из поперечного спила трубчатой кости (рис. 8, 3). Выделены шляпка с уплощенным торцом и цилиндрическая ножка, внешняя поверхность тщательно заполирована. Высота 1,5 см, диаметр шляпки 2,1 см, ножки 1,4 см, внутреннего отверстия – 1 см. Края шляпки искусно обвальцованы.

Большое бронзовое стрекало прямоугольного сечения (рис. 8, 5). Рабочее окончание стрекала притуплено, черенок заострен. Общая длина предмета – 4,8 см, поперечные размеры 0,4 x 0,6 см.

Малое бронзовое стрекало квадратного сечения (рис. 8, 4). Рабочее окончание притуплено, противоположный черешковый край раскован. Общая длина 3,1 см, размеры срединного сечения 0,5 x 0,5 см.

Захоронение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 2.

Погребение зафиксировано в 6,5 м к юго-востоку от условного центра насыпи кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы с неровными стенками и закругленными углами, ориентирована продольной осью с юго-запада на северо-восток. Заполнение состоит из супеси темно-серого цвета с фракциями погребенной почвы и материковой глины. Стенки ямы углублялись вертикально, резко переходя в ровное дно.

На дне могилы расчищен скелет ребенка 3-4-х лет, похороненного на левом боку, с легким завалом на грудь, головой к северо-востоку (рис. 6, 4). Левая рука согнута в локтевом суставе, кисть под черепом. От правой руки сохранилась только плечевая кость, лежащая около грудной клетки. Ноги согнуты в коленных суставах под острым углом.

У левого локтя стоял небольшой лепной сосуд баночной формы с открытой профилировкой, без орнамента (рис. 8, 7). Фактура рыхлая, с примесью шамота и дресвы. Внешняя поверхность небрежно заглажена, обжиг неровный, костровой. Диаметры: устья 9,4 см, доньшка 5,5 см, общая высота сосуда 7 см.

Возле голени умершего стоял второй сосуд, слабопрофилированный, со слабо выделенной шейкой, похожей на широкий пальцевый каннелюр (рис. 8, 6). Обрез устья уплощен и имеет грибовидную формовку с заметными наплывами на внешней и внутренней сторонах. Днище слегка вогнуто. На срезе устья нанесены косые оттиски короткого гребенчатого штампа, ниже шейки имеется горизонтальный ряд вертикальных оттисков того же штампа со сдвигом в левую сторону. На стенках заметны следы вертикального заглаживания внешней поверхности. Обжиг неравномерный, восстановительного характера, цвет – от рыжеватого до светло-желтого. Фактура рыхлая, с примесью дресвы и шамота. Диаметр устья 16,1 см, максимальное расширение тулова 16,3 см, диаметр днища 10 см. Общая высота сосуда 14,2 см.

Захоронение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 3.

Выявлено в юго-восточном секторе кургана, на расстоянии 9,6 м от его условного центра (рис. 6, 2). Могильная яма подпрямоугольной формы с неровными стенками и закругленными углами, ориентирована на восток с незначительным северным наклоном.

На дне расчищен скелет ребенка 2-3-х лет, сильно потревоженный землероями. Большинство костей скелета смещены и были выявлены в норах. Здесь же встречались фрагменты лепного сосуда. Судя по сохранившимся *in situ* останкам, умерший был похоронен на левом боку, головой к северо-востоку-востоку, руки, очевидно, были согнуты в локтевых суставах, а ноги подогнуты в коленях.

Первоначальное положение сосуда определено по местонахождению его крупного фрагмента, зафиксированного между плечевой костью умершего и юго-восточной стенкой могилы. Восстановить горшок полностью не удалось (рис. 8, 8). Он имеет баночную форму с прикрытой профилировкой, не орнаментирован, днище утрачено. Срез устья округлен и слегка скошен внутрь. Приблизительная общая высота сосуда 10-12 см, диаметр устья 10 см.

Погребение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 4.

Обнаружено в 3,5 м южнее условного центра кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами ориентирована более длинными сторонами с юго-запада на северо-восток. Стенки ямы, сильно поврежденные землероями, вертикально понижались к выровненному дну. Яма имела поперечное перекрытие из бревен и плах сечением от 4 до 13 см. Концовки и отдельные фрагменты перекрытия выявлены у стен и на разных уровнях в заполнении могилы. На краю короткой юго-западной стенки помещалась околмогильная тризна (конечности и обломки черепа мелкого рогатого скота).

В центре могилы, на дне, обнаружен скелет подростка 9-10 лет, лежавший в скорченной позе адорации на левом боку, с сильным завалом на грудную клетку, черепом на северо-восток и лицевой частью вниз (рис. 6, 5). Руки, согнутые в локтях, перекрыты грудной клеткой, обе кисти, сложенные вместе, лежали около верхнего эпифиза правой плечевой кости. Ноги, подогнутые в коленных суставах, стопами направлены к юго-западной стенке. Между бедренными костями лежало копытце МРС. Под скелетом прослежены остатки двойной подстилки. Нижний слой – меловая тонкая подсыпка белого цвета. Верхний слой – древесный тлен, возможно, от коры, коричневого цвета.

У затылка умершего лежала костяная фигурная втулка с двумя каннелюрами, по-

видимому, от древка плети (рис. 8, 10). Предмет изготовлен из поперечного спила трубчатой кости. Нижний край обвальцован, другой ровно спилен. Высота втулки 1,4 см, диаметры краев 1,9 и 2,1 см, диаметр отверстия 1,2 см.

Возле правого колена стоял лепной, неорнаментированный баночный сосудик с ровными, почти вертикальными стенками (рис. 8, 13). Заметны следы косоугольного сглаживания внешней поверхности. Обжиг неровный, восстановительного типа. Тесто уплотненное, с примесью дресвы и шамота. Диаметр устья 11 см, диаметр дна 9,3 см. Высота 8 см.

В юго-восточном углу ямы стоял второй сосуд, слабопрофилированный, с коротким, слабо отогнутым наружу венчиком и слегка округленным плечом (рис. 8, 12). Срез устья уплощен, стенки плавно суживаются от максимального расширения к ровному дну с заметным придонным наплывом. На тулове имеются следы грубого вертикального сглаживания, а на плече и шейке - линии горизонтальной штриховки. На коротком плечике зубчатым штампом нанесен орнамент в виде неровного зигзага. Тесто плотное, черного цвета, заметна примесь шамота. На стенках имеются следы копоти, а внутри остатки пищевых нагаров. Диаметр устья 17,3 см, максимальное расширение тулова 18,3 см, диаметр дна 11,5 см. Общая высота сосуда 15,2 см.

Рядом с этим сосудом лежал бронзовый нож листовидной формы, с выделенным перекрестьем и прямоугольным черешком рукояти (рис. 8, 9). Сечение лезвия ромбическое, сечение рукояти - уплощенно-овальное. Общая длина ножа 9,9 см, длина лезвия 6,6 см. Наибольшая ширина лезвия 2,5 см, перекрестья - 1,9 см, черенка - 0,7 см.

Возле короткой юго-западной стенки зафиксирован фрагмент костяного втульчатого наконечника стрелы пулевидной формы и кольцевидного сечения (рис. 8, 11). Длина сохранившейся части предмета 2,2 см, диаметр втулки 0,65 см.

Захоронение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Курган 2.

Курган располагался около лесополосы, насаждения которой частично занимали край юго-восточной насыпи. В плане курган имел округлую, несколько вытянутую вдоль линии посадок форму. Чтобы не погубить деревья, было решено разбить раскоп не в соответствии со сторонами света, а параллельно линии насаждений и ориентировать его по оси 50° СВ - 230° ЮЗ. В центре была оставлена стратиграфическая бровка шириной 1 м. Современный диаметр насыпи 20 x 23,5 м, высота над дневной поверхностью 0,45-0,6 м от 0R (рис. 7, 1).

Данные стратиграфии: гумус - супесь темно-серого цвета толщиной от 0,07 в центре насыпи и до 0,3 м на его полах; насыпь - мешанная темно-серая супесь с включениями кусков коричневого суглинка и желтой материковой глины мощностью до 0,4 м (в толще насыпи, на южной и северной полах, отмечены локальные участки грунтов с повышенным содержанием золистых фракций); выкид из ямы погребения 1 - разрыхленная материковая глина, залегающая в центре профиля в виде линзы мощностью до 0,3 м и длиной 3,5 м; тонкая прослойка золы светло-серого цвета в средней части профиля толщиной 0,05 м и протяженностью 8,5 м; погребенная почва - прослойка темно-коричневого суглинка толщиной 0,08-0,2 м; материк - глина желтого цвета с горизонтальными выходами мелкого гравия.

Поскольку верхние уровни материка были сильно повреждены норами землероев, приходилось подчищать слой перекопов до относительно чистых поверхностей. Установлено, что перед сооружением основного захоронения специально готовилась площадка подкурганного пространства, сжигалась вся травянистая растительность, о чем свидетельствует зольная прослойка под массивом насыпи.

В процессе снятия насыпи, в 8 м к северо-востоку от условного центра кургана, на

глубине 0,72 м от 0R обнаружена путовая кость лошади, очевидно оставленная на месте поминальной тризны.

Во втором кургане выявлено одно **погребение**, которое располагалось в 1 м к юго-востоку от его условного центра.

Могильная яма по верхнему краю имела прямоугольную форму с обвалившимися верхними краями и была ориентирована с юго-запада на северо-восток. Погребение было ограблено в древности. При рытье ямы материковую глину отбрасывали в основном в северо-западную сторону, о чем свидетельствует массив выкида трапециевидной формы. С юго-восточной стороны от ямы также прослежен выкид, но он значительно меньше по объему и площади.

Могила была перекрыта поперек бревнами или широкими плахами, от которых остались фрагменты, зафиксированные по всему периметру ямы (рис. 7, 2). Ширина этих фрагментов от 21 до 40 см, толщина 6-10 см. На краю западной длинной стенки концевки лежали на выкиде, с уклоном в сторону могилы. Видимо, плахи деформировались и, утратив опору, постепенно сползли с края восточной стенки в глубину могилы.

Признаки ограбления отразились не только в сильной деформации стенок ямы, но и в выявленных на разной глубине остатках перекрытия, фрагментах растительной подстилки розовато-серого цвета и толщиной до 1 см. В заполнении обнаружены также разрозненные кости скелета взрослого мужчины 35-45 лет. Здесь же найдена вторая путовая кость лошади.

В северном углу ямы, у северо-восточной стенки, толщина подстилки составляла 2-2,5 см. Вероятно, это была «подушка» под головой погребенного. Разбитый череп, кости рук, ног, позвонки, таз, ребра лежали, сваленные грудой, в северо-восточном углу могилы. Там же обнаружены обломки лепного, слабопрофилированного сосуда с шершавой, местами в кавернах, внешней поверхностью (рис. 8, 14). Короткий венчик слегка отогнут наружу. Фактура рыхлая, с примесью дресвы и шамота. На коротком, покато плечике зигзагообразный, с широким шагом, оттиск крупнозубчатого штампа. Диаметр устья 15,2 см, тулова 16 см, днища 10 см. Высота 14,4 см.

В южном углу, у юго-западной короткой стенки, выявлены фрагменты второго сосуда горшковидной формы с отогнутым наружу коротким венчиком и сглаженным расширением реберчатого тулова (рис. 8, 15). Фактура черного цвета, рыхлая, с примесью дресвы и шамота. На срезе устья имеются косые оттиски зубчатого штампа. По плечу проходит горизонтальный пояс из зигзагообразных, косых и вертикальных оттисков штампа. На внешней поверхности заметны следы небрежного сглаживания. Обжиг неравномерный, костровой. На дне отмечены остатки пищевого нагара. Диаметр устья 18 см, диаметр максимального расширения тулова 20,4 см, диаметр днища 10,4 см. Высота сосуда 18,8 см. После выборки содержимого ямы на ровном дне зафиксированы остатки подстилки розовато-белесого цвета.

Единственное захоронение второго кургана отнесено к срубной археологической культуре эпохи поздней бронзы.

Курган 3.

Курган расположен на краю террасы. В плане его насыпь имеет форму неправильной окружности. Южная полая более покатая, чем северная, вершина заметно уплощена старой распашкой. Диаметр кургана 28-29,6 м, высота 0,39-0,7 м. Грунт насыпи убран при помощи скрепера до материка. В центре оставлена стратиграфическая бровка шириной 1 м, ориентированная по меридиональной оси (рис. 9, 1).

Данные стратиграфии: гумус – темно-серая супесь толщиной 0,1-0,2 м; насыпь – мешаный пестрый суглинок с включениями глинистых материковых, золистых и кар-

бонатных фракций мощностью до 0,45 м; тонкий прослой могильного выкида – материковая глина желтоватых оттенков; тонкая зольная прослойка светло-серого цвета толщиной 5-7 см; погребенная почва – желтовато-коричневый суглинок, частично нарушенный перекопами землероев толщиной 0,15-0,2 м; материк – глина желтого цвета.

Отмечено, что ритуальная площадка, на которой перед устройством первого погребения была сожжена травянистая растительность, что отмечено зольной прослойкой, занимает слабую естественную возвышенность древнего горизонта.

В процессе снятия насыпи, в ее центральной части, на глубине 0,25 м от 0R, найдено глиняное круглое пряслице со сквозным цилиндрическим отверстием (рис. 10, 3). Верхний край отверстия оформлен в виде слабовыступающего валика. Диаметр пряслица 2,6 см, отверстия – 0,8 см, высота 2,5 см. Отмечены следы слабого обжига и серый цвет внешней поверхности изделия. На глубине 0,13 м, непосредственно под нулевым репером обнаружен зуб лошади, а в 0,75 м севернее, мелкий обломок кости животного.

В третьем кургане выявлены 3 погребения.

Погребение 1.

Обнаружено в 3,5 м южнее условного центра насыпи. Верхние края ямы сильно повреждены грабительским лазом и землероями. Первоначально она имела прямоугольную форму с закругленными углами и была ориентирована длинной стороной с юга на север. Стенки понижались вертикально, с довольно резким переходом в ровное дно. Материковый выкид желтой глины залегал аморфными грудками на западном и восточном краях ямы.

Сверху погребение перекрывалось бревнами или толстыми плахами шириной 0,14-0,36 м и толщиной 6-13 см, уложенными поперек ямы. Остатки перекрытия встречались в разных местах могилы в процессе выборки заполнения. В центре ямы и вдоль длинной восточной стенки, в грабительском перекопе выявлены разрозненные части скелета мужчины 45-55 лет. Среди костей человека найдена крупца зеленоватого окисла от бронзового предмета, который так и не был обнаружен.

У северной стенки ямы зафиксированы фрагменты лепного острореберного сосуда, реконструированного по окончании работ (рис. 10, 1). Сосуд приземист, рельефно профилирован, венчик резко отогнут наружу. С внутренней стороны, в основании венчика имеется реберчатый выступ, придающий форме горшка характерную колоколовидность. Срез устья украшен косыми оттисками короткого штампа. На венчике – горизонтальный зигзаг, выполненный зубчатым штампом. Некоторые отрезки зигзага оттиснуты с коротким сдвигом справа налево. На коротком плечике тем же штампом оттиснут парный зигзаг с более широким шагом. Ниже реберчатого расширения тулова имеется горизонтальный ряд косых оттисков зубчатого штампа. На придонной части тулова отмечены следы перекрестного заглаживания. Фактура черного цвета, рыхлая, с примесью шамота и дресвы. Обжиг восстановительный, неровный, на внешней стороне серые и рыжеватые цветовые пятна. На дне, внутри сосуда, сохранились остатки пищевого нагара. Диаметры: устья 17,8 см, шейки 16,5 см, максимальное расширение тулова по ребру 18,1 см, диаметр днища 10 см. Общая высота сосуда 12,4 см. После выборки заполнения ямы, на ровном дне, по всей площади фиксировались слабые остатки органической подстилки.

По характерным признакам керамического сосуда первое погребение отнесено к кругу комплексов покровского типа рубежа средней и поздней бронзы.

Погребение 2.

Обнаружено под насыпью кургана, на уровне древнего горизонта, отмеченного тонкой зольной прослойкой, в 2 м восточнее условного центра, на глубине 0,48-0,57 м от 0R. В однородном темном грунте насыпи могильная яма не прослежена. Не исключено, что этот комплекс был накрыт деревянными плашками, обломки которых в бес-

порядке залегали над скелетом и справа от него, на глубине 0,39-0,42 м от нулевого репера.

На неровной поверхности древнего горизонта лежал скелет женщины возрастом 18-20 лет в вытянутой на спине позе, с легким завалом на левый бок, черепом к северо-востоку, лицевой отдел обращен в юго-восточную сторону (рис. 9, 3). Плечевые кости лежали вдоль грудной клетки. Возможно, руки были согнуты в локтевых суставах, но это сомнительно, поскольку предплечья не сохранились. Ноги вытянуты, голени плотно сведены. Под скелетом выявлены остатки меловой подсыпки и коричневого органического тлена.

При разборке скелета, среди костей грудной клетки зафиксированы мелкие обломки бронзовой, сильно окислившейся швейной иглы (рис. 10, 2). Нет возможности установить размеры этого предмета, сохранились всего три фрагмента, составляющие вместе отрезок длиной 2,1 см. Диаметр круглого сечения иглы равен 2 мм.

Второе захоронение кургана 3 отнесено к эпохе поздней бронзы. Возможно, общим ритуалом оно связано с погребением № 1 и по отношению к нему занимает соподчиненное положение.

Погребение 3.

Выявлено в 10 м к юго-востоку от условного центра кургана. Его аморфная яма с неровными стенками была ориентирована на север с незначительным склонением к западу. Стенки ямы, сильно поврежденные землероями, вертикально понижались ко дну. Возможно, первоначально яма имела прямоугольную форму с закругленными углами. В могиле, на сохранившихся участках дна, выявлены фрагменты скелета ребенка возрастом до 1 года.

У западной стенки стоял лепной острореберный сосуд малых размеров с коротким, отогнутым наружу венчиком, в верхней части украшенный прочерченными линиями, составляющими сложный, нерегулярный декор (рис. 10, 4). По шейке и максимальному реберчатому расширению тулова проходят горизонтальные ограничительные линии, между которыми размещен зигзагообразный сюжет с различными элементами оранжировки (короткие отрезки, косая штриховка, соляные кресты, уголки). Ниже ребра прочерчена опоясывающая волнообразная линия.

Обжиг очень слабый, похоже, сосуд был просто высушен в костре без прокаливания. На внешней и внутренней его поверхностях заметны прокопченные участки, но фактура на изломе рыхлая, без явных фракций отошителей, зеленовато-серого цвета. Диаметр устья 11,4 см, диаметр шейки 10,8 см, максимальное расширение тулова по ребру 13,2 см, диаметр днища 7,2. Общая высота сосуда 9,6 см.

Третье захоронение отнесено к эпохе поздней бронзы. В кургане оно, скорее всего, самое позднее, впускное, но не исключено, что в рамках короткого временного интервала имеет отношение к первым двум погребениям.

Курган 4.

Курган обнаружен в 141 м к юго-западу от кургана 1 и в 193 м к юго-юго-востоку от кургана 3. В 45,8 м западнее проходит современная грунтовая дорога. Она несколько вытянута в плане с юго-запада на северо-восток. Диаметр кургана 23 x 28 м, высота на дневной поверхности 0,16-0,43 м. Грунт насыпи был убран скрепером полностью, на снос, до материка. В центре кургана оставлена осевая меридиональная бровка шириной 0,8 м (рис. 11, 1).

Данные стратиграфии: гумус – плотная темно-серая супесь толщиной до 0,13 м; насыпь – пестрый суглинок с включениями разновеликих фракций материковой глины, местами испещренный норами землероев, мощностью до 0,35 м; тонкая золистая прослойка под насыпью кургана, в его центральной части, толщиной 0,03 м; погребенная

почва – плотный суглинок рыжевато-коричневого цвета толщиной 0,1-0,2 м; материк – рыжевато-желтая глина с выходами прослоев песка и мелкого гравия.

Перед началом погребального ритуала на площадке диаметром приблизительно 12-13 м была выжжена вся травянистая растительность. Об этом свидетельствует зольная прослойка, лежащая под насыпью, поверх погребенной почвы. Тот факт, что подобная обрядовая черта отмечена во всех курганах Мессера, позволяет считать этот обычай очищения погребальной площадки огнем не только продолжительной во времени, но и транскультурной традицией. Отмечено воздействие огня на стенках погребальных камер, которое, очевидно, также следует расценивать как дополнительное очищение сакрализованного пространства. Этим же целям служил обряд посыпания охрой и посыпки мелом, а также побелка стен камер.

Затем место для центральной могилы очищалось от грунта до материка, после чего было совершено первое захоронение. Установлено также, что в древности была предпринята попытка ограбления кургана. Грабительский перекоп фиксируется в пределах центральной части насыпи, в полости входной ямы и одной из погребальных камер частично разрушенного в результате погребения 2, также в виде автономной штольни, пробитой южнее второго захоронения.

В кургане выявлены 2 комплекса с групповыми погребениями.

Погребение 1.

Обнаружено в 5 м к юго-востоку-востоку от условного центра насыпи. Овальная входная яма была ориентирована с юга на север. Её заполнение состояло из переотложенного рыхлого грунта. Стенки вертикально понижались с незначительным расширением. Местами на них сохранились следы от орудия, которым выдалбливали яму, полосы шириной 3-4 см. В центре входной штольни выявлена низкая материковая перегородка, разделяющая погребальные камеры. Они были устроены в западной и восточной стенках, против друг друга, в виде карманообразных подбоев, ориентированных, как и входная яма, с юга на север (рис. 11, 2).

Восточный, более обширный подбой имел подпрямоугольную форму с округленными углами. Дно камеры заметно понижалось в восточном и южном направлениях, а стенки на 10 см от дна были выбелены мелом. Высота свода подбоя у входного отверстия составляла 0,48 м, в глубину он плавно понижался ко дну камеры.

Вход в подбой, по всей видимости, закладывался деревянными плахами, остатки которых, в виде древесного тлена, были обнаружены провалившимися внутрь камеры. Скелет ребенка 7-8 лет лежал вплотную к восточной стенке подбоя, скорченно на правом боку, с легким завалом на спину. Умерший был ориентирован головой к северу, лицо обращено на запад, к выходу из погребальной камеры. На черепе хорошо заметны признаки лобно-затылочной деформации. Правая рука протянута к середине бедра, левая слегка согнута в локте, кисть на нижней части таза. Ноги подогнуты в коленных суставах под острым углом, стопы направлены в южную сторону.

Под скелетом прослежены признаки меловой подсыпки. Заметны также признаки посыпки охрой, особенно на черепе, грудной клетке и на костях ног. Под стопами зафиксировано овальное охристое пятно.

Возле черепа расчищены остатки деревянного ковша, значительно подпорченного тленом и жизнедеятельностью мелких грызунов. Сохранились мелкие фрагменты дна, стенок и ручка прямоугольной формы. Среди обломков деревянной посуды обнаружены части двух бронзовых прямоугольных скрепок. Представляется, что ковш имел овальную форму, как у аналогичного изделия из 3 погребения 3 кургана в могильнике у с. Бурлацкое в Приазовье (Санжаров С.Н. 1991, с. 241, рис. 4, 1), и приблизительные размеры 10x15 см. Его высоту установить значительно сложнее. Он определенно был низок, не более 5 см по вертикали.

Слева от ковша лежала пястная кость теленка со сквозным овальным отверстием, диаметром 0,8-1 см, а справа – семь бараньих альчиков и маленький шарик, сформированный из кусочка охры. Возле правого плеча зафиксированы еще 4 альчика. При их расчистке установлено, что под череп была подложена дощечка шириной 5 и толщиной 0,5 см.

Противоположная западная камера имела овальную форму и была меньше по размерам. Её дно на 20 см было глубже, чем в восточном подбое, а со стороны входа оно заметно понижалось в западном и южном направлениях. Высота свода в центральной части входного отверстия 0,54 м. Свод камеры, ее дно и склон центральной перегородки во входной яме выбелены мелом. Вход в подбой закладывался тонкими ветками, остатки которых сохранились в южной части входной ямы.

У западной стены подбоя, лежал плохо сохранившийся скелет ребенка возрастом 5-6 лет. Он был погребен на спине, с легким завалом на правый бок, головой к югу. Череп лежал на затылочной части, лицевым отделом вверх. Судя по костным фрагментам рук, они были вытянуты вдоль туловища, а кисти лежали у таза. Ноги подогнуты в коленных суставах в восточную сторону. Под скелетом выявлены остатки деревянной дощечки толщиной 0,5 см и меловая подсыпка. На костях ног и рук сохранились охристые пятна. Под черепом зафиксировано большое и яркое пятно охры с мелкими крупинками.

Возле южной стенки камеры стояли два лепных сосуда, почти однотипные по форме, размерам и орнаментации (рис. 12, 1, 2). Это округлобокие сосуды средних пропорций, с короткими, плавно отогнутыми наружу венчиками, рельефно выделенными шейками, плоскими устойчивыми днищами. Оба горшка украшены оттисками тройной тесьмы, причем построение орнамента почти одинаково. На венчике, шейке и коротком плечике оттиснуты три горизонтальные линии, а на всей остальной внешней поверхности – волнообразные зигзаги с вертикальной и косой штриховкой. Незначительная разница в орнаментах заметна в сочетании зигзагов и элементов аранжировки, в порядке построения отдельных элементов, а также в том, что на одном сосуде верхняя часть декора (горизонтальные линии) выполнена несколько небрежно, или возможно даже не тесьмой, а крученым шнурком (рис. 12, 2).

Близки также размеры сосудов: диаметры устьев 12 и 12,2 см, диаметры шеек 11,6 и 11,8 см, диаметры максимальных расширений тулова 13,1 и 13 см, диаметры днищ 8,2 и 7,8 см, высотные параметры 9,7 и 10 см.

Внешняя поверхность сосудов тщательно заглажена, обжиг неровный, придающий горшкам различные цветовые пятна – от серых тонов до светло-коричневых. Фактура рыхлая, черного цвета, в качестве отошителей отмечены песок и шамот.

В северной части западного подбоя, в толстом, до 2 см, слое из охры, мела и золы, лежали сложенные в блок кости ребенка возрастом до 1 года. Под обломками черепа зафиксирована охра (рис. 11, 2). Напротив этого скопления, у выхода из камеры обнаружено продолговатое пятно белого тлена 2 x 12 см, возможно от разложившейся бересты.

Комплекс коллективного захоронения 1 отнесен к катакомбной культуре эпохи средней бронзы.

Погребение 2.

Выявлено в середине подкурганного пространства, в 1 м южнее условного центра насыпи. Входная яма имела овальные очертания, а более длинной стороной была ориентирована с юга на север. Верхние края деформированы грабительским лазом. Затечная воронка перекопа отчетливо фиксировалась в разрезе насыпи.

В 0,76 м южнее, в материке выявлена еще одна грабительская яма овальной формы, размером 1,45 x 1,05 м и глубиной 0,15-0,2 м. Этот перекоп также фиксировался в

фасе стратиграфической бровки. Заполнение обоих перекопов было идентично и состояло из переотложенного грунта с фракциями всех слоев насыпи. Вероятно, злоумышленники вначале заложили южную штольню, но, убедившись в промахе, переместились севернее, на этот раз попав точно в створ входной ямы второго погребения (рис. 11, 1).

Стенки входной ямы погребения 2 вертикально понижались, переходя в широкую ступеньку. В западной части входа, на разных глубинах в заполнении были выявлены кости взрослого человека, а также подростка и ребенка младшего возраста. Череп взрослого человека, нижняя челюсть и некоторые шейные позвонки имели зеленоватые следы от окислов бронзовых предметов. Здесь же встречались мелкие кусочки древесного тлена (рис. 11, 3).

В юго-западном углу входной ямы, под кусками рухнувшего свода, были выявлены два ряда деревянного заклада в боковой подбой. Внутренний ряд состоял из крупных веток или жердей, а внешний из веток потоньше. После фиксации и разборки закладов, а также расчистки бокового входа, было установлено, что здесь, в западной стенке входной ямы оборудованы две изолированные подбойные камеры.

Северная камера имела подтреугольную форму с закругленными углами и была ориентирована с юга на север. Её размеры 1,35 x 1,4 м. Высота ступеньки при боковом входе 0,2 м. Свод арочный, овальный, суживающийся к северу и западу. Высота свода 0,5 м. Край ступеньки и стенки погребальной камеры, выбелены мелом. Дно этого подбоя явно понижалось в западном и северном направлениях.

По результатам предварительного антропологического анализа разрозненных человеческих костей из грабительского перекопа входной ямы и северного подбоя установлено наличие скелетных останков молодой женщины 20-25 лет, девушки 16-18 лет и ребенка 7-8-летнего возраста.

Под западным краем свода камеры, на дне прослеживались остатки растительной подстилки зеленоватого и коричневого цвета, а также два пятна охры. В одном из фрагментов тлена обнаружена часть ожерелья из костяных бус цилиндрической (14 шт.) и бочонковидной (10 шт.) форм. Цилиндрические бусы грубо обработаны, со следами поперечных спилов. Бочонкообразные бусины отполированы до блеска. Размеры украшений от 4 до 9 мм (рис. 12, 10).

В южной части погребальной камеры, обнаружена спиралевидная височная подвеска с мелкими фрагментами, кожаного головного убора. Заметно, что подвеска была деталью шапочки, своими витками она пронизывала её тонко подвернутый край. Украшение изготовлено из бронзового, треугольного в сечении дрота шириной 7 мм. Диаметр витков 10-16 мм. Небольшой обломок такой же подвески найден у северной стенки катакомбы (рис. 12, 9).

В процессе разборки заклада и кусков материковой глины из грабительского перекопа, там же, в западной стенке входной ямы была выявлена южная катакомба, в зеркальном расположении повторяющая конструктивные особенности северной камеры. Правда размеры её несколько больше, они составили параметры 1,44 x 1,8 м. Свод также заметно выше – до 0,86 м. Он постепенно суживается к югу и в западном направлении. Высота ступеньки при входе – 15 см. Дно камеры плавно понижается от южного и восточного краев по направлению к северной и западной стенкам.

Между северной и южной погребальными камерами, на уровне ступеньки сохранилась перемычка шириной 5 см от вертикальной перегородки, разрушенной грабителями. Все сохранившиеся поверхности южной камеры имели темную окраску, поверх которой местами были заметны следы меловой побелки.

Здесь, под рухнувшими кусками свода, обнаружены три скелета людей мужского пола: взрослого человека 18-20 лет, и двух мальчиков 5 лет и 3-4-летнего возраста (рис.

11, 3). Они лежали на многослойной подстилке, от которой сохранился минерально-органический тлен сложного состава (отмечены мел, зола, охра, растительные фракции). Подстилка была перекрыта слоем древесной коры. Такой же корой и войлочным саваном сверху накрыли и погребенных.

Скелет взрослого человека лежал у западной стены, на правом боку, скорченно, с завалом корпуса на спину. Умерший был ориентирован головой к югу. Под головой прослежены остатки «подушки» толщиной до 2 см (под слоем коры выявлены зола, растительный тлен розовато-серого цвета, охра и черное порошкообразное вещество). Правая рука протянута вдоль туловища, кисть – под тазом. Левая рука согнута в локте под тупым углом, кисть направлена к середине бедра. Ноги резко подогнуты в коленных суставах, плотно сведенные стопы упираются в северную стенку.

На кисть левой руки взрослого человека устьем завалился лепной сосуд, форма которого близка двум одинаковым вариантам из погребения 1. Он покрупнее, но у него такое же округлобокое тулово, рельефная шейка, короткий, плавно отогнутый наружу венчик (рис. 12, 4). Заметно отличается орнаментальная композиция: на шейке и коротком плечике сосуда имеются 4 горизонтальные линии, оттиснутые тройной тесьмой, а ниже вся внешняя поверхность покрыта чеканной «ёлочкой». Диаметр устья 14,2 см, максимального расширения тулова – 16,7 см, днища – 9,4 см. Толщина стенок 0,6-0,8 см, дна – 1,2 см. Высота сосуда 12,8 см. Фактура черного цвета, рыхлая, цвет обжига от темно-серого до рыжеватого.

В углу коленного изгиба левой ноги лежало костяное полированное кольцо диаметром 2,7 см. Ширина колечка невелика, всего 6 мм (рис. 12, 5).

Между западной стенкой подбоя и тазобедренным сочленением зафиксированы мелкие угольки и три плоские бусины, изготовленные из поперечных спилов ребра очень крупной рыбы (рис. 11, 7), а возле стоп лежала рыбья кость из черепного отдела. Примечательно, что все отделы скелета, где найден упомянутый мелкий инвентарь – стопы, коленные суставы, да еще череп – помечены охристыми пятнами.

У перемычки, разделяющей камеры, сохранился отпечаток берестяного предмета – частицы тлена желтоватого цвета. Отпечаток имеет овальную форму и размеры 8x12 см.

Под грудным отделом скелета выявлено округлое охристое пятно и тлен грубого пористого материала темно-серого цвета, возможно от остатков кожаной одежды.

Между скелетом взрослого человека и входом в погребальную камеру лежал скелет старшего ребенка, который был похоронен в скорченной позе на правом боку, с некоторым завалом на грудь, головой к югу. Относительно позвоночника череп заметно запрокинут назад с разворотом лицевой стороной вниз. Руки протянуты вдоль корпуса, кистями к правому бедру. Левый локоть слегка вывернут вперед. Ноги резко подогнуты в коленных суставах, причем левое бедро сверху пересекает нижнюю часть левой голени. Неестественно вывернута левая стопа.

У основания черепа зафиксирована крупная сурьмяная бусина округлой формы, с трапециевидным профилем, свернутая из кованой пластинки шириной 0,3-0,6 см. Диаметр бусины 0,9 см (рис. 12, 6).

За спиной подростка лежали два рыбьих ребра. Под черепом и вокруг него отмечены следы охры. Охра фиксировалась и под древесным тленом, на котором лежал ребенок.

В южном углу погребальной камеры расчищен скелет младшего мальчика 3-4-летнего возраста. Ребенок лежал в скорченной позе на правом боку, с завалом на грудь, ориентированный на юго-запад. Позвоночник сильно изогнут, практически под прямым углом, отчего голова умершего, опрокинутая на грудь, обращена в южную сторону, а лицо к востоку. Обе руки протянуты к коленям. Ноги подогнуты в коленных суставах, стопы сложены вместе.

За головой ребенка, возле юго-западной стенки подбоя стоял лепной округлобкий сосуд с коротким уступчатым плечиком и резко отогнутым наружу венчиком (рис. 12, 3). Вся внешняя поверхность сосуда покрыта чеканным «ёлочным» орнаментом. Фактура рыхлая, черного цвета, в примеси песок и шамот. Внешняя сторона светло-коричневого цвета. На дне, внутри сосуда отмечены остатки пищевого нагара. Диаметры: устья 13,3 см, максимального расширения тулова 14,5 см, днища 7,2 см. Общая высота сосуда 12 см.

Рядом с сосудом и под позвоночником детского скелета лежали кости задней ноги мелкого рогатого скота в естественном сочленении. Около тазобедренного сустава лежал альчик барана, а перед коленями два ребра крупной рыбы.

Перед лобным отделом черепа зафиксирована пронизка из трубчатой птичьей кости (рис. 12, 8). Длина украшения 3,6 см.

На черепах всех обнаруженных в этом погребении умерших отмечены явные признаки лобно-затылочной деформации. По всем показателям обряда и инвентаря второе захоронение также отнесено к катакомбной культуре эпохи средней бронзы.

* * *

В результате охранных работ в зоне расширения железнодорожных путей у ст. Карамыш были полностью исследованы 4 кургана могильника Мессер V, и получен интересный материал по истории, культуре, и погребальной обрядности локально выраженных групп населения, обитавших на севере Волго-Донского междуречья в бронзовом веке. Эти комплексы размещаются в довольно широком хронологическом диапазоне II тыс. до н.э. и представляют яркие культуры катакомбной эпохи (средняя бронза), посткатакомбного периода (фаза активного культурогенеза на рубеже средней и поздней бронзы) и срубного времени (поздняя бронза).

В основе могильника – самый ранний, во временном отношении, курган № 4, в котором исследованы два коллективных захоронения – тройное детское погребение 1 и коллективное погребение 2, где были обнаружены останки шести человек. Коллективные погребения в бронзовом веке степной зоны юго-восточной Европы – встречаются довольно часто. В материалах катакомбных культур они широко отмечены в Предкавказье, на Маныче, в нижнем и среднем Подонье, а также в Поволжье, где ближайшим аналогом является коллективное захоронение четверых подростков из погребения 3 кургана 5 в могильнике Усть-Курдюм 1 (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993, с. 148, рис. 7).

Гораздо реже представлен другой характерный признак комплексов четвертого кургана – двухкамерность подбойных конструкций (рис. 6). Нередко исследователи сомневаются в том, что наличие двух и более камер в одной входной штольне – обрядовая особенность, а не результат последовательных подхоронений или обстоятельств прямой стратиграфии, что приводит к неизбежной полемике, как, например, в случае с курганом Бобушка на Днепропетровщине (Отрощенко В.В., 2001, с. 25; 247, рис. 1, 1).

Но известны и более определенные ситуации, когда многокамерные могилы сооружались преднамеренно, в рамках сложной погребальной обрядности катакомбной культуры. Два подбоя в одной входной яме отмечены в погребении 3 кургана 8 Верхне-Рубежного 1 могильника (Гуренко Л.В. и др., 1994, с. 53, рис. 3, 1).

Исключительно интересен многокамерный комплекс погребения 8 кургана 2 в манычской курганной группе Шахаевская II, где входная штольня имитирует повозку, в угловых выступах действительно зафиксированы остатки деревянных колес, а в восточную и южную стороны подбиты две погребальные камеры (Фёдорова-Давыдова Э.А., 1983, с. 41, 67, рис. 6). Скелеты двух погребенных здесь человек пакетированы, как останки ребенка в нашем погребении 1 (западная камера) четвертого кургана. Автор раскопок сообщала также, что местами на стенах могилы были заметны следы ок-

раски в синий цвет, что напоминает наш вариант с побелкой стен подбоев.

Отметим также комплекс, зафиксированный на Ставрополье, – погребения 1 и 2 кургана 26 из могильника у Чограйского водохранилища, где, как во 2 тройном погребении 4 кургана Мессера, две погребальные камеры устроены в одной стенке входной ямы (Андреева М.В., 1989, с. 110, рис. 34, V). Интересно, что во входной яме скелет лежал в скорченной позе, а в двух автономных катакомбах умершие были похоронены вытянуто на спинах. Этот уникальный вариант несомненно восходит к древнейшему типу многокамерных катакомбных конструкций, известных на Ближнем Востоке в Тель Фара (Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1982, с. 42–43). Вполне возможно, что комплекс 2 погребения из 4 кургана Мессера представляет наиболее поздний вариант развития именно этой линии катакомб. Обратим также внимание на распределение умерших в камерах по половому признаку: в северном подбое были погребены взрослая женщина и две девочки, а в южной – взрослый мужчина и два мальчика, причем, это предварительное антропологическое заключение подтверждается составом инвентаря.

Интересная деталь обряда, зафиксированная в западной камере погребения 1, – захоронение расчлененного детского скелета – в литературе отмечена как 4 вариант укладки особого типа вторичных погребений «пакет и развернутый череп» (Мельник В.И., 1991, с. 23). В данном случае кости разобранного скелета укладываются компактным прямоугольным блоком, рядом с которым размещается череп.

Переходя к анализу погребального инвентаря, мы исходим из того, что оба погребения 4 кургана относительно синстадиальны. Планиграфия кургана явно демонстрирует центральное (основное) положение на ритуальной площадке 2 захоронения, и таким образом, погребение 1 занимает позицию соподчиненного (или впускного) комплекса. Но такие обстоятельства, как отсутствие в насыпи признаков могильного выкида из основного погребения, планировка подкурганного пространства, четкая широтная рядность могил, позволяют предполагать, что земляная насыпь могла возникнуть сразу над двумя захоронениями. До этого момента площадка, возможно, представляла собой грунтовое кладбище.

В комплексах 4 кургана выявлены четыре глиняных сосуда – два однотипных в западной камере 1 погребения (рис. 12, 1, 2) и два в южном подбое 2 могилы (рис. 12, 3, 4). Их синхронность в культурно-временном пространстве подтверждается близостью форм и орнаментации, характерных для волго-донского и отчасти донецкого вариантов катакомбной общности. В погребениях Усть-Курдюмского курганного могильника были обнаружены почти подобные экземпляры сосудов средних пропорций, украшенные известными комбинациями оттисков тройной тесьмы и зубчатого штампа (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993, с. 143, рис. 4, 2, 4; 153, рис. 10, 3). Такие сосуды совершенно не характерны для Предкавказья, Ставрополья и Маныча, где определяющие доминанты в развитии керамического комплекса катакомбников формировали кавказские культуры.

Отдаленное сходство с волго-донскими экземплярами демонстрируют некоторые типы нижнедонской керамики: «короткошейные с уступчатым плечиком» (III/2Б) по А.В. Кияшко или посуда II отдела, типа Б, 1 варианта по классификации С.Н. Братченко (Кияшко А.В., 1999, с. 112, рис. 56, 6-8; Братченко С.Н., 1976). Думается, что именно нижнедонской и донецкий ареалы раннекатакомбного мира оказывали активное влияние на развитие средней бронзы в междуречье Волги и Дона, а также в Заволжье, где прослеживается прямое развитие керамической традиции (коротковенчиковые округлобокие сосуды, украшенные чеканной «ёлочкой»). Кавказский вектор воздействия был слабее и распространялся не далее астраханского правобережья.

Деревянный ковш из восточной камеры 1 погребения, к сожалению не поддающийся реконструкции, – находка редкая, прежде всего в силу нестойкости материала.

Неоднократно звучали мнения об особом, сакральном характере деревянной посуды, предназначенной исключительно для священнодействий, к которой относились с подчеркнутым пиететом, бережно скрепляя дефекты скобами из «драгоценной» бронзы. Отчасти это так, но представляется, что ассортимент деревянных изделий, в том числе и различных сосудов был во все времена очень широк и задействован, прежде всего, в бытовой сфере. Наш ковш был оснащен короткой цельнорезной ручкой, и почти точный аналог этой детали имеется в комплексе катакомбного погребения 11 кургана 3 могильника Мокрый Волчик, исследованного в Ростовской области (Прокофьев Р.В., 2002, с. 132, рис. 21, 5). Там же зафиксированы бронзовые скрепы для фиксации трещин в деревянной посудине (там же, рис. 21, 6).

Во втором погребении была выявлена компактная серия украшений, изготовленных из костей рыбы, птицы и, возможно, мелкого рогатого скота (рис. 12, 5, 7, 8, 10). Наиболее многочисленны в этом наборе бусы двух типов: рубленные цилиндрической формы (рис. 12, 7, 10а) и бочонковидные (рис. 7, 10б). Их отличает, по-видимому, степень завершенности в обработке. Первые грубы, это просто поперечные спилы трубчатых костей, на которых заметны заусенцы изломов. Вторые тщательно ошлифованы, им приданы удлиненно-овальные формы.

Хорошо отполировано также костяное кольцо большого диаметра, найденное при взрослом умершем из южной камеры (рис. 12, 5). Думается, что подобные изделия были полифункциональны и могли быть не только украшениями. Встречаются, например, мнения, что костяные кольца предназначались для натягивания тетивы лука. Но довольно часто в женских захоронениях они встречаются в больших количествах, составляя, по-видимому, детали ожерелий.

Удлиненная костяная пронизка, вероятно, украшала головной убор младшего мальчика из южной камеры. Подобные предметы, изготовленные из птичьих трубчатых костей, иногда покрытые поперечными нарезками, чаще всего вместе с бусами, встречаются в составе нагрудных украшений.

Костяные кольца, бусы, пронизы, наряду с бронзовыми вариантами таких же изделий (Кореневский С.Н., 1990, с. 161, рис. 42, 27, 28), распространены на всем ареале катакомбной общности. Не исключено, что разница в материале, из которого изготовлены украшения, в какой то степени маркировала социально-имущественное соотношение в обществе. Представляется также, что наиболее редки бусы из рыбьих костей, причем они типичны только для волго-донских памятников. Здесь, в погребальных комплексах встречаются необработанные кости рыб (чаще всего ребра и черепные фрагменты), а также амулеты из позвонков крупных осетровых и бронзовые рыболовные крючки (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993, с. 155, рис. 11, 5; с. 146, рис. 6, 7). По-видимому, в комплексе с синхронными поселениями такие захоронения должны фиксировать черту относительной оседлости лесостепных племен, в том числе и катакомбных, в эпоху средней бронзы.

Довольно часты в женских погребениях катакомбных культур височные кольца и спиралевидные пронизы (подвески), изготовленные из бронзы (меди), серебра, сурьмы. Несколько фрагментов спиралевидных пронизей из второго погребения украшали головной убор, на некоторых сохранились обрывки кожи. Установлено, что шнуровые или тесемчатые подвязки, налобные кожаные ремни, шапки и капюшоны часто украшались самыми различными предметами металлической фурнитуры, в том числе спиралями и кольцами (Шишлина Н.И., 2004, с. 75, рис. 1). Наш вариант более всего соответствует головному убору типа шапочки, на аккуратно подвернутый край которой были закреплены бронзовые спиралевидные пронизки, подвески, свернутые в 1,5 оборота, и сурьяное колечко (рис. 12, 6, 9).

Эта фурнитура не была изготовлена специально для украшения головного убора.

Все предметы разнотипны и не совпадают в размерах, поэтому уместно предположить их вторичное использование. Как украшения, они безусловно были полифункциональны, могли быть не только нашивками или пронизками, но и подвесками, серьгами, амулетами, долго хранились, передаваемые из поколения в поколение, и широко распространялись в ареалах родственных культур.

Курган 3 появился на берегу Карамыша на рубеже средней и поздней бронзы, возможно в конце XVII-начале XVI вв. до н.э., в период активных культурно-генетических процессов и начального этапа формирования срубной археологической культуры в Нижнем Поволжье. Здесь выявлен комплекс одновременных захоронений, в которых обнаружены сосуды покровского типа, а также отмечены признаки социального ранжирования, соподчиненного положения женского погребения 2 относительно основного мужского 1 (рис. 9). Согласно данным планиграфии и стратиграфии погребальная площадка была вначале «очищена» огнем, о чем свидетельствует зольная прослойка под насыпью. Затем выкопана яма основного захоронения, а в ходе сакральной процедуры на её северном краю совершено сопровождающее погребение (не исключено, что это было жертвоприношение) молодой женщины с бронзовой иглой (рис. 10, 2), которое разместили непосредственно на уровне древнего горизонта, четко маркированной прослойкой сгоревшей растительности.

Обрядность основного погребения не совсем ясна, поскольку оно было ограблено, а кости скелета смещены со своего первоначального положения. Думается, что это была левобочная поза адорации с северной ориентировкой. Но во втором захоронении скелет явно занимает вытянутое положение на спине с легким завалом в левую сторону (рис. 9, 3), что в корне отлично от устойчивой традиции нижеволжского региона. На рубеже эпох средней и поздней бронзы данный обрядовый признак был присущ только комплексам сейминского типа.

В основном захоронении 1 зафиксированы обломки лепного сосуда, который был реконструирован (рис. 10, 1). По всем внешним признакам он соответствует керамическому комплексу покровского типа (характерная колоколовидность, внутреннее ребро, типичная орнаментация). Такой диагностирующий признак, как оттиск короткого штампа со сдвигом в левую сторону, отмечается широко и не только на погребальных покровских сосудах, но и на фрагментированной поселенческой керамике (Колев Ю.И., 2002, с. 161, рис. 3, 2-4; Памятники срубной..., 1993, с. 180, табл. 50, 4).

В погребальных комплексах покровского, потаповского, синташтинского типов, от Приазовья до Южного Зауралья встречаются сосуды, весьма близкие нашему экземпляру по таким признакам, как пропорции, реберчатое оформление тулова, горизонтально-зональный орнамент, в котором присутствуют парные зигзаги (Кузьмина О.В., 1995, с. 28, рис. 1, 9; Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 129, рис. 55, 3; Литвиненко Р.А., 1999, с. 7, рис. 3, 1; Памятники срубной..., 1993, с. 135, табл. 5, 7; с. 145, табл. 15, 8).

Детское погребение 3, очевидно впускное и несколько более позднее по отношению к двум первым. Оно оставлено уже в раннесрубное время, но покровские реминисценции еще ощутимы в характерном биконическом строении миниатюрного сосуда, который сопровождал захоронение ребенка (рис. 10, 4). Обращает на себя внимание сложная композиция нерегулярного орнамента, приближающаяся по характеру к пиктографии. Она разделена на две горизонтальные зоны, разграниченные ровными линиями. В верхнем ряду расположены треугольники с различными аранжировками в виде уголков (женская геометрическая символика), крестов (солярные знаки) и косой штриховки. Этот набор, возможно, символизирует горообразный ландшафт с некими дополнительными кодами информации. Ниже имеется опоясывающая волнистая линия с заходящими друг за друга концами (м.б., некий изобразительный инвариант Мехенты, Шеши, Кура или Ёрмунганда–Мидгардсорма).

В геометрической символике орнаментов бронзового века змеевидные линии и зигзаги – это стабильно повторяющийся сюжетный элемент, чаще всего предельно стилизованный, но иногда, за счет пиктографических уточнений, вполне узнаваемый (Шишлина Н.И., 1998, с. 20–25). Все чаще он трактуется как персонаж мифологемы, связанной с сакральной идеей перехода из мира живых в мир мёртвых, воплощаемый в натуральном артефакте обрядовой практики – пиктограмме на керамическом сосуде. Наиболее полный текст мифологемы пока известен на одном горшке из 108 погребения Смеловского могильника (Игнатова М.Е., Лопатин В.А., 2005, с. 70, рис. 1, 2, 3), но думается, что в различных начертательных вариантах, в разной степени стилизации он должен присутствовать на многих погребальных сосудах.

Глиняное пряслице, обнаруженное в насыпи кургана 3 (рис. 6, 3), не может быть связано ни с одним из погребений. Возможно, в раннем железном веке его случайно обронили на этом месте. Подобные экземпляры, шаровидные, с цилиндрическим каналом для веретена, иногда встречаются в женских могилах сарматского времени.

В эпоху поздней бронзы были построены курганы 1 и 2 (рис. 6, 2). Наибольший интерес представляет комплекс погребений первого кургана. Не исключено, что это единый семейно-родовой некрополь, о чем свидетельствуют предварительная планировка погребальной площадки и явно выраженная рядность однокультурных захоронений, выстроенных в линию «северо-запад – юго-восток». В этот ряд вписаны также два зольника в ямах, зафиксированные в северо-западном секторе кургана.

Основным захоронением является погребение 1, отличающееся не только размерами могильной ямы, возрастом умершего, но и составом инвентаря. Здесь зафиксированы два керамических сосуда (рис. 8, 1, 2), костяная деталь от деревянной рукояти плетки (рис. 3, 3) и два бронзовых наконечника стрекал (рис. 8, 4, 5). Представляется, что все сосуды из погребений 1 и 2 курганов характерны для развитой фазы срубной культуры. Такая керамика многочисленна, как массовый материал она всегда присутствует в подкурганных и поселенческих комплексах XV-перв. пол. XIV вв. до н.э.

Гораздо реже, и преимущественно в знаково выраженных погребальных комплексах, встречаются так называемые бронзовые стрекала. Они представляют собой короткие стержни квадратных или прямоугольных сечений, рабочий край которых преднамеренно притуплен и затерт при употреблении. На противоположном, приостренном черешковом конце нередко отмечаются следы древесного тлена. В литературе часто можно встретить неверную трактовку функциональности стрекал, которые путают с шильями и пробойниками. Правильное прочтение этого вида знаковой символики стало возможно после открытия престижных комплексов (Синташта, Потаповка, Берлик, Большекараганский, Филатовка и др.) с колесницами и костяными псалями, где в наборах инвентаря присутствовали и стрекала различных типов – жесткие стержневидные и крюкастые из металлов, а также щадящие в виде костяных лопаточек (Генинг В.Ф. и др., 1992; Васильев И.Б. и др., 1994; Зданович Д.Г. и др., 2002; Синюк А.Т., Козимчук И.А., 1995, с. 37-72). Был открыт ключ к пониманию тех комплексов, где по принципу «pars pro toto» полные смысловые объекты в ходе отправления обряда подменялись их отдельными частями. Поскольку знаковая символика погребального инвентаря в таких захоронениях отражает прижизненную специализацию (Бочкарев В.С., 1978, с. 52-53) и социальные позиции умерших, то в рамках нового подхода наметились пути к социо-исторической идентификации археологических комплексов (Епимахов А.В., 2002; Зданович Д.Г. и др., 2002; Лопатин В.А., 2004, с. 13-29). Теперь отдельный символ – колесо, лошадиные череп и ноги, псалий, стрекало, деталь плети (Смирнов К.Ф., 1959, с. 226, рис. 9, 6; Шилов В.П., 1959, с. 421, рис. 37, 9; Памятники срубной..., 1993, с. 139, табл. 9, 12, 24, 25; с. 144, табл. 14, 19, 20, 32; Юдин А.И., 1992, с. 58, рис. 2, 4; Кочерженко О.В., 1996, с. 55, рис. 2, 3, 6-12) – воспринимается как индикатор погребения ко-

лесничего. Такая трактовка стрекал подтверждается данными иконографии, где представлены как стержневидные, так и крюкастые их типы (Рогудеев В.В., 2000, с. 76, рис. 1, 1, 3-5). В степях стержневидные варианты стрекал появляются уже в катакомбное время. Экземпляр с сохранившимися остатками шеста обнаружен в 3 погребении 5 кургана могильника Чограй VIII (Андреева М.В., 1989, с. 83, рис. 7, б). Тип могильной ямы и деревянная конструкция здесь явно имитируют повозку, но автор раскопок интерпретировала интересующий нас бронзовый стержень, как шило. Это один из примеров ошибочной трактовки стрекал. Наиболее поздний вариант подобного средства стимуляции упряжных животных задержался в хозяйственно-культурном типе тундровых оленеводов, где используется длинный шест без наконечника (Балабина В.И., 2004, с. 206, рис. 11, 1).

И все же, видимо, не следует безоговорочно относить абсолютно все стержневидные стрекала к гипотетическим «колесничным» комплексам. Существуют иконографические материалы, на основе которых наши артефакты можно комментировать иначе. Они изображают погонщиков скота, оснащенных бичами и посохами (Смирнов А.М., 2004, с. 70, рис. 2, 1; с. 71, рис. 3). В Месопотамии и Египте эти два предмета неизменно рисовали в качестве пастушеской атрибутики, поэтому их, очевидно, следует воспринимать как иконографический канон. Таким образом, сочетание в нашем комплексе 1 погребения стрекал и костяной втулки от рукояти плети можно объяснить и с этих позиций, а умершего предположительно считать не колесничим, а пастухом. Это вполне вероятно, поскольку никаких предметов вооружения в могиле нет.

Различные кольца и втулки из кости, фигурные, искусно орнаментированные и простые, порой даже не ошлифованные, очень широко распространены в евразийской степи и отмечены, в основном, в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы (Памятники срубной..., 1993, с. 145, табл. 15, 58; Юдин А.И., 1992, с. 58, 3; Васильев И.Б. и др., 1994, с. 134, рис. 30, 12, 13; с. 150, рис. 46, 8; Зданович Д.Г. и др., 2002, с. 40, рис. 21, 4; Варфоломеев В.В., 2003, с. 103, рис. 5, 8; Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 268, рис. 148, 6; Епимахов А.В., 1996, с. 22, рис. 11, 7; Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 145, рис. 4, 4; Шарафутдинова Э.С., 1985, с. 171, рис. 3, 31; Миронов В.Г. 1991, с. 59, рис. 4, 1; Васильев И.Б. 1977, с. 43, рис. 20, 6; Халяпин М.В., 1998, с. 86, рис. 12, 5). Отмечалось, что такие изделия весьма полифункциональны, а в оснастку рукоятей должны были входить чаще всего те кольца, которые имели крупные размеры втулок с прямоугольными отверстиями (Малов Н.М., 1992, с. 39). В указанной серии костяных втулок довольно много прямых аналогов нашему изделию (рис. 4, 3). Они характерны валикообразным выступом-упором в основании. Очень похоже на данный вариант оформление рукояти двухвостой плети на росписи фиванской гробницы Сеннеджема, где изображается сцена пахоты на быках (Смирнов А.М., 2004, с. 96, рис. 3, 2). Уникальна парадная, полностью наборная рукоять с такой же деталью основания, богато орнаментированная меандрами и свастиками, обнаруженная в курганном могильнике Красноселки I (Кузьмина О.В., 1995, с. 45, рис. 7, 18).

Очевидно такие же функции выполняло костяное кольцо из 4 погребения (рис. 4, 10). Два рельефных каннелюра и обвальцовка основания придают ему характерную фигурность, и следует отметить, что подобные варианты втулок очень редки и фиксируются, как и в нашем погребении, в одних комплексах с бронзовыми ножами (Максимов Е.К., 1994, с. 113, рис. 3, 7). На этом основании уместно предположить, что такие типы костяных наверший сопутствовали деревянным рукоятям именно ножей, а не плеток. Возможно, косвенно это можно подтвердить находкой из 8 погребения 5 кургана Потаповского могильника, где очень похоже оформлено навершие, вырезанное на роговой рукояти бронзового ножа (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 135, рис. 31).

Наш нож (рис. 8, 9) представляет собой один из вариантов развитого волго-

уральского типа подобных изделий с характерным листовидным лезвием, ромбическим перекрестьем и прямоугольным черешком. Подобные экземпляры появляются уже в покровских комплексах вместе с ножами, у которых пятка раскована наподобие змеиной головки, но наиболее широкое распространение получают в срубное время на очень широкой территории от Поволжья до Приазовья и Северного Казахстана (Синицын И.В., 1947, с. 81, рис. 55; он же. 1959, с. 88, рис. 24, 7; Памятники срубной..., 1993, с. 144, табл. 14, 31; табл. 15, 59; Литвиненко Р.А., 1999, с. 16, рис. 11, 1). По классификации Е.Е. Кузьминой наш вариант может быть отнесен к II типу эволюционного ряда ножей с намечающимся перекрестьем. На востоке от Урала подобный тип зафиксирован в Герасимовке и Царевом Кургане (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 427, рис. 29; с. 428, рис. 30, 36, 45).

Фрагмент костяного втульчатого предмета конической формы с ошлифованной внешней поверхностью из нашего 4 погребения (рис. 8, 11) морфологически близок так называемым пулевидным наконечникам стрел, которые Н.К. Качалова относил к развитой фазе срубной культуры. Примечательно, что в типологическом ряду III этапа ее периодизации пулевидные наконечники из Черebaево (Синицын И.В., 1959, с. 42, рис. 2, 1) синхронизированы с волго-уральскими ножами из Быково I (Качалова Н.К., 1985, с. 54-55, рис. 2, 63, 64). Такие наконечники в Поволжье весьма редки. Наряду с черebaевскими, два экземпляра известны из старых раскопок П.Д. Рау 1929 года на Калмыцкой Горе (Kalmikienberg), обнаруженные в комплексе с бронзовым волго-уральским ножом и типично срубным сосудом (Синицын И.В., 1947, с. 78-79, рис. 51-53). Известны сабатиновские аналогии наконечникам черebaевского типа.

На основании приведенных данных можно сделать некоторые выводы о характерных особенностях материальной и духовной культуры, а также социальной структуры локально выраженных групп населения, обитавших на севере Волго-Донского междуречья во II тыс. до н.э. Практикуя подкурганый обряд захоронения, степные скотоводы очевидно рассматривали определенно ограниченное сакрализованное пространство на речных террасах как места перехода из мира живых в мир мертвых, что отражалось в специфической ритуалистике и инвентаре. В частности, подкурганые площадки подвергались «очищению» огнем, а в геометрических орнаментах кодировались некоторые фрагменты мифологемы «перехода». В ритуалистике катакомбных комплексов из 4 кургана, где выявлены мужские и женские погребальные камеры (приблизительно XX-XIX вв. до н.э.), в некоторой степени отразилось ролевое распределение умерших по поло-возрастному принципу. Признаки социальной стратификации косвенно фиксируются в покровском комплексе из 3 кургана XVII-XVI вв. до н.э., где отмечено соподчинение женского погребения центральному мужскому. Срубные захоронения 1 и 2 курганов (XV-XIV вв. до н.э.) также явно демонстрируют обрядовую выраженность знаковой символики некоторых типов инвентаря, маркирующих социально значимые или основные (уважаемые) профессии (колесничие, пастухи). Все отмеченные признаки косвенно отражают сложные культурогенетические процессы становления и раннего развития индо-иранского общества.

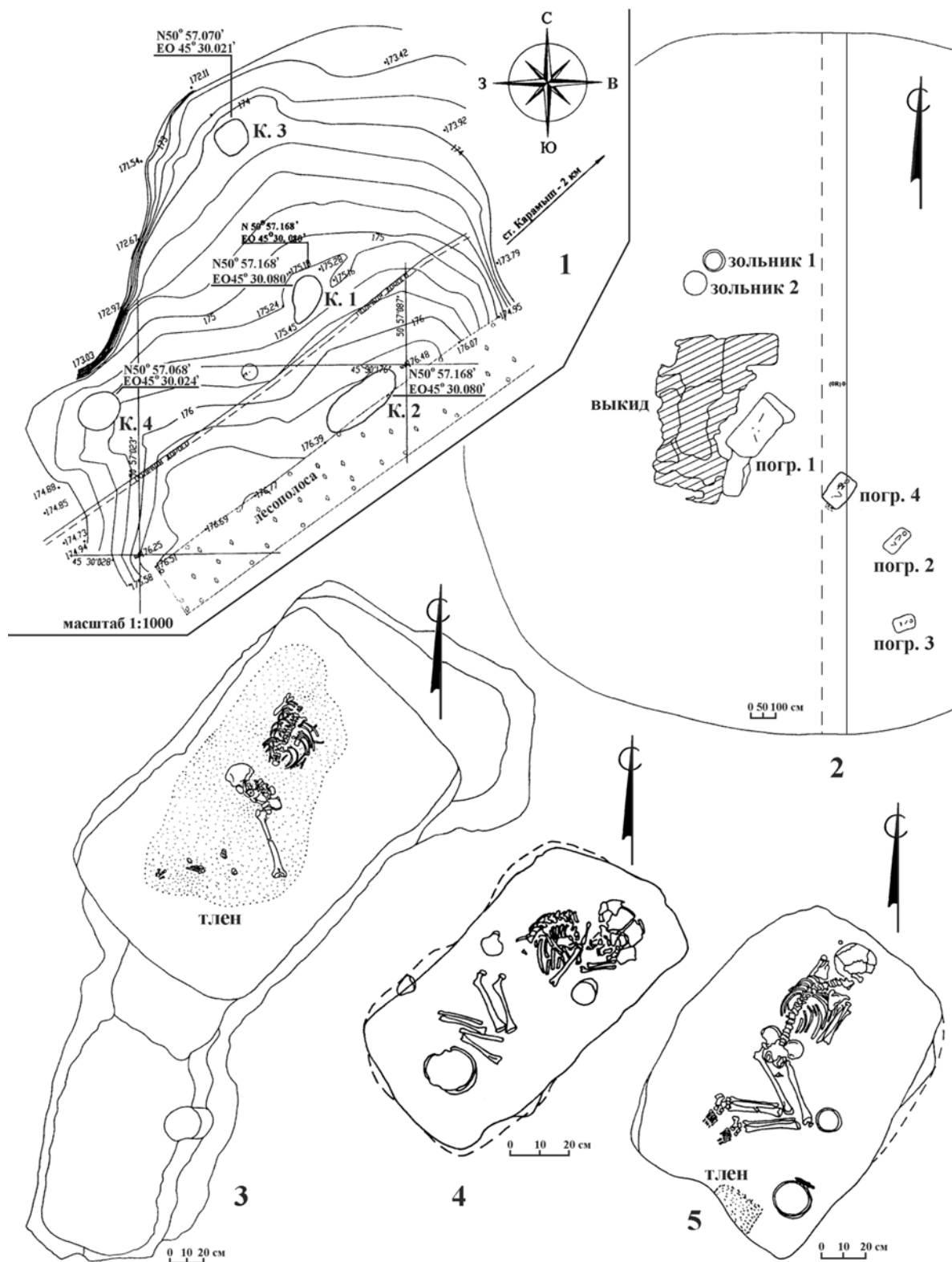

Рис. 6. Курганный могильник Мессер V. 1 – тахеометрический план памятника; 2 – курган 1; 3 – погребение 1; 4 – погребение 2; 5 – погребение 4

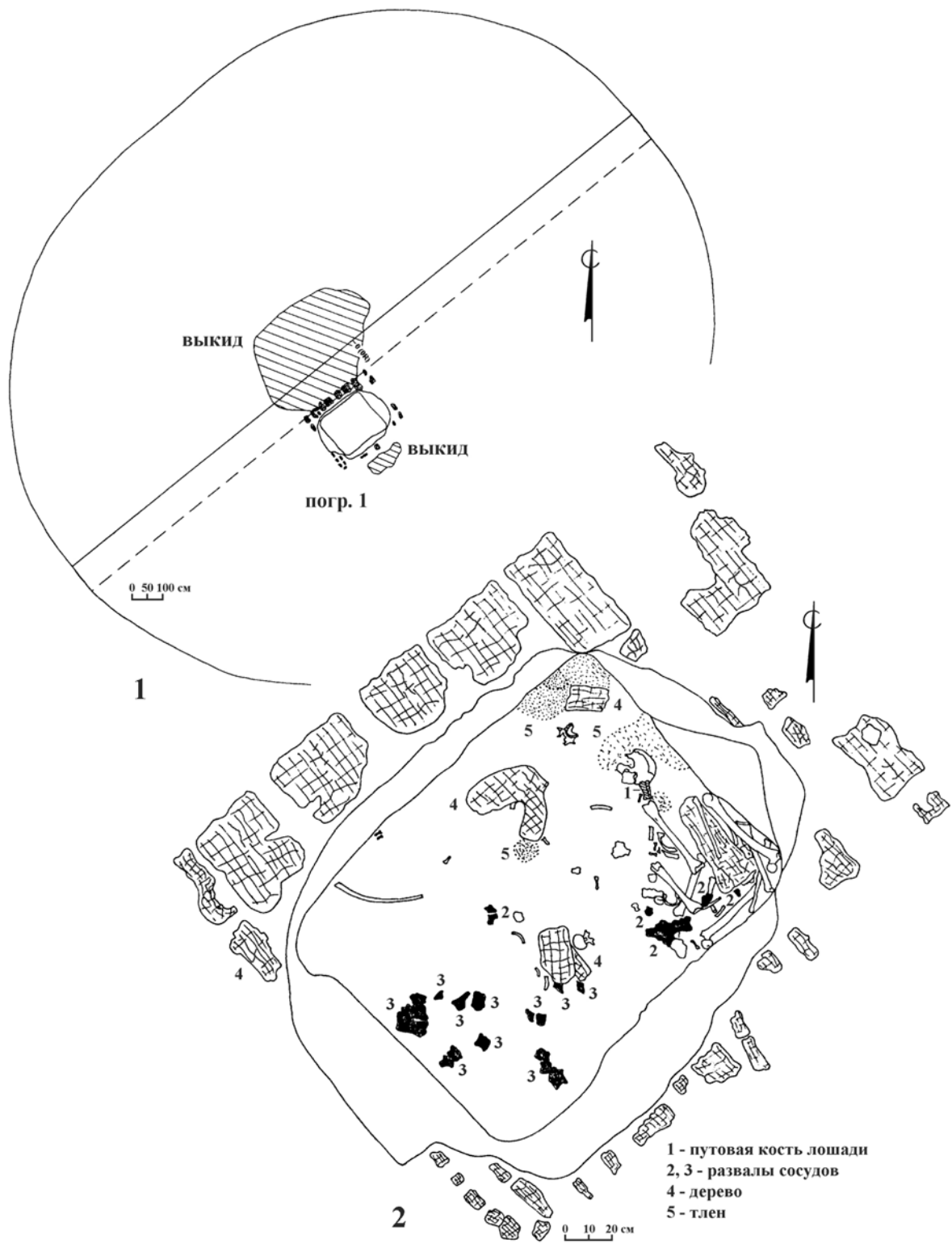

Рис. 7. Курганный могильник Мессер V. 1 – курган 2; 2 – разрушенное погребение из кургана 2

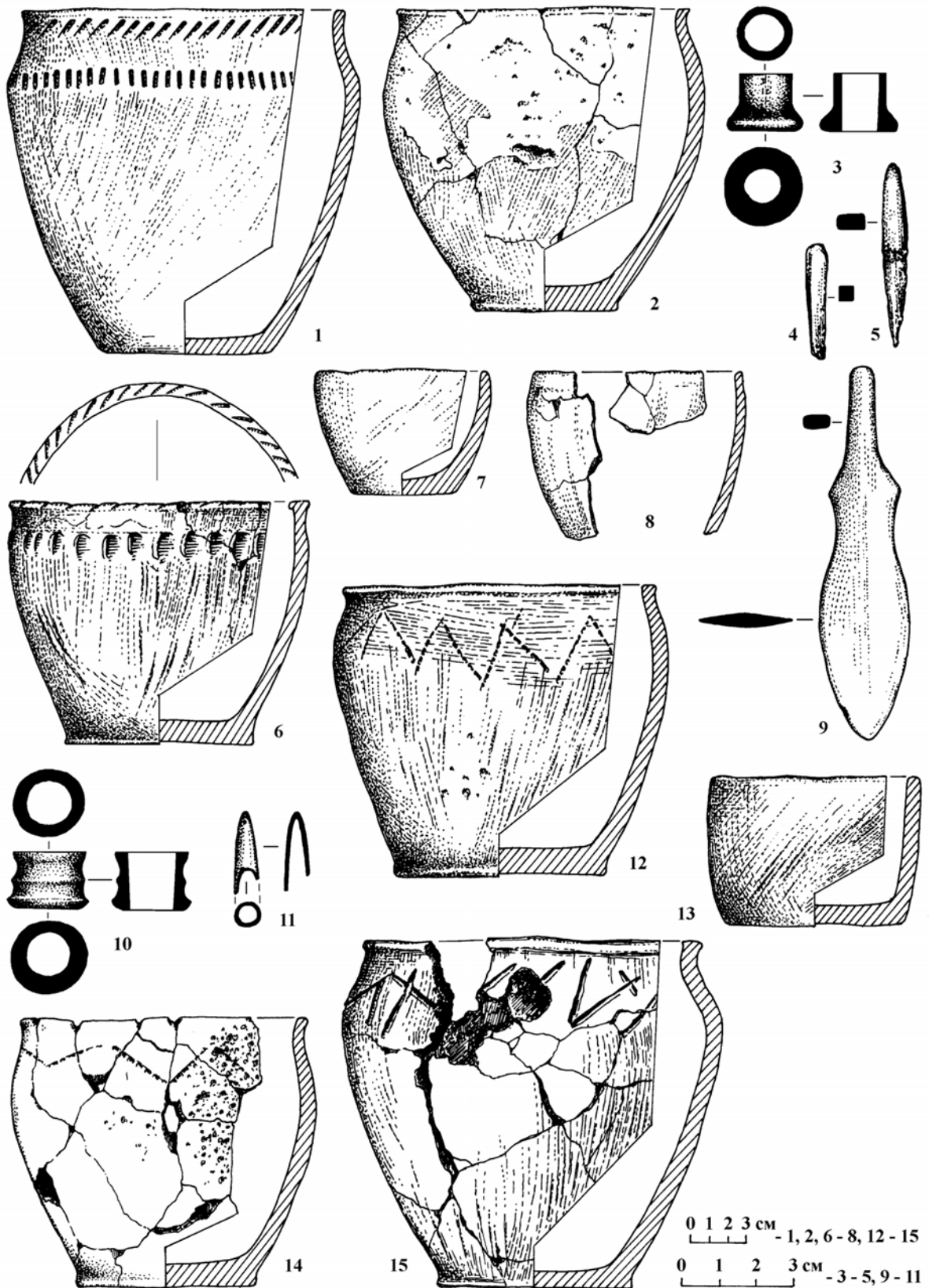

Рис. 8. Курганный могильник Мессер V. Курган 1. Находки из погребений: 1 (1-5), 2 (6, 7), 3 (8), 4 (9-13). Курган 2. Находки из погребения 1 (14-15). 1, 2, 6-8, 12-15 – глина; 3, 10, 11 – кость; 4, 5, 9 – бронза

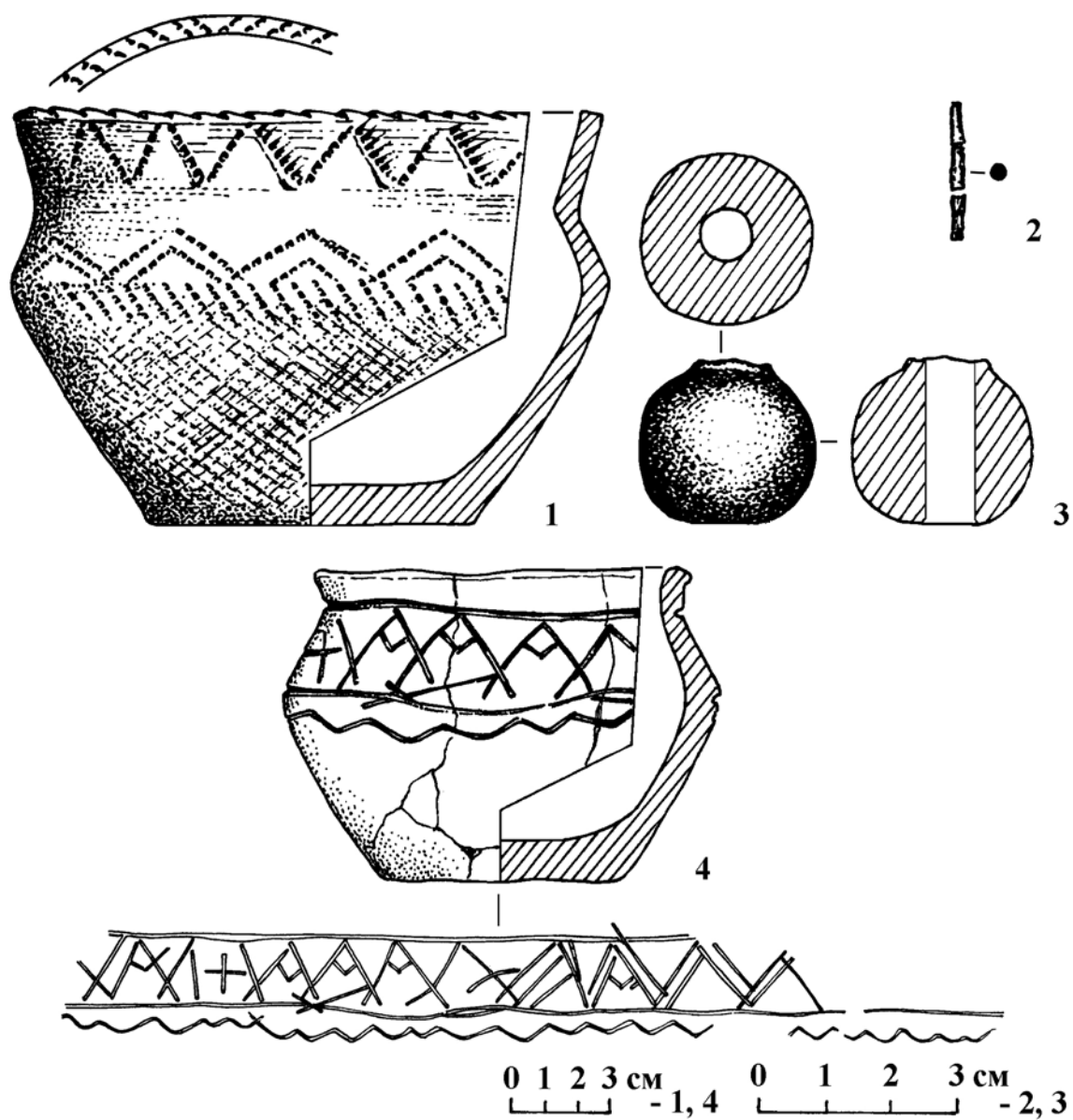

Рис. 10. Курганный могильник Мессер V. Курган 3. Находки из насыпи (3) и погребений: 1 (1), 2 (2), 3 (4). 1, 3, 4 – глина; 2 – бронза

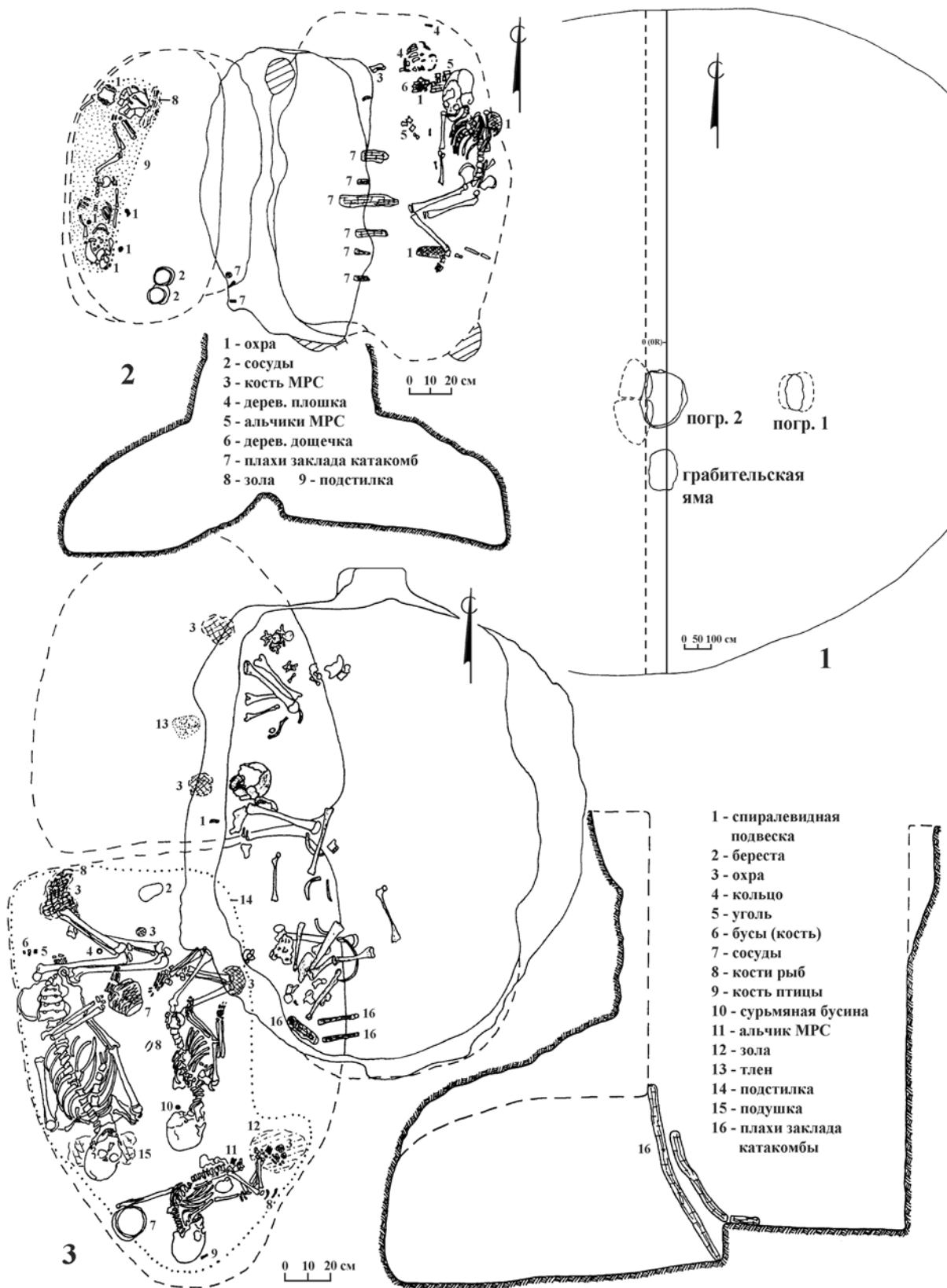

Рис. 11. Курганный могильник Мессер V. 1 – курган 4; 2 – погребение 1; 3 - погребение 2

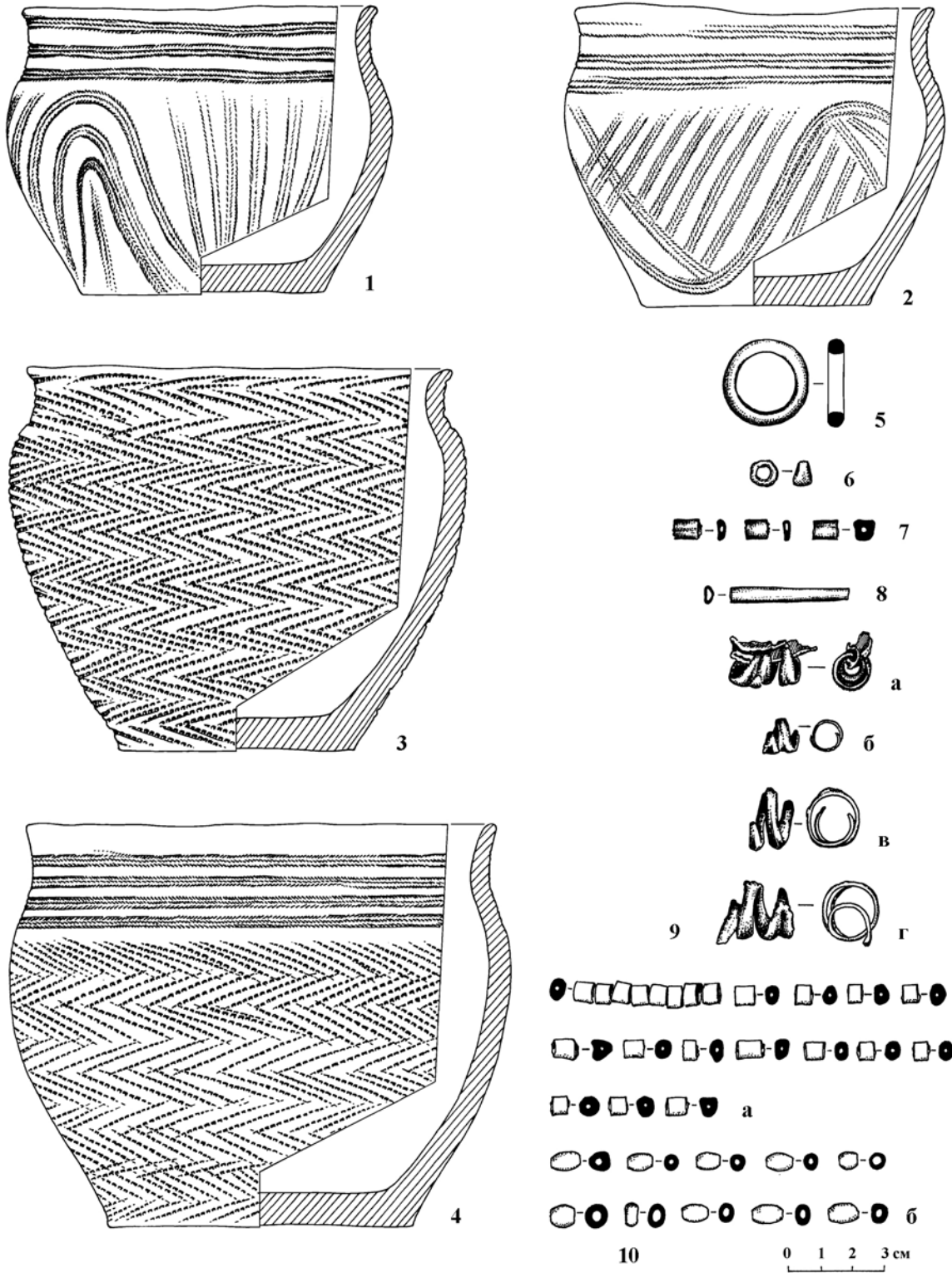

Рис. 12. Курганный могильник Мессер V. Курган 4. Находки из погребения 1 (1, 2) и 2 (3-10). 1-4 – глина; 5, 7, 8, 10 – кость; 6 – сурьма, 9 – бронза

ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАНИЯ В БАССЕЙНЕ р.ТЕРЕШКИ

2.1. НОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В мае-июне 2006 г. отрядом ГУК «НПЦ по историко-культурному наследию области» проведены археологические разведки в северо-восточной части Вольского и юго-восточной части Хвалынского районов, в зоне строительства второго железнодорожного пути на участке Сызрань-Сенная, а также на прилегающем участке течения р.Терешки в окрестности сёл Буровка, Акатная Маза, Покровка, Нижняя Чернавка, станции Чернавка (рис. 13).

Данная территории начала исследоваться с конца XIX в. членами Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК). По данным А.А.Кроткова в Хвалынском уезде было разведано 76 археологических объектов и 92 – в Вольском (Кротков А.А., 1912, с. 155-170). Изучение памятников археологии Хвалынского уезда до 1917 г. связано в первую очередь с работами М.А.Радищева и В.Ф.Орехова. В 1922-1923 гг. отдельные памятники указанного района были обследованы П.С.Рыковым.

С 1963 г. постоянные обследования археологических памятников Хвалынского района начинают В.Г.Миронов и В.А.Непочатых. В.Г.Миронов продолжал археологические исследования в районе до середины 1980-х гг. Он обследовал многие ранее открытые памятники, а также выявил десятки новых памятников эпохи бронзы (Миронов В.Г., 1978). Постоянное наблюдение за памятниками археологии проводил директор Хвалынского краеведческого музея В.А.Непочатых, открывший ряд новых поселений и могильников эпохи камня и бронзы (Непочатых В.А., 1976).

В 1980-1981 гг. С.И.Четвериковым в составе экспедиции В.Г.Миронова были обследованы памятники на р.Терешка вблизи сёл Горюши и Дубовый Гай (Четвериков С.И., 1980; он же, 1981). В 1987 г. масштабные разведочные работы в зоне планируемой мелиорации на р.Терешка проводила экспедиция Археологической лаборатории СГУ под руководством А.И.Юдина (Юдин А.И., 1988).

Основной задачей в сезоне 2006 года являлось выявление новых памятников археологии, расположенных в непосредственной близости к железной дороге на участке Сызрань – Сенная в пределах Хвалынского и Вольского районов, а также обнаружение поселений по течению реки Терешка в районе сёл Покровка, Чернавка, Осиновка. Результатами данной работы стало выявление и частичное обследование 16 памятников археологии: 8 одиночных курганов, 4 курганных групп и 4 поселений, на которых произведена шурфовка.

В данной работе приводятся результаты исследования поселений. На поселениях заложены поисково-разведочные шурфы в местах скопления керамики и костей животных на современной поверхности с целью определения мощности культурного слоя, его культурной принадлежности и соотнесения с погребальными памятниками исследуемой территории.

Поселение Лазаревское. Поселение обнаружено на правом берегу р. Терешка, на небольшом пойменном останце, в 0,4 км к западу от современного русла реки, в 4,5 км к юго-востоку от с. Осиновка (рис. 13, 1). По памятнику проходит полевая дорога, остальная площадь (120x80 м) задернована. Координаты центральной части памятника: N52°22'284"; E 047°17'620". Подъемный материал собран в центральной части поселения, в основном на полевой дороге. Всего было собрано около 20 мелких фрагментов лепной керамики. Для определения мощности культурного слоя в северо-восточной части памятника был заложен разведочный шурф размером 2x2 м, ориентированный по сторонам света.

Раскопки выявили простейшую стратиграфию:

1. Почвенный слой – бывшая пашня, в настоящее время формируется дерновина. От нижележащего культурного слоя отличается более рыхлой структурой. Толщина от 0,14 до 0,19 м.

2. Культурный слой – супесь чёрно-серого цвета с мелкими вкраплениями материковой супеси. Контакт с материком плавный. Толщина слоя составляет 0,3 м.

3. Материковый слой – супесь светло-серого цвета, изрытая норами грызунов.

Культурный слой содержал небольшое количество находок. В основном это мелкие фрагменты неорнаментированных боковин лепной керамики и осколки костей животных.

Подъемный материал и находки из разведочного шурфа сильно фрагментированы. Удалось лишь установить, что они не содержат явных инокультурных примесей и все они относятся к срубной культуре эпохе поздней бронзы.

Поселение Урочище Покровка. Обнаружено у подножия склона первой надпойменной террасы правого берега р. Терешка, в 0,7 км к северу от современного русла реки и в 2,6 км к западу-юго-западу от с. Покровка (рис. 13, 2). Координаты центральной части памятника: N 52°19'628"; E 047°14'704". По памятнику проходит полевая дорога, его территория частично распахивается. Поверхность памятника ровная, следы жилищных конструкций визуально не выявляются. Подъемный материал был собран на площади 150x120 м. В основном это керамика срубной культуры эпохи поздней бронзы и золотоордынская средневековая.

С целью определения мощности культурных напластований в центре памятника, на задернованном участке был заложен разведочный шурф.

Раскопки выявили следующую стратиграфию:

1. Почвенный слой – дерновина, толщина варьирует от 0,2 до 0,3 м. Слой насыщен находками, в основном, костями животных.

2. Культурный слой – супесь чёрно-серого цвета с мелкими вкраплениями материковой супеси. Контакт с материком плавный. Толщина слоя составляет 0,33-0,35 м.

3. Материковый слой – супесь светло-серого цвета, изрытая норами грызунов.

В восточном и южном борту с глубины 0,25 м и до материка прослеживалась линза более тёмного цвета. Однако количество находок в ней не отличалось от других участков шурфа. По подъёмному материалу и находкам из разведочного шурфа выделяется два хронологических горизонта памятника.

Верхний слой относится к периоду Золотой Орды. Из находок этого периода можно выделить фрагмент блюда, венчик сосуда, украшенный волновым орнаментом и три фрагмента боковин с тем же орнаментом, найденные на поверхности

Нижний слой представлен срубной культурой эпохи поздней бронзы. Об этом свидетельствует подъемный материал и находки из слоев 20-30 и 40-50. Из керамики можно выделить два фрагмента неорнаментированного венчика и фрагмент венчика с ногтевым вдавлением из слоя 40-50. Данная керамика не имеет видимых примесей, поверхность шероховатая, обжиг неравномерный (рис. 14).

Поселение Струино. Обнаружено на пахотном поле КФХ Струина. Поселение расположено в пойме, на левом берегу р. Терешка, в 3 км к северо-востоку от железнодорожного переезда (рис. 13, 3). Поселение полностью распахивается. На поверхности собрано более 50 фрагментов керамики эпохи поздней бронзы. По восточной границе памятника проходит полевая дорога. Подъёмного материала на ней не обнаружено. С целью определения мощности культурного слоя в северо-восточной части был заложен шурф размерами 2x1 м, ориентированный длиной стороной по линии север-юг.

Раскопки выявили простую стратиграфию:

1. Почвенный слой – пашня, толщина варьирует от 0,2 до 0,3 м. Слой слабо насыщён находками.

2. Культурный слой – супесь чёрно-серого цвета с мелкими вкраплениями материковой супеси. Контакт с материком плавный.

3. Материковый слой – супесь светло-серого цвета.

Керамический материал с данного поселения относится к развитому этапу срубной культуры эпохи поздней бронзы. Из материалов на поверхности и из шурфа можно выделить пять фрагментов придонной части, один из которых орнаментирован мелкозубчатым штампом. Верхние части сосудов представлены 12 венчиками. Два из них орнаментированы мелкозубчатым штампом и по одному – грубыми расчесами, ногтевыми вдавлениями, вертикальной ёлочкой, горизонтальной прочерченной линией. Все фрагменты светло-серого цвета, примесей в изломе не обнаружено. Обжиг неравномерный (рис. 15).

Поселение Терешка. Выявлено на левом берегу р. Терешка, на краю первой надпойменной террасы. Поселение расположено в 3 км к юго-западу от с. Осиновка и в 2 км к западу-северо-западу от железной дороги Сызрань-Сенная (рис. 13, 4). Предположительно памятник располагается в непосредственной близости к ранее известному местонахождению в урочище «Столы» (Степанов П.Д., 1956, с. 16, рис. 5).

Поселение сильно задерновано, в береговом обнажении культурный слой не прослеживается. Подъёмный материал был собран из выкидов нор грызунов и представлен фрагментами лепных сосудов и гончарной керамикой. С целью определения мощности культурного слоя в условном центре был заложен разведочно-поисковой шурф размерами 2x2 м.

Материал с данного поселения можно отнести к двум этапам существования памятника. На первом площадь памятника была заселена населением срубной культуры эпохи поздней бронзы, что подтверждается наличием срубной керамики из шурфа и подъёмным материалом (рис. 16, 2-10). Все фрагменты лепной керамики имеют светло-серый цвет, в изломе без явных примесей, обжиг неравномерный. Фрагменты в основном украшены грубыми расчёсами. Найдено 7 фрагментов днищ, один из которых орнаментирован ногтевыми вдавлениями в придонной части (рис. 16, 10), и 8 фрагментов венчиков, один из которых также орнаментирован ногтевыми вдавлениями по краю венчика (рис. 16, 4).

На втором этапе здесь существовало поселение эпохи средневековья (Золотая Орда). Гончарная керамика средневекового времени была найдена на поверхности и в слоях 0-20 и 20-30. Один из фрагментов венчиков (слой 20-30) гончарного сосуда толщиной 0,3 см орнаментирован волновым орнаментом и двумя рядами горизонтальных линий. Наибольший интерес представляет медная монета Хызр-хана, чекан Гюлистана, 762 г.х (?) (рис. 16, 1), которая дает дату существования средневекового селища.

Проведенные исследования показали, что керамика эпохи бронзы, обнаруженная на поселениях, относится ко второму этапу срубной культуры эпохи поздней бронзы, а сами поселения культурно и хронологически соответствуют исследованным в этом же году кургану у ст. Чернавка и курганным могильникам Новопокровка 1 и 2.

Рис. 13. Карта расположения памятников археологии на территории Вольского района Саратовской области. 1 – Поселение Лазаревское, 2. Поселение – Урочище Покровка, 3 – поселение Струино, 4 – поселение Терешка

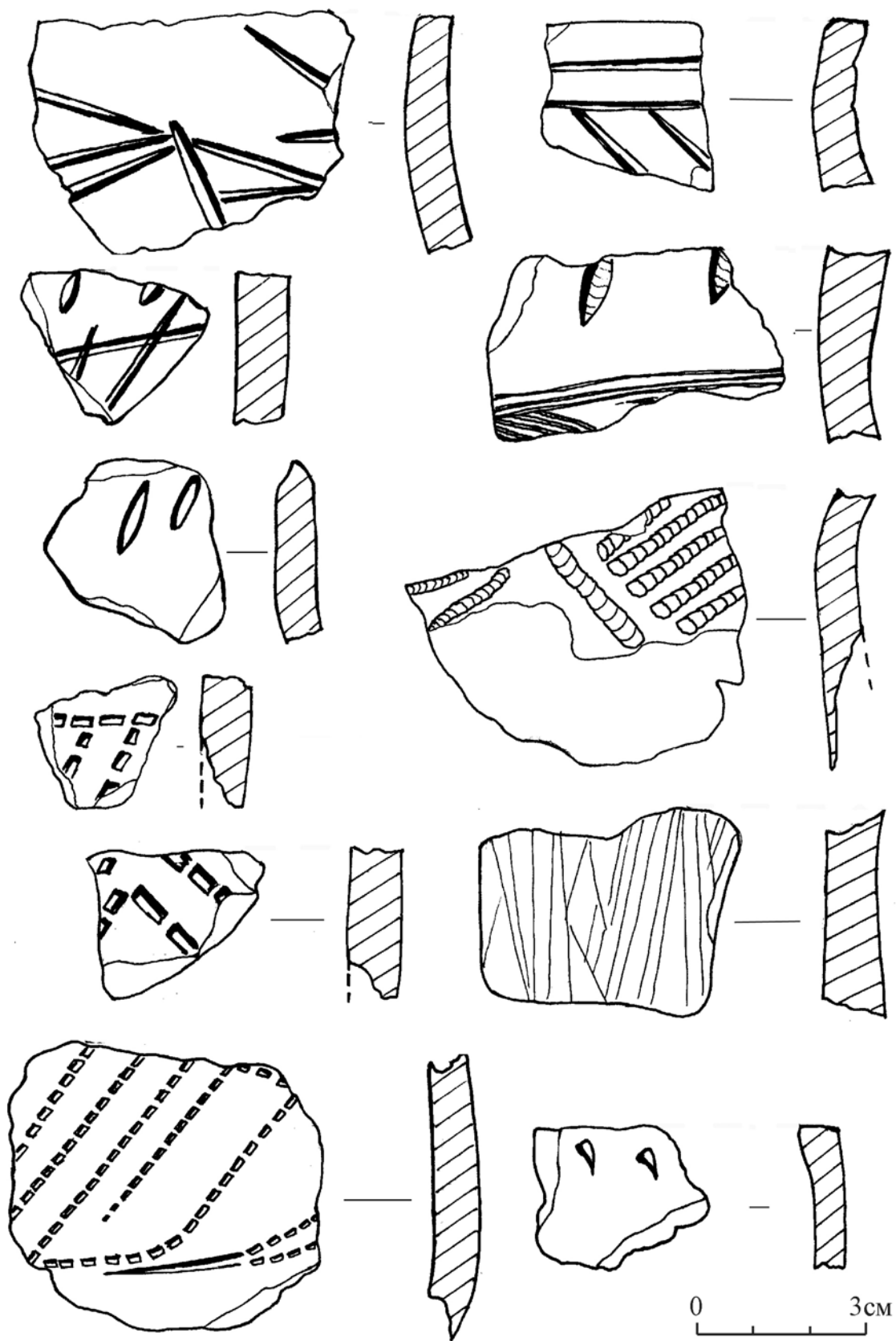

Рис. 14. Вольский район. Поселение Урочище Покровка. Подъёмный материал и находки из шурфа

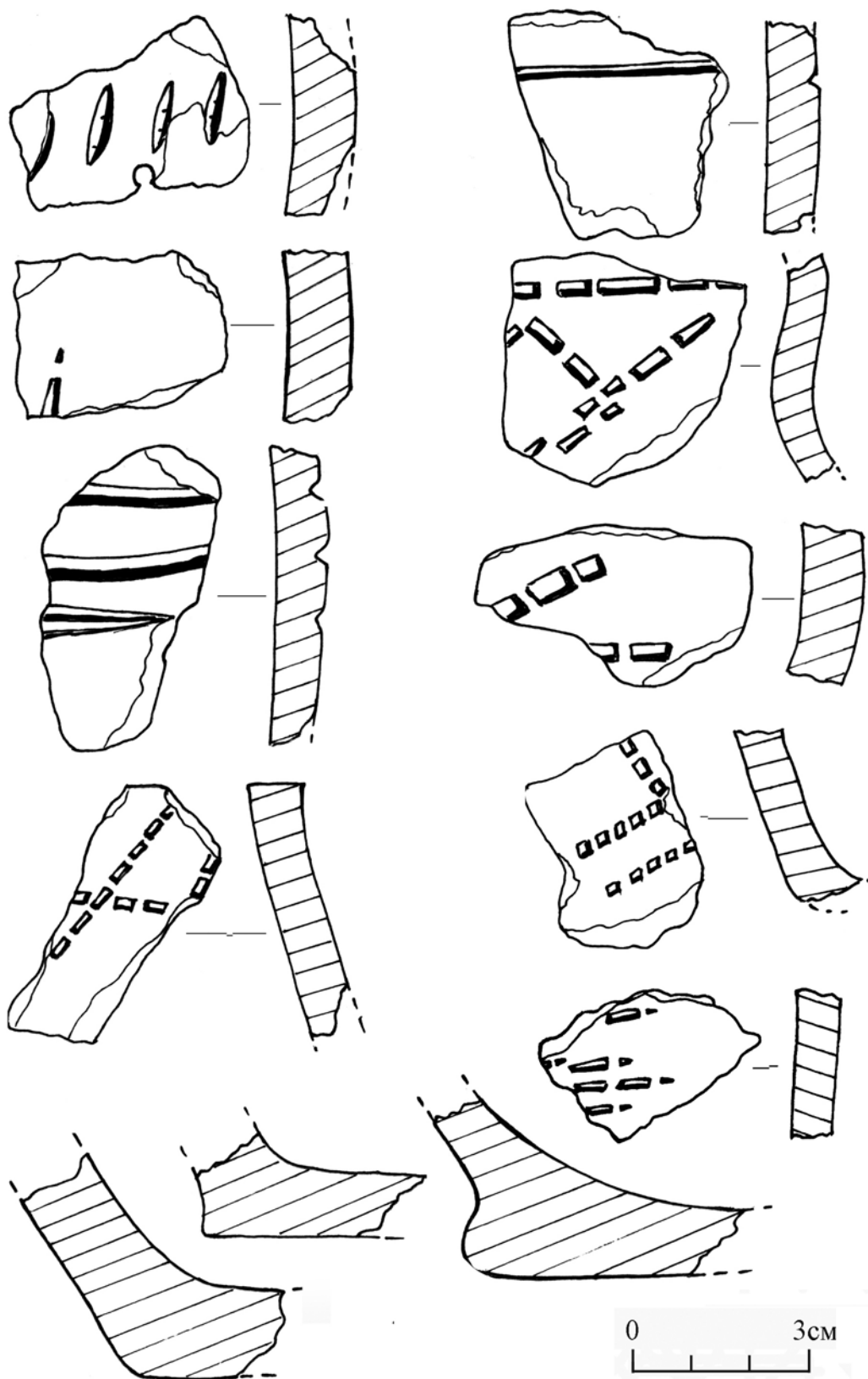

Рис. 15. Вольский район. Поселение Струино. Подъёмный материал и находки из шурфа

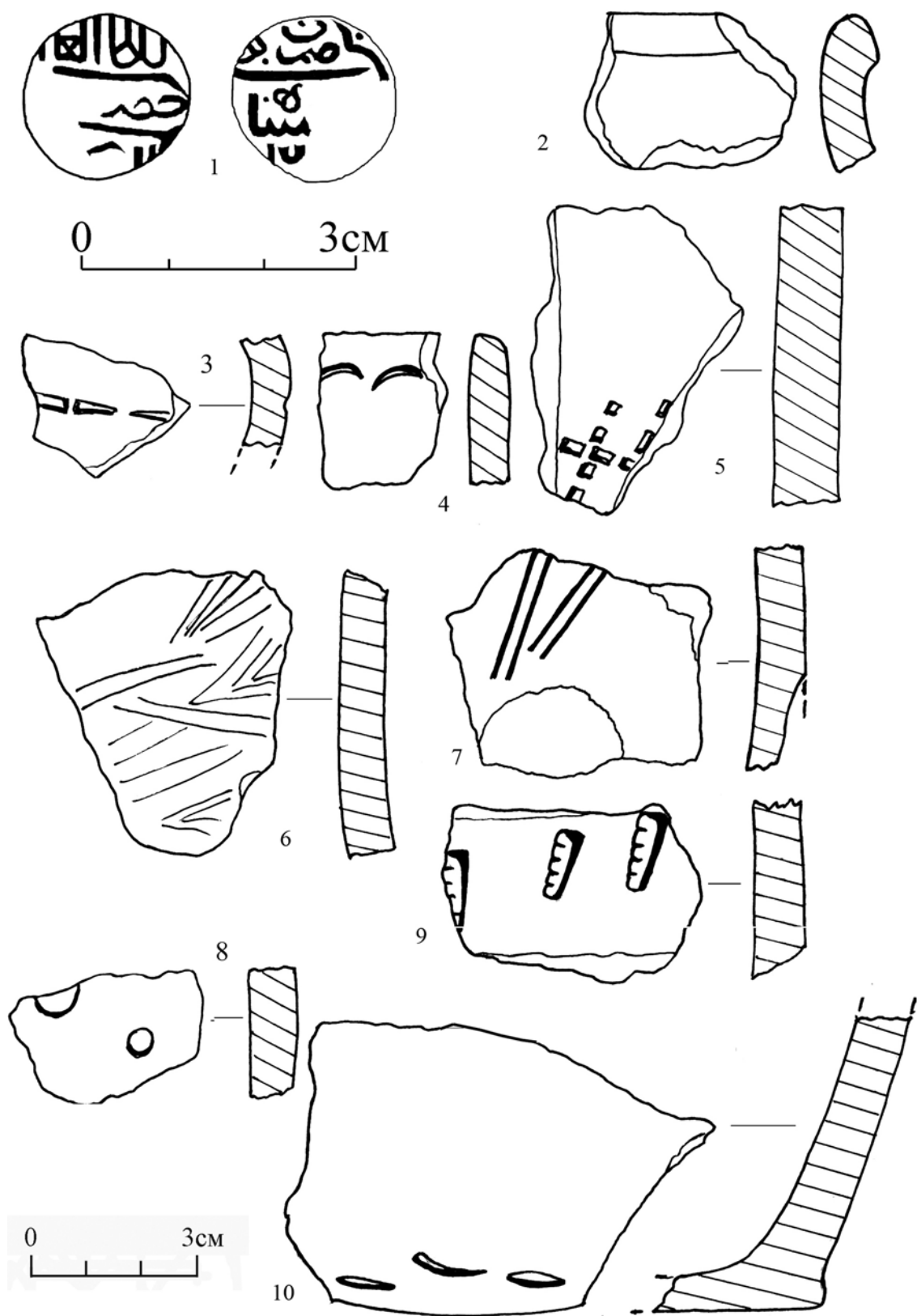

Рис. 16. Вольский район. Поселение Терешка. Подъёмный материал и находки из шурфа

2.2. КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ У СЕЛА НОВОПОКРОВКА И СТАНЦИИ ЧЕРНАВКА

В июле-августе 2006 года исследованы курганы эпохи бронзы у с.Новопокровка и у станции Чернавка Вольского района Саратовской области. Три курганные группы расположены по трассе строительства второго главного пути железной дороги Сенная-Сызрань на 123-ем, 126-ом и 135-ом километрах. Все курганы попадали в полосу отвода железной дороги и были в разной степени повреждены при строительных работах. Всего было исследовано 4 кургана из курганной группы Новопокровка 2, курган из курганной группы Новопокровка 1 и курган из курганной группы у станции Чернавка. Ряд некоторых аспектов исследования полученных материалов был изложен в отдельных статьях ранее (Юдин А.И., 2007а; он же, 2007б; он же, 2008 а; он же, 2008 б).

Курганная группа Новопокровка 1.

Курганная группа находится в 2,5 км к северо-востоку от с.Новопокровка в Вольском районе Саратовской области, на отметке 123,5 км по линии железной дороги (рис. 1, 7). Курганы неровной цепочкой протянулись с юго-востока на северо-запад по краю верхней террасы левого берега р.Терешки на протяжении 0,7 км. Всего в группе насчитывается 8 курганов. Насыпи семи курганов распахиваются, а одного находилась в полосе отвода железной дороги и была почти полностью уничтожена карьером при строительстве второго железнодорожного пути. Именно этот курган был исследован экспедицией в 2006 году.

Курган 1.

Курган занимает крайнее юго-восточное положение в группе и находится ближе остальных к железной дороге. Северо-западный край насыпи кургана находился под лесополосой, а центральная и южная части уничтожены землеройной техникой при подготовке площадки для котлована забора грунта. Насыпь была снесена до уровня предматерика и материка, на котором были заметны остатки деревянного надмогильного перекрытия. По остаткам насыпи под южным краем лесополосы и планиграфии обнаруженных погребений можно предполагать, что курган достигал приблизительно 18-20 м в диаметре.

Стратиграфия кургана невыразительна, так как сохранилась только северо-западная пола насыпи, удаленная от ближайшего погребения на 6 м. Насыпь состояла из темной гумусированной супеси, на сохранившемся участке ее толщина не превышала 0,3 м. Ниже залегал слой погребенной почвы – светло-серая гумусированная супесь. Слой плавно переходил в материк – светло-желтую супесь. После снятия остатков насыпи обнаружено три погребения.

Погребение 1.

Погребение детское, обнаружено в юго-западном секторе кургана. Погребение совершено в узкой могильной яме прямоугольной формы. Края могилы неровные из-за многочисленных нор грызунов. Могильная яма была ориентирована в направлении юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 0,67-0,75 м, ширина 0,4 м, глубина 0,11 м от верхнего уровня материка. В заполнении могилы встречалось истлевшее дерево от перекрытия. Все дно могилы изрыто норами грызунов. Кости скелета ребенка не сохранились.

На дне могилы стояли два глиняных лепных сосуда.

Сосуд 1. Стоял «в головах». Миниатюрная банка со слегка прикрытым устьем и слегка выделенным поддоном. Цвет поверхности – светло-коричневый с черными пятнами из-за неравномерного обжига. Вся поверхность покрыта наклонными рядами грубой штриховки. Поверхность чрезвычайно бугристая из-за включений крупных частиц шамота. Высота сосуда 5,8 см, диаметр по венчику 8,6 см, диаметр дна 5,8-6,2 см (рис. 17, 1).

Сосуд 2. Стоял у торцевой стенки «в ногах». Тонкостенная банка с прикрытым устьем, орнаментированная под венчиком рядом наклонных оттисков зубчатого штампа. Внешняя поверхность имеет светло-коричневый цвет, в тесте глины едва заметна примесь шамота. Сосуд восстанавливается только графически, его приблизительные размеры: высота 13,6 см, диаметр венчика 15,2 см, диаметр дна 10 см (рис. 17, 2).

Погребение 2.

Погребение детское, обнаружено в юго-западном секторе кургана. Могильная яма имела подпрямоугольную форму и неровные стенки, сильно нарушенные норами грызунов. Могильная яма была ориентирована в направлении юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 0,7-0,77 м, ширина 0,45 м, глубина 0,17 м от верхнего уровня материка. В заполнении могилы сохранились остатки деревянного поперечного перекрытия. Все дно могилы изрыто норами грызунов. Кости скелета ребенка не сохранились. На дне могилы стояли два глиняных лепных сосуда.

Сосуд 1. Стоял по центру могилы, у длинной южной стенки. Округлобокая баночка с прикрытым устьем и выделенным поддоном. Внешняя поверхность бугристая, цвет – светло-коричневый, в тесте глины – примесь шамота. Высота сосуда 7,1 см, диаметр венчика 9,3 см, диаметр дна 8 см (рис. 17, 3).

Сосуд 2. Стоял в юго-западном углу могилы. Это плоскодонная лепная банка со слегка прикрытым устьем. Поверхность серого цвета покрыта наклонной штриховкой. Тесто глины в изломе черное, с небольшой примесью мелкого шамота. Высота сосуда 10 см, диаметр венчика 14,4 см, диаметр дна 9,8 см (рис. 17, 4).

Погребение 3.

Погребение находилось под центром насыпи. По уровню материка могильное пятно имело трапециевидную форму, но по мере выборки заполнения, установились истинные размеры и форма могильной ямы, сильно нарушенные колонией грызунов. Яма приобрела прямоугольные очертания с округлыми углами. Длинными сторонами могила ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Вертикальные стенки могилы сильно повреждены норами грызунов, особенно торцевая северо-восточная стена. Размеры могильной ямы по дну следующие: длина 2,1 м, ширина 1,75 м. Глубина могилы до 1,15 м от верхнего уровня материка.

В заполнении могилы, у южной стенки, на глубине ниже 0,1 м от верхнего уровня материка найден лепной керамический сосуд – плоскодонная банка с широким устьем и едва заметным отгибом венчика. Тесто глины плотное, черного цвета в изломе и без заметных примесей. Цвет внешней поверхности изменяется от светло-коричневого до темно-серого из-за неравномерного обжига. Размеры сосуда: диаметр венчика 14-14,7 см, диаметр дна 8,4 см, высота 10,8 см (рис. 17, 5).

У восточной стенки могилы по уровню – 42-45 см от поверхности материка найдены длинные кости ног человека, перемещенные грызунами со дна могилы. На этом же уровне у северного края могилы залегал перевернутый человеческий череп. У западной стенки могилы на глубине – 0,5 м от верхнего уровня материка встречены остатки двух бревен от перекрытия. Ближе ко дну могилы, в северо-западном углу обнаружено скопление перемещенных костей человека, залегавших на 0,3 м выше дна могилы: кости рук, таза, ребра и позвонки.

В северо-восточном углу могилы, на дне найдена костяная рукоятка, сделанная из трубчатой кости животного. Длина предмета 8,8 см. На одном конце имеется отверстие для шила и следы бронзового окисла (рис. 17, б).

В трех углах могилы, на приблизительно равном расстоянии от стенок (15-20 см) обнаружены ямки глубиной 5-7 см, конусовидные в сечении. Во всех этих ямках обнаружена древесная труха.

Древесная труха также встречалась в заполнении, особенно много ее было в верхней трети. По нескольким сохранившимся крупным древесным обломкам устанавливается, что перекрытие лежало поперек могилы.

История сооружения кургана.

Курган насыпан над погребением 3 на втором этапе срубной культуры эпохи поздней бронзы. Вполне возможно, что насыпь возводилась сразу над всеми тремя погребениями, поскольку в заполнении обоих детских могил сохранились остатки надмогильного перекрытия, но утверждать этого нельзя, так как насыпь не сохранилась и, естественно, могильные выкиды над погребениями не прослеживались. Погребения 1 и 2 также относятся ко второму этапу срубной культуры.

Курганная группа Новопокровка 2.

Курганная группа из 10 насыпей находится на равнинном участке верхней надпойменной террасы левого берега р. Терешки, в 0,75 км к юго-востоку от с. Новопокровка Вольского района Саратовской области (рис. 1, 8). Шесть насыпей располагаются на пахотном поле (курганы 5-10); 4 исследованные насыпи – в полосе отвода железной дороги, в разрыве между лесопосадками.

Курган 1.

Курган занимает самое южное положение в группе. Высота кургана 0,75 м по западной поле, диаметр 22 м. После снятия насыпи оказалось, что полы кургана были полностью распаханы и первоначальный диаметр (судя по планиграфии погребений и выкидов) составлял около 24-28 м. Насыпь кургана сильно уплощена в результате многолетней распашки.

Курган исследовался с помощью скрепера и уже на глубине 0,35 м от нулевого репера в центральной части насыпи показали пятна светлого материкового выкида, который в виде отдельных пятен равномерно распределялся по всей площади кургана (рис. 18). Материковые выкиды сопровождали все обнаруженные в кургане погребения. Они залегали в разных направлениях от могилы, их толщина (от 2-3 до 20 см) и протяженность зависели исключительно от величины и глубины могильной ямы. Особенно мощный выкид сопровождал погребение 11, бревенчатое перекрытие которого лежало поверх него. Установлено, что все погребения в кургане основные и насыпь возводилась над ними после совершения последнего захоронения в один прием.

Стратиграфия кургана.

Сразу под бывшим пахотным слоем – черным гумусом с примесью песка (толщина гумуса колебалась от 0,25 м на вершине кургана до 0,4 м на полах) находился слой

насыпи толщиной до 0,5 м, Насыпь представляла из себя легкую супесь со значительной примесью гумуса и имела светло-серый цвет. Насыпь залегала на древней погребенной почве, имевшей различную толщину на всем протяжении кургана от 0,09 до 0,27 м. Толщина погребенной почвы особенно сильно варьирует в центральной части бровки. Погребенная почва плавно переходит в материк – светло-желтую супесь. На многих участках бровки погребенная почва отчленяется от насыпи светлыми материковыми выкидами из близлежащих могильных ям (рис. 19).

Первоначальный диаметр кургана устанавливается в пределах 24-28 м. Курган сохранил 25 погребений срубной культуры, которые полукольцом охватывали с севера (0°) по восточной стороне до юго-запада (230°) центральные погребения 11 и 20 (рис. 18).

В бровке, при ее разборке между погребениями 24 и 25, на глубине 0,45 м и в 8,5 м к югу от нулевого репера обнаружен небольшой сосуд – низкая банка с широким открытым устьем и с выделенным поддоном. Бугристая из-за примеси шамота внешняя поверхность имеет серо-коричневый цвет. Высота сосуда 4,4-4,8 см, диаметр венчика 10,7 см, диаметр овального дна 6,4x7,3 см (рис. 20, 1). Там же, в бровке, на 0,4 м ближе к погребению 24, и в 8,9 м к югу от репера найден фрагмент еще одного сосуда – обломок венчика от крупной банки со слегка прикрытым устьем, орнаментированный резным зигзагом (рис. 20, 2).

Погребение 1.

Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 0,85 м, ширина 0,5 – 0,55 м, глубина до 0,42 м от верхнего уровня материка.

Заполнение могилы состояло из гумусированной супеси с примесью светлого материкового грунта и включало древесную труху, остатки плах от поперечного деревянного перекрытия и фрагмент венчика сосуда, украшенного двумя рядами оттисков шнуrowого орнамента (рис. 20, 3).

На дне могилы лежал скелет ребенка, на левом боку, скорченно, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и кисти положены перед лицом. В погребении обнаружен следующий инвентарь:

1. Лепной сосуд – округлобокая неорнаментированная банка со слегка прикрытым устьем и едва намеченным поддоном. Цвет внешней поверхности – светло-коричневый с темными пятнами из-за неравномерного обжига. Черепок в изломе черный, в тесте глины – примесь шамота. Высота сосуда 11,5 см, диаметр венчика 13,5 см, дна – 8,5 см (рис. 20, 4).

2. Лепной сосуд – приземистая банка с прикрытым устьем и слегка приостренным венчиком. Цвет внешней поверхности – светло-коричневый с темными пятнами из-за неравномерного обжига. Черепок в изломе черный, в тесте глины имеется примесь шамота, из-за которого поверхность сосуда неровная и бугристая.

По краю венчика сосуд украшен бордюром орнаментом – зигзаг, заполненный двумя-тремя косыми насечками. Орнамент выполнен прочерком. Высота сосуда 7,8 см, диаметр венчика 11,5 см, дна – 8,2 см (рис. 20, 5).

3. Бронзовая игла с ушком в центре могилы, между локтями и коленями. Длина иглы 3,6 см, в сечении квадратная, концы раскованы и заострены (рис. 20, 7).

4. Фрагмент керамики в углу могилы, за черепом погребенного, от крупного округлобокого сосуда. Фрагмент орнаментирован двумя рядами косых насечек, выполненных плоским штампом. Цвет поверхности – темно-серый, в тесте глины – легкая примесь шамота и крупной белой крошки (рис. 20, 6).

Погребение 2.

Могила подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. По длинной юго-восточной

стенке могила расширялась ко дну. Размеры могильной ямы: длина 1,3 м, ширина 0,7 м и 0,8 м (по дну), глубина до 1,3 м от уровня материка. На дне лежал скелет взрослого человека (мужчина 40-50 лет), скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и положены перед лицом, кисти рук также согнуты в сторону лица.

В центре могилы, на дне, между локтями и коленями погребенного найден развал глиняного лепного сосуда. Тонкостенный сосуд из-за обильной примеси шамота и белой крошки сохранился частично – только верхняя треть сосуда. По ней устанавливается, что сосуд имел баночную форму со слегка прикрытым устьем. Диаметр устья – около 10 см. Внешняя поверхность имеет светло-коричневый цвет. Под венчиком проходит бордюрный орнамент: зигзаг и овальные оттиски (рис. 20, 8).

Погребение 3.

Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами слегка расширялась в головах. Размеры могилы: длина 1,25 м, ширина 0,75-0,9 м, глубина до 1,03 м от уровня материка. Могильная яма длинными сторонами ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. В заполнении могилы встречались остатки деревянного перекрытия из тонких бревен, лежавших вдоль могилы.

На дне могилы лежал скелет ребенка, скорченно, на левом боку, с небольшим завалом на спину. Череп плохой сохранности, раздавлен. Правая рука согнута в локте и покоилась на животе. Левая рука также согнута в локте и прижата к туловищу. Локоть левой руки лежал поверх горловины лепного сосуда, стоявшего у живота, между руками и ногами. Кости таза не сохранились (рис. 21, 1).

В могиле был обнаружен следующий инвентарь:

1. Сосуд 1. Стоял в углу могилы, перед лицом погребенного. Крупная округлобкая банка со слегка выделенным поддоном и слабоприкрытым устьем украшена двумя рядами глубоких овальных насечек под венчиком. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета с серыми пятнами заглажена, но на некоторых участках проступают крошки шамота. Высота сосуда 16,8 см, диаметр венчика 16,8 см, диаметр дна 12,8 см (рис. 20, 9). Под сосудом обнаружен тонкий слой органического тлена белого цвета.

2. Сосуд 2. Стоял в центре могилы и был перекрыт локтем левой руки. Остроресберный горшок с отогнутым венчиком и выделенным поддоном. Поверхность сосуда имеет равномерный светло-коричневый цвет. В нижней части поверхность сосуда бугристая от примеси шамота, а в верхней трети украшена орнаментом, выполненным плоским штампом. Под венчиком и по ребру проходят горизонтальные линии, а между ними – зигзаг. Поля в образовавшихся треугольниках заполнены короткими миндалевидными насечками. Ряд таких насечек проходит под ребром. Высота сосуда 10,6 см, диаметр венчика 17,2 см, диаметр дна 10,2 см (рис. 20, 10).

3. В юго-восточном углу могилы обнаружен комплекс предметов, залежавших совместно:

а) компактной кучкой (40x25 см) уложены в несколько слоев крупные и мелкие астрагалы животных: 24 большие (в пределах 6,5 см длины) таранные кости КРС¹ (рис. 22, 1, 6); 39 таранных (ок. 3,5 см длины) костей МРС (рис. 22, 2); 4 таранных (ок. 5 см) кости свиньи (рис. 22, 3);

б) пять трубочек из трубчатой кости животных с ровно обрезанными и скругленными краями. Длина предметов от 10,6 до 13,1 см (рис. 21, 2-6);

в) передний зуб животного (рис. 21, 7);

г) небольшой (3x1,5 см) отщеп из светло-коричневого кремня с остатками желвачной корки. Вторичная обработка отсутствует (рис. 21, 9);

¹ Палеозоологические определения выполнены Н.В.Росляковой (Самарский госпедуниверситет).

д) керамическое колесико со сквозным отверстием. Диаметр 5,8 см, диаметр отверстия 0,9 см, толщина 1,5-1,5 см. С двух сторон по внешнему краю отверстия сформован неровный ободок типа ступицы. Обжиг неравномерный, в тесте глины имеется примесь шамота (рис. 21, 8; 22, 5);

е) шейный позвонок животного – астрагал диаметром 2,5 см (рис. 22, 4).

Погребение 4.

Могильная яма подтрапещевидной формы с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 0,66 м, ширина 0,38 м, глубина 0,51 м от уровня материка. В заполнении могильной ямы встречались остатки деревянного перекрытия, залежавшие поперек могилы. Один деревянный фрагмент залегал продольно.

В северо-восточном и юго-восточном направлении могильная яма слегка расширяется ко дну. На дне могилы лежал скелет ребенка, сильно разрушенный грызунами. По остаткам скелета (кости черепа, таза и ног) установлено, что умерший был положен на левый бок, сильно скорченно, головой на северо-восток.

Перед грудью погребенного находился развал глиняного сосуда. По сохранившимся фрагментам устанавливается, что они принадлежали небольшому острореберному сосуду с выделенным поддоном. Тонкостенный сосуд сформован из глины с обильной примесью крупного шамота и мелкой белой крошки, что придало бугристость внешней поверхности, которая имеет темно-серый цвет. Под венчиком сосуд украшен плоским и двузубым штампами. Приблизительные размеры сосуда: высота 6,5 см, диаметр венчика 9 см, диаметр дна 6 см (рис. 23, 1).

Погребение 5.

Небольшая могильная яма подтрапещевидной формы с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии северо-запад – юго-восток. Размеры могильной ямы: длина 0,66-0,78 м, ширина 0,48 м, глубина 0,47 м от уровня материка. В заполнении могильной ямы встречались остатки деревянного поперечного перекрытия и два мелких фрагмента лепной керамики с примесью шамота в тесте глины. На одном из фрагментов есть оттиски зубчатого штампа (рис. 23, 2)

От скелета погребенного в могиле младенца сохранились остатки черепа, по которому установлено, что умерший был погребен головой на юго-восток, на левом боку. Перед лицом и грудью погребенного были поставлены два лепных сосуда.

Сосуд 1. Прямостенная неорнаментированная банка с бугристой поверхностью из-за примеси шамота в тесте глины. Цвет поверхности пятнистый из-за неравномерного обжига. Сосуд асимметричен, устье овальное. Высота сосуда 12,3-11,8 см, диаметр по венчику 12,6-13,8 см, диаметр дна 10,5 см. По боковине сосуда под венчиком прорисована горизонтальная линия длиной 12 см (рис. 23, 3).

Сосуд 2. Небольшая банка с прикрытым устьем и легкой закраиной по дну. Орнаментирована в верхней части косыми насечками, выполненными зубчатым штампом. Внешняя поверхность бугристая из-за примеси шамота и имеет темно-серый цвет. Высота сосуда 6 см, диаметр венчика 8,6 см, диаметр дна 6,4 см (рис. 23, 4).

Погребение 6.

Могильная яма прямоугольной формы со слегка округлыми углами сопровождалась выкидом в юго-восточном и западном направлениях и была ориентирована по линии север – юг. Размеры могилы: длина 1,3 м, ширина 0,98 м. В заполнении могилы встречались остатки поперечного деревянного перекрытия.

На дне могилы лежал скелет подростка на левом боку, скорченно, руки согнуты в локтях и симметрично положены перед лицом (рис. 24, 1). Между локтями и коленями были поставлены два глиняных лепных сосуда.

Сосуд 1. Стоял у восточной стенки могилы. Острореберный горшок, орнаментированный зубчатым штампом. Орнамент состоит из сочетания горизонтальных линий и рядов двойного зигзага. Поверхность имеет равномерный светло-коричневый цвет. В тесте глины заметна примесь шамота белой крошки. Высота сосуда 13 см, диаметр венчика 18,4 см, диаметр дна 10 см (рис. 23, 6).

Сосуд 2. Стоял между коленями и сосудом 1. Округлобокая банка со слегка прикрытым устьем и едва намеченным поддоном. Цвет поверхности изменяется от светло-коричневого до серого. В тесте глины имеется примесь мелкого шамота и небольшое количество белой крошки. Внешняя поверхность верхней части сосуда бугристая, а нижняя покрыта глубокими наклонными полосами от сглаживания. Высота сосуда 8,5 см, диаметр венчика 10,5 см, диаметр дна 7 см (рис. 23, 5).

Погребение 7.

Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Как и на многих могилах, стенка ямы, к которой было обращено лицо умершего, была более округлой, расширяясь в центральной части. Длина могилы 1,07 м, ширина до 0,9 м, глубина 0,5 м от верхнего уровня материка (рис. 24, 2).

В заполнении могильной ямы встречались остатки деревянного поперечного перекрытия и фрагмент боковины крупного (толщина стенки до 1,2 см) сосуда. Внешняя поверхность светло-коричневая, в изломе стенка черная, на внутренней стороне – слой нагара. В тесте глины имеется примесь шамота.

К юго-западной стенке могильной ямы примыкала небольшая ступенька-уступ длиной 0,47 м и шириной 0,53 м. Глубина уступа – 0,2 м от верхнего уровня материка. На ступеньке, ближе к могильной яме стоял глиняный лепной сосуд – миниатюрная банка горизонтальных пропорций с выделенным поддоном и слегка прикрытым устьем. Цвет внешней поверхности варьирует от светло-коричневого до светло-серого. Тесто глины в изломе черное и имеет примесь шамота и белой крошки. Размеры сосуда: высота 5,6 см, диаметр дна 7,4 см, диаметр по венчику 9,2 см (рис. 24, 3).

В могильной яме, ближе к северо-западной стенке лежал скелет мужчины 40-45 лет, сильно скорченный (локти касаются коленей), на левом боку, черепом на северо-восток. Руки были согнуты в локтях и положены перед лицом.

Перед лицом погребенного, в юго-восточном углу могилы стоял керамический сосуд – острореберный орнаментированный горшок с выделенным поддоном. Горшок украшен рядом аморфно-овальных отпечатков под венчиком и двумя такими же рядами по ребру. Цвет поверхности – светло-серый и светло-коричневый. В тесте глины заметна примесь мелкого шамота. Высота сосуда 9,6 см, диаметр по венчику 16,2 см, диаметр дна 9,8 см (рис. 24, 4).

Погребение 8.

Погребение совершено в подквадратной яме размерами 0,63x0,55 м и глубиной 0,3 м от верхнего уровня материка. Более длинными сторонами могильная яма ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. В заполнении могилы встречались остатки деревянного поперечного перекрытия.

По сохранившимся костям ребенка установлено, что он был погребен на левом боку, головой на северо-восток, скорченно. Левая рука согнута в локте и протянута к лицу, правая также согнута в локте и положена перед грудью. Погребальный инвентарь представлен двумя сосудами.

Сосуд 1. Стоял в северо-восточном углу могилы. Округлобокая банка со слегка прикрытым устьем. Высота 13,4 см, диаметр венчика 14,6 см, диаметр дна 8 см. Сосуд украшен бордюрным орнаментом – треугольники вершинами вниз, выполненные ног-

тевыми вдавлениями. Цвет бугристой, неровной поверхности – темно-серый со светло-коричневыми пятнами (рис. 24, 5).

Сосуд 2. Стоял перед грудью погребенного. Миниатюрная неорнаментированная банка с прикрытым устьем. Поверхность, бугристая от примеси шамота, имеет светло-коричневый цвет. Высота сосуда 6,2 см, диаметр венчика 9 см, дна – 6,8 см (рис. 24, 6).

Погребение 9.

Могильная яма трапециевидной формы расширялась в юго-западном направлении, но ко дну приобрела прямоугольные очертания со скругленными углами. Размеры могильного пятна: длина 1,9 м, ширина 1-1,45 м. Размеры могилы по дну: длина 1,68 м, ширина 0,95 м. Глубина могилы от верхнего уровня материка – до 1,84 м. В заполнении могильной ямы встречены остатки деревянного перекрытия, залежавшего поперек могилы, но встречались и продольные бревна.

На глубине 0,3-0,4 м от верхнего уровня материка, в центральной части могилы, поверх остатков деревянного перекрытия залежали кости животного, вероятно остатки жертвенника, устроенного на перекрытии (рис. 25, 1).

На дне могилы лежал скелет мужчины приблизительно 25 лет, на левом боку, скорченно, с завалом на грудь, черепом на северо-восток. Череп лежал на левой височной кости. Руки погребенного были согнуты в локтях, прижаты к груди, а кисти положены перед лицом. Правая нога мужчины была согнута под прямым углом по отношению к туловищу. Левая нога притянута ближе к локтям (рис. 25, 1).

В могиле обнаружен следующий погребальный инвентарь:

1. Бронзовое шило с костяной рукоятью. Рукоятка шила лежала под черепом, под левой височной костью. Шило в сечении четырехгранное. Рукоять изготовлена из трубчатой кости, суставная часть обточена и оформлена в виде упора. Длина рукояти 11,4 см. Шило плотно сидит в рукояти (рис. 25, 3).

2. Вплотную к коленям погребенного, на дне могилы стоял лепной глиняный сосуд – горшок подострорезерберной формы с выделенным поддоном. Сосуд украшен овальными вдавлениями – один ряд нанесен под венчиком и два ряда проходят по ребру. Цвет внешней поверхности – светло-коричневый; в тесте глины имеется примесь шамота. Размеры сосуда: высота 15 см, диаметр по венчику 17,4 см, диаметр дна 9 см (рис. 25, 2).

3. Вплотную к рукам погребенного и поверх сосуда лежали четыре крупных ребра коровы (?) – остатки погребальной пищи.

Погребение 10.

Могильная яма подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами расширялась в головах и была ориентирована более длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Длина могилы 1 м, ширина 0,9 м, глубина от уровня материка – до 0,76 м. В заполнении могильной ямы были встречены остатки бревен от заклада диаметром 7-9 см, причем нижние залежали поперек могилы, а верхние вдоль.

Могила сильно повреждена грызунами. Скелет сохранился только в восточной части могилы. По нему установлено, что умерший был положен на левый бок, головой на северо-восток, скорченно (судя по небольшой длине могилы). Руки согнуты в локтях и положены перед лицом. На дне могилы в центральной части, в том числе и под костями скелета, была обнаружена тонкая прослойка белого тлена органического происхождения.

В центральной части могилы, у локтей погребенного был поставлен глиняный лепной сосуд – крупная банка с прикрытым устьем, прямым срезом венчика и едва намеченным поддоном. Внешняя поверхность сосуда имеет равномерный светло-коричневый цвет. Размеры сосуда: высота 14 см, диаметр венчика 16,5 см, диаметр дна 10,2 см (рис. 25, 4).

Погребение 11.

Планиграфически погребение занимает обособленное место среди других захоронений, т.к. других захоронений в северо-западном секторе нет, что, вероятно, объясняется большим размером выкида и перекрытия погребения 11 (рис. 18).

Погребение перекрывал мощный накатник (рис. 26). Он залегал на слое погребенной почвы и выкиде. Общая протяженность двойного накатника свыше 5 м с северо-запада на юго-восток и 4,9 м с юго-запада на северо-восток. Вначале был уложен (как определилось после вскрытия могильной ямы) поперечный накатник перпендикулярно к телу погребенного. Дерево было положено комлями к юго-востоку и, соответственно вершинами к северо-западу. Крупные бревна перемежались с колотыми плахами. На одной из них сохранился возможно след от орудия типа плоского тесла, которыми раскалывались бревна. Толщина бревен варьировалась от 25 до 45 см. Установлено, что при перекрытии могилы использовали, как минимум, две породы деревьев – сосну и березу, так как в обоих случаях сохранилась кора. Кора сохранилась не на всех бревнах и плахах и не исключено использование и других пород деревьев.

Верхний накатник лежал поперек нижнего, комлями в северо-восточном направлении. Причем он был положен с таким расчетом, чтобы перекрывать только могилу, но не весь нижний накатник.

Крупные обломки бревен встречались и в заполнении могилы. По уровню материка могильная яма имела подквадратную форму со сторонами длиной 2-2,2 м.

В верхней части заполнения встречены фрагменты керамики и разрозненные кости скелета человека, которые возможно происходят из разрушенного погребения 20. Они концентрировались в восточной части заполнения, близ юго-восточного края могильной ямы, т.е., в направлении погребения 20 (рис. 27, 1).

По найденным фрагментам восстанавливается банка вертикальных пропорций со слегка прикрытым устьем. Цвет внешней поверхности светло-коричневый; в верхней трети редкозубчатым штампом нанесен геометрический орнамент. Высота сосуда 16 см, диаметр по венчику 18 см, диаметр дна 13 см (рис. 28, 3).

Могильная яма по дну имела следующие размеры: длина 1,75 м, ширина 1,35-1,42 м, глубина от верхнего материка 2,17 м (рис. 27, 2). На дне могилы, ближе к ее северо-западной стенке лежал скелет мужчины в возрасте 40-45 лет, скорченно, на левом боку. Череп лежал на левой скуле, то есть немного развернут лицевой частью к земле. Левая рука согнута в локте, сильно прижата к груди, так что кисть касается лица, причем она перпендикулярна к самой руке. Правая рука прижата к правому боку, согнута в локте и ее кисть покоится на локте левой. Причем сама кисть согнута под тупым углом и также направлена к лицу.

Левая нога мужчины была согнута под прямым углом по отношению к туловищу, а пятки на 15 см не достигали таза. Правая нога была согнута под более острым углом, а стопа положена на стопу левой (рис. 28, 1).

В могиле обнаружен следующий инвентарь:

1. На дне могилы, у головы, напротив лица погребенного, а также в нижней части заполнения могилы, и рядом с коленом левой ноги найдены фрагменты и развал сосуда – острореберного горшка, орнаментированного зубчатым штампом, с выделенным поддоном. Цвет внешней поверхности серый, керамика рыхлая от обильной примеси шамота. Сосуд украшен по плечу двойным зигзагом и двумя горизонтальными полосами по ребру, выполненными зубчатым штампом. Сразу под срезом венчика и под ребром проходит полоса наклонных оттисков двузубого штампа. Сосуд полностью восстанавливается только графически. Размеры сосуда: высота 13,2 см, диаметр венчика 18 см, Диаметр дна 9 см (рис. 28, 2).

2. Между коленом левой ноги и стенкой могилы найдено ребро крупного животного – остатки сопроводительной пищи.

3. В ногах, в юго-восточном углу могилы лежал на боку сосуд – крупная округлобокая банка с прикрытым устьем и едва намеченным поддоном. Цвет слегка бугристой от примеси шамота внешней поверхности пятнистый и изменяется от светло-коричневого до темно-серого. Ниже венчика, на боках сосуда симметрично выполнены по сырой глине два сквозных отверстия диаметром 1,5 см. Размеры сосуда: высота 16,9 см, диаметр по венчику 18 см, диаметр дна 10 см (рис. 28, 3).

Погребение 12.

Совершено в прямоугольной яме со слегка округлыми углами и отвесными стенками. Могильная яма была перекрыта бревенчатым накатником, крупные фрагменты которого встречались на разной глубине в заполнении могильной ямы. Размеры могилы: длина 1,3 м, ширина 1,0 м, глубина до 1 м от уровня материка.

На дне могилы, ближе к западной стенке лежал скелет женщины старческого возраста, на левом боку, сильно скорченно, головой на северо-северо-восток. Череп раздавлен рухнувшим перекрытием, а центральная часть торса разрушена грызунами – отсутствует большая часть ребер и позвонков. Тем не менее, хорошо устанавливается, что погребенная была не только сильно скорчена (локти касаются коленей), но и уложена с завалом на спину. Левая рука была согнута в локте и традиционно положена перед лицом. Правая рука была также согнута в локте, но положена на правое плечо (рис. 29, 1).

В могиле был обнаружен следующий погребальный инвентарь:

1. В северо-восточном углу могилы, вплотную к стенке был поставлен крупный округлобокий горшок со слегка отогнутым венчиком. На части поверхности покрыт грубыми вертикальными расчесами. Поверхность бугристая из-за крупных примесей шамота и белой крошки; обжиг неравномерный. Украшен под венчиком двойным зигзагом, выполненным крупнозубчатым штампом. Цвет поверхности – светло-коричневый. Высота 17 см и диаметр по венчику 17 см, диаметр дна 11,2 см (рис. 29, 2).

2. Перед грудью погребенного, вплотную к нижней челюсти и костям рук была поставлена округлобокая банка с прикрытым устьем. В верхней трети банка украшена наклонными оттисками крупнозубчатого штампа. Цвет поверхности пятнистый (светло-серый и светло-коричневый), сама поверхность бугристая из-за примеси шамота в тесте глины. Высота сосуда 11,4 см, диаметр по венчику 13 см, диаметр по дну 9 см (рис. 29, 3).

3. На запястьях рук сохранилось по бронзовому желобчатому браслету с приостренными концами (рис. 29, 4).

Погребение 13.

Погребение совершено в подпрямоугольной яме с сильно скругленными углами. Более длинными сторонами яма ориентирована по линии запад – восток. В темном, гумусированном заполнении могильной ямы на глубине 0,5 м от верхнего уровня материка сохранилось несколько деревянных бревен (до 15 см в диаметре), залегавших поперек могилы. Могильная яма имела следующие размеры: длина 1,05 м, ширина 0,65 м, глубина 0,75 м от верхнего уровня материка.

На дне могилы лежал скелет ребенка 6-7 лет, скорченно, на левом боку, черепом на восток. Руки были согнуты в локтях и положены перед лицом.

Между руками погребенного и стенкой могильной ямы были помещены два керамических лепных сосуда, которые сохранились в развалах.

Сосуд 1. Стоял у стенки могилы. Банка вертикальных пропорций с прикрытым устьем. Цвет внешней поверхности пятнистый из-за неравномерного обжига; в тесте глины имеется примесь шамота. На внутренней поверхности сохранился нагар толщиной до 1,5 мм. Размеры сосуда: высота 16,2 см, диаметр венчика 15,4 см, диаметр дна 9,5 см (рис. 29, 5).

Сосуд 2. Стоял между сосудом 1 и погребенным. Округлобокая банка с прикрытым устьем. Цвет внешней поверхности светло-коричневый и серый. Тесто глины пористое и рыхлое, содержит примесь шамота. Высота сосуда 12,3 см, диаметр устья 13 см, диаметр дна около 9,5 см (рис. 29, 6).

Погребение 14.

Подпрямоугольная могильная яма с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Более широкой частью (по северному краю) могильная яма слегка отклонялась в восточном направлении. Размеры могилы: длина 0,75 м, ширина 0,55-0,6 м, глубина до 0,24 м от уровня материка. Темное заполнение могильной ямы содержало мелкую древесную труху от перекрытия.

Скелет ребенка (судя по величине могильной ямы) не сохранился.

На дне могилы, у ее западной стенки стоял лепной керамический сосуд – округлобокая банка со слегка прикрытым устьем (рис. 29, 7). Цвет внешней поверхности плавно изменяется от светло-коричневого до серого из-за неравномерности обжига. Высота сосуда 13 см, диаметр по венчику 13,5 см, диаметр дна 8,6 см.

Погребение 15.

Захоронение совершено в могильной яме подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированной по линии запад – восток. Размеры могильной ямы: длина 0,8 м, ширина до 0,59 м, глубина до 10 см от уровня погребенной почвы.

Могила повреждена норами грызунов, но в восточной части могилы сохранились кости скелета и развалы двух сосудов. Ребенок, возрастом около 6 месяцев был погребен на левом боку, головой на восток. Перед лицом и грудью были поставлены два сосуда.

1. Развал сосуда – придонная часть, вероятно округлобокой банки с выделенным поддоном. Цвет поверхности – светло-серый, заметных примесей тесто глины не имеет. Стенки покрыты наклонными расчесами. Диаметр дна 9,8 см. Стоял перед лицом ребенка (рис. 29, 8).

2. Небольшая банка с прикрытым устьем и выделенным поддоном. Цвет внешней поверхности – светло-коричневый. В верхней трети сосуд орнаментирован рядами косых крестов, нанесенных плоским штампом. Тесто глины в изломе черное, имеет слабую примесь мелкого шамота. Высота сосуда 8,1 см, диаметр венчика – около 9,5 см, диаметр дна 7 см. Стоял перед грудью ребенка (рис. 29, 9).

Погребение 16.

Небольших размеров могильная яма имела подпрямоугольную форму, округлые углы и была ориентирована более длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Стенка со стороны спины погребенного была слегка вогнута внутрь могилы, а противоположная – наоборот слегка выпуклая. Длина могилы 0,73 м, ширина 0,45 м, глубина 0,25 от верхнего уровня материка.

Кости скелета ребенка сохранились плохо (плод). По остаткам черепа, нескольких ребер, костей руки и ноги устанавливается, что ребенок был положен на левый бок, скорченно, головой на северо-восток. Перед погребенным вдоль длинной стенки было поставлено два сосуда.

Сосуд 1. Приземистая банка со слегка прикрытым устьем и небольшим поддоном. Цвет внешней поверхности – темно-серый. Тесто глины в изломе черного цвета, без заметных примесей. Высота сосуда 7 см, диаметр по венчику 9,8 см, диаметр дна 7,5 см (рис. 29, 10).

Сосуд 2. Крупная банка с прикрытым устьем. Украшена по верхнему краю наклонными оттисками короткого четырехзубого штампа. Цвет поверхности неустойчив и изменяется от светло-коричневого до серого. В тесте глины есть небольшая примесь

шамота и мелкой белой крошки. Высота сосуда 13 см, диаметр по венчику 16,8 см, диаметр дна 11,8 см (рис. 29, 11).

Погребение 17.

Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии запад – восток. При выборке темного гумусированного заполнения, на глубине 0,15 м от уровня материка, в юго-восточном углу было обнаружено скопление костей МРС (жертвенник?). Сама могильная яма имела следующие размеры: длина 0,8 м, ширина 0,6 м, глубина 0,5 м от верхнего уровня материка.

На дне могилы находились остатки плохо сохранившегося скелета ребенка (от 4 до 6 месяцев) и два глиняных лепных сосуда: за затылком погребенного (сосуд 1) и между локтями и коленями (сосуд 2).

По сохранившимся костям скелета установлено, что умерший был погребен скорченно на левом боку, головой на восток. Кости рук полностью не сохранились, но очевидно, что они были согнуты в локтях и положены перед лицом.

Сосуд 1. Лепной горшок со слегка отогнутым венчиком и слабовыраженным ребром. По плечу украшен двойным зигзагом, небрежно нанесенным зубчатым штампом. Высота сосуда 12 см. Диаметр по венчику 14,4 см, диаметр дна 9,5 см (рис. 29, 12).

Сосуд 2. Округлобокая асимметричная банка со слегка прикрытым устьем. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета покрыта полосами наклонных расчесов. Высота сосуда 9,5-10,5 см, диаметр по венчику 11,4 см, диаметр дна 7 см (рис. 29, 13).

Погребение 18.

Погребение совершено в могильной яме подпрямоугольной формы с округлыми углами. Северо-западная длинная стенка нависала над могилкой в виде небольшого дугообразного выступа шириной до 13 см и толщиной до 10 см. В свою очередь противоположная стенка была дугообразно расширена. Могильная яма была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 0,9 м, ширина 0,65 м, глубина 0,7 м от уровня материка. В заполнении могильной ямы встречались древесные остатки поперечного перекрытия.

Кости детского скелета (около 3 лет), находившегося в могиле, потревожены грызунами, но поза погребенного легко восстанавливается. Ребенок лежал на спине, скорченно, головой на восток (скелет лежал несколько по диагонали могилы). Череп погребенного перемещен грызунами и лежит не на левой височной кости, а стоит вертикально, на затылке и нижней челюсти. Левая рука согнута в локте и кисть положена перед лицом. Правая рука также согнута в локте, но под меньшим углом и кистью касается локтя левой руки.

Между скелетом и стенкой могилы на дне могилы стояли два лепных сосуда.

Сосуд 1. Стоял между черепом и стенкой могилы. Крупный горшок биконической формы со слегка отогнутым венчиком и едва намеченным поддоном. Украшен в верхней трети геометрическим орнаментом из горизонтальных и наклонных линий, нанесенных мелкозубчатым штампом. Цвет поверхности – темно-серый. На поверхности заметны редкие крупинки шамота. Диаметр по венчику 15,8 см, диаметр дна 9 см. Высота 14,5 см (рис. 30, 1).

Сосуд 2. Стоял вплотную к первому сосуду, между костями рук и стенкой могилы. Высокая банка со слегка прикрытым устьем и вертикальными полосами от сглаживания. Цвет внешней поверхности светло-коричневый и светло-серый. Тесто глины заметных примесей не имеет. Высота сосуда 11,6 см, диаметр по венчику 12,6 см, диаметр дна 8,6 см (рис. 30, 2).

Погребение 19.

Могильная яма детского погребения имела неправильную подпрямоугольную форму, округлые углы и была ориентирована длинными сторонами по линии юго-

восток – северо-запад. Длинная западная стенка могилы имела дугообразную форму. Размеры могильной ямы: длина 0,65 м, ширина 0,4-0,5 м, глубина 0,18 м от уровня материка. От скелета новорожденного ребенка сохранились только раздавленные кости черепа, по которым установлено, что ребенок был похоронен на левом боку, головой на юго-восток. Об этом свидетельствует форма могильной ямы, так как дугообразная форма стенки в подавляющем большинстве случаев в данном могильнике устраивалась перед лицом погребенного и расположение керамического инвентаря, который также чаще всего ставился перед лицом и грудью погребенного. Керамика представлена двумя сосудами.

Сосуд 1. Округлобокая банка с прикрытым устьем. Цвет поверхности из-за неравномерного обжига изменяется от темно-серого до светло-коричневого. По краю венчика проходит ряд подовальных наколов. Высота сосуда 12,4 см, диаметр устья 13 см, диаметр дна 9,7 см. Тесто глины в изломе черное, без заметных примесей (рис. 30, 3).

Сосуд 2. Небольшая округлобокая банка светло-коричневого цвета. Внешняя поверхность покрыта вертикальными полосами от сглаживания. В тесте глины имеется примесь шамота и белой крошки. Высота сосуда 7,8 см, диаметр венчика 9,7-10,6 см, диаметр дна 6,8 см (рис. 30, 4).

Погребение 20.

Могильная яма прямоугольной формы имела незначительно скругленные углы и была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В верхней части ее длинные стенки слегка расширялись, а короткая торцевая юго-западная стенка была на 0,2 м шире северо-восточной. Длина могильной ямы 2 м, ширина 1,2-1,4 м, глубина – до 1,62 м от уровня материка в непо потревоженной норами части.

Могила была перекрыта деревянным накатником. Часть его хорошо читается в бровке, где она залегает на перемещенной погребенной почве в южной части бровки. Большая часть перекрытия упала в могилу и из-за большой глубины остатки бревен стояли вдоль длинных стенок почти вертикально. Почти все дно могилы представляло из себя одну большую нору, заполненную остатками жизнедеятельности сурков. Ими был полностью разрушен скелет погребенного. Разрозненные кости скелета (мужчина, 25-35 лет) встречались в насыпи над погребением к западу от могилы и особенно много их было в верхней части заполнения могильной ямы соседнего погребения 11.

От погребения сохранилась только часть дна с непо потревоженной подстилкой в западном углу могилы. Подстилка органического происхождения включала субстанцию черного цвета и белый истлевший камыш.

В южном углу могилы был поставлен раздавленный рухнувшим перекрытием лепной керамический сосуд – крупный округлобокий горшок со слегка отогнутым венчиком и выделенным поддоном. Срез венчика приотрёт и отогнут наружу. Цвет внешней поверхности – светло-коричневый, в тесте глины – примесь мелкого шамота. Сосуд орнаментирован ногтевыми вдавлениями: под венчиком проходит ряд вдавлений, который периодически дополняется опущенными вниз вершинами треугольниками. В 4-х см ниже среза венчика в стенках сосуда напротив друг друга имеется по паре полуовальных сквозных отверстий, выполненных по сырой глине. Сосуд имеет следующие размеры: высота 21 см, диаметр венчика 21 см, диаметр дна 12,5 см (рис. 30, 5).

Погребение 21.

Погребение детское (плод), совершено в могильной яме подпрямоугольной формы с двумя сильно скругленными углами, что придает некоторую дуговидность одной из длинных стенок. В заполнении могильной ямы встречались остатки деревянного перекрытия. Могильная яма была ориентирована по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток и имела следующие размеры: длина 0,7 м, ширина 0,45 м, глубина 0,6 м.

Скелет маленького ребенка сохранился плохо – это кости раздавленного черепа, несколько ребер, одна кость руки и несколько длинных костей ног. Устанавливается, что ребенок был положен скорченно, на правом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и положены перед лицом.

Между лицом погребенного и стенкой могилы стоял крупный лепной сосуд – банка вертикальных пропорций с прикрытым устьем и едва намеченным поддоном. Сосуд украшен под венчиком полосой каплевидных ногтевых вдавлений. Цвет внешней поверхности светло-серый, тесто глины – без заметных примесей. Высота сосуда 14,2 см, диаметр по венчику 13,5 см, диаметр дна 10 см (рис. 30, 6).

Южнее, между ногами и стенкой стоял еще один сосуд – небольшая банка с выделенным поддоном. Цвет внешней поверхности светло-серый, заметны следы от вертикального сглаживания. Тесто глины в изломе черное, без заметных примесей. Высота сосуда 7,7 см, диаметр венчика 9 см, диаметр дна 7,5 см (рис. 30, 7).

Погребение 22.

Погребение было совершено в прямоугольной могильной яме с округлыми углами. Могила была перекрыта поперечным деревянным накатником, остатки которого обнаружены в заполнении. Ровные стенки могилы почти вертикально опускались ко дну и только северо-восточная стенка была повреждена землероями. Могила ориентирована по линии юго-запад – северо-восток и имела следующие размеры: длина 1,23 м, ширина 0,85 м, глубина до 1,11 м от верхнего уровня материка.

Умерший ребенок 11-12 лет был погребен скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом и протянуты к нему (рис. 31, 1).

В могилу был помещен следующий инвентарь:

1. В углу могилы, перед лицом погребенного стоял лепной керамический сосуд – узкодонный острореберный горшок с широким устьем и закраиной в придонной части. Сосуд украшен бордюрным орнаментом, выполненным крупнозубчатым штампом и затертым белой пастой. Основу орнаментальной композиции составляет полоса зигзага, заполненного косой штриховкой, в результате чего образовались треугольники вершинами вверх. Под слегка отогнутым венчиком проходит полоса коротких наклонных насечек. Поверхность сосуда имеет пятнистый цвет – от светло-коричневого до серого в результате неравномерного обжига. В тесте глины имеется примесь шамота и белой крошки. Размеры сосуда: высота 11,6 см, диаметр венчика 18,6 см, диаметр дна 8,6 см (рис. 31, 2).

2. Перед коленями, касаясь их стоял сосуд 2 – узкодонный острореберный горшок с широким устьем и закраиной в придонной части. Сосуд украшен бордюрным орнаментом, выполненным крупнозубчатым штампом и затертым белой пастой. Основу орнаментальной композиции составляет полоса зигзага, заполненного косой штриховкой, в результате чего образовались треугольники вершинами вверх. Под слегка отогнутым венчиком проходит полоса коротких наклонных насечек. Поверхность сосуда имеет пятнистый цвет – от светло-коричневого до черного как итог неравномерного обжига, а также она шероховата из-за примеси шамота в тесте глины. Размеры сосуда: высота 10,5 см, диаметр венчика 15,6 см, диаметр дна 8,4 см (рис. 31, 3).

3. В южном углу могилы компактной кучкой (рис. 31, 1) уложен набор астрагалов:

- 11 путовых костей лошади (фаланга I) (рис. 22, 7);
- 8 путовых костей лошади (фаланга II) (рис. 22, 8);
- 8 астрагалов КРС (фаланга I и II) (рис. 22, 9);
- фаланги I и II МРС (17 экз.) (рис. 22, 10) и таранная кость МРС (рис. 22, 11);

- одно обработанное изделие – обрезанная наполовину головка от длинной кости животного; по краю обреза сделана фаска, а в центре просверлено сквозное отверстие (рис. 22, 12; 31, 4).

Погребение 23.

Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами была длинными сторонами ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Длина могилы 1,7 м, ширина по верхнему уровню материка 1,4 м, по дну 1,2 м. Глубина от верхнего уровня материка – до 1,16 м. Погребенный (6-7 лет) был уложен на правый бок, скорченно, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом. Череп скелета и сосуд, поставленный перед лицом, раздавлены землей.

Погребенный был накрыт покрывалом из бересты. «Покрывало» сплетено из тонких полосок коры и включало какую-то деревянную основу, сохранившуюся в виде продольных остатков дерева шириной 3-4 см и толщиной около 1-2 см в центральной части могилы и вдоль нее. Покрывало было положено непосредственно на покойника и, вероятно, заменяло отсутствовавшее в данном погребении деревянное перекрытие. Под скелетом и в центральной части могилы вокруг него сохранилась подстилка органического происхождения. Она включала остатки коры (?) коричневого цвета и белого камыша. Количественно в подстилке преобладала кора.

Во всех четырех углах могилы имелись круглые в плане ямки диаметром 18-22 см и глубиной 11-15 см. В профиле ямки имели округлое дно (рис. 31, 5). Каких-либо остатков древесины в ямках не обнаружено, тогда как другая органика в погребении сохранилась.

Обнаружен следующий погребальный инвентарь:

1. Сосуд 1. Был поставлен перед лицом погребенного. Подострорезерный горшок с едва выделенным поддоном и бордюрным орнаментом, выполненным зубчатым штампом. Композиция орнамента составлена из ряда косых треугольников, заполненных штриховкой и дополнена рядом овальных насечек по ребру. Преобладает светло-коричневый цвет поверхности с небольшим количеством серых пятен. В тесте глины заметна примесь шамота. Высота сосуда 14,6 см, диаметр венчика 17,8 см, диаметр дна 10,2 см (рис. 31, 6).

2. Сосуд 2. Был поставлен перед руками и грудью погребенного. Острорезерный горшок с выделенным поддоном. Из-за неравномерного обжига поверхность имеет пятнистый цвет. В тесте глины имеется крупная примесь шамота. Сосуд орнаментирован в верхней трети. Под венчиком и по ребру прочерчены горизонтальные линии, между которыми проходит зигзаг. Получившиеся треугольники через один заполнены косяй штриховкой. Орнамент дополнен двумя рядами коротких наклонных насечек – под венчиком и по ребру. Высота сосуда 11- 11,5 см, диаметр венчика 16 см, диаметр дна 8,4 см (рис. 31, 7).

3. В ногах, перед коленями погребенного и вдоль стенки могилы лежало крупное ребро коровы (?) – остатки погребальной пищи.

Погребение 24.

По уровню материка могильная яма имела овальную форму и была ориентирована в направлении запад – восток. Все заполнение могилы было изрыто норами грызунов. По мере выборки заполнения, включавшего небольшое количество истлевшей древесины, стенки могильной ямы выровнялись и приняли прямоугольные очертания. Каждая из стенок слегка расширялась в средней части, а углы были округлыми. Размеры могильной ямы по дну следующие: длина 1,47 м, ширина 1-1,08 м. Глубина ямы составила до 1,67 м от верхнего уровня материка. Могила ориентирована длинными сторонами в направлении запад – восток с незначительным отклонением по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток.

Ближе ко дну могилы стали встречаться разрозненные кости скелета взрослого человека (мужчина 50-55 лет) вперемешку с фрагментами лепной керамики и древесной трухой. Ребра, длинные кости ног, таза и крестца лежали вдоль южной стенки могилы. Кости таза и крестца, а также две лучевые кости руки находились в естественном сочленении, что говорит о небольшом промежутке времени между захоронением умершего и нарушением могилы землероями. Череп, лопатка, кости рук также концентрировались в северо-восточном углу могилы.

Из фрагментов керамики была восстановлена банка вертикальных пропорций с прикрытым устьем и выделенным поддоном. Обжиг неравномерный, цвет черепка меняется от светло-коричневого до черного. В тесте глины визуальнo прослеживается слабая примесь мелкой белой крошки. Под венчиком концом палочки нанесен ряд отсков, на части периметра он удваивается. Высота сосуда 15 см, диаметр венчика 14,6 см, диаметр дна 10,9 см (рис. 32, 1).

Погребение 25.

Погребение было сильно повреждено сурчиным перекопом. *In situ* сохранилась восточная часть небольшой могильной ямы прямоугольной формы. Ширина ямы 0,53 м, глубина 0,12 м. Длинными сторонами яма была ориентирована в направлении юго-запад – северо-восток. В восточном углу могилы сохранились развалы двух лепных керамических сосудов.

Сосуд 1. Груболепная банка с прикрытым широким устьем и слегка выделенным поддоном. Под венчиком украшена рядом наклонных наколов, выполненных щепкой, а по тулову небрежно прочерчены крупные кресты. Светло-коричневая поверхность бугристая от примеси шамота. Высота сосуда 8,2 см, диаметр венчика 11 см, диаметр дна 6,8 см (рис. 32, 2).

Сосуд 2. Округлобокая банка с прикрытым устьем. Внешняя поверхность бугристая от обильной примеси шамота. Цвет внешней поверхности пятнистый (от светло-коричневого до темно-коричневого) из-за неравномерного обжига. Размеры сосуда: высота 9 см, диаметр устья 12 см, диаметр дна 8,6 см (рис. 32, 3).

История сооружения кургана.

Установлено, что все погребения в кургане являются основными и насыпь возводилась над ними после совершения последнего захоронения в один прием. Погребение 20 было совершено в центре кургана и выкид из него перекрывал выкиды других погребений, то есть оно сооружалось последним из остальных и после этого возводилась насыпь.

Все погребения кургана относятся к срубной культуре эпохи поздней бронзы и были совершены на протяжении небольшого хронологического отрезка на развитом (втором) этапе культуры.

Курган 2.

Курган 2 располагался в 12 м к северо-востоку от кургана 1. Насыпь сильно расплылась в результате многолетней распашки. Ее первоначальный диаметр достигал 21-23 м. Высота кургана 0,3 м. Все обнаруженные погребения были совершены в материке и сопровождалась материковыми выкидами на погребенной почве, что говорит об их устройстве до возведения насыпи. Всего в кургане обнаружено 10 захоронений.

В планиграфии обнаруженных погребений прослеживается определенная закономерность. Наиболее крупные могилы погребений 6 и 9 были самыми южными в кургане. К северу от них, неровной полукруглой цепочкой с запада на восток располагались остальные 8 погребений. Все погребения располагались не далее 5-7 метров от наиболее крупного погребения 9 (рис. 33).

После снятия насыпи была установлена следующая **стратиграфия**:

1. Гумусный слой толщиной 0,25-0,3 м. Ранее распахивался, к моменту раскопок был задернован.

2. Темно-серая сильно гумусированная супесь – насыпь кургана. В центральной части кургана слой достигал толщины 0,35 м и постепенно выклинивался к краям бровки.

3. Погребенная почва – сильно гумусированная супесь еще более темного цвета, чем цвет насыпи. Толщина слоя – до 0,4 м. Контакт с нижележащим слоем плавный.

4. Материк – светло-желтая супесь (рис. 34).

Верхний уровень погребенной почвы хорошо подчеркивался материковыми выкидами, по цвету и составу аналогичными материковой супеси.

Погребение 1.

Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Длина могилы 0,85 м, ширина – 0,5 м, глубина от верхнего уровня материка – 0,12 м. В заполнении встречались мелкие остатки деревянного перекрытия.

Погребение детское, практически полностью разрушено грызунами. Сохранилась *in situ* только центральная часть дна могилы. От погребения младенца осталась одна бедренная кость, по которой можно предполагать, что он был погребен скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. У колена погребенного стоял глиняный лепной сосуд – приземистая банка со слегка прикрытым устьем. Поверхность сосуда бугристая от примеси шамота в тесте глины. Цвет внешней поверхности – темно-серый. Высота сосуда 5 см, диаметр венчика 8,7 см, диаметр дна 8 см (рис. 32, 4).

Погребение 2.

Могильная яма подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами (особенно в ногах) была ориентирована длинными сторонами по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Длина могильной ямы 1,08 м, ширина 0,6-0,65 м, глубина от уровня материка – до 0,75 м. Яма была накрыта поперечным перекрытием, следы которого сохранились в заполнении.

На дне могилы лежал скелет ребенка 9-10 лет, скорченно, на левом боку, руки согнуты в локтях и положены перед лицом).

В могиле обнаружен следующий инвентарь:

1. Сосуд 1 стоял в углу могилы, между стенкой и кистями рук. Банка вертикальных пропорций со слегка прикрытым устьем. Украшена по верхнему краю косыми насечками, выполненными плоским штампом. Цвет внешней поверхности – светло-коричневый, переходящий в серый из-за неравномерности обжига. Поверхность сильно бугристая из-за обильной примеси мелкого шамота и белой крошки. Высота сосуда 10,8 см, диаметр венчика 12,8 см, дна – 7,8 см (рис. 32, 5).

2. Сосуд 2 стоял перед грудью. Толстостенная банка с открытым устьем. Венчик срезан внутрь и покрыт косыми вдавлениями зубчатого штампа. Этим же штампом нанесены косые насечки под венчиком. Цвет внешней поверхности – светло-коричневый, переходящий в серый из-за неравномерности обжига. Поверхность шероховатая из-за примеси шамота и мелкой белой крошки в тесте глины и покрыта наклонными полосами от сглаживания. Высота сосуда 7,2 см, диаметр венчика 11,7 см, диаметр дна 6,5 см (рис. 32, 6).

3. За затылочной частью черепа, на дне и среди костей (между плечевой костью и лопаткой) лежали две узкие бронзовые желобчатые височные подвески в 1,5 оборота овальной формы (рис. 32, 7).

Погребение 3.

Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. В заполнении

могильной ямы на глубине 0,3-0,45 м обнаружены остатки бревенчатого перекрытия, лежавшего вдоль могилы. Длина могильной ямы 0,8 м, ширина 0,5 м, глубина от уровня материка – до 0,52 м.

На дне могилы вдоль западной стенки лежал скелет ребенка в возрасте около 2-х лет, скорченно, на левом боку, руки согнуты в локтях и положены перед грудью.

В могиле обнаружен следующий инвентарь:

1. Сосуд 1. Округлобокая банка с широким и слегка прикрытым устьем и едва намеченным поддоном стояла между руками и стенкой могильной ямы. Венчик косо срезан внутрь и украшен насечками зубчатого штампа. Этим же штампом нанесены наклонные оттиски в верхней трети сосуда. Цвет сосуда пятнистый, изменяется от светло-коричневого до серого, в тесте глины заметна небольшая примесь мелкого шамота и белой крошки. Высота сосуда 8,6 см, диаметр по венчику 12,4 см, диаметр по дну 9,2 см. Судя по примесям, зубчатому штампу и качеству обжига этот сосуд был изготовлен тем же мастером, что и сосуд 2 из погребения 2 этого же кургана (рис. 32, 8).

2. Сосуд 2. Стоял перед коленями погребенного. Миниатюрная банка с открытым устьем. Срез венчика покрыт насечками зубчатого штампа. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета, бугристая от примеси шамота и покрыта наклонными расчесами. Высота сосуда 4,7 см, диаметр по венчику 8,1 см, диаметр дна 6,6 см (рис. 32, 9).

3. Бронзовое, четырехгранное в сечении шило, вставленное в костяную рукоять из трубчатой кости. Идентично шилу из погребения 9 кургана 1. Лежало под затылком ребенка. Длина рукояти 10 см. Четырехгранное бронзовое шило надежно закреплено в рукояти (рис. 32, 10).

4. Между сосудом 2 и туловищем лежал небольшой альчик.

Погребение 4.

Погребение совершено в могильной яме прямоугольной формы. Два угла могильной ямы по одной из длинных сторон (к которой обращено лицо погребенного) сильно скруглены. Могила была ориентирована по линии юго-юго-восток – северо-северо-запад и имела ровные, слегка сужающиеся ко дну стенки. Размер могильной ямы: длина 1,0 м, ширина 0,7 м, глубина 0,5 м. На погребенной почве вокруг могилы отмечены следы материкового выкида, в заполнении встречались остатки деревянного перекрытия.

На дне могилы лежал скелет ребенка 3-4-х лет, скорченно, на левом боку, черепом на северо-северо-запад. Кости туловища и рук растащены землероями и положение рук не устанавливается. Перед погребенным стояли два лепных керамических сосуда.

Сосуд 1. Миниатюрная глуболепная баночка со слегка прикрытым устьем. Высота сосуда 4 см, диаметр по венчику 6,5-6,9 см, диаметр дна 5 см. Цвет бугристой из-за примесей шамота внешней поверхности – серо-коричневый (рис. 32, 11).

Сосуд 2. Миниатюрная глуболепная баночка горизонтальных пропорций. Высота сосуда 4,3 см, диаметр по венчику 7,8 см, диаметр дна 6,8-7,2 см. Цвет бугристой из-за примесей шамота внешней поверхности – серо-коричневый (рис. 32, 12).

Погребение 5.

Могильная яма имела прямоугольную форму, округлые углы и была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Размеры могилы: длина 1,07 м, ширина 0,7 м, глубина до 0,7 м от верхнего уровня материка. В заполнении могилы встречались остатки деревянного перекрытия.

На дне могилы лежал плохо сохранившийся скелет ребенка 4-5 лет. Кости торса (за исключением нескольких ребер и ключиц) отсутствовали. Кости рук и ног сохранились частично. Относительно хорошо сохранился череп, хотя и был раздавлен перекрытием и грунтом. Поза погребенного восстанавливается полностью. Умерший лежал

на левом боку, скорченно, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и кисти положены перед лицом.

В могиле обнаружены следующие предметы:

1. Между руками погребенного и стенкой могилы стоял горшок биконической формы с едва намеченной шейкой и небольшой асимметрией (сосуд 1). Внешняя поверхность имеет пятнистый цвет, вызванный неравномерностью обжига. Сосуд украшен разреженным прочерченным орнаментом, нанесенным по всей поверхности (рис. 32, 13). Это сочетание горизонтальных линий и зигзагов. В тесте глины есть небольшая примесь шамота. Сосуд имеет следующие размеры: высота 11,7-12,4 см, диаметр венчика 12,2 см, диаметр плоско-вогнутого дна 9,2 см.

2. Вплотную к первому и ближе к коленям погребенного стоял второй сосуд – миниатюрный, асимметричный и подострореберный. В верхней трети сосуд украшен прочерченным зигзагом. Цвет поверхности светло-коричневый, плавно перетекающий в светло-серый. Высота сосуда 6,6 см, диаметр по венчику 6,9 см, диаметр плоско-вогнутого дна 5,8-6,2 см (рис. 32, 14).

3. На правой височной кости и под левой височной костью черепа найдены остатки бронзовых желобчатых височных подвесок. Подвески сохранились плохо, особенно нижняя. Верхняя узкая подвеска имела вытянутые пропорции (рис. 32, 15).

4. На запястьях рук обнаружены остатки бронзовых желобчатых браслетов (рис. 32, 16).

Погребение 6.

Края крупной могильной ямы подпрямоугольной формы были сильно разъедены норами грызунов, но ближе к дну могила принимает правильные прямоугольные очертания с округлыми углами. Заполнение могилы сохранило следы поперечного деревянного перекрытия. По дну могила имела следующие размеры: длина 1,75 м, ширина 1,15 м, глубина до 1,13 м от верхнего уровня материка. Длинными сторонами могильная яма ориентирована в направлении юго-запад – северо-восток.

На дне могилы, по центру лежал скелет женщины 17 – 25 лет, на левом боку, скорченно, с небольшим завалом на спину. Руки согнуты в локтях, кисти рук не просто положены перед лицом, но слегка собраны в горсть и пальцы обращены к лицу. Кости очень плохой сохранности, раздроблены и сильно истлели. Головой погребенная была ориентирована на северо-восток (рис. 35, 1).

В северо-восточном углу могилы стояло два лепных керамических сосуда. Ближе к торцевой стенке могилы стояла крупная округлобокая банка вертикальных пропорций с прикрытым устьем. Цвет внешней поверхности – светло-коричневый и серый. Поверхность покрыта тонкими вертикальными полосами от сглаживания. С внутренней стороны на стенках сохранился нагар. Высота сосуда 18,8 см, диаметр по венчику 18 см, диаметр дна 10,8 см. Несмотря на свои относительно крупные размеры сосуд отличается тщательностью выделки, симметричностью и токостенностью (рис. 35, 3).

Рядом с банкой находился развал еще одного сосуда – банка с узким дном и слегка прикрытым устьем, а также немного выделенным поддоном. Цвет поверхности практически равномерный светло-коричневый с легкими темно-серыми пятнами. В тесте глины имеется обильная примесь крупного шамота и редкой белой крошки. Размеры сосуда: высота 10,1 см, диаметр венчика 12 см, диаметр дна 7,6 см (рис. 35, 2).

Погребенную сопровождал комплекс украшений. На запястьях рук сохранились по два бронзовых желобчатых браслета. Браслеты сохранились фрагментарно, но, судя по произведенной реставрации, на каждой руке было по браслету с заходящими и браслету с несомкнутыми концами (рис. 35, 4-7).

За затылком, в области шеи на дне могилы найдены мелкие пастовые бусы белого цвета с зеленоватым отливом – 21 штука и 154 штуки из темно-серого стекла (рис. 35,

11, 12). Между лопаткой и шеей, недалеко от бус залегала крупная бронзовая желобчатая височная подвеска в полтора оборота. Длина подвески 5 см. Подвеска обернута золотой фольгой, по которой нанесены поперечные насечки. В нижней, более широкой части подвески сохранилась береста, свернутая трубочкой. Еще одна такая же подвеска обнаружена под черепом, в районе левого виска (рис. 35, 9, 10). Там же найдена третья подвеска – бронзовая, желобчатая, в полтора оборота, но округлой формы (высота 2,1 см), плакированная золотом по всей внешней поверхности (рис. 35, 8).

Погребение 7.

Погребение детское, парное, было совершено в могильной яме подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами. Более длинными сторонами могильная яма была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Могила сопровождалась материковым выкидом, залегавшим поверх погребенной почвы к югу и была перекрыта деревянным перекрытием поперек могилы. Остатки перекрытия сохранились в темном гумусном заполнении могилы. Размеры могильной ямы: длина 1 м, ширина 0,8 м, глубина до – 57 см от верхнего уровня материка.

Парное захоронение было совершено в одинаковой позе – скорченно, на левом боку, головой на северо-восток, руки согнуты в локтях и положены перед лицом. Более взрослый ребенок 4-5 лет лежал спиной к северной стенке могильной ямы, младший ребенок (около 6 мес.) – перед ним (рис. 35, 13).

Перед грудью младшего ребенка был поставлен лепной глиняный сосуд – банка вертикальных пропорций с прикрытым устьем. Внешняя поверхность покрыта глубокими косыми расчесами, цвет – темно-серый, переходящий в светло-коричневый. Сосуд имеет следующие размеры: высота 14,5 см, диаметр венчика 14,5 см, диаметр дна 9,6 см (рис. 35, 14).

В районе рук и черепа старшего ребенка лежало несколько фрагментов лепной керамики – неорнаментированные боковины сосуда светло-коричневого цвета с небольшой примесью шамота в тесте глины.

Погребение 8.

Могильная яма прямоугольной формы со слегка округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и имела следующие размеры: длина 1,15 м, ширина 0,72-0,75 м, глубина 0,5-0,56 м от верхнего уровня материка. Темное заполнение могильной ямы включало остатки деревянного перекрытия, лежавшего поперек могилы, что хорошо фиксируется и в бровке на уровне погребенной почвы. Часть перекрытия, видимо при обрушении была перемещена и залегала в диагональном положении.

Скелет ребенка 6-7 лет лежал скорченно на левом боку, но с легким завалом на спину, ближе к северо-западной стенке могилы. Череп погребенного покоился на левой височной кости, руки согнуты в локтях и кисти рук положены перед лицом. Ориентирован погребенный головой на северо-северо-восток.

В северо-восточном углу могилы, перед лицом погребенного были поставлены два глиняных лепных сосуда.

Сосуд 1. Слабопрофилированный широкодонный горшок. В верхней части орнаментирован тремя рядами горизонтально поставленных глубоких «личиных» оттисков. Светло-коричневая внешняя поверхность бугристая от обильной примеси шамота и белой крошки. В нижней части заметны наклонные полосы от сглаживания поверхности. Высота сосуда 12,3-12,6 см, диаметр венчика 13,8 см, диаметр дна 10,6 см (рис. 35, 15).

Сосуд 2. Плоскодонная банка с открытым устьем горизонтальных пропорций и слегка выделенным поддоном. Внешняя поверхность имеет светло-коричневый цвет в верхней части и серый – в нижней. Тесто глины чрезвычайно рыхлое и включает при-

мель шамота и белой крошки. Высота сосуда 5,6 см, диаметр венчика 10 см, диаметр дна 8,2 см (рис. 35, 16).

Погребение 9.

Крупная могильная яма подпрямоугольной формы имела округлые углы и была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Яма имела следующие размеры: длина 2,68-2,7 м, ширина 1,62-1,64 м и глубина 1,69-1,76 м от уровня репера или 0,8-0,86 м от верхнего уровня материка. Стенки могильной ямы почти вертикально опускались вниз, слегка сужаясь ко дну.

Заполнение могильной ямы состояло из смеси гумуса и суглинистой материковой почвы с примесью очень мелких фракций древесного тлена от разложившегося деревянного перекрытия.

Скелет погребенного зрелого возраста лежал на дне могилы, в ее центральной части. Он оказался плохой сохранности, а также был разрушен землероями. По костям раздавленного черепа, лучевой и локтевой костям руки, а также фрагментам таза и костям ног устанавливается, что умерший был погребен на левом боку, головой на северо-восток и сильно скорченно – колени почти касались локтей. Слева и справа от погребенного на дне могилы сохранились два пятна белого тлена органического происхождения диаметром около 10 см.

Приблизительно перед лицом погребенного, ближе к восточному углу могилы был поставлен сосуд – груболепной слабопрофилированный горшок вертикальных пропорций с едва отогнутым венчиком и слабо выделенным поддоном. Пористая от выгоревших растительных примесей и бугристая от примеси крупного шамота поверхность светло-коричневого цвета слегка заглажена. В тесте глины также есть небольшая примесь белой крошки. Высота сосуда 17,1 см, диаметр венчика 15,6 см, диаметр дна 11,5 см (рис. 35, 17).

Погребение 10.

Детское погребение (новорожденный) было совершено в небольшой могильной яме подтрапециевидной формы и округлыми углами. Размеры могильной ямы: длина 0,55-0,7 м, ширина 0,6 м, глубина 0,19 м от уровня материка. Более длинной стороной могила ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. В заполнении могилы встречалось небольшое количество дерева от перекрытия.

Кости скелета ребенка сохранились плохо. На дне могилы лежали остатки раздавленного черепа, несколько ребер и бедренная кость ноги, по которым можно предположить, что ребенок был захоронен в традиционной срубной позе – на левом боку, скорченно, головой на северо-восток.

В ногах стоял лепной глиняный сосуд – округлобокая банка вертикальных пропорций с прикрытым устьем. Внешняя поверхность серого цвета, по внутренней – сохранился слой нагара. Размеры сосуда: высота 15,7 см, диаметр венчика 14,5 см, диаметр дна 9,3 см (рис. 35, 18).

История сооружения кургана.

Погребения кургана были сооружены на протяжении относительно небольшого отрезка времени и перекрыты одной насыпью. Все погребения соответственно однокультурны. По характеру погребального обряда и инвентаря курган датируется вторым (классическим) этапом срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Курган 3.

Курган располагался наиболее близко к железной дороге. Северная и почти вся восточная части насыпи были уничтожены при сооружении карьера и технологической дороги во время строительства второго железнодорожного пути. Погребения 5 и 6 были обнаружены уже под технологической дорогой. После снятия насыпи и зачистки раз-

рушенной части кургана был приблизительно определен его первоначальный диаметр – около 18-19 м. Высота кургана по сохранившейся части бровки – 0,4 м.

Стратиграфическая бровка была разбита над сохранившейся частью насыпи, а планиграфический анализ расположения погребений показывает, что центр кургана находился в 6-7 м восточнее. Шесть захоронений кургана располагались по дуге к северу от наиболее крупной могильной ямы (погр. 6) на расстоянии 6,5-7,5 м (рис. 36, 1).

Стратиграфия:

1. Верхнюю часть насыпи составлял дерновой слой (бывшая пашня) толщиной до 0,25 м.

2. Под гумусом находился слой насыпи – темный гумусированный суглинок. В районе нулевого репера он достигал толщины 0,35 м.

3. Насыпь залегала на слое погребенной почвы. Погребенная почва отличалась от насыпи более темным цветом. Контакт с нижележащим слоем плавный. Толщина слоя – до 0,3 м.

4. Материк – светло-желтая супесь, изрезанная мерзлотными трещинами.

Между погребенной почвой и насыпью в районе нулевого репера отмечено несколько комочков материкового выкида, залегающих на одном уровне и подчеркивающих границу между погребенной почвой и насыпью (рис. 36, 1).

Погребение 1.

Погребение детское, основное – в заполнении встречены остатки деревянного перекрытия, а в северном и западном направлении от могилы на уровне погребенной почвы прослежен светлый материковый выкид.

Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Длина могилы 0,66 м, ширина 0,56 м, глубина от верхнего уровня материка – 0,27 м. От скелета младенца сохранились только кости черепа, по которым устанавливается, что он был положен на левом боку, головой на северо-восток.

У длинной юго-восточной стенки стоял глиняный лепной сосуд – высокая неорнаментированная несколько асимметричная банка с открытым устьем. Цвет внешней поверхности – темно-серый, в тесте глины – примесь шамота. Высота сосуда 11,3-12,4 см, диаметр по венчику 13,8 см, диаметр дна 10,2 см (рис. 36, 2).

Погребение 2.

Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток. Заполнение включало остатки деревянного перекрытия, а к востоку от нее на погребенной почве прослеживался светлый материковый выкид.

От погребенного ребенка сохранились разрозненные кости черепа, руки, отдельные позвонки и большая берцовая кость. По ним устанавливается, что умерший был положен на левый бок, головой на северо-восток.

Перед лицом погребенного, в юго-западном углу могилы стоял слабопрофилированный горшок вертикальных пропорций со слегка отогнутым венчиком. Украшен в верхней трети косыми бессистемными насечками, выполненными зубчатым штампом. Вся внешняя поверхность покрыта также достаточно заметными вертикальными полосами от сглаживания. Цвет внешней поверхности из-за неравномерного обжига изменяется от светло-коричневого до темно-серого. В тесте глины заметна легкая примесь шамота и белой крошки. Высота сосуда 13,3 см, диаметр венчика 12,6 см, диаметр дна 9,6 см (рис. 36, 3).

Погребение 3.

Погребение совершено в могильной яме по форме, близкой к прямоугольнику, но длинная южная стенка имела сильно округленные углы, что придает в плане юго-

западной части могилы полусферическую форму. Погребение сопровождалось могильным выкидом на погребенной почве, а яма была перекрыта поперек колотыми деревянными плахами шириной до 15 см, которые сохранились в заполнении могилы на глубине 0,35-0,4 м от уровня материка. Могильная яма была ориентирована по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Размеры могильной ямы следующие: длина 0,94 м, ширина до 0,8 м, глубина 0,45 м от верхнего уровня материка.

На дне могилы лежал скелет ребенка 4-5-ти лет плохой сохранности. Ребенок был положен на левом боку, скорченно, черепом на восток-северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом.

Перед лицом стоял глиняный лепной сосуд – округлобокая банка с прикрытым устьем светло-коричневого цвета. Неровности внешней поверхности сглажены разнонаправленной штриховой зачисткой. Тесто глины в изломе черное, с примесью шамота и белой крошки. Сосуд имеет следующие размеры: высота 10,5 см, диаметр венчика 15,2 см, диаметр дна 9,4 см (рис. 37, 1).

В юго-восточном углу могилы, рядом с сосудом лежало пять астрагалов МРС (рис. 37, б).

Погребение 4.

Могильная яма погребения имела подквадратную форму и сильно скругленные углы. Ориентирована могильная яма почти строго по сторонам света, а более длинными сторонами – в направлении запад-восток. На уровне погребенной почвы погребение сопровождалось светлым материковым выкидом, залегающим к югу и северу от могилы. Могила была перекрыта бревенчатым накатником, остатки которого сохранились в темном гумусированном заполнении могильной ямы. Могильная яма имела следующие размеры: длина 1,3 м, ширина 1,05 м, глубина 0,6 м от верхнего уровня материка.

На дне могилы сохранились остатки скелета ребенка 6-7 лет: фрагменты черепа, плечевые кости рук, ребра. Относительно не потревоженными остались кости ног. Умерший был положен скорченно, на левом боку, головой на восток (рис. 38, 2).

Погребальный инвентарь находился в юго-восточном углу могилы. Это набор астрагалов, уложенных в компактную кучку и глиняный лепной сосуд.

1. Набор астрагалов включал:

- 7 таранных костей КРС (рис. 38, 3);
- 7 таранных костей свиньи (рис. 38, 4);
- 23 таранные кости (астрагалы) МРС (рис. 38, 5).

2. Сосуд – крупная округлобокая груболепная банка с прикрытым устьем темно-серого цвета. Внешняя поверхность покрыта грубыми вертикальными полосами от сглаживания. Высота сосуда 13,5-14,1 см, диаметр венчика 18 см, диаметр дна 11 см (рис. 37, 2).

Погребение 5.

Погребение совершено в могильной яме подквадратной формы с сильно скругленными углами. Могильная яма ориентирована по сторонам света с незначительным отклонением по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Могила размерами 1,57x1,55 м имела глубину до 0,76 м от верхнего уровня материка. Три стенки могильной ямы вертикальные, а восточная – слегка покатая (рис. 39, 1).

Вероятно, погребение сопровождалось могильным выкидом но он был уничтожен при разработке карьера и сооружении технологической дороги, под которую попало погребение.

В заполнении могильной ямы сохранились остатки мощного деревянного перекрытия. По глубине 0,45-0,5 м от уровня материка зафиксировано залегание двух бревен в направлении север-юг у западной стенки и приблизительно в центре могилы. Ос-

тальные бревна диаметром 15-18 см перекрывали могилу сплошным накатом по линии запад – восток (рис. 39, 2).

На дне могилы, в ее центральной части и ближе к северной стенке лежал скелет ребенка 8-10 лет. Череп и стоящий рядом керамический сосуд были раздавлены упавшим перекрытием. Кости скелета плохой сохранности, но поза устанавливается. Ребенок был помещен в могилу на левом боку, скорченно, с согнутыми в локтях руками и кистями рук перед лицом (рис. 39, 3).

Раздавленный сосуд удалось восстановить. Это плоскодонная лепная банка с открытым устьем. Цвет поверхности коричневый с темно-серыми пятнами. В тесте глины обильная примесь шамота и немного белой крошки. В верхней трети тулова сосуд небрежно украшен двумя рядами наклонных оттисков короткого зубчатого штампа. Размеры сосуда: высота 10,2 см, диаметр венчика 13 см, диаметр дна 8,8 см (рис. 37, 3).

В северо-восточном углу могилы компактной кучкой (в мешочке?) были уложены крупные и мелкие астрагалы и зубы коровы. Всего насчитывалось 47 предметов:

- 7 таранных костей (астрагалов) КРС (рис. 40, 1);
- 8 таранных костей свиньи (рис. 40, 2);
- 26 астрагалов овцы (рис. 40, 3);
- 2 таранные кости лошади (рис. 40, 4);
- 4 зуба коровы (рис. 40, 5).

Погребение 6.

Погребение сопровождалось мощным кольцевым выкидом, простиравшимся до 2-2,5 м во все стороны от могильной ямы. Полную толщину выкида установить не удалось, так как в этом месте насыпь кургана была снесена почти до уровня погребенной почвы строительными работами еще до начала раскопок кургана. С западной и восточной стороны могильной ямы на верхнем уровне погребенной почвы сохранились остатки деревянного перекрытия.

Крупная могильная яма имела подквадратную форму и округлые углы. Яма размерами около 2,6x2,6 м и глубиной до 1,06 м от верхнего уровня материка была ориентирована по сторонам света. Бревенчатое перекрытие было положено в направлении запад – восток. Его остатки обнаружили уже с глубины 0,2-0,3 м от уровня погребенной почвы. Крупные бревна достигали в диаметре 30 см. Под бревенчатым накатником с западного и восточного краев могилы лежали еще два бревна в направлении север – юг (рис. 41, 1).

Стенки могилы слегка покатые и сильно повреждены норами грызунов. Содержимое могилы ниже уровня упавшего перекрытия было полностью переработано сурчиными норами. Скелет мужчины 35-45 лет был рассеян в заполнении северной части могилы до такой степени, что *in situ* не осталось ни одной кости и установить позу погребенного невозможно. Череп погребенного (без нижней челюсти) был ориентирован на север и лежал на левой височной кости, но на 7 см выше дна могилы (рис. 42).

Все стены могилы и дно в южной части были повреждены грызунами. В норе в юго-восточном углу могилы был обнаружен фрагмент крупного неорнаментированного подострорезерберного сосуда с легким бортиком по внешнему краю венчика. Сосуд имел неравномерный обжиг, в тесте глины примесь шамота и мелкой белой крошки. В нижней части покрыт наклонными расчесами. Восстанавливаемый диаметр по венчику – около 17 см (рис. 37, 4).

После полной выборки могильного заполнения, у западной и восточной стенок, в их средней части были обнаружены две столбовые ямки диаметром около 20 см с остатками древесной трухи на дне, которая, вероятно, происходит от столбов, поддерживавших две продольные лаги, но которые было уложено бревенчатое перекрытие. Глубина западной ямки 0,41 м, восточной ямки – 0,28 м от уровня дна могилы (рис. 41, 2).

Погребение 7.

Погребение детское и почти полностью разрушено сурками. Могильная яма имела трапециевидную в плане форму (южная сторона более короткая) и округлые углы. Могильная яма была ориентирована по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток и имела следующие размеры: длина 0,7-0,8 м, ширина 0,62 м, глубина 0,42 м от верхнего уровня материка.

От скелета ребенка сохранилась только одна кость ноги в перемещенном состоянии, в западной части могилы, по которой определен возраст – около 6 месяцев. Исходя из места расположения сосуда, можно только предполагать ориентировку погребенного в направлении восток-северо-восток.

У короткой южной стенки и вплотную к ней стоял лепной сосуд – округлобокая банка высоких пропорций с прикрытым устьем и едва намеченным ребром. По плечу вертикально нанесены едва заметные полосы от сглаживания. Цвет поверхности темно-серый. Высота сосуда 12,7 см, диаметр венчика 14 см, диаметр дна 7,8 см (рис. 37, 5).

История сооружения кургана.

Как и в двух предыдущих курганах, все погребения кургана 3 относительно одновременны, были сооружены на протяжении небольшого хронологического отрезка и все сразу перекрыты одной насыпью. Все они относятся к срубной культуре второго этапа эпохи поздней бронзы.

Курган 4.

Самый северный из раскопанных курганов в группе. Диаметр кургана 22 м, высота 0,38 м по северной бровке и 0,75 м по южной (рис. 43, 1). Насыпь кургана сильно расплылась в результате многолетней распашки. В процессе снятия насыпи фиксировались материковые выкиды (сопровождали все погребения) и деревянные надмогильные перекрытия, которые также были у всех погребений. Особенно крупные деревянные конструкции относились к погребениям 7 и 4.

Стратиграфия кургана следующая:

1. Гумусный слой (бывшая пашня). Достигал толщины 0,35 м.
2. Насыпь кургана. Залегала под пахотным слоем и достигала толщины 0,3 м по краям насыпи. Однородная гумусированная супесь темно-серого цвета. В центральной части достигала толщины 0,6 м.
3. Погребенная почва – по цвету почти не отличалась от насыпи. Она несколько темнее и имеет более плотную структуру. Однако в нескольких местах насыпь и погребенная почва хорошо разделялись тонкими прослойками материкового выкида из погребения 7. Особенно хорошо стратиграфическая картина читалась в центре насыпи, где с бровкой соприкасался угол погребения 7 и часть бревенчатого перекрытия над ним. Бревна залегали на выкиде и погребенной почве. Выкид хорошо выражен к югу от репера, где он достигает 25-27 см. Погребенная почва повреждена в центре кургана, где ее толщина уменьшается до 5 см, а на остальных участках варьирует от 10 до 25 см. Контакт с нижележащим слоем плавный.
4. Материк – светло-желтая супесь (рис. 43, 2).

Погребение 1.

По верхнему уровню материка могильное пятно погребения имело подовальную форму (1,7х1,2 м) с сильно разъеденными сурчиными норами краями. В заполнении в большом количестве встречались фрагменты истлевшей древесины. По мере выборки заполнения яма приобрела подпрямоугольную форму с округлыми углами. Размеры могилы по дну: длина 1,45 м, ширина 0,7 м. Глубина от верхнего уровня материка составила 0,83 м.

Скелет женщины 16-17 лет был разрушен землероями. Кости скелета вперемешку с фрагментами керамики были смещены в южную часть могилы и залегали на разном уровне в нижней части заполнения могилы.

Из разрозненных фрагментов керамики был собран слабопрофилированный горшок с едва намеченной шейкой. Сосуд имеет вертикальные пропорции, выделенный поддон и плоский срез венчика, украшенный насечками. Внешняя поверхность имеет светло-коричневый цвет, хорошо заметна примесь крупной белой крошки и шамота. Тесто глины настолько рыхлое и пористое, что на нем едва читается орнамент, нанесенный по плечу – двойной зигзаг, выполненный крупнозубчатым штампом. Сосуд имеет следующие размеры: высота 14,4 см, диаметр по венчику 14-15 см, диаметр дна 10,5 см (рис. 45, 1).

Погребение 2.

Могильное пятно подквадратной формы с сильно скругленными углами (1,25-1,4х1,3 м) по мере выборки заполнения приобрело более правильные прямоугольные очертания длиной 1,04 м и шириной 0,9 м. Глубина могилы достигала 0,8 м от уровня материка. Могила ориентирована почти по линии север – юг. В заполнении могильной ямы сохранились остатки бревенчатого поперечного перекрытия.

Скелет девушки 13-14 лет, находившийся на дне могилы, был поврежден землероями. Особенно пострадали кости ног, от которых сохранилась только одна бедренная. Умершая была положена на левый бок, скорченно, головой ориентирована на север с незначительным отклонением в западную сторону. Руки согнуты в локтях и протянуты к лицу, причем, локоть правой руки лежал на небольшом сосуде (№ 3) (рис. 44, 1).

На запястьях обеих рук находились сильно окислившиеся бронзовые желобчатые браслеты с (1 с заходящими, а другой несомкнутыми) приостренными концами диаметром 5-6 см (рис. 45, 1).

Кроме этого, в могиле находилось четыре сосуда.

Сосуд 1. Лежал на боку в северо-западном углу могилы. Это толстостенная округлобокая банка с массивным дном и прикрытым устьем. Внешняя поверхность имеет светло-коричневый цвет с темно-серыми пятнами. Тесто глины с примесью крупного шамота. Диаметр венчика 16 см, высота 12 см, диаметр дна 10 см (рис. 45, 2).

Сосуд 2. Стоял в северо-восточном углу могилы. Крупная тонкостенная округлобокая банка с прикрытым устьем. Обжиг равномерный, цвет внешней поверхности светло-коричневый. В тесте глины заметна примесь шамота и мелкой белой крошки. Внешняя поверхность отличается тщательностью обработки, на боковинах заметны вертикальные и наклонные следы от сглаживания. Несмотря на крупные размеры, сосуд симметричен и имеет одинаковую толщину стенок по всей окружности. Высота сосуда 20 см, диаметр по венчику 20,5 см, диаметр дна 11,6 см (рис. 45, 3).

Сосуд 3. Лежал на боку между сосудом 2 и кистью погребенного, под локтем правой руки. Небольшой горшок с выраженным плечиком в виде уступчика и наlepным валиком по ребру. Срез венчика и валик украшены косыми насечками. Плечо сосуда орнаментировано зигзагом; двойной зигзаг проходит по тулову, а придонная часть покрыта рядом наклонных линий. Весь орнамент выполнен мелкозубчатым штампом. Под венчиком по сырой глине симметрично нанесены две пары сквозных отверстий. Цвет внешней поверхности – светло-серый. Примеси в глине визуально не прослеживаются. Высота сосуда 8 см, диаметр венчика 11,6 см, диаметр дна 8 см (рис. 45, 4).

Сосуд 4. Стоял перед животом погребенного и был перекрыт правым локтем. Небольшая груболепная банка с прикрытым устьем и кососрезанным внутрь краем венчика. Преобладает светло-коричневый цвет внешней поверхности. Поверхность неровная из-за примеси крупных частиц шамота в тесте глины. Размеры сосуда: высота 5,9 см, диаметр по венчику 8,8 см, диаметр дна 7,2 см (рис. 45, 5).

Погребение 3.

По уровню материка могильная яма имела подтрапецевидную форму, так как стенки могилы были сильно повреждены землероями. Ближе ко дну могила приобрела прямоугольные очертания с округлыми углами. В заполнении могильной ямы встречались остатки дерева от перекрытия. Длина могилы 1 м, ширина – 0,6-0,7 м (могила слегка расширяется в ногах), глубина – 0,6 м от верхнего уровня материка. Длинными сторонами могила ориентирована по линии север-юг.

На дне могилы лежал скелет ребенка возрастом около 8 лет, скорченно, головой на север. Руки согнуты в локтях и положены перед лицом. Кости торса, за исключением таза, растащены землероями.

Меду руками погребенного и стенкой могильной ямы стоял лепной сосуд – округлобокая, немного асимметричная банка с прикрытым устьем. Срез венчика нерегулярно украшен насечками, выполненными плоским штампом. Цвет внешней поверхности светло-серый, бугристый из-за примеси шамота и небольшого количества белой крошки. Высота сосуда 11,6 см. Диаметр венчика 14,4 см, диаметр дна 9,6 см (рис. 45, 7).

Погребение 4.

Погребение совершено в большой могильной яме подквадратной формы с округлыми углами и практически вертикальными стенками. Погребение сопровождалось кольцевым материковым выкидом шириной до 1,5 м и толщиной до 0,2 м. Могильная яма была перекрыта мощным бревенчатым накатником, размеры которого превышали размеры собственно могильной ямы по тем краям, поперек которых были положены бревна (на 0,5-0,7 м). В процессе выборки заполнения могильной ямы установлено, что бревна имели в диаметре толщину до 30 см при средней толщине около 20 см. Бревна были положены на края могильной ямы поперек ее, на древнюю погребенную почву и выкид по линии северо-запад – юго-восток. Остатки деревянного накатника прослеживались с уровня погребенной почвы и до дна могилы (рис. 46, 1). Размеры могильной ямы: длина 1,95 м, ширина 1,75 м, глубина 0,75 м от верхнего уровня материка. Более длинными сторонами могила ориентирована по линии юго-запад – северо-восток.

На дне могилы найден скелет женщины 30-35 лет. Кости скелета раздавлены рухнувшим перекрытием могилы. Скелет находился в левой половине могилы (если смотреть со стороны ног), в положении сильно скорченно, на правом боку, черепом на северо-восток. Скорченность была настолько сильной, что пятки ног касались таза, а локти – коленей. Руки были согнуты в локтях, кисти положены перед лицом (рис. 46, 2).

У короткой, северо-восточной стенки могилы стоял глиняный сосуд. Это груболепной, слабопрофилированный горшок с открытым устьем и намечающимся поддоном. Плоский венчик слегка скошен наружу, верхняя половина тулова и частично нижняя покрыты глубокими расчесами. Цвет внешней поверхности варьирует от темно-серого до светло-коричневого из-за неравномерности обжига. В тесте глины имеется небольшая примесь мелкого шамота и белой крошки. Сосуд украшен оттисками крупнозубчатого штампа. Сразу под срезом венчика проходит круговая полоса оттисков. Ниже, под наклоном, проходит пояс вертикальных оттисков, который в некоторых местах дополняется короткими оттисками по ребру сосуда. Размеры сосуда: высота 16,6 см, диаметр венчика 19,8, диаметр дна 10,5 см (рис. 47, 1).

В районе нижней челюсти, за черепом, на левой плечевой кости, за спиной, а также под позвоночником и ребрами в верхней трети торса были обнаружены части украшений от, вероятно, единого комплекса (рис. 47, 2-16). Две соляные композиции из украшений симметрично располагались на приблизительно равном расстоянии друг от друга – в 10-15 см в районе черепа. Лучшее всего сохранилась часть комплекса, располагавшаяся за черепом. Ее основу составляла круглая полусферическая бронзовая бляха. Бляха была обложена золотой фольгой и, вероятнее всего нашита на какую-то основу,

так как была по окружности обложена тонкими бронзовыми пронизками (из фольги?), внутри которых сохранились шерстяные (?) нити, с помощью которых они также крепились на основу. Сохранились фрагментарно и округлые кожаные края основы (рис. 47, 16).

Вокруг бляхи в виде лучей вплотную друг к другу и тремя кольцами располагались бронзовые пронизки плакированные тонкой золотой фольгой. В районе черепа и челюсти комплексы дополнялись несколькими более крупными пронизками, также плакированными золотой фольгой. Общий диаметр этого солярного украшения составлял около 8 см (рис. 47, 4).

Еще 4 круглые бляхи-умбоны, найденные ниже по туловищу, не сопровождалась пронизками.

Всего комплекс включал:

1. 6 бронзовых, плакированных золотом, блях-умбонов. Две из них являлись центральными в солярных украшениях (рис. 47, 5-7).

2. Тонкие рифленые пронизки, плакированные золотом. Найдено около 24 штук. Длина 1,1 см (рис. 47, 8-11).

3. Более крупные гладкие подвески бочонковидной формы, плакированные золотом. Найдено около 12 шт. Длина до 2 см. Залегали между солярными украшениями (рис. 47, 12-14).

4. 2 крупные рифленые подвески, плакированные золотом. Длина до 1,8 см (рис. 47, 15).

Еще несколько десятков мелких (0,5-0,7 см) пронизок без плакировки полностью разложились и закрепить их не удалось.

На черепе, в районе виска была найдена серебряная височная желобчатая подвеска в 1,5 оборота. В древности она разломилась пополам в наиболее узкой верхней части и была отремонтирована – в просверленные отверстия вставлена бронзовая скрепка. Вторая аналогичная по форме серебряная подвеска была найдена под черепом (рис. 47, 2, 3).

Погребение 5.

Могильное пятно по уровню материка имело подовальную форму, но, по мере выборки заполнения, могильная яма приобретала подпрямоугольные очертания. Погребение сопровождалось материковым выкидом на погребенной почве, в заполнении могилы встречались остатки деревянного перекрытия. Размеры могилы по дну: длина 1,17 м, ширина 0,76 м, глубина от верхнего уровня материка 0,65 м.

На дне могилы, по центру лежал скелет ребенка около 8 лет, скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. Череп и кости рук перемещены землероями (рис. 44, 2).

За спиной погребенного и на тазовых костях лежал лепной глиняный сосуд – слабопрофилированный горшок с широким устьем и отогнутым венчиком. Срез венчика украшен глубокими «личиными» вдавлениями. Ими же орнаментирована шейка. На поверхности хорошо видны глубокие наклонные следы от сглаживания. Цвет сосуда светло-коричневый; в тесте глины хорошо заметна примесь крупного шамота, от чего поверхность приобрела бугристость. Высота сосуда 17 см, диаметр венчика 17,4 см, диаметр дна 9,4 см (рис. 48, 1).

Между ногами и стенкой могилы компактной кучкой овальной формы и размерами 0,3х0,2 м были уложены астрагалы, среди которых найдена костяная трубочка и створка ископаемой раковины *Gryphaea vesicularis*. Всего комплекс включал:

- 12 целых и 2 в обломках таранных кости свиньи (рис. 49, 1);
- 73 мелких астрагала МРС и обломки еще от 4-6 (рис. 49, 2);
- трубчатая кость с обрезанными и как бы приостренными по периметру концами, длина 14,6 см (рис. 48, 2; 49, 3).
- створка ископаемой раковины *Gryphaea vesicularis* (рис. 48, 3; 49, 4).

Погребение 6.

Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами и слегка сужающимися ко дну стенками была ориентирована длинными сторонами по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Размеры могилы: длина 1,5 м, ширина 1,05 м, глубина 0,6 м от уровня материка. В сильно переработанном грызунами заполнении могильной ямы встречались фрагменты деревянного перекрытия. Погребение полностью разрушено землероями: большая часть костей скелета было перемещено за пределы могильной ямы; оставшиеся кости (фрагменты таза, обломок нижней челюсти, бедренная кость, обломки костей рук, отдельные позвонки) сдвинуты в восточную половину могилы, перемешаны с остатками деревянного перекрытия и залегают на разных уровнях. Кости принадлежали предположительно женщине 25-35 лет. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 7.

Погребение центральное в кургане. Еще в процессе снятия насыпи, сразу под бывшей пашней, в 2,5 метрах к югу от нулевого репера показался материковый выкид. Площадь выкида увеличивалась по мере снятия насыпи, и по уровню погребенной почвы он окружал погребение кольцом с неровными краями. Максимальное распространение выкида с севера на юг 7 м, с запада на восток – 6, 2 м. Максимальная толщина выкида – до 0,5 м.

Деревянное перекрытие сохранилось по краям могилы и состояло из бревен толщиной до 0,25 м, уложенных поперек могилы. Несмотря на то, что размеры могилы с северо-запада на юго-восток ненамного превышали длину могилы с юго-запада на северо-восток, перекрытие было положено вдоль коротких стенок.

Остатки обрушившегося в дальнейшем перекрытия встречались в заполнении могильной ямы практически до самого дна могилы, но особенно много их было на дне. Могильная яма по уровню материка имела подпрямоугольную форму и скругленные углы. Размеры могилы следующие: длина 2,9 м, ширина 2,45 м. Ориентирована могила, как уже сказано выше по линии северо-запад – юго-восток. Но по мере выборки могилы, она стала приобретать подквадратную форму и по дну ее размеры составляли 2,2х2,2 м. Глубина могилы – от 2,44 м до 2,59 м от нулевого репера и 1,55-1,7 м от верхнего уровня материка.

На дне могилы, в её юго-западном углу лежал скелет мужчины 40-50 лет. Погребенный был уложен сильно скорченно, ничком на груди, с небольшим разворотом на левый бок, черепом на северо-восток. Руки согнуты в локтях и прижаты к груди. Ноги находятся в левобочном положении, сильно притянуты к локтям, а пятки – к тазу. Стоит отметить очень хорошую сохранность костей относительно других погребений в кургане, особенно в сравнении с другим центральным погребением 4 (рис. 44, 3).

Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 8.

Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами и слегка сужающимися стенками более длинными сторонами была ориентирована по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Длина могильной ямы 0,9-1,03 м, ширина 0,7 м, глубина от уровня материка 0,57-0,67 м. Заполнение могильной ямы содержало включения дерева от перекрытия.

На дне могилы лежал скелет ребенка 6-8 лет, сильно потревоженный сурками. Череп смещен, кости рук (за исключением правой плечевой) и почти всего торса отсутствовали. По оставшимся костям устанавливается, что умерший был положен на левый бок, скорченно, головой на северо-северо-восток.

Между скелетом и длинной юго-восточной стенкой находился лепной сосуд – банка высоких пропорций со слегка прикрытым устьем. Цвет поверхности – светло-

коричневый. Поверхность бугристая, сглажена вертикальной и наклонной штриховкой. В тесте глины заметна примесь шамота. Высота сосуда 13 см, диаметр венчика 14 см, диаметр дна 9,2 см (рис. 48, 4).

Погребение 9.

Погребение было совершено в яме подквадратной формы со скругленными углами. Длинная восточная стенка дуговидная. Более длинными сторонами могильная яма ориентирована в направлении юго-запад – северо-восток. Размеры могильной ямы: длина 1,0 м, ширина до 0,97 м в наиболее широкой части, глубина 0,55 м от верхнего уровня материка. В процессе выборки заполнения встречались остатки деревянного перекрытия.

Погребение практически полностью разрушено норами грызунов. *In situ* сохранились только кости ног и лучевая кость руки. По ним устанавливается, что погребенный был положен в традиционной срубной позе: скорченно, на левом боку, с подогнутыми к голове руками и головой на северо-восток. Остальные кости скелета ребенка 7-8 лет были обнаружены в заполнении могильной ямы, перемещены к стенкам или вообще вынесены за пределы могилы.

Вперемешку с костями вдоль стен могильной ямы залежали фрагменты керамики от лепного сосуда – крупной банки вертикальных пропорций с открытым устьем. Внешняя поверхность слегка подлощена и имеет пятнистый коричнево-серый цвет. Цвет глины в изломе черный, какие-либо примеси в тесте глины незаметны. Размеры сосуда: высота 17,4 см; диаметр устья 17,6 см, диаметр дна 10,4 см (рис. 48, 5).

Погребение 10.

Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами длинными сторонами была ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Длина могильной ямы 0,9 м, ширина 0,6 м, глубина 0,25 м от уровня материка.

На дне могилы лежал плохо сохранившийся скелет ребенка 2-3 лет. Судя по остаткам костей, ребенок был положен на правый бок, скорченно, головой на север.

За спиной погребенного, ближе к северо-восточному углу стоял глиняный лепной сосуд – острореберный асимметричный горшок с плечом-уступом. Орнаментирован по шейке и плечу оттисками зубчатого штампа: горизонтальные линии и двойной зигзаг по половине окружности, который с одного края заканчивается фигурой, близкой к ромбу. Тулово покрыто наклонными расчесами. Внешняя поверхность имеет светло-коричневый цвет и легкую шероховатость за счет примеси шамота в тесте глины. Размеры сосуда: высота 10,6-9,8 см, диаметр по венчику 12 см, диаметр дна 9,5 см (рис. 48, б). Поверх костей в районе пояса найден альчик барана.

История сооружения кургана.

Планиграфия кургана указывает на относительную одновременность совершения захоронений: периферийные погребения расположены по кругу на приблизительно равном расстоянии от двух центральных захоронений в более крупных могильных ямах. Насыпь над всеми погребениями была возведена одновременно, без последующих досыпок, что хорошо документируется материковыми выкидами от погребений.

Курган сооружен на втором, развитом этапе срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Курганная группа у ст.Чернавка

Курганная группа находится в 4,3 км к северо-востоку от станции Чернавка Вольского района Саратовской области, на отметке 135,2 км по линии железной дороги Сызрань-Сенная (рис. 1, б). Курганная группа насчитывает три насыпи. Курганы 2 и 3 полностью расположены на пашне, к западу от котлована забора грунта.

Исследованный курган 1 расположен в 300 метрах южнее, у полотна железной дороги.

Курган 1.

Курган имел следующие размеры: диаметр 20 м, высота 0,14-0,2 м. Через край его восточной половины проходила подсыпанная щебенкой дорога технологического обслуживания строящейся второй линии железнодорожного пути. По центру кургана проходила еще одна грунтовая дорога, а край западной половины распахивался. В процессе снятия насыпи фиксировались могильные выкиды и деревянные перекрытия на погребенной почве от погребений 1 и 2, по которым установлено, что оба погребения являются основными.

После снятия насыпи и зачистки бровок была установлена следующая стратиграфия

1. Почвенный слой толщиной 0,25-0,3 м составлял верхний слой кургана. Бывшая пашня, уплотненная на большей части насыпи полевой дорогой.

2. Насыпь – коричнево-серый гумусированный суглинок. Толщина слоя не превышала 0,3-0,35 м в центральной части кургана. На большей части, особенно в центре, насыпь сильно повреждена многочисленными норами грызунов. От подстилающего слоя погребенной почвы отличается более светлым цветом и в нескольких местах отделяется тонкими прослойками материкового выкида, прослойками куги и остатками деревянного перекрытия от центрального погребения 2.

3. Погребенная почва имела темно-серый цвет и отличалась большей по сравнению с современной почвой толщиной – до 0,5 м. Контакт с материком плавный.

4. Материк – светло-желтый суглинок.

Погребение 1.

В процессе снятия насыпи было прослежено, что над уровнем погребенной почвы залегало бревенчатое перекрытие по краям могильной ямы. Бревна достигали 17-20 см в диаметре и на 0,7-1,0 м заходили за края могильной ямы. К северу и, в меньшей степени, к югу от могильной ямы над погребенной почвой залегал слой материкового выкида длиной 2,5 м и шириной до 1,5 м. Толщина выкида достигала в некоторых местах 0,1 м.

Могильная яма имела прямоугольную форму и округлые углы. Длинная западная стенка была дугообразно изогнута и расширяла площадь могилы. Размеры могилы: длина 1,4 м, ширина до 1,18 м, глубина 0,7 м от верхнего уровня материка. Ориентирована могильная яма в направлении юго-юго-запад – северо-северо-восток. Несмотря на активную деятельность сурчиной колонии, располагавшейся в насыпи кургана, отвесные стенки могильной ямы почти на пострадали, но содержимое могилы было почти полностью вынесено за пределы ямы.

Заполнение могильной ямы состояло из темной гумусированной супеси, фрагментов деревянного перекрытия и продуктов жизнедеятельности сурков. В непо потревоженном виде остался участок дна в северной части могилы и узкая полоска дна в юго-восточной части могилы. На этих участках дно было покрыто тонкой прослойкой белого цвета органического происхождения.

В северо-восточном углу могильной ямы, в заполнении найден лепной сосуд и пяточная кость человека. Крупный неорнаментированный подострорезберный горшок имел равномерный по всей поверхности темно-серый цвет. Тесто глины в изломе черное, без заметных примесей. Высота сосуда 13,6 см, диаметр венчика 19,4 см, диаметр дна 9,6 см (рис. 51, 1).

Погребение 2.

Погребение окружал кольцевой материковый выкид, большая часть которого залегала в восточной половине насыпи. Погребение было перекрыто сплошным бревен-

чатый накатником, остатки которого прослеживались на уровне погребенной почвы вокруг могилы и в заполнении могильной ямы. Толщина бревен – 15-20 см, положены поперек могилы. В заполнении могилы найден керамический сосуд (рис. 50, 3).

Стенки могильной ямы сильно повреждены норами грызунов, но ближе ко дну могила приобрела правильные подпрямоугольные очертания. Стенки могилы (на сохранившихся участках) отвесны; углы закруглены. Размеры могильной ямы следующие: длина 2,15 м, ширина 1,7-1,75 м, глубина до 1,11 м от верхнего уровня материка. Длинными сторонами могильная яма ориентирована в направлении запад-северо-запад – восток-юго-восток.

Дно могилы по периметру было сильно повреждено норами грызунов, которые повредили и часть костей скелета, залежавшего в центральной части могильной ямы. Умерший был положен в могилу сильно скорченно, на левом боку, головой на восток-юго-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук положены перед лицом. Череп был перемещен грызунами и покоился между тазом и бедренной костью правой ноги. Нижняя челюсть находилась на колене правой ноги. Большая часть позвонков и ребер была перемещена или вовсе отсутствовала (рис. 50). Между головой погребенного и стенкой могилы стояли два сосуда. Таким образом, погребение содержало три сосуда: одни в заполнении и два на дне могилы.

Сосуд 1. Найден в заполнении могильной ямы, на глубине 0,32 м от верхнего края материка. Возможно стоял на перекрытии у южной стенки могилы. Подострорезерберный горшок с поддоном и слегка отогнутым венчиком. Цвет поверхности – светло-серый, обжиг относительно равномерный. Сосуд украшен геометрическим орнаментом, выполненным крупнозубчатым штампом и «личинками». Размеры сосуда: высота 12 см, диаметр венчика 15,2 см, диаметр дна 10,4 см (рис. 51, 2).

Сосуд 2. Стоял вплотную к левой руке погребенного, перед лицом. Острорезерберный сосуд с низким расположением ребра. Отогнутый наружу венчик орнаментирован по срезу оттисками мелкозубчатого штампа. Таким же штампом украшена верхняя половина сосуда. Это по две горизонтальные линии под венчиком и по ребру. Между ними тройными оттисками штампа дважды нанесен горизонтальный зигзаг, в результате чего образовались цепочки ромбов и треугольников. Сосуд обожжен при высокой температуре и имеет почти по всей поверхности равномерный светло-коричневый цвет. Поверхность хорошо заглажена, но все равно на ней проступают комочки мелкого шамота и белая крошка. Размеры сосуда: высота 14,2 см, диаметр венчика 18,5 см, диаметр дна 9,8 см (рис. 51, 3).

Сосуд 3. Стоял между сосудом 2 и южной стенкой могилы. Округлобокий горшок с широким устьем. Местами сосуд очень сильно прокален при обжиге, что придавало части поверхности светло-оранжевый цвет. Сосуд на две трети покрыт геометрическим орнаментом, включающим двойной зигзаг, наклонные и горизонтальные линии, выполненные зубчатым штампом. Орнамент аналогичен орнаментам на острорезерберных сосудах, когда ребро (в данном случае место максимального расширения тулова) подчеркивается несколькими горизонтальными линиями. Высота сосуда 13,6 см, диаметр по венчику 18,3 см, диаметр дна 9,2 см (рис. 51, 4).

Рядом с сосудом 3 лежало ребро животного – остатки жертвенной пищи. Под костями скелета, сосудами и вокруг них на непо потревоженных норами участках дна могилы сохранились остатки органической подстилки белого цвета.

В процессе снятия насыпи, зачистки бровок и выборки сурчиных заполнений собрано около полутора десятков фрагментов керамики, принадлежащих одному сосуду. Графически он не реконструируется, но по фактуре и форме венчика определяется его принадлежность к остальным погребениям. Черепок очень плотный, тяжелый, с примесью редкой крупной белой крошки в тесте глины. Внешняя поверхность имеет светло-

коричневый цвет и слегка заглажена, на внутренней – заметны горизонтальные следы от сглаживания. Среди всех черепков есть фрагмент венчика с прямым срезом и фрагмент днища (рис. 51, 5, 6).

История сооружения кургана.

Погребения кургана были совершены на втором этапе срубной культуры эпохи поздней бронзы. Насыпь была сооружена над обоими погребениями, т.е. их можно считать относительно одновременными.

Все три курганные группы оставлены местными срубными племенами второго этапа развития. В отличие от предшествующего раннесрубного (покровского) периода, погребальный инвентарь относительно беден, за редкими исключениями. Инвентарь представлен типичным набором предметов, характерных именно для развитого этапа срубной культуры Нижнего Поволжья: керамика (банки, горшки, остросереберные сосуды), бронзовые, серебряные и обложенные золотой фольгой подвески в 1,5 оборота и бронзовые желобчатые браслеты, пастовые бусы, бронзовые шилья с костяными рукоятками, глиняное «колесико», костяное пряслице из головки от длинной кости животного, наборы игральные кости в погребениях детей и подростков.

Курганы из могильников дали выразительную коллекцию срубной керамики. Срубная керамика исследованных памятников представлена всеми тремя основными типами – банками различных размеров, округлободыми горшками и остросереберными сосудами. Последние отличаются пышным (относительно другой керамики) орнаментом, который в нескольких случаях был заполнен белой пастой (рис. 31, 2, 3). Как и на других памятниках, есть случай украшения сосуда асимметричным орнаментом, который принято считать знаками-символами (рис. 32, 13).

В технологии изготовления формовочных масс происходят изменения по сравнению с ранним этапом – исчезает раковинная примесь и в качестве отошителя используют чаще всего шамот и дресву (белую крошку). В целом, керамика находит широкий круг аналогий среди срубных памятников Волго-Донского междуречья, лесостепи Среднего Поволжья и степного Заволжья.

Интересно отметить, что при сформировавшемся керамическом комплексе, несколько сосудов содержат явственные реминисценции предшествующего этапа и даже несут черты средней бронзы. Например, в погр. 2 кург. 4 Новопокровки 2 сосуд с валиком по ребру и двумя парами отверстий для подвешивания (рис. 45, 4) был найден в комплексе с тремя типично срубными сосудами.

Исследованные погребения в курганных группах Новопокровка 1 и 2, а также в кургане у ст. Чернавка представляют интерес в плане реконструкции социальной структуры позднего срубного общества, так как они содержали под одной насыпью от 2 до 25 основных погребений. В отличие от ранних памятников, центральные погребения выделяются среди остальных только своими более крупными размерами. Инвентарь обычный для других погребений: один-два сосуда, остатки напутственной пищи, а в одном случае вообще отсутствует.

Погребения не имели никаких признаков, позволяющих говорить о значительных социальных различиях, существовавших ранее, на стадии формирования культуры и раннем покровском этапе. Наборы астрагалов овцы и КРС (до 90 экз.) или путовых костей лошади, которые обычно связывают со жреческим сословием, сопровождали, в основном, погребения детей и подростков. Вопросы социальной организации срубного общества рассматриваются подробнее ниже.

Хронология погребений всех трех памятников может определяться на основании аналогий с датированными комплексами соседнего региона – юга лесостепного Поволжья. Это могильник Студенцы-1, курган 2, погребение 1: 3450+79 ВР (ОхА-4258) и

могильник Н.Орлянка-1, курган 2, погребение 1: 3400±70 ВР (ОхА-4305). В калиброванном значении это интервал между 1622-1520 гг. до н.э. (XVII-XVI вв. до н.э.) (Кузнецов П.Ф., 1996, с. 57-58). Аналогичную дату для развитой срубной культуры приводит В.А.Трифонов – 1800-1500 гг. до н.э. (Трифонов В.А., 2001, с. 81).

Имеются еще 4 радиоуглеродные даты по кости и дереву из Новопокровки 2 и одна дата по дереву из Чернавки, полученные в Институте географии РАН, но они не могут быть приняты, так как очень сильно удревняют развитый этап срубной культуры – вплоть до середины III тыс. до н.э.

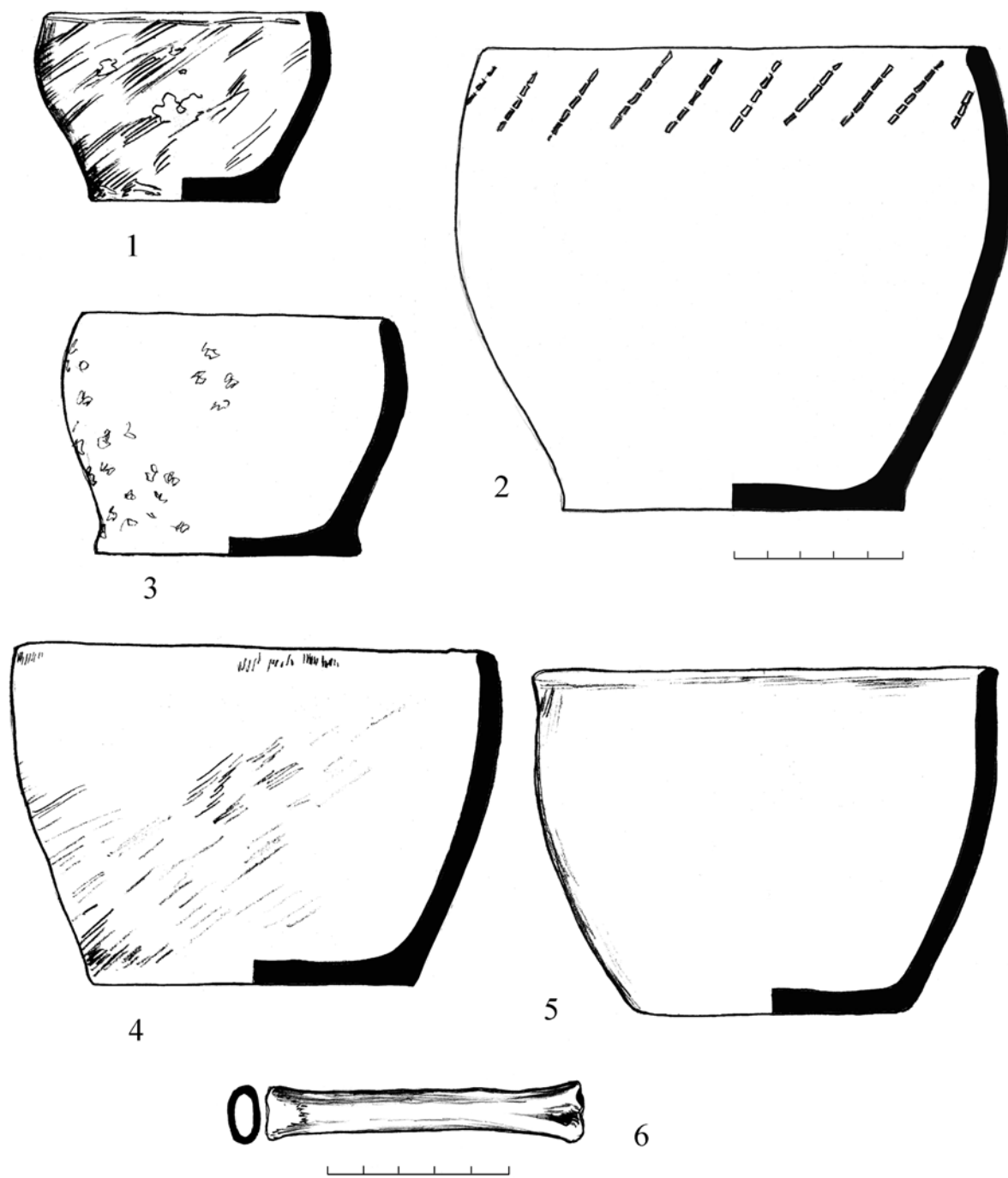

Рис. 17. Новопокровка 1, курган 1. Находки из погребений. 1, 2 – погребение 1; 3, 4 – погребение 2; 5, 6 – погребение 3. 1-5 – керамика; 6 – кость

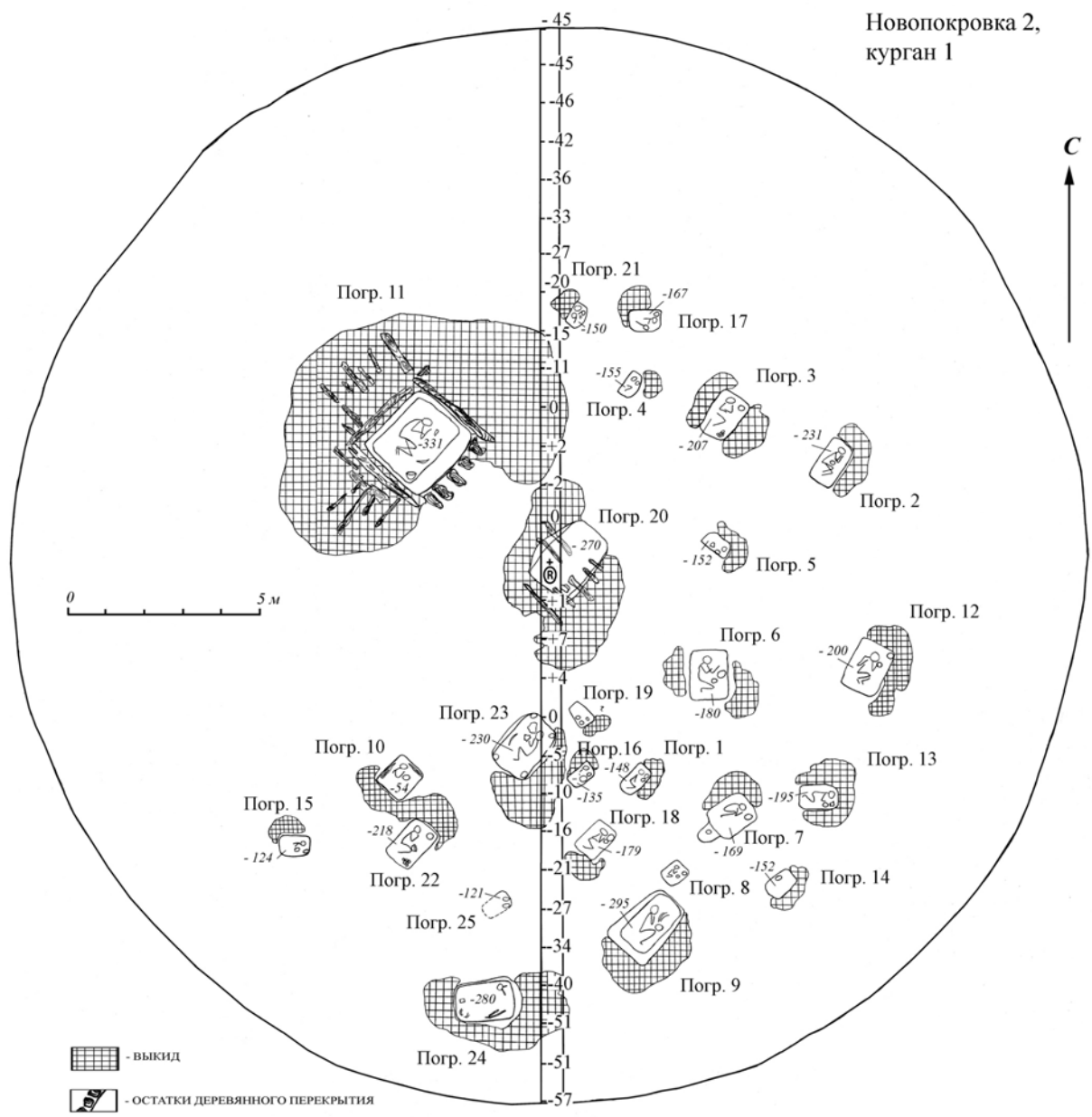
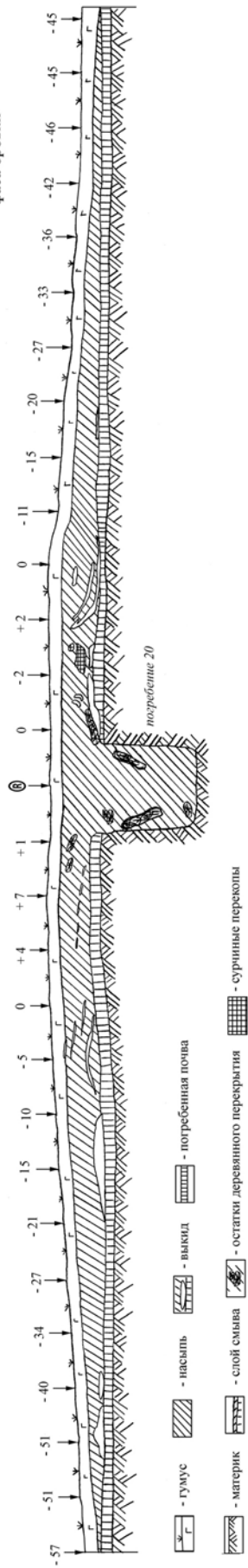

Рис. 18. Новопокровка 2, курган 1. План

Новопокровка 2,
курган 1,
профиль восточного
фаса бровки

Новопокровка 2,
курган 1,
профиль западного
фаса бровки

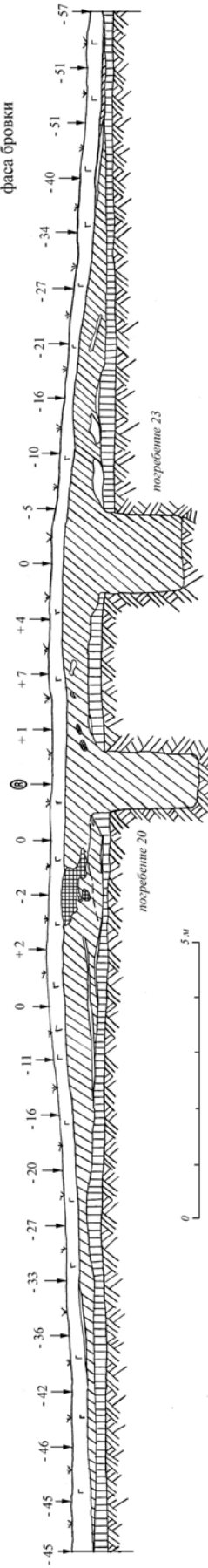

Рис. 19. Новопокровка 2, курган 1. Стратиграфия

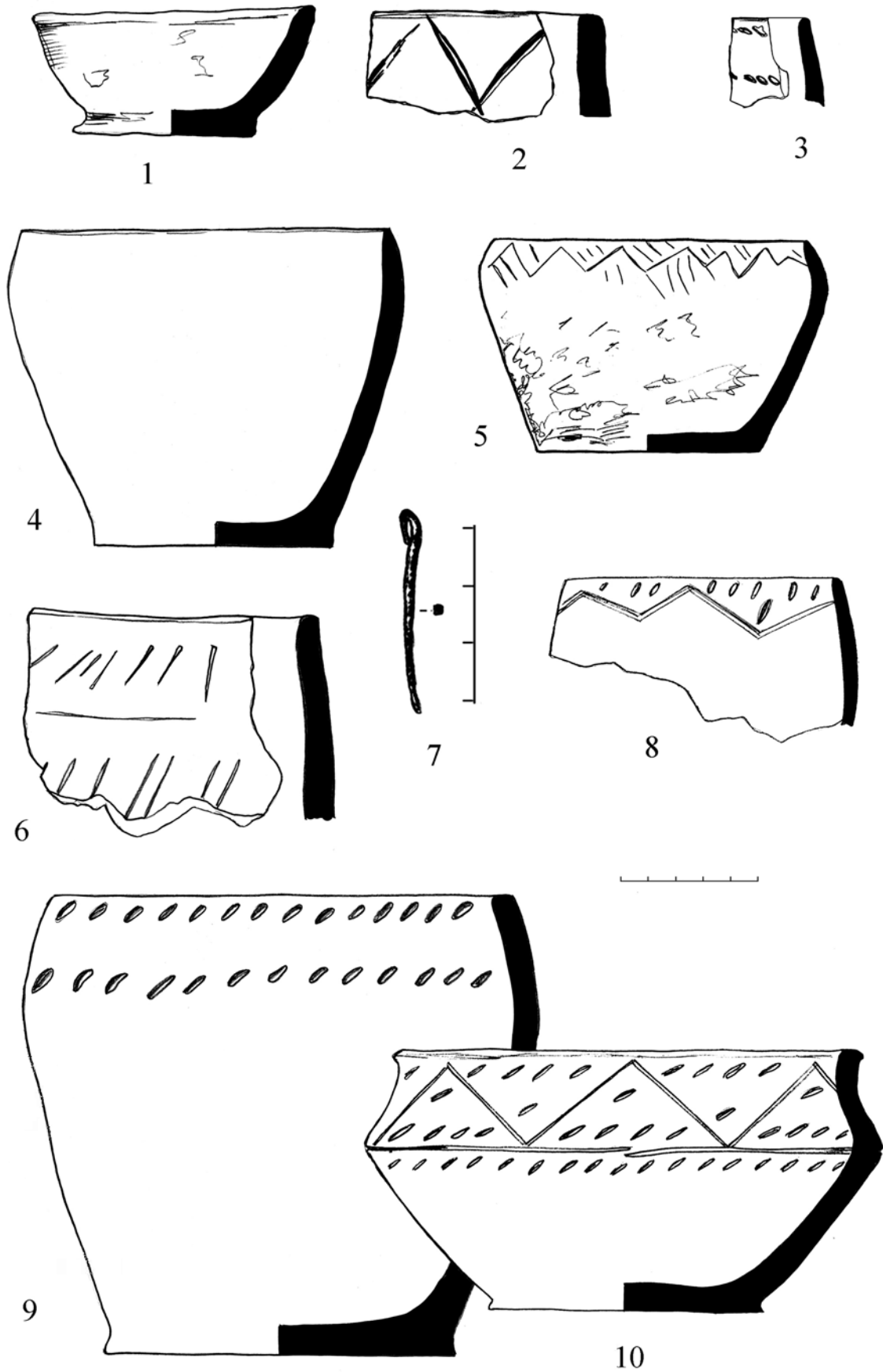

Рис. 20. Новопокровка 2, курган 1. Находки в насыти (1, 2), погребении 1 (3-7), погребении 2 (8) и погребении 3 (9-10). 7 – бронза; остальное – керамика.

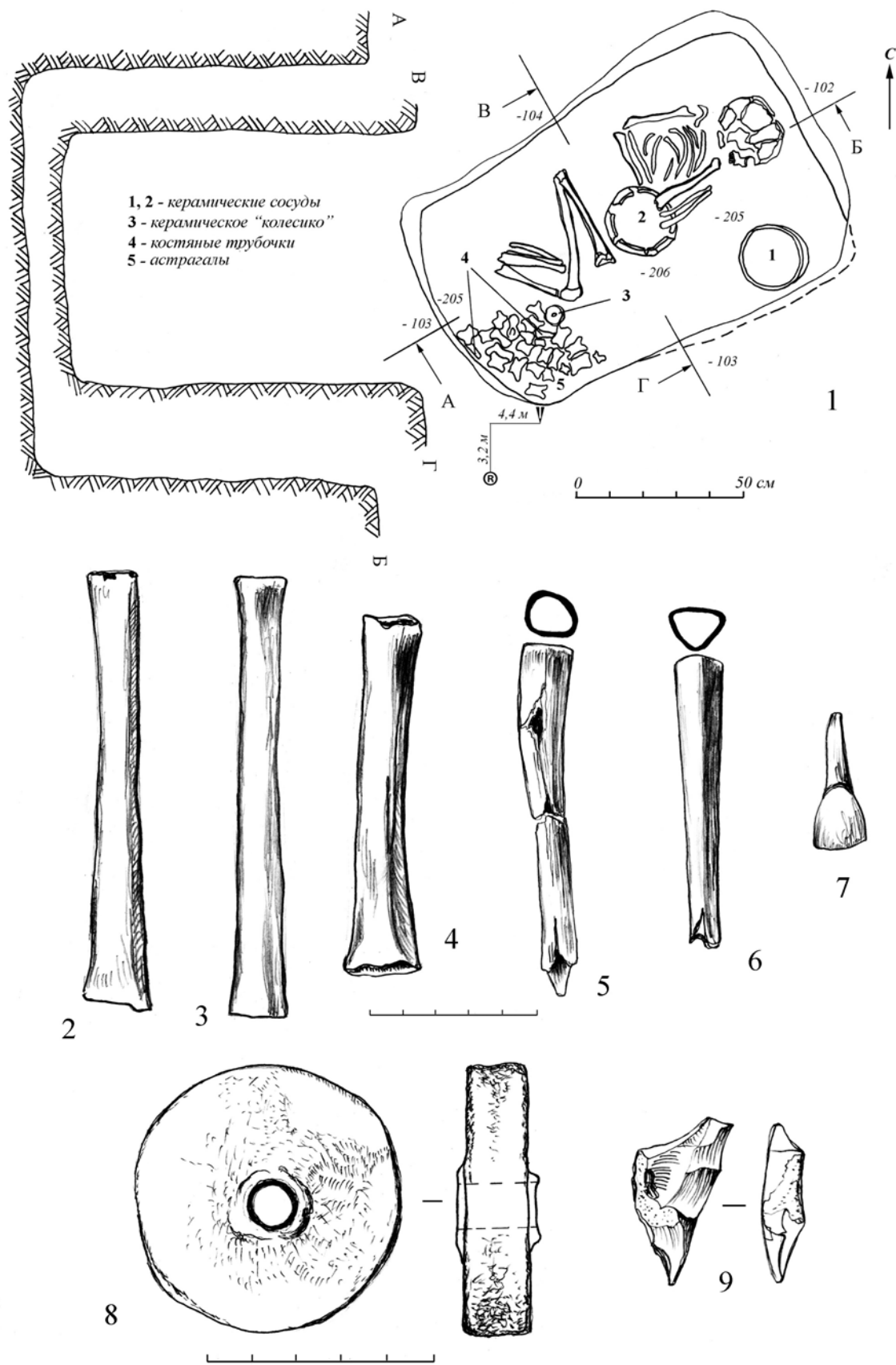

Рис. 21. Новопокровка 2, курган 1. План погребения 3 (1) и находки из него (2-9). 2-7 – кость; 8 – керамика; 9 – кремень

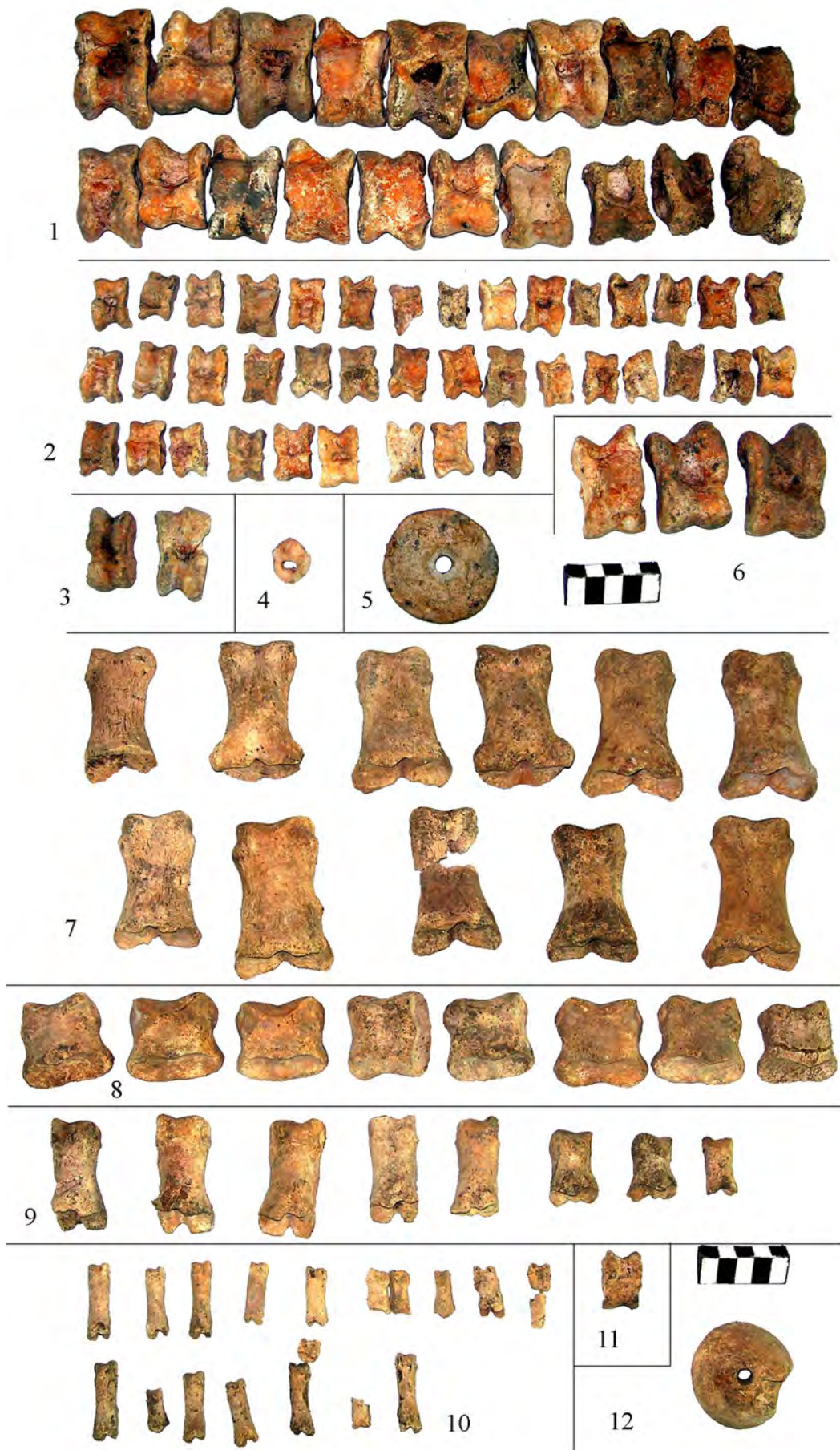

Рис. 22. Новопокровка 2, курган 3. Находки из погребений 3 (1-6) и 22 (7-12)

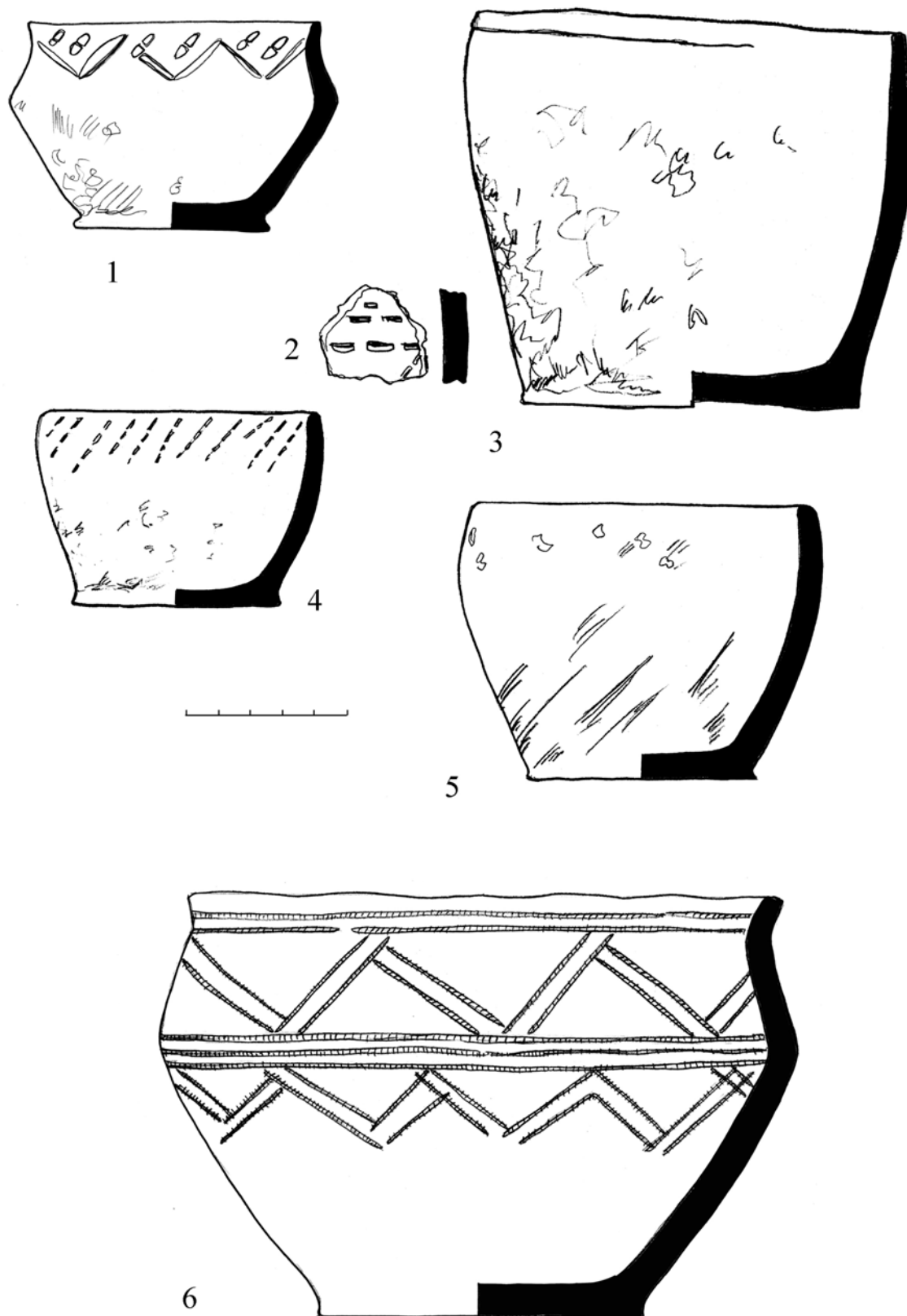

Рис. 23. Новопокровка 2, курган 1. Керамика из погребений 4 (1), 5 (2-4) и 6 (5-6)

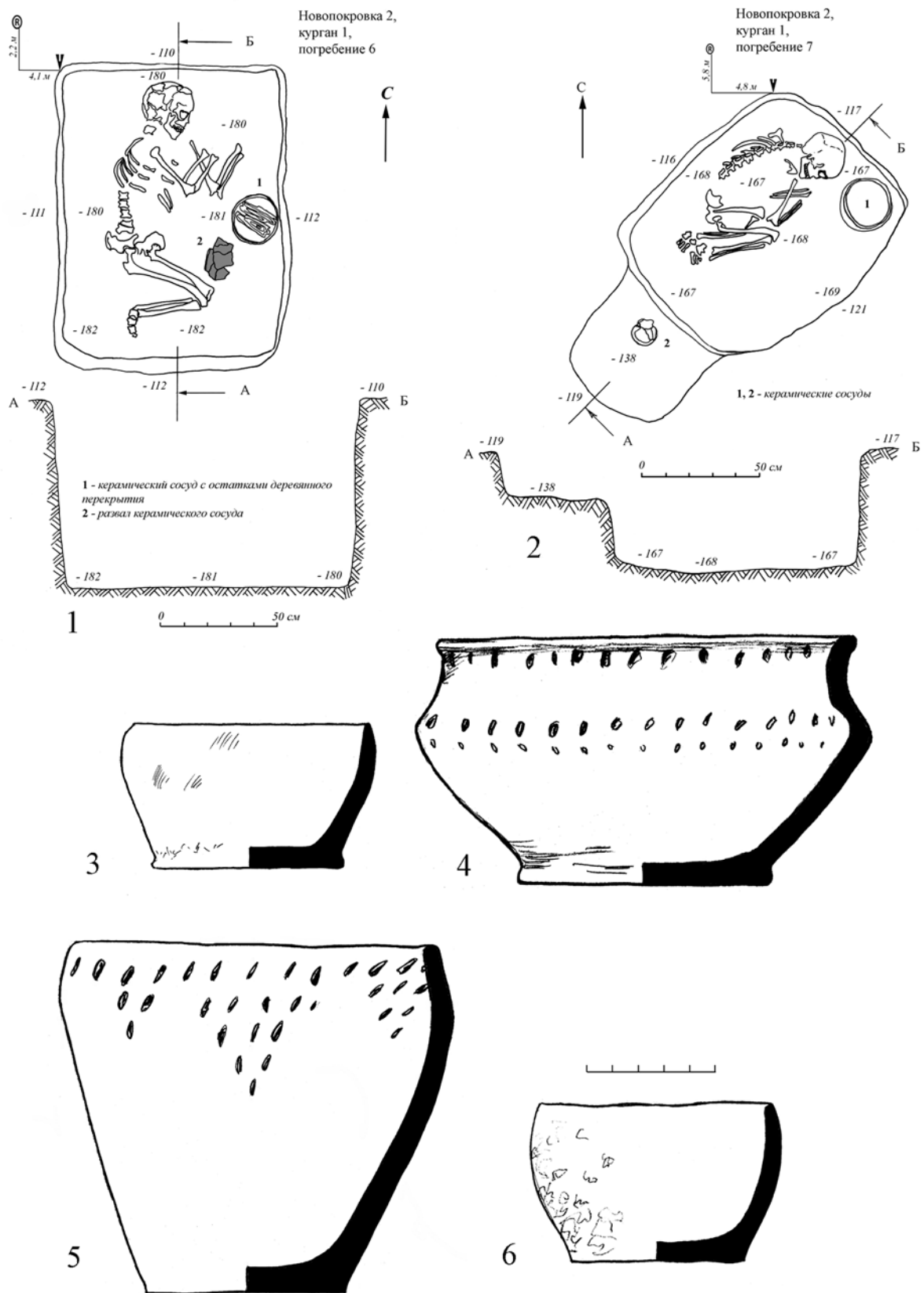

Рис. 24. Новопокровка 2, курган 1. Планы погребений 6 (1) и 7(2) и керамика из погребений 7 (3, 4) и 8 (5, 6).

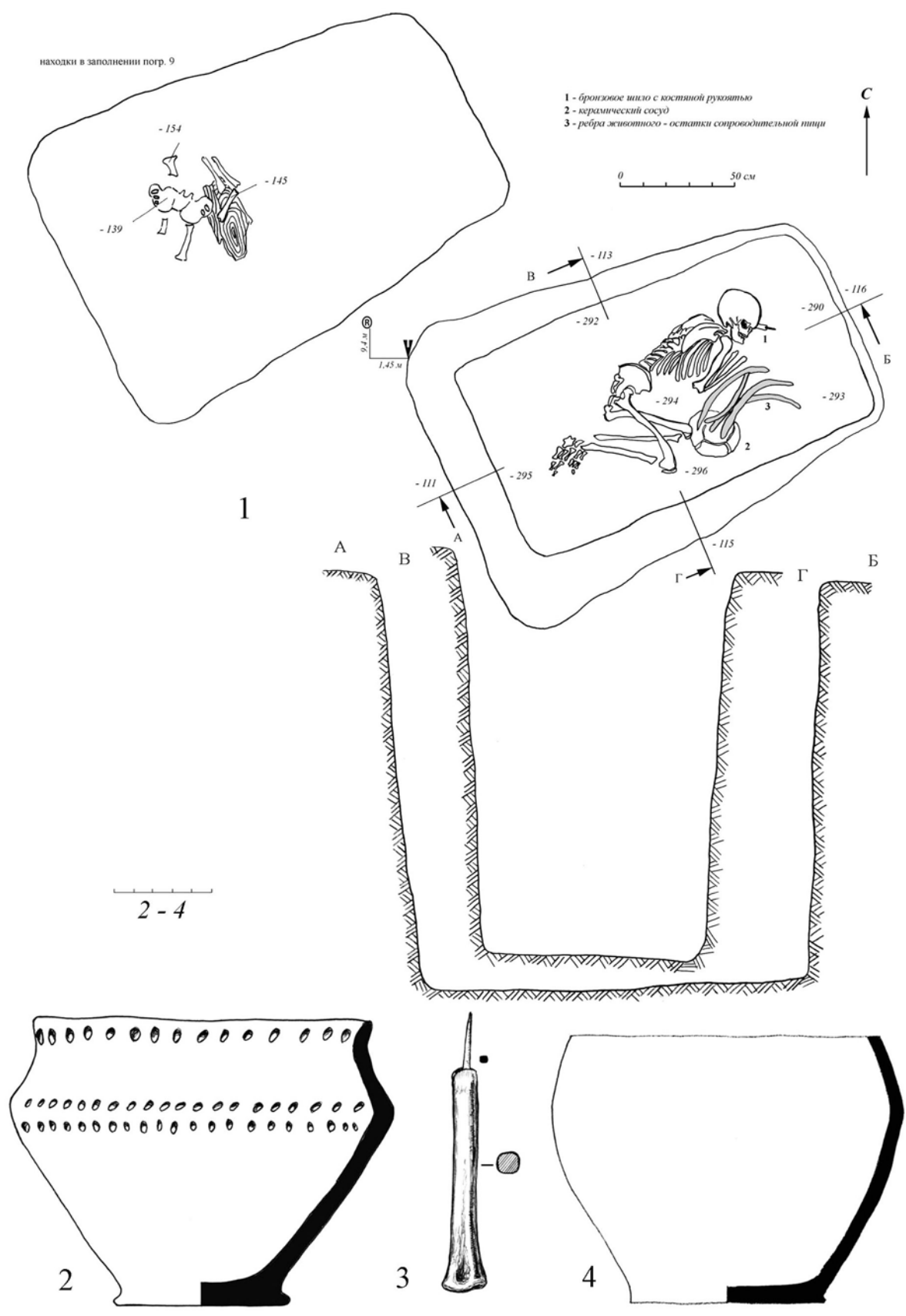

Рис. 25. Новопокровка 2, курган 1. План погребения 9 (1) и находки из него (2, 3) и погребения 10 (4)

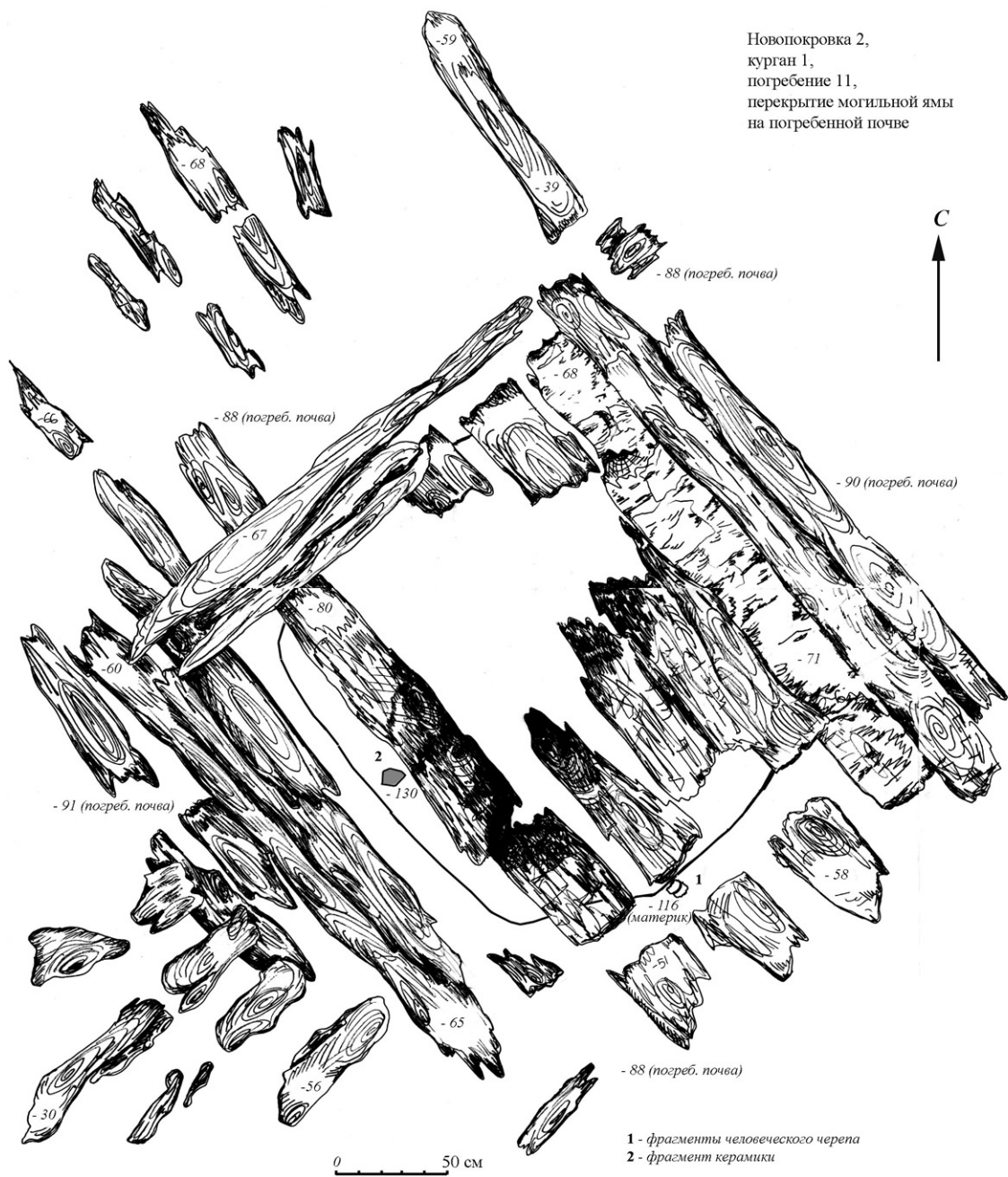

Рис. 26. Новопокровка 2, курган 1. Перекрытие погребения 11

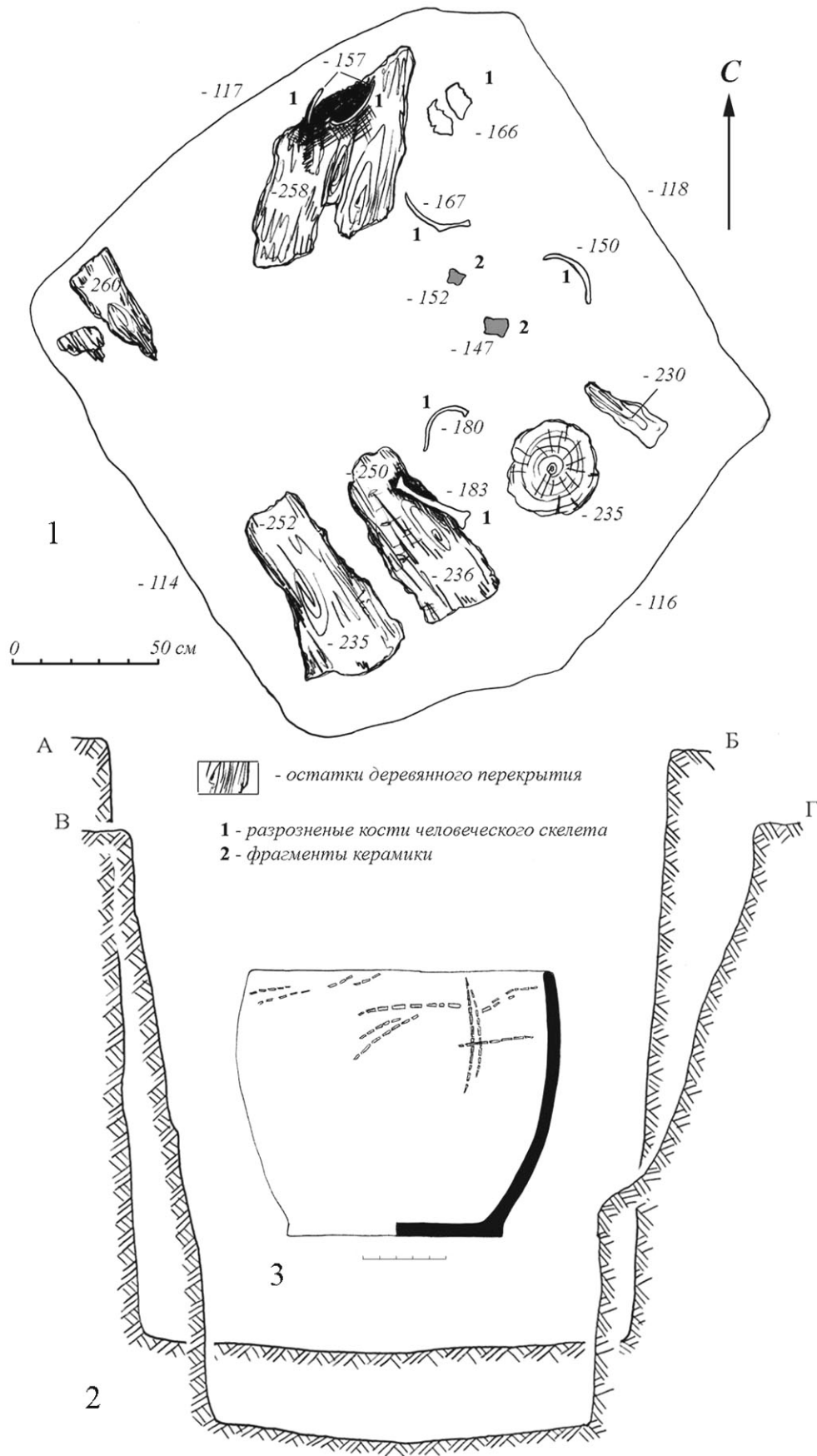

Рис. 27. Новопокровка 2, курган 1. Заполнение погребения 11 (1), профили погребения 11 (2) и сосуд из заполнения (3)

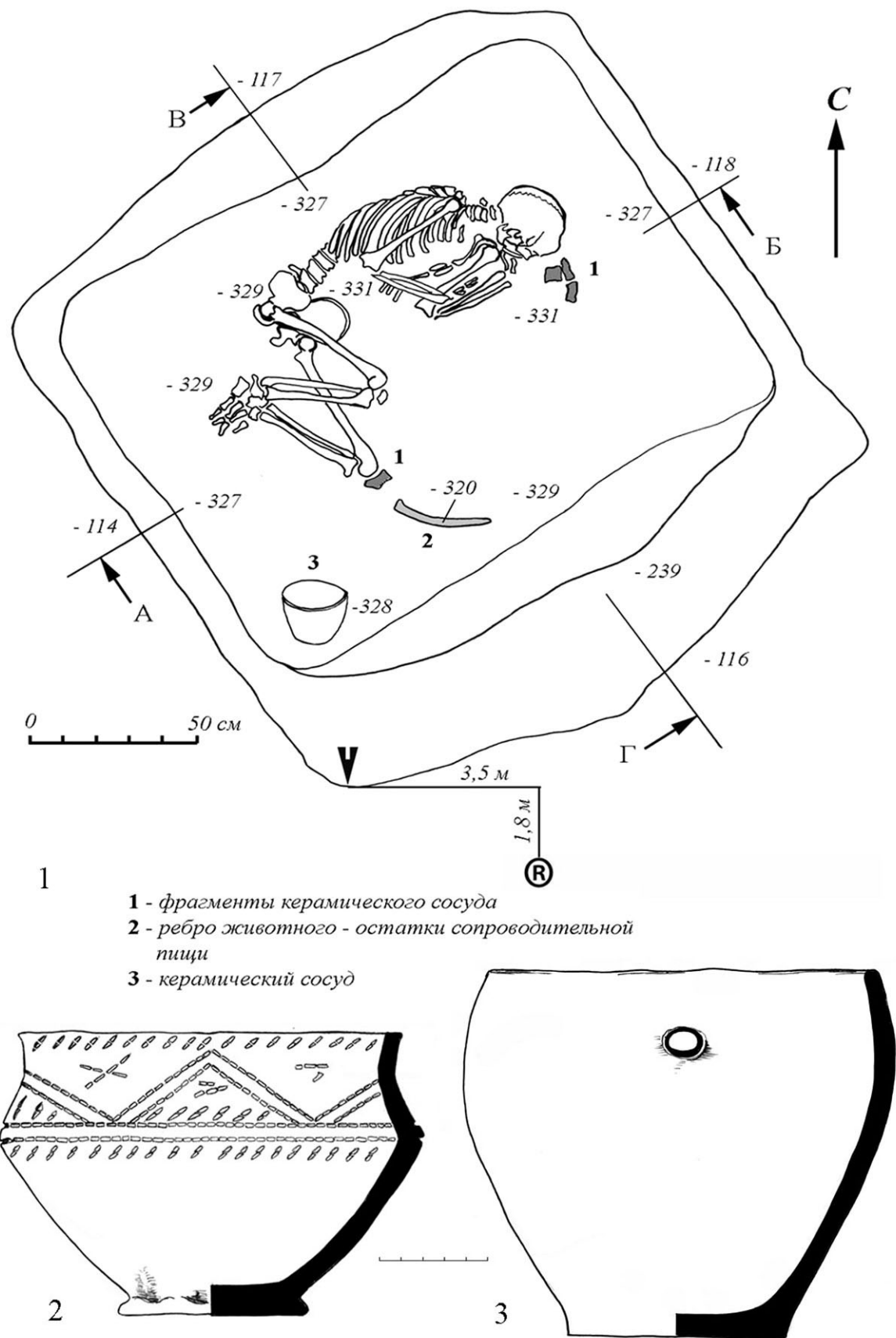

Рис. 28. Новопокровка 2, курган 1, погребение 11. 1 – план погребения; 2, 3 – керамические сосуды из погребения

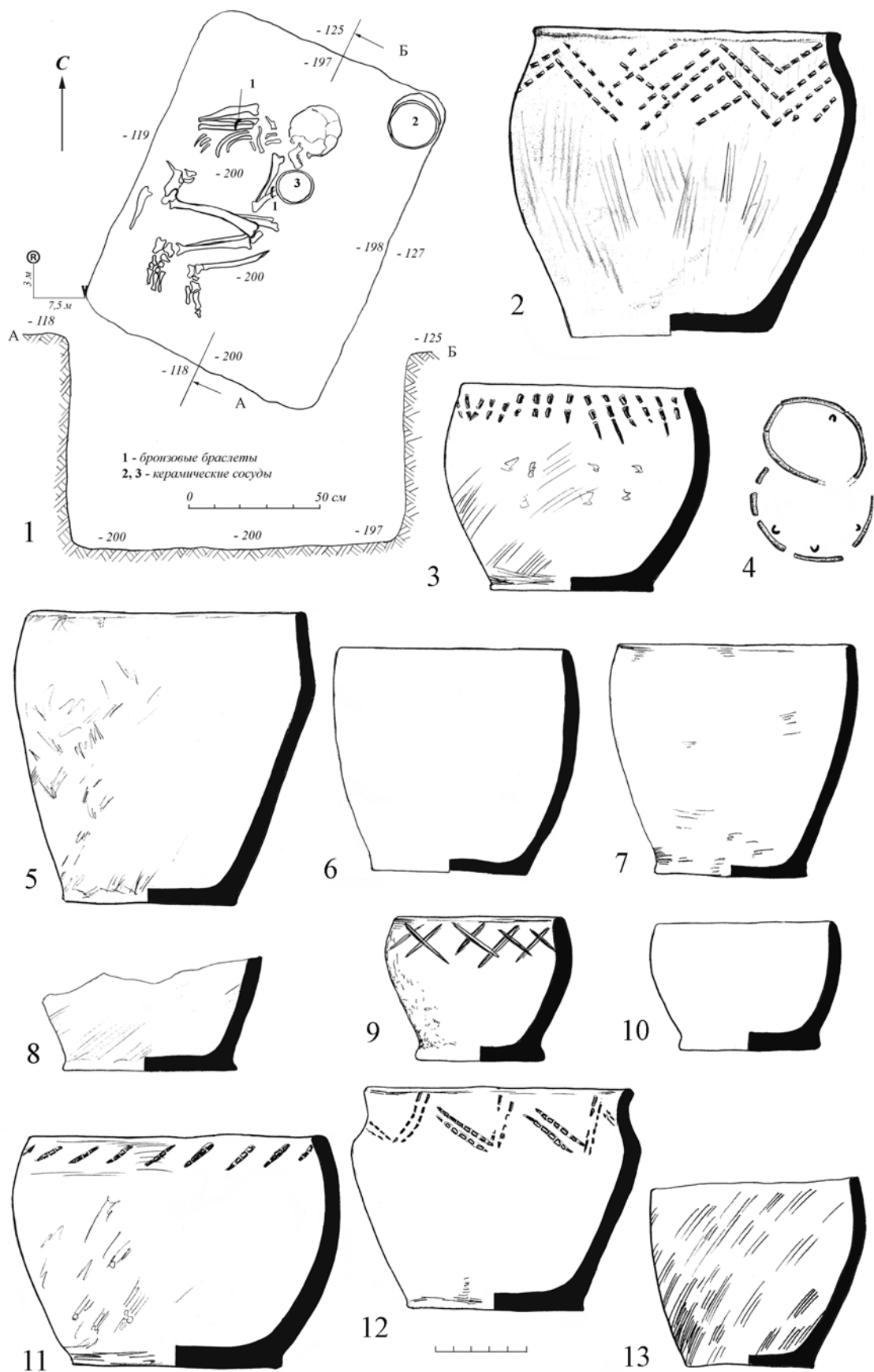

Рис. 29. Новопокровка 2, курган 1. 1 – план погр. 12, 2-4 – погр. 12; 5, 6 – погр. 13; 7 – погр. 14; 8, 9 – погр. 15; 10, 11 – погр. 16; 12, 13 – погр. 17

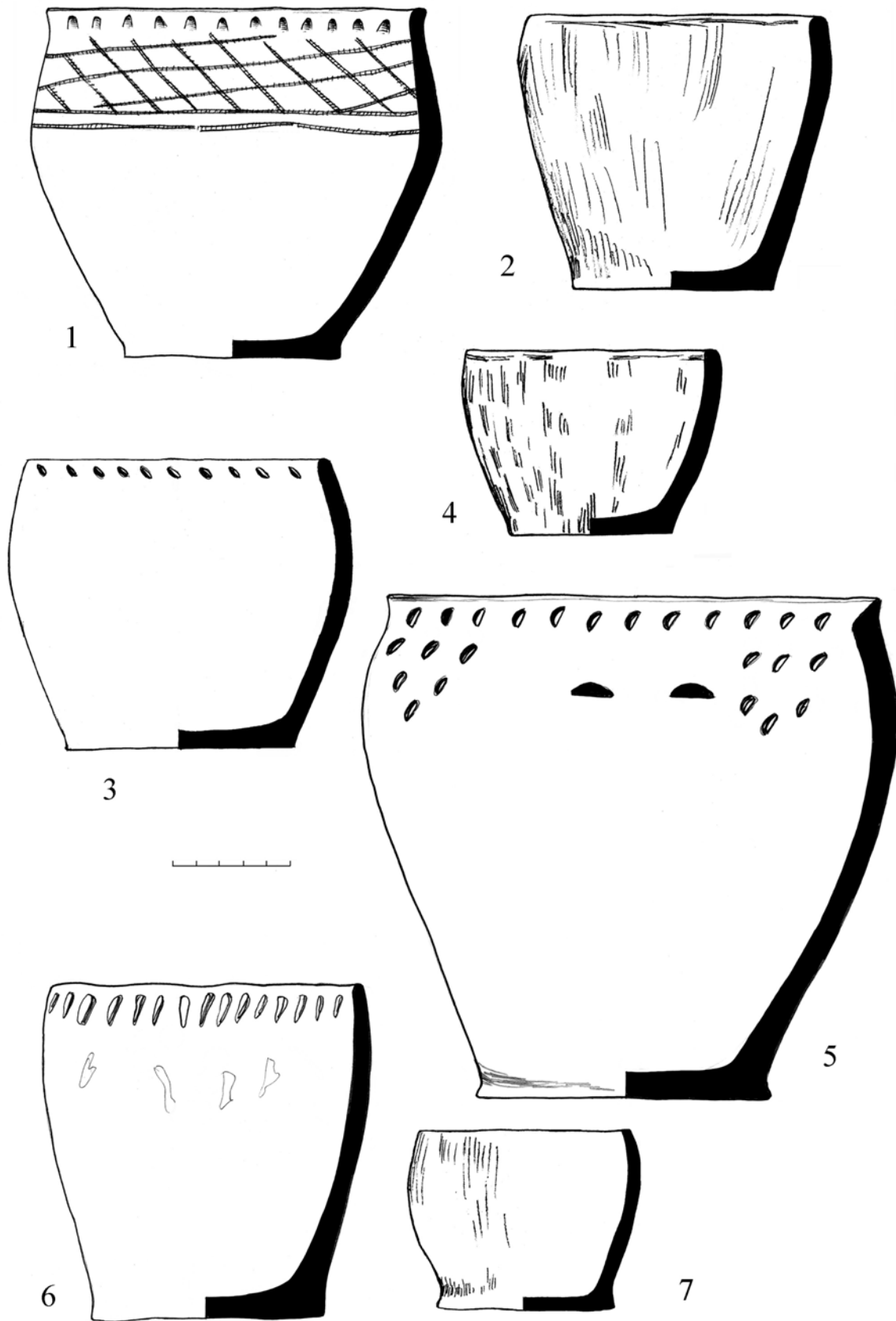

Рис. 30. Новопокровка 2, курган 1. Керамика из погребений 18 (1, 2), 19 (3, 4), 20 (5) и 21 (6, 7)

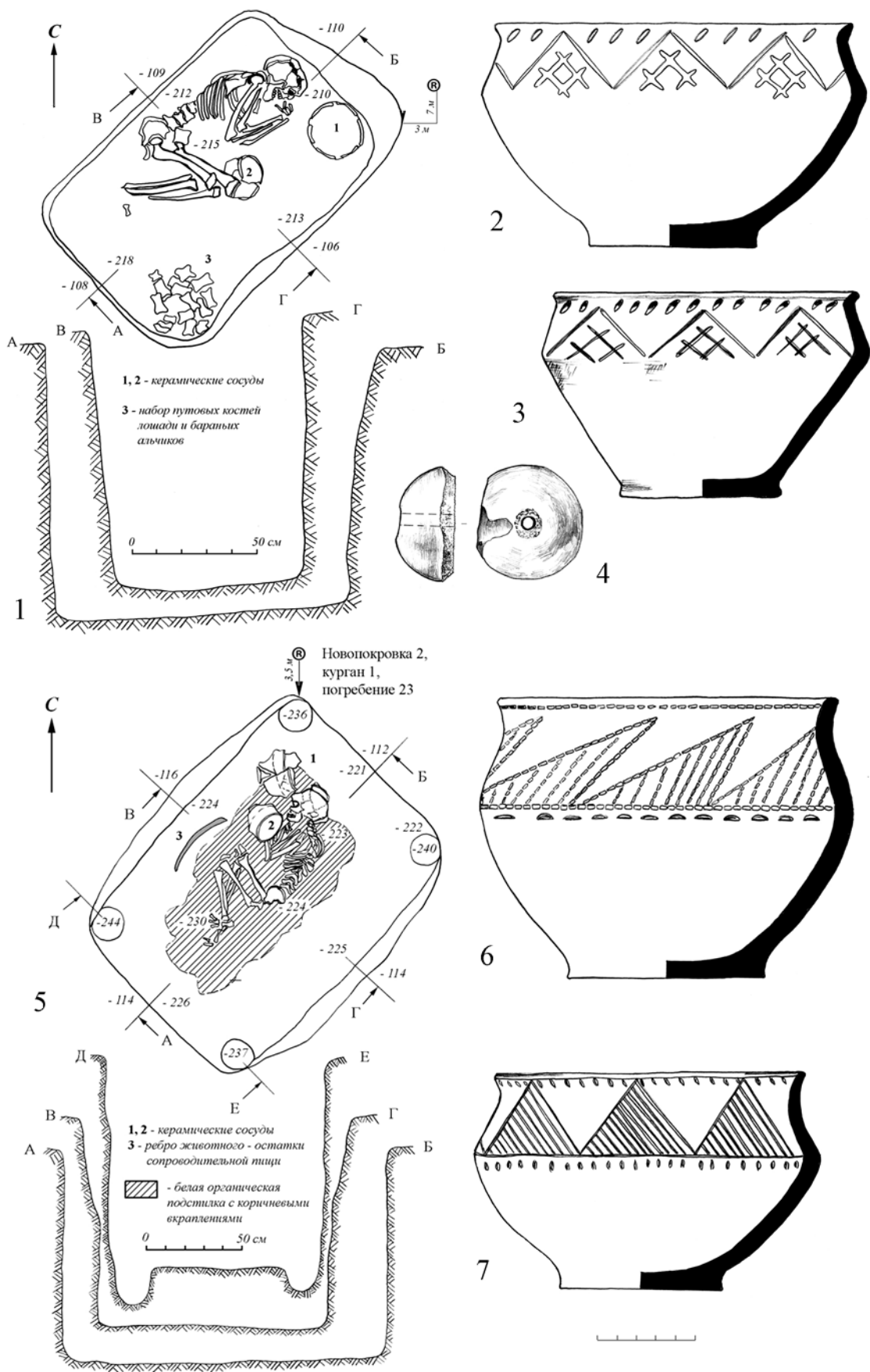

Рис. 31. Новопокровка 2, курган 1. 1-4 – погребение 22 и находки из него; 5-7 – погребение 23 и находки из него

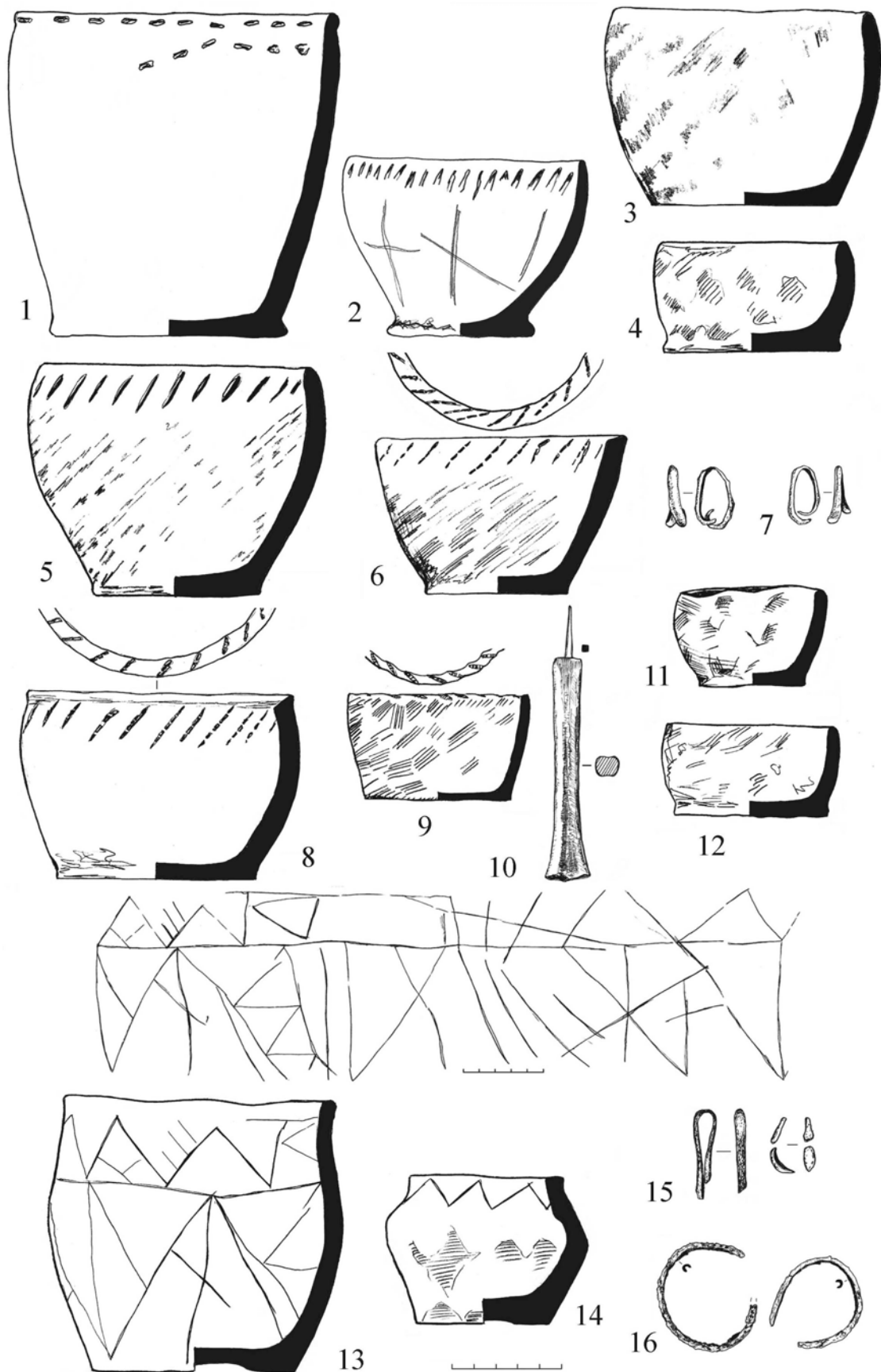

Рис. 32. Новопокровка 2. Находки из погребений: 1 – к. 1, п. 24; 2, 3 – к. 1, п. 25; 4 – к. 2, п. 1; 5-7 – к. 2, п. 2; 8-10 – к. 2, п. 3; 11, 12 – к. 2 п. 4; 13-16 – к. 2, п. 5. 7, 15, 16 - бронза; 11 - бронза, кость; остальное - керамика

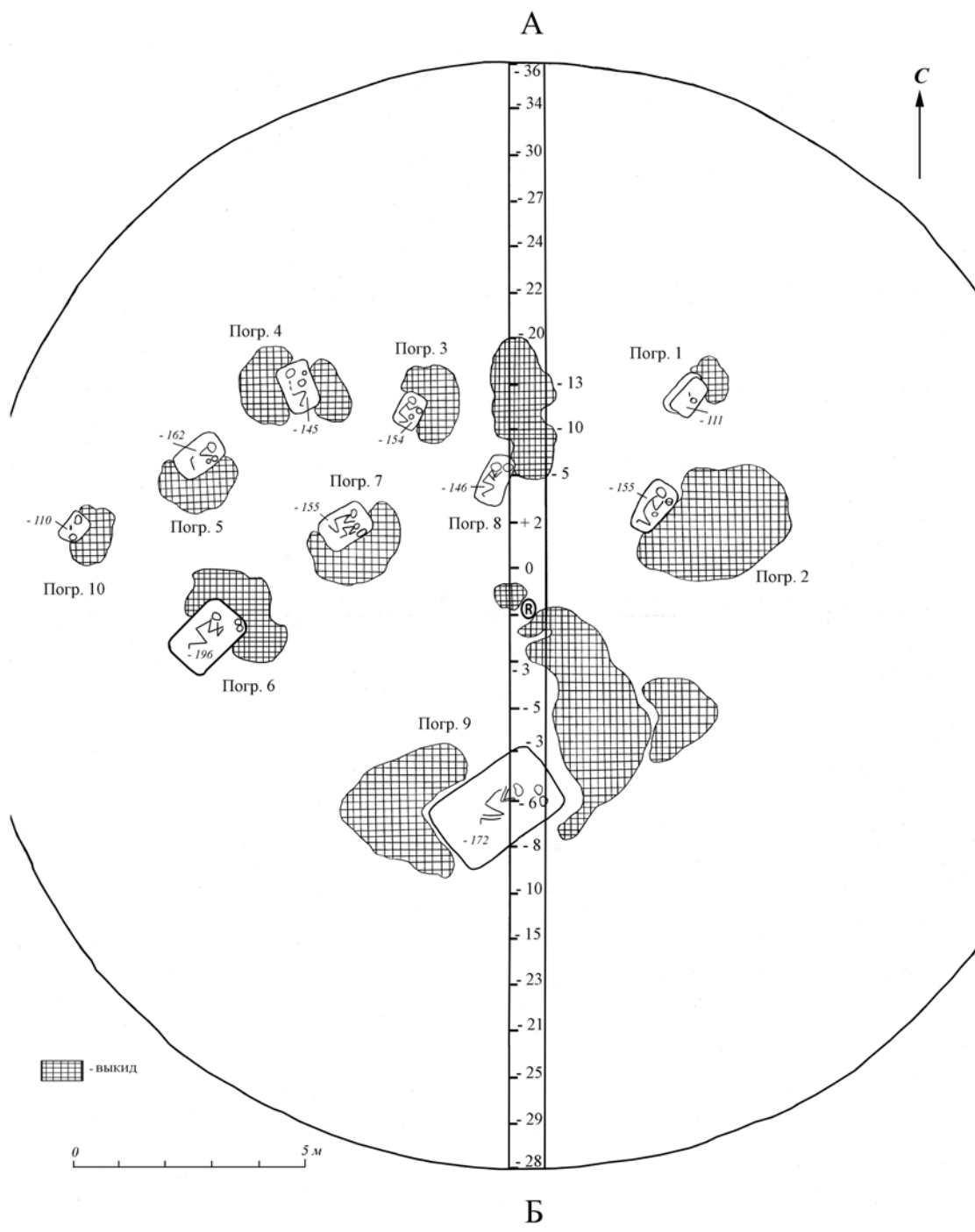

Рис. 33. Новопокровка 2, план кургана 2

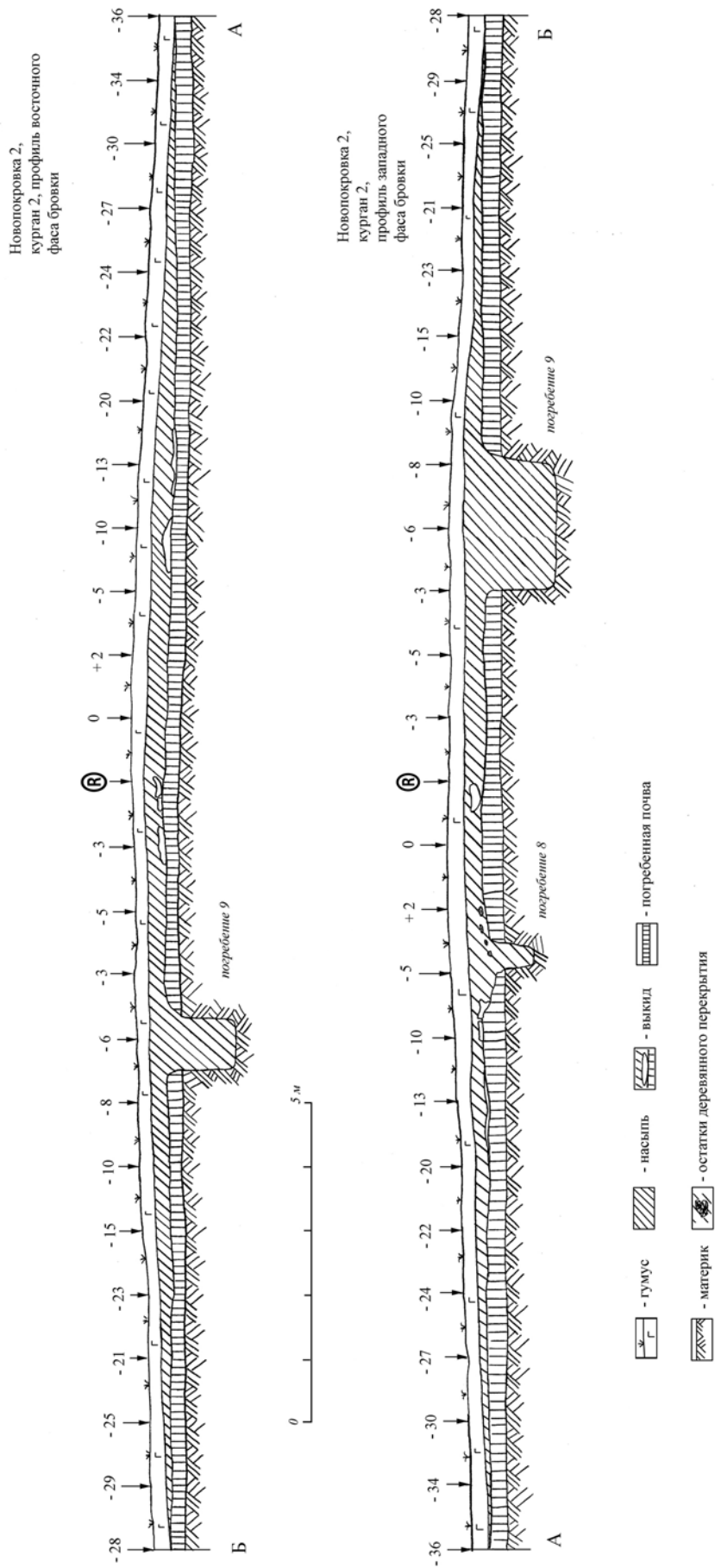
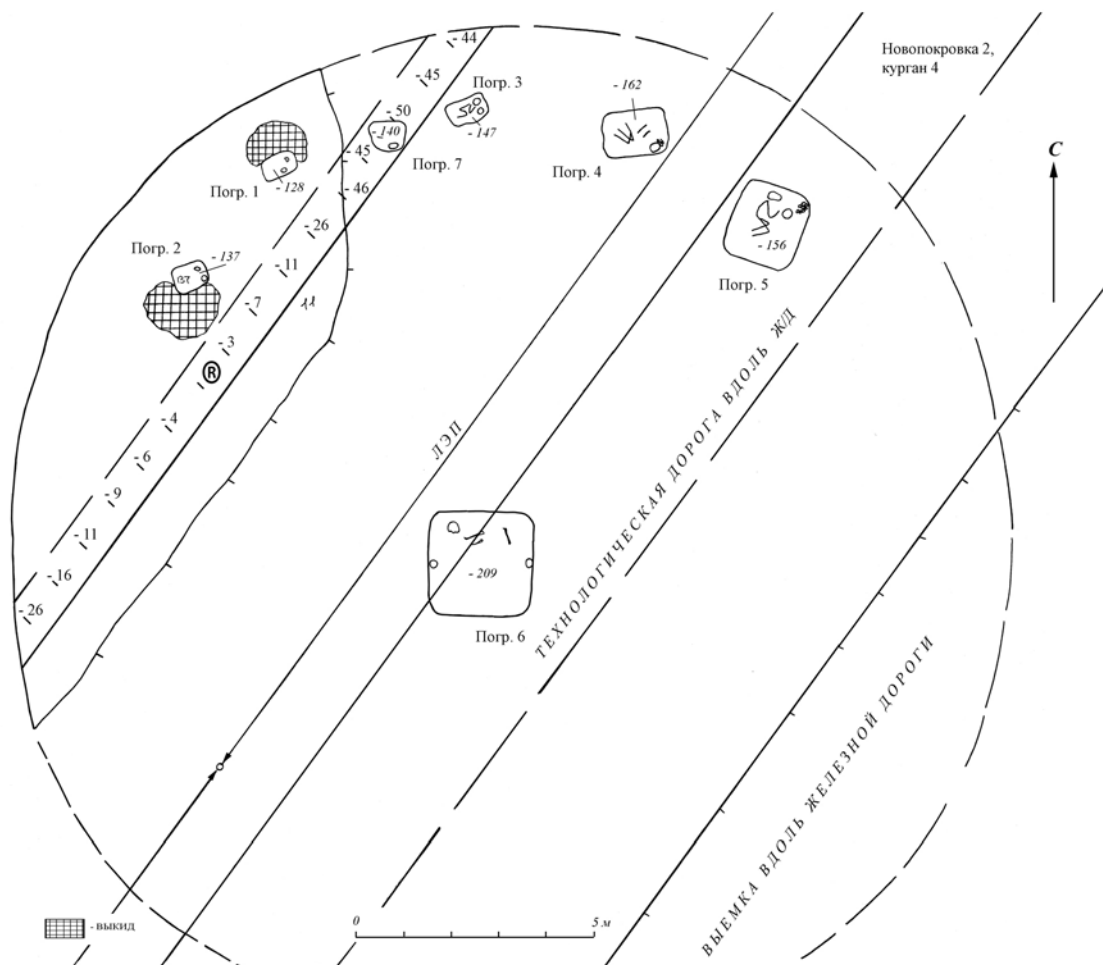
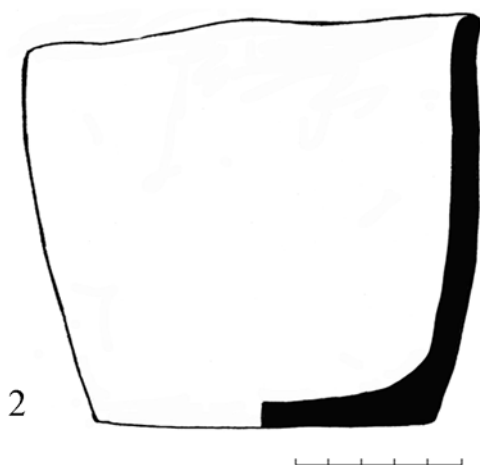

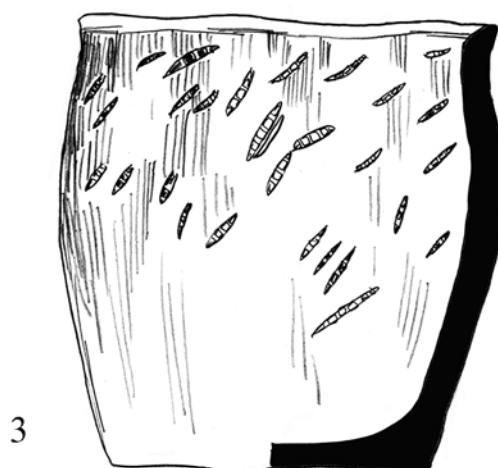
Рис. 34. Новопокровка 2, курган 2. Стратиграфия

1

2

3

Рис. 36. Новопокровка 2. План кургана 3 (1) и керамика из погребений 1 (2) и 2 (3)

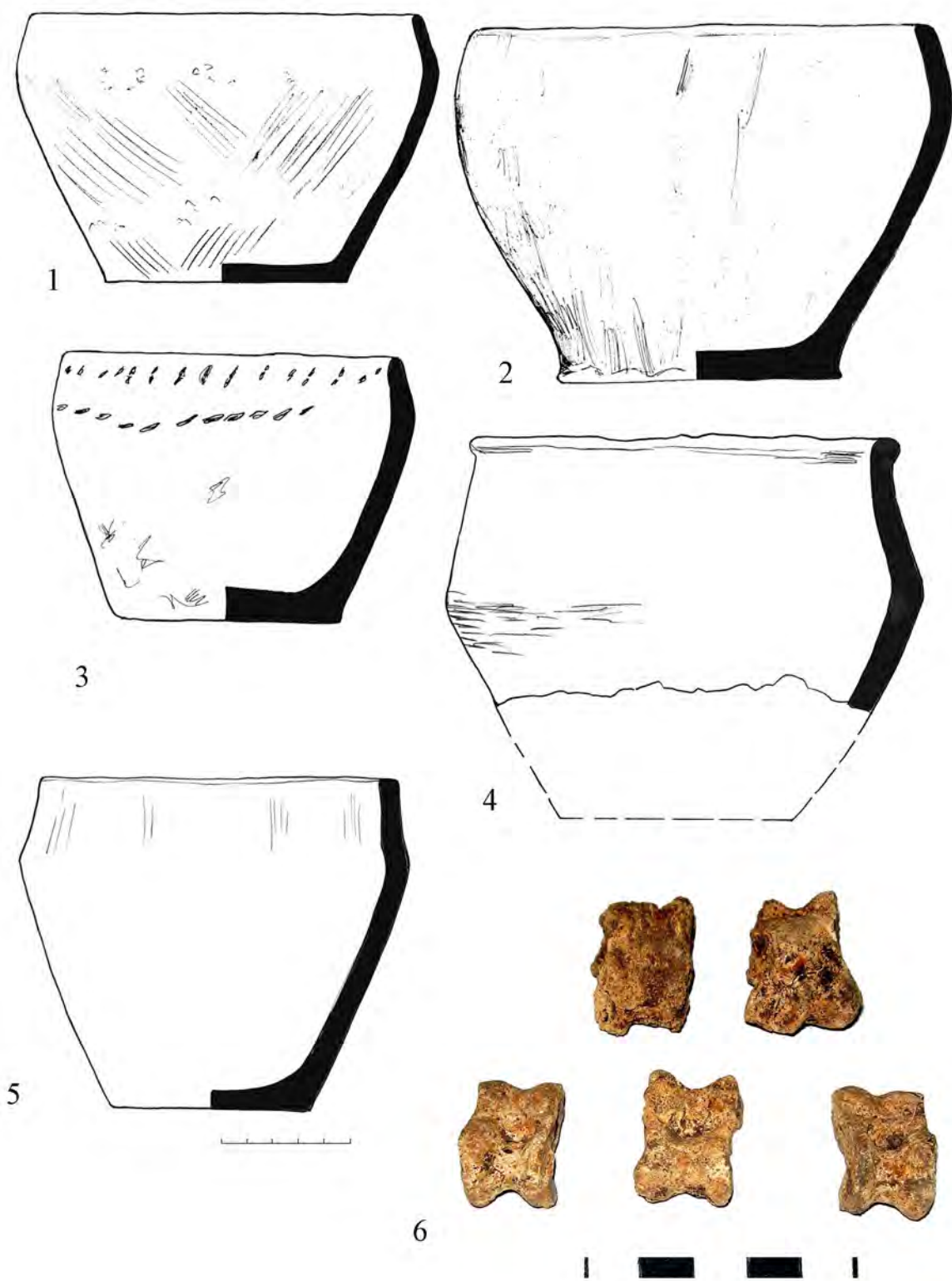

Рис. 37. Новопокрвка 2, курган 3. Керамика из погребений 3 (1), 4 (2), 5 (3), 6 (4), 7 (5) и астрагалы МРС из погребения 3 (6)

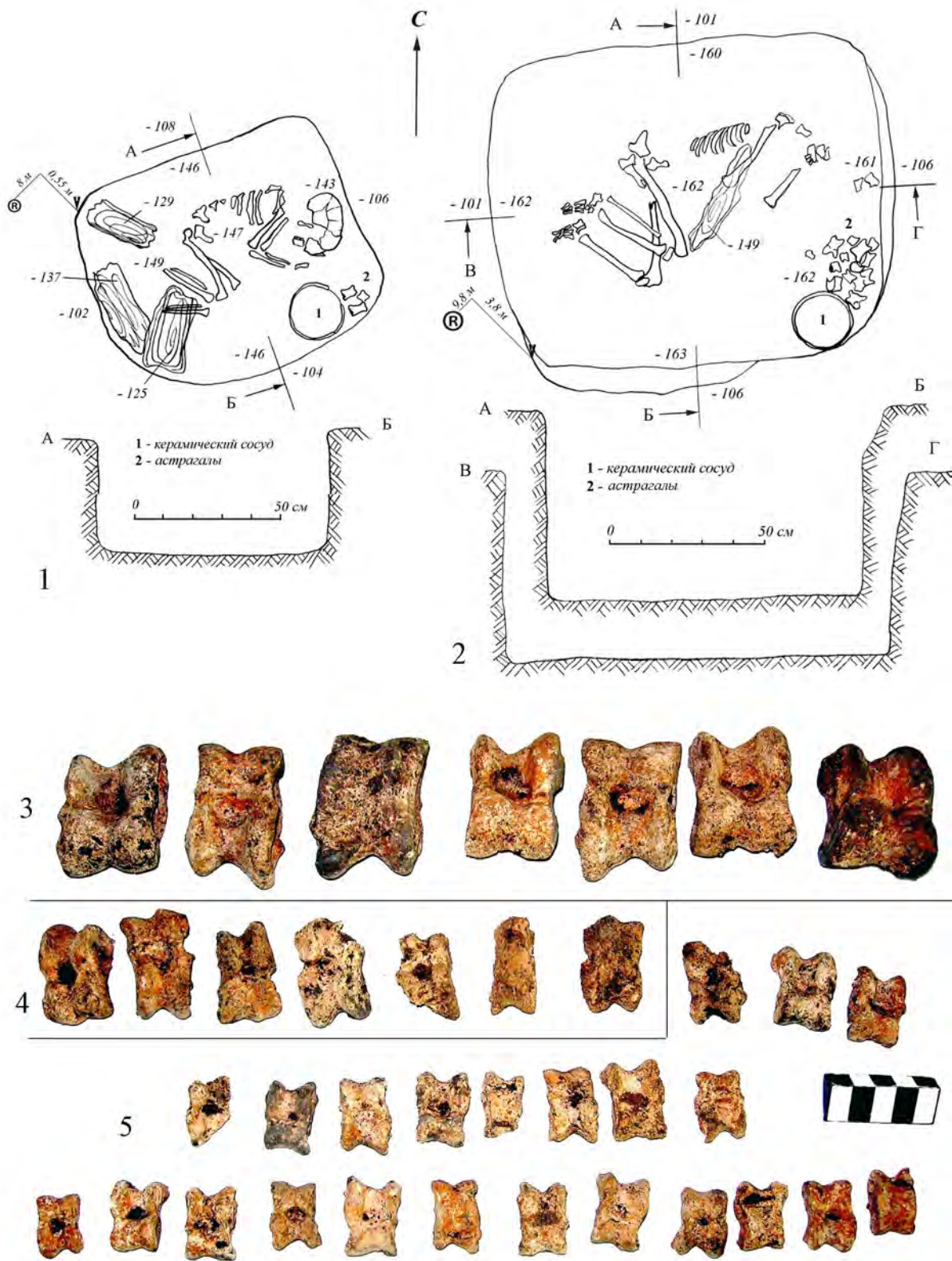
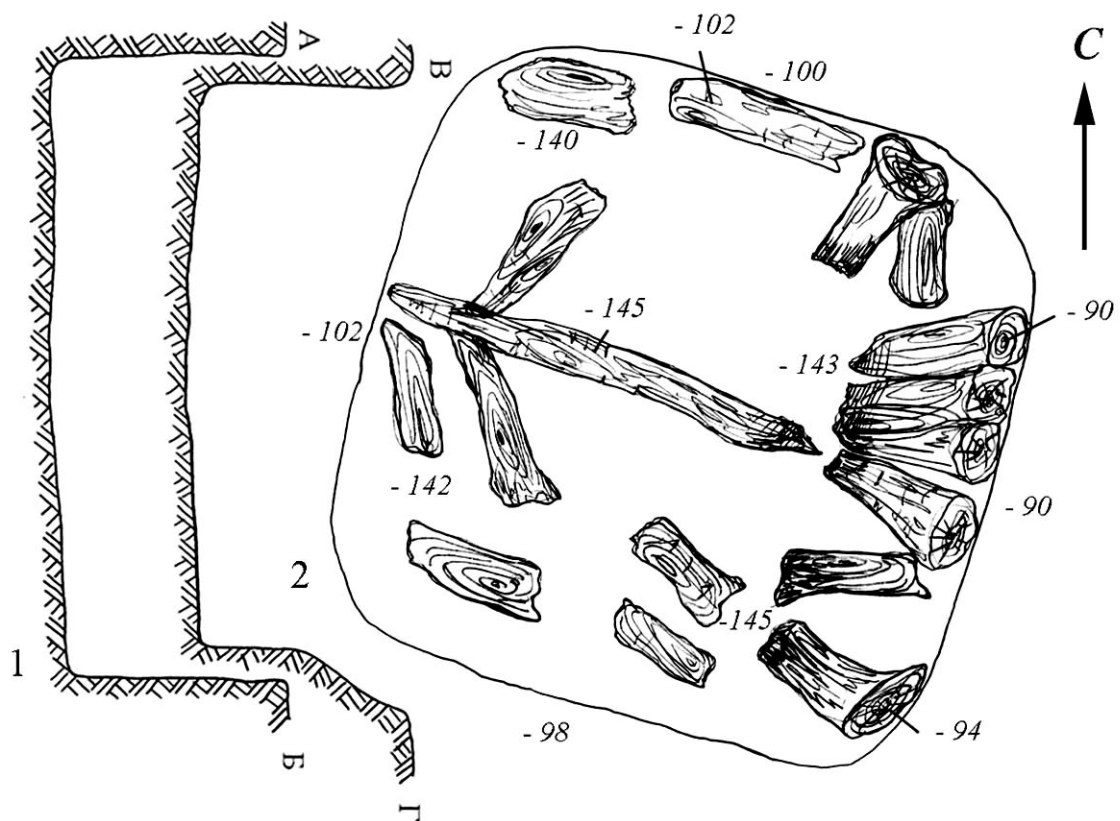

Рис. 38. Новопокровка 2, курган 3. 1 – план и профиль погребения 3; 2 – план и профили погребения 4; астрагалы из погребения 4

- 1 - развал керамического сосуда
- 2 - астрагалы барана и зубы лошади

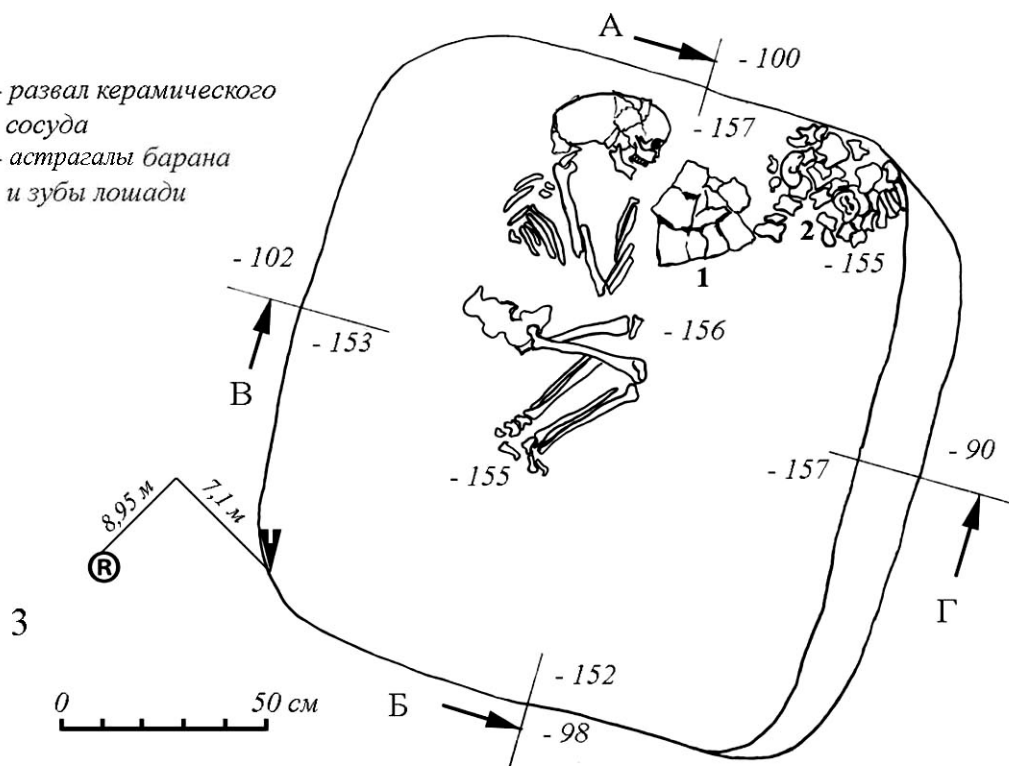

Рис. 39. Новопокровка 2, курган 3. Погребение 5. 1 – профили могильной ямы; 2 – остатки перекрытия в заполнении; 3 – план погребения

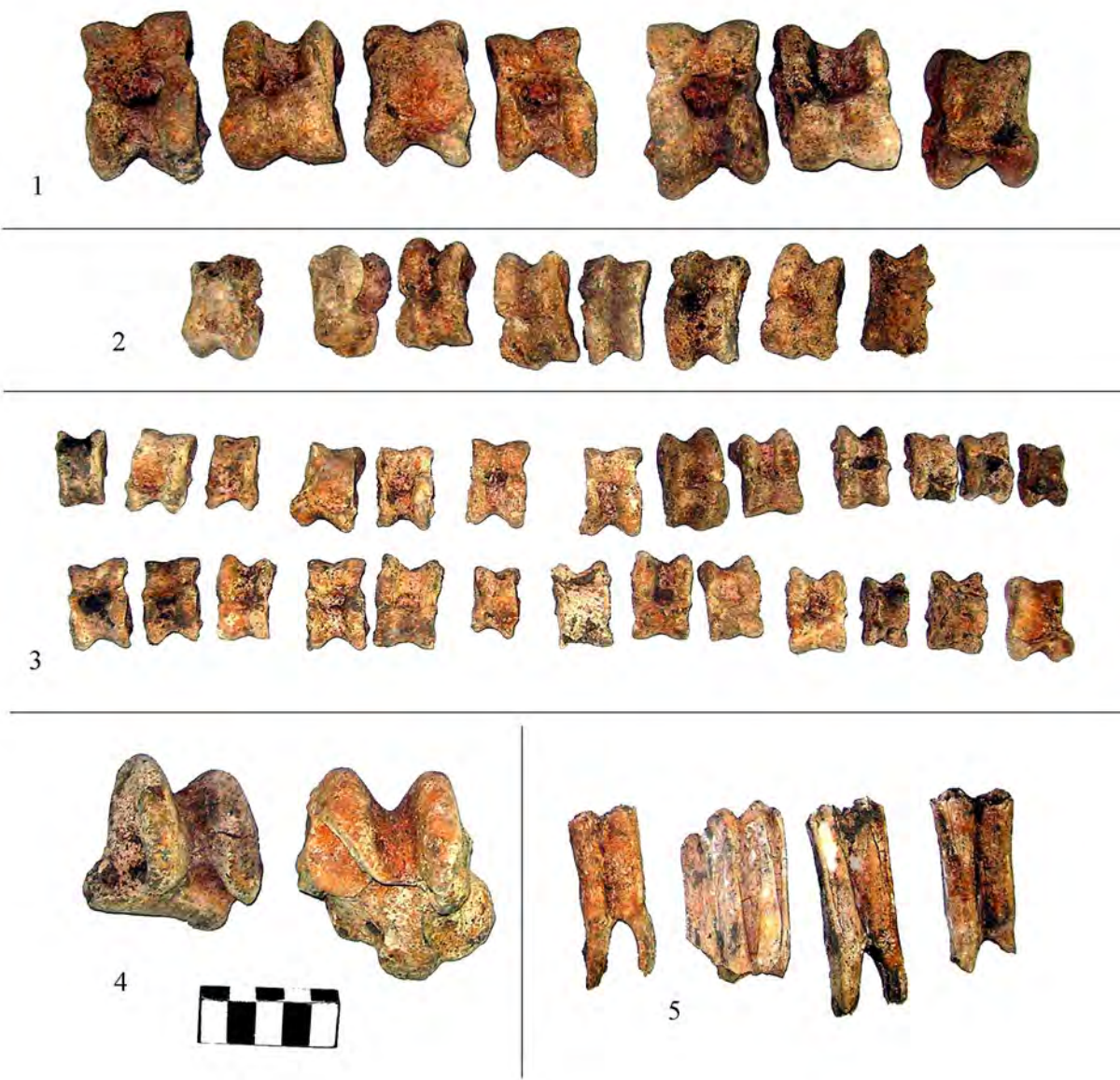

Рис. 40. Новопокровка 2, курган 3. Находки из погребения 5

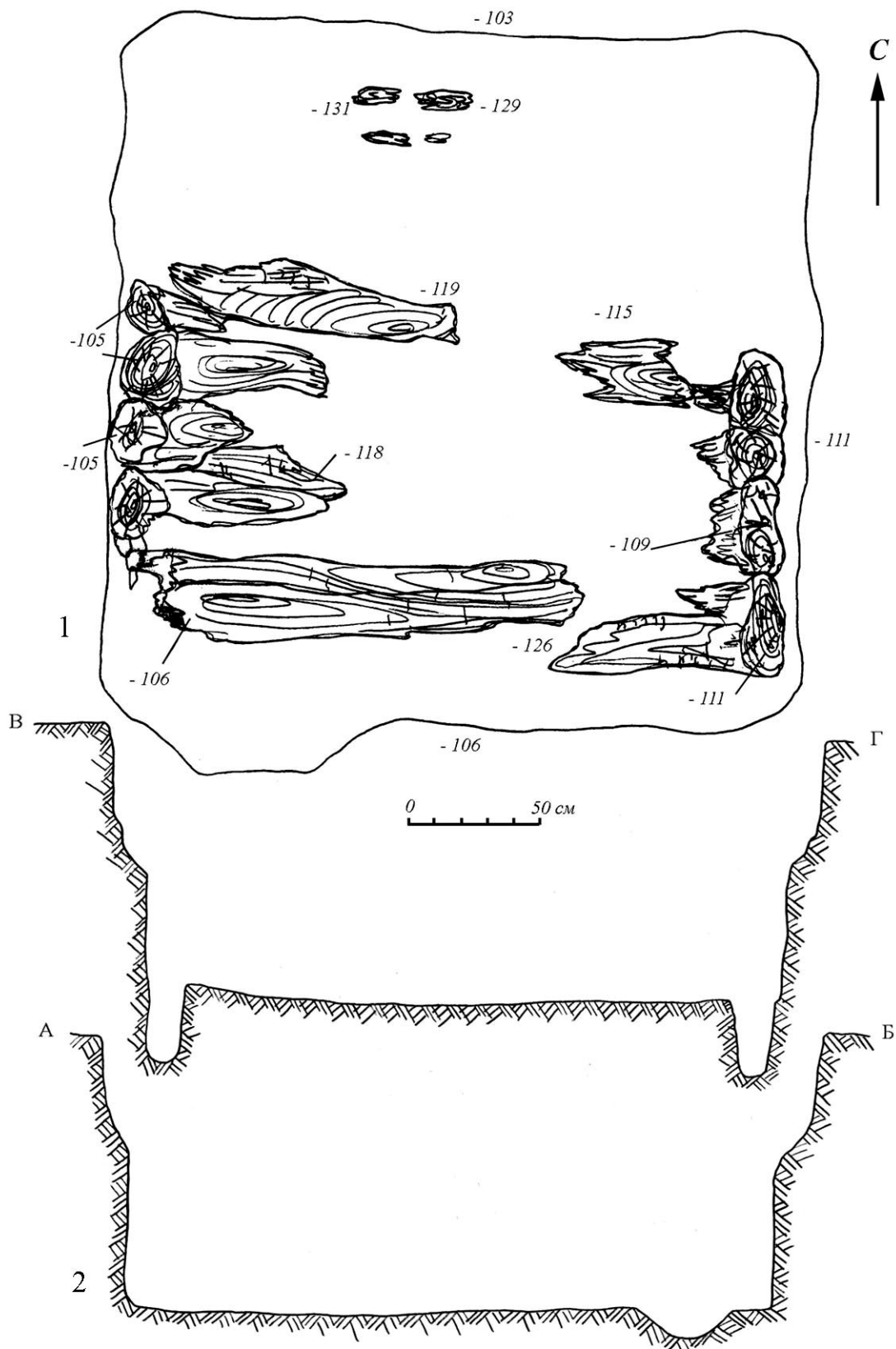
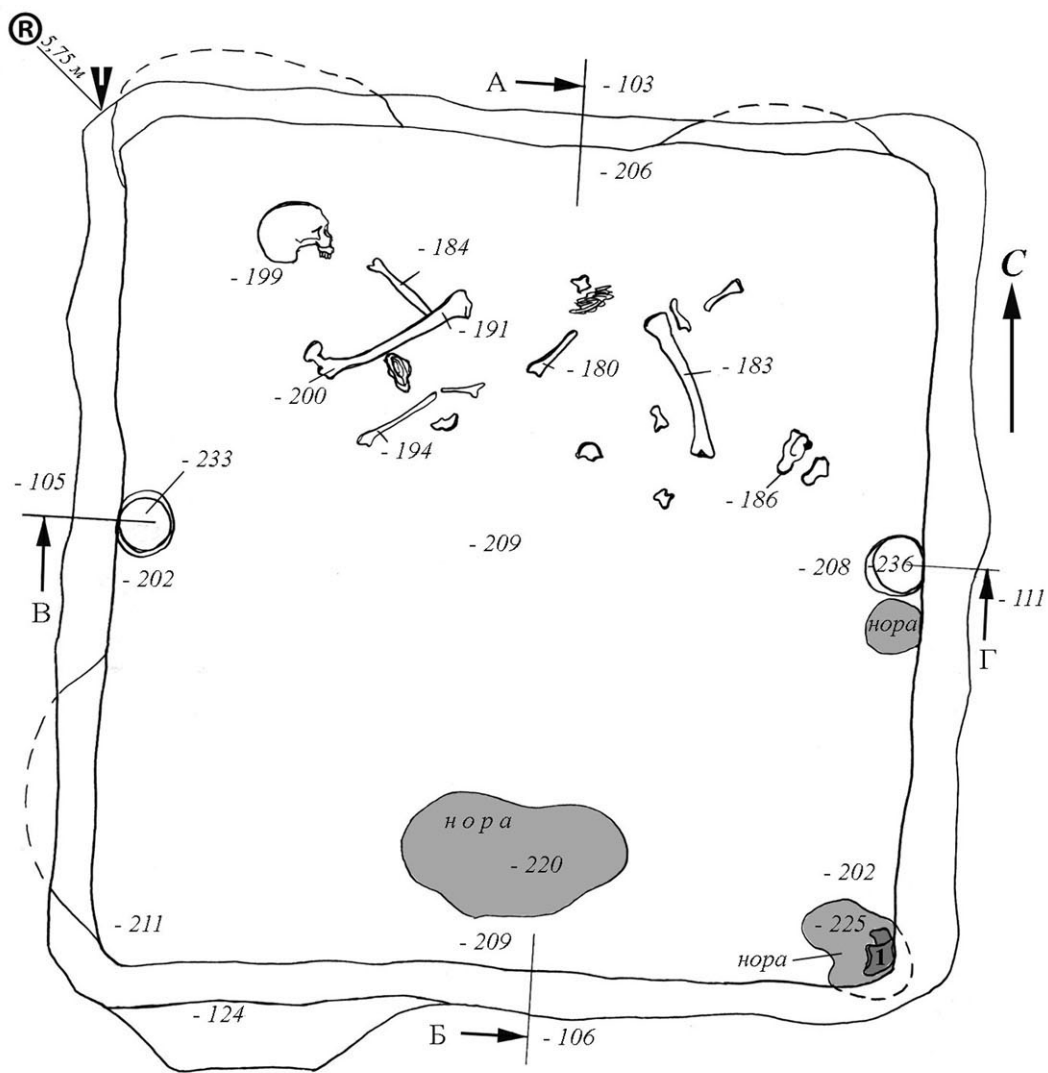

Рис. 41. Новопокровка 2, курган 3. Погребение 6. 1 – остатки перекрытия в заполнении могильной ямы; 2 – профили могильной ямы

1 - фрагменты керамического сосуда

Рис. 42. Новопокровка 2, курган 3. План погребения 6

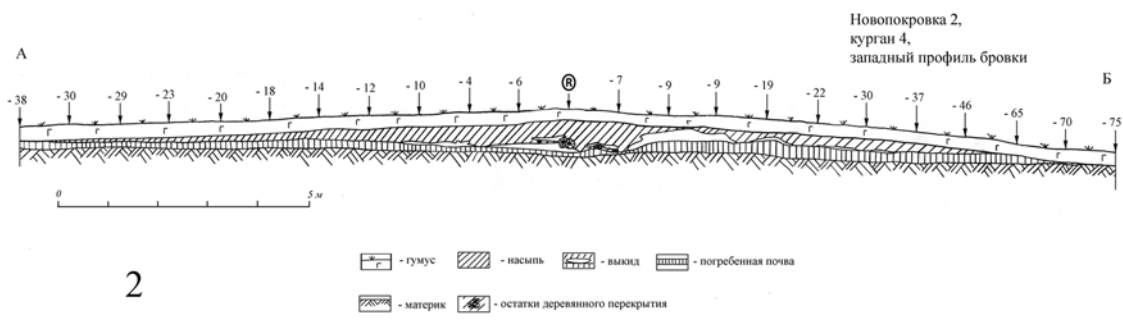
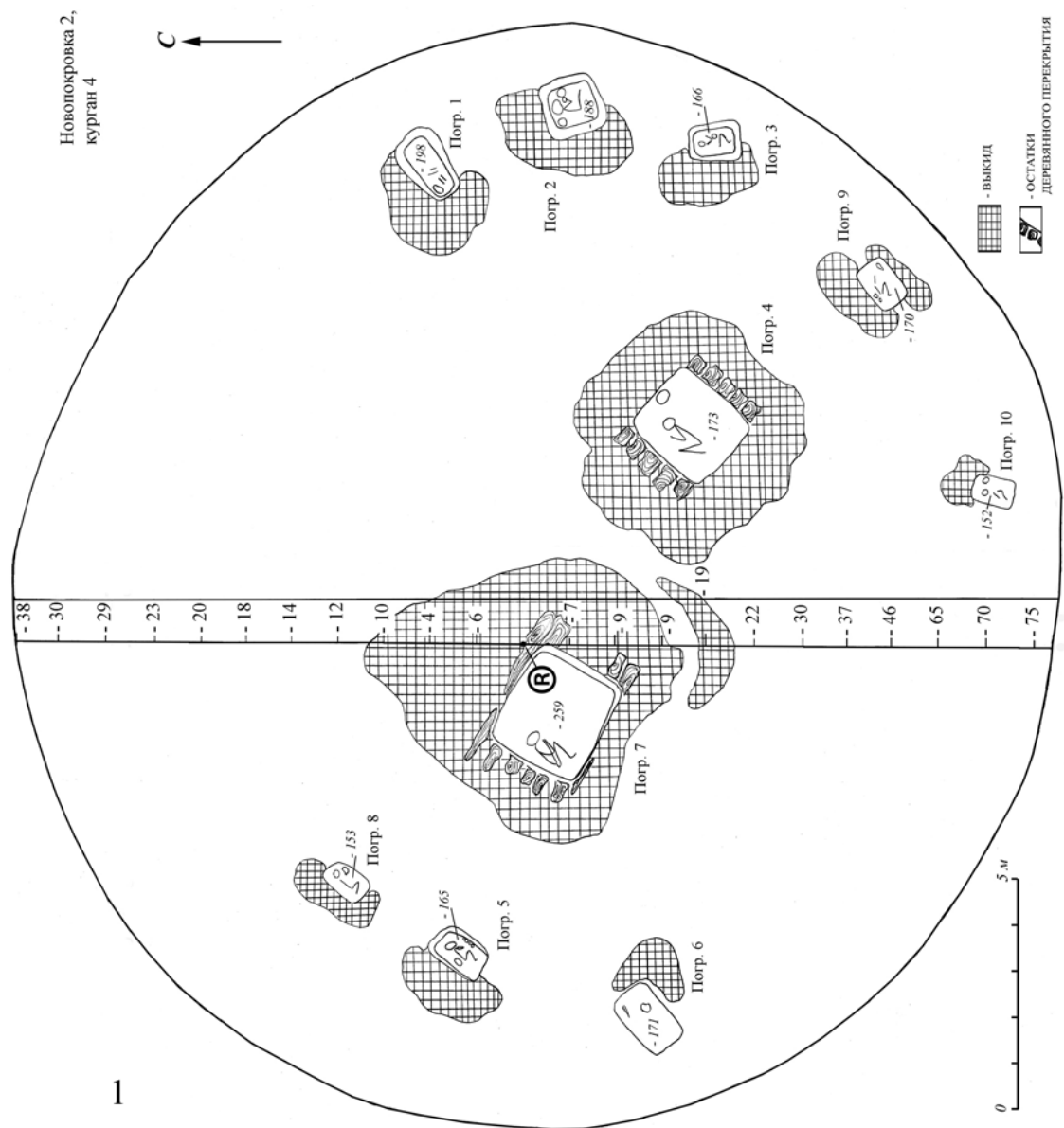

Рис. 43. Новопокровка 2. План кургана 4 (1) и стратиграфия (2)

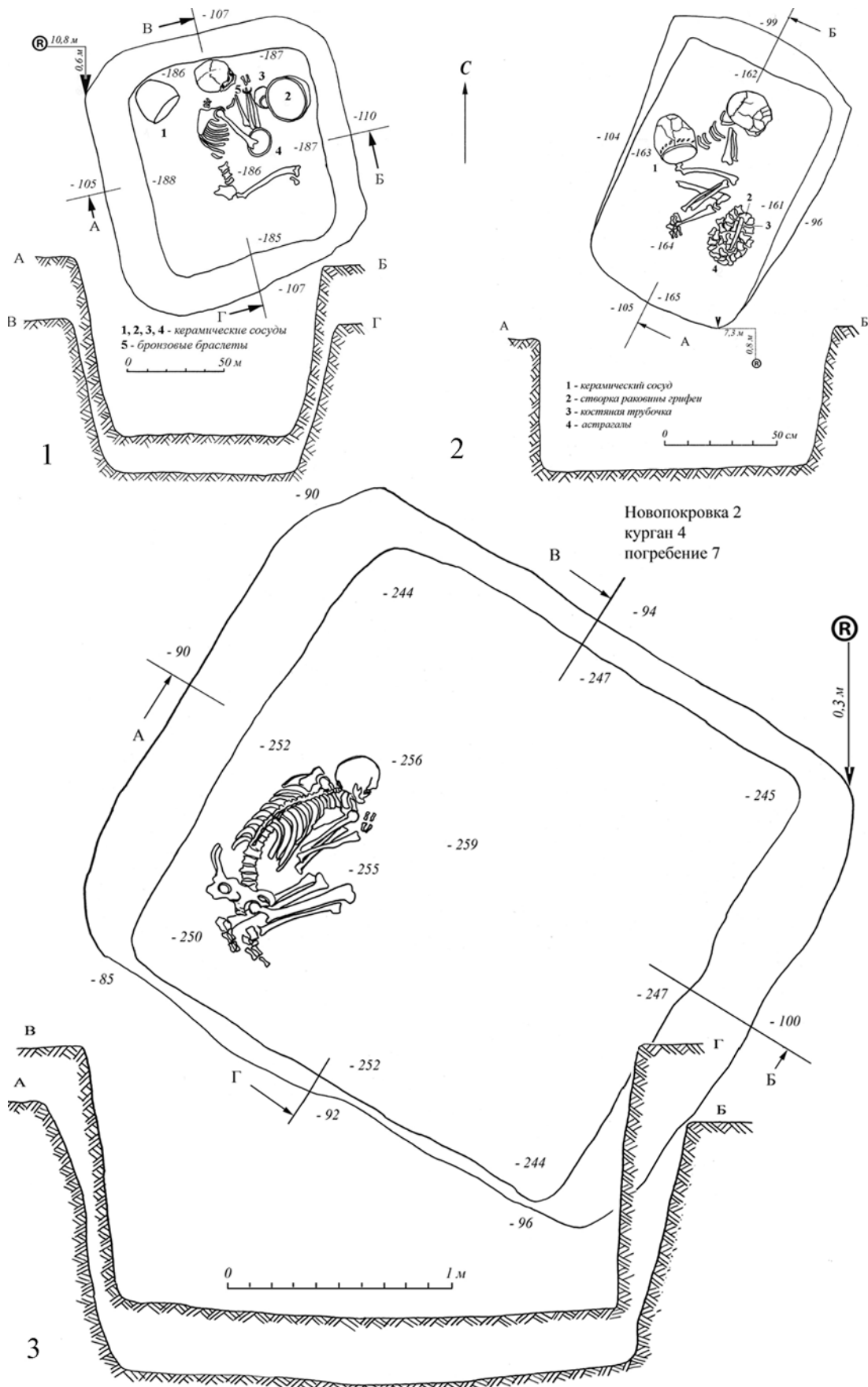

Рис. 44. Новопокровка 2, курган 4. 1 – план и профили погребения 2; 2 – план и профиль погребения 5; 3 – план и профили погребения 7

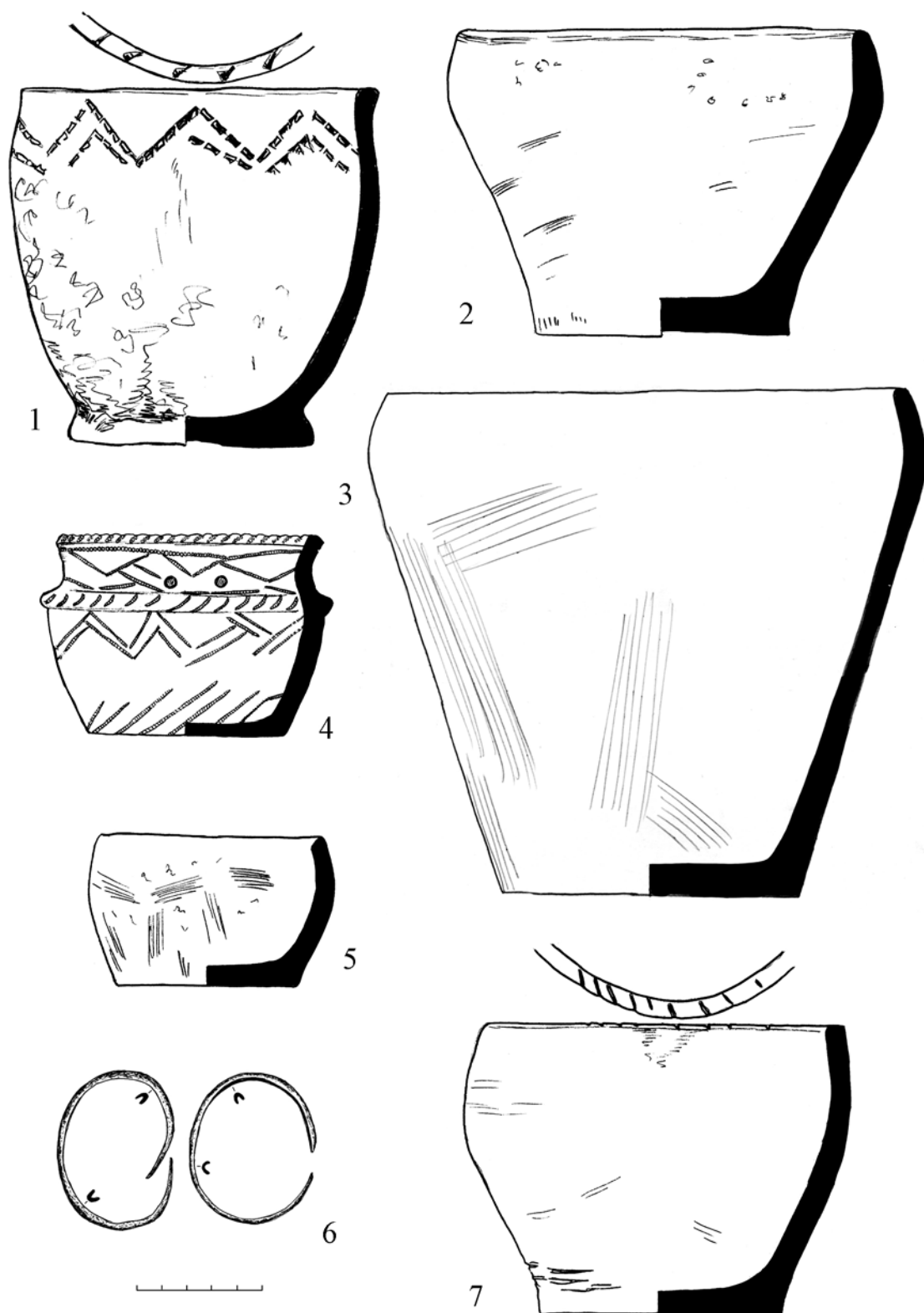

Рис. 45. Новопокровка 2, курган 4. 1 – сосуд из погребения 1; 2-5 – сосуды 1-4 из погребения 2; 6 – бронзовые браслеты из погребения 2; 7 – сосуд из погребения 3

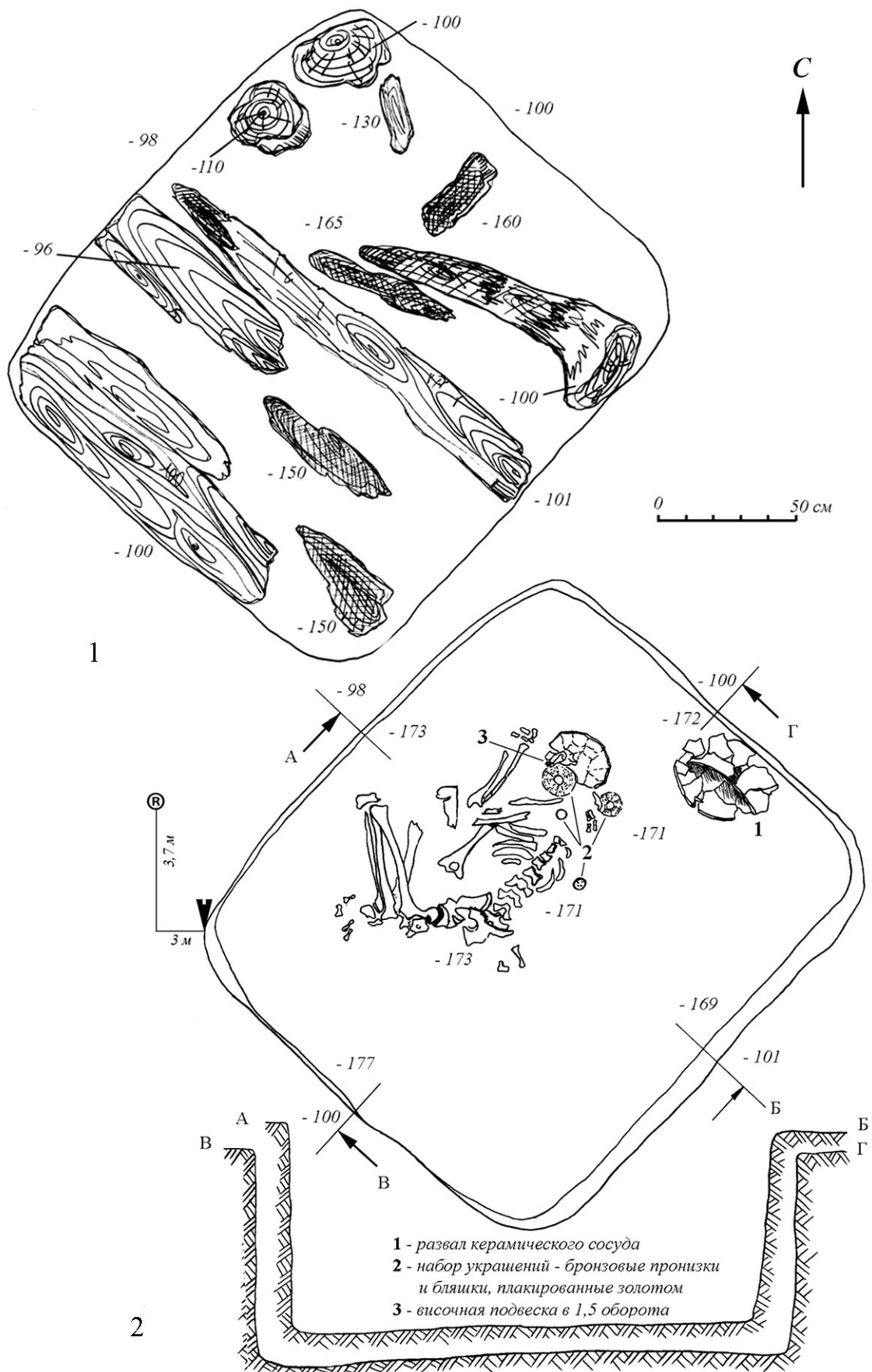

Рис. 46. Новопокровка 2, курган 4. Погребение 4. 1 – остатки перекрытия в могильной яме; 2 – план и профили погребения

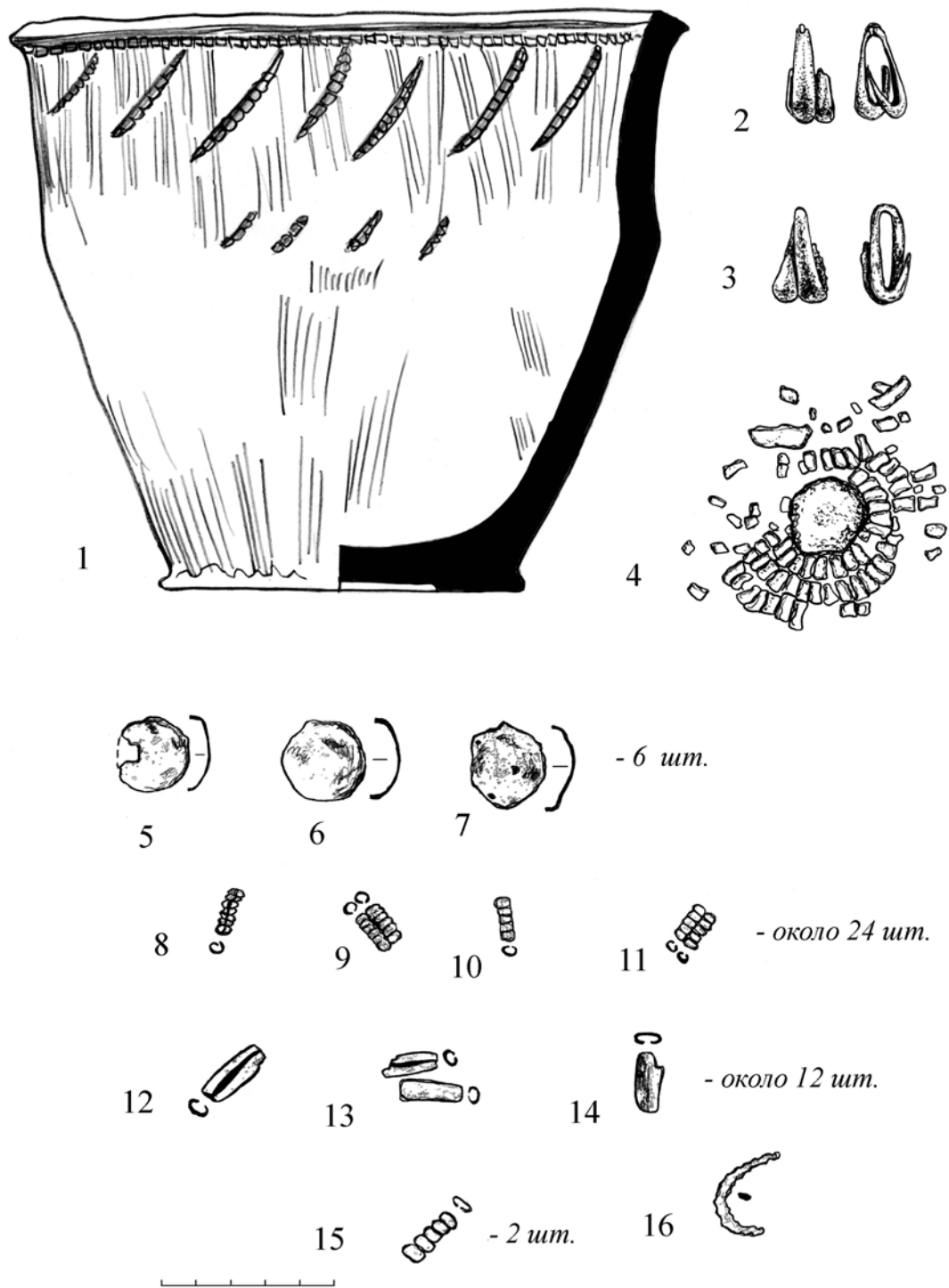

Рис. 47. Новопокровка 2, курган 4. Комплекс находок из погребения 4. 1 – сосуд; 2, 3 – подвески из серебра; 4 – украшения на кожаной основе; 5-7 – бляшки; 8-15 – пронизки различных типов; 16 – остаток кожаной основы. 4-15 – бронза, золотая фольга

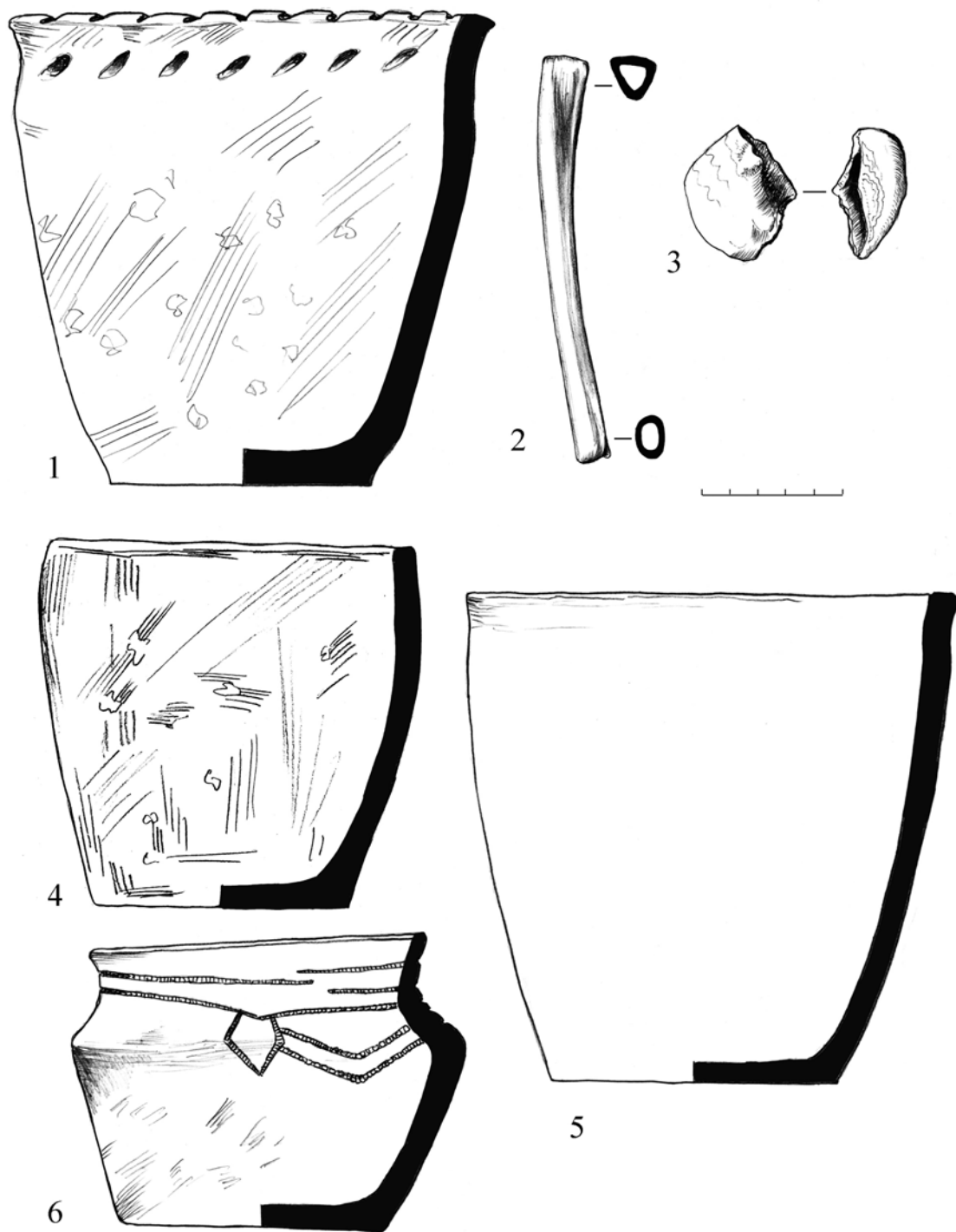

Рис. 48. Новопокровка 2, курган 4. Находки из погребений 5 (1-3), 8 (4), 9 (5) и 10 (6)

Рис. 49. Новопокровка 2, курган 4. Находки из погребения 5

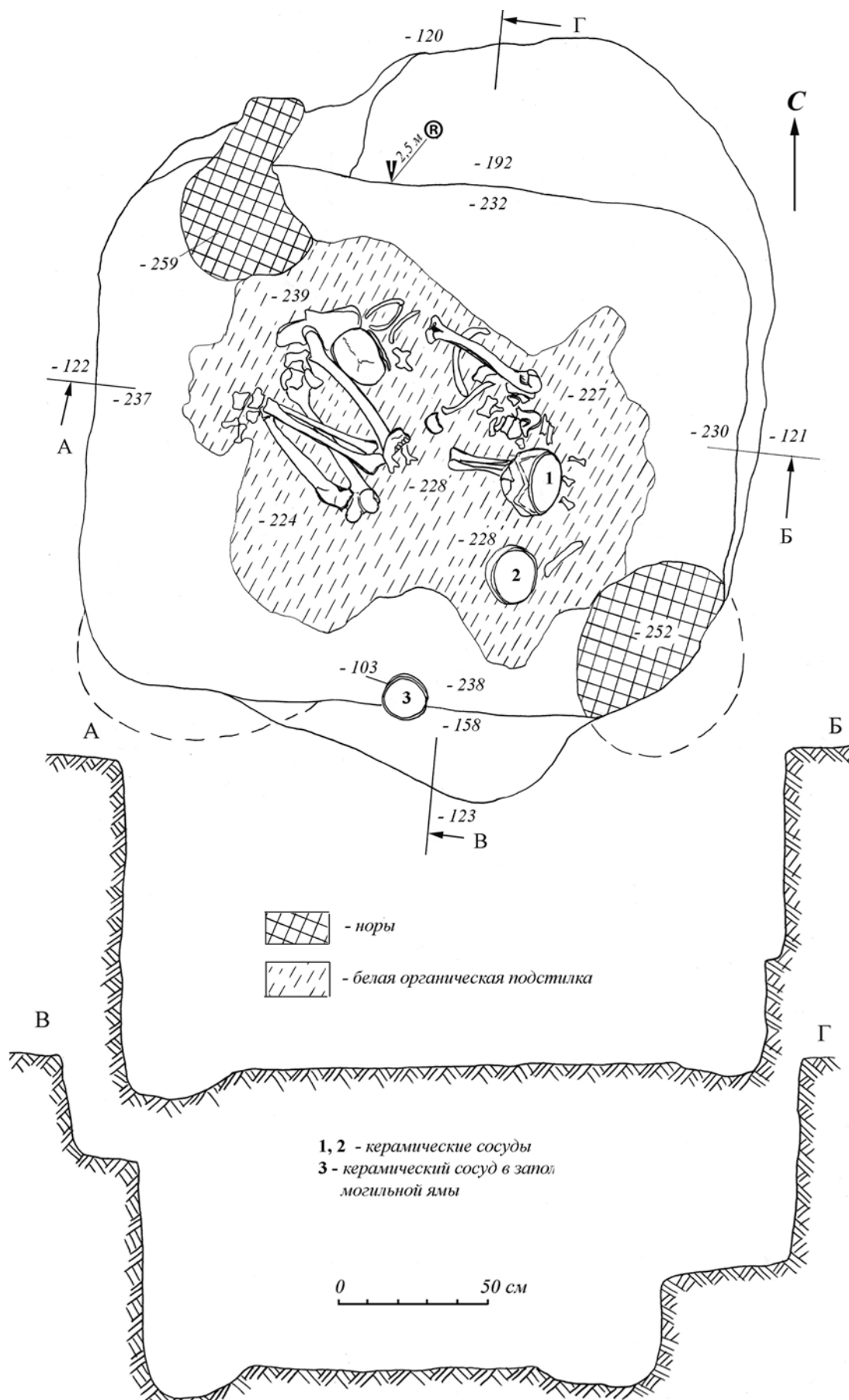

Рис. 50. Станция Чернавка. Курган 1, погребение 2. План и профиль

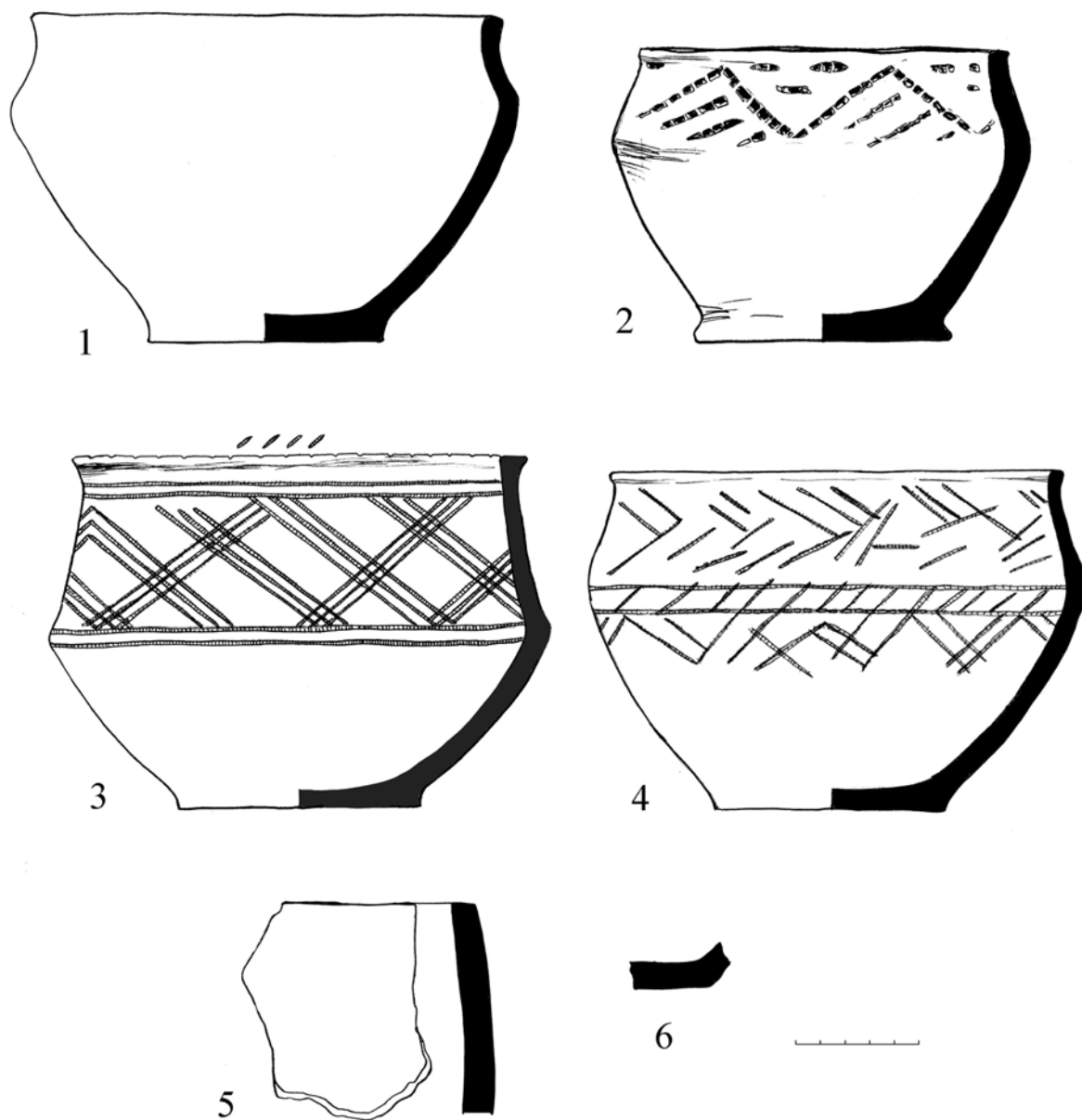

Рис. 51. Станция Чернавка. Курган 1. Керамика из погребения 1 (1), 2 (2-4) и насыпи (5-6)

2.3. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ У ст. БУРОВКА, с.НОВО-ЯБЛОНОВКА И с.ДУБОВЫЙ ГАЙ

В июле-сентябре 2006 года исследованы курганы эпохи бронзы у станции Буровка Вольского района, курган у с. Ново-Яблоновка и один из курганов в курганной группе у с. Дубовый Гай Хвалынского районов Саратовской области. Все три памятника расположены по трассе строительства второго главного пути железной дороги Сенная-Сызрань.

Курганная группа Буровка 1.

Курганная группа Буровка 1 находится в 0,43 км к юго-юго-западу от железнодорожной станции Буровка в Вольском районе Саратовской области (рис. 1, 9). В группе насчитывается девять курганов.

Округлые земляные насыпи расположены неровной цепочкой, протянувшейся на обширное расстояние с юго-запада на северо-восток. Могильник занимает площадь 0,44х0,28 км. Эта территория представляет собой слабое всхолмление с сухой ручьевого промоиной. Наиболее приближены к железной дороге курганы 1 и 9, они же и были исследованы.

Курган 1.

Для наблюдения за стратиграфией была оставлена одна бровка толщиной 80 см, ориентированная по линии север – юг.

В верхней части фаса, в пределах 0,8 м к северу и 5,35 к югу от центрального репера, зафиксирован наносной грунт из глины и песка, оставшийся от демонтажа старой линии электропередач. Ниже наносного грунта и далее по верху насыпи, на всем ее протяжении фиксировался гумус толщиной от 12 до 25 см.

Насыпь кургана залегала на погребенной почве и отслеживалась в пределах 7,25 м к северу и 9,2 м к югу от репера. Светло-коричневый и черный суглинок насыпи довольно сильно поврежден норами землеройных животных (особенно в южной части). Высота насыпи достигает 1,8 м в южной части фаса. Погребенная почва, залегавшая на глубине 1,12 м от репера, фиксировалась в пределах 7,48 м к северу и 9,87 м к югу от репера. На глубине 1,4-1,5 м по всему профилю отмечен темно-желтый материковый суглинок с включениями карбонатов.

Между 0,92 м и 5,2 м к югу от репера в фас попала часть заполнения погребения, единственного в кургане. Заполнение в виде черного мешаного грунта с вкраплениями материковой глины имело затёчную вязкую структуру.

Основное погребение.

Совершено в центре кургана, в 1,92 м к югу от репера. Могильная яма (1,67х2,72 м) подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами была ориентирована бо-

лее длинными сторонами по линии север – юг и углублена в материк от 7 до 11 см. Заполнение состояло из черного затёчного суглинка с содержанием комочков материковой глины и фрагментов дерева, сильно перерытого норами землеройных животных. Стенки ямы, неровные из-за нор животных, почти вертикально опускались ко дну. Дно почти ровное, с небольшим подъемом в центральной части. На дне могильной ямы находился разрушенный скелет взрослого человека. *In situ* лежали только пять позвонков центральной части позвоночного столба. Кости скелета были сосредоточены в центральной, южной и восточной частях могильной ямы. В северо-западном углу ямы (в 9 см к востоку от западной стены) покоилась верхняя часть черепа. Нижняя челюсть находилась в южной части погребения вместе с правым крылом таза, ключицей и костями рук. По всей площади захоронения и на разных уровнях (на костях и под ними) встречались фрагменты дерева. Погребальный инвентарь отсутствовал.

В результате исследования данного памятника выяснилось что, насыпь кургана была сооружена над одним погребением, которое было ограблено в древности. Кроме того, захоронение почти полностью уничтожено норами землеройных животных. Все это затрудняет культурную интерпретацию данного комплекса.

Курган 9.

Для наблюдения за стратиграфией была оставлена одна бровка, которая была ориентирована по линии север-юг. Зачистка дала следующую **стратиграфию**.

Гумус. Фиксировался в верхней части фаса на всем его протяжении и достигал мощности от 15 до 42 см (рис. 52, 1, 2).

Насыпь. Залегала на погребенной почве и отслеживалась в пределах 14,65 м к северу и 11 м к югу от нулевого репера в центре бровки. Насыпь в виде светло-коричневого и серого суглинка плотной структуры имела максимальную мощность до 65 см в северной части кургана.

Погребенная почва, залегавшая на глубине до 80 см, фиксировалась в пределах 11 м к северу и 10,95 м к югу от центра насыпи. К этим отметкам погребенная почва полностью выклинивается.

На глубине 95 см от репера по всему профилю отмечен темно-желтый материковый суглинок с обильными включениями карбонатов, глубже переходящий в светло-желтую супесь.

Между 2,48 м к северу и 0,28 м к югу от репера в фас попала часть заполнения погребения 4 в виде мешаного рыхлого грунта, состоящего из черного суглинка с обильными вкраплениями комков материковой глины. Заполнение сильно повреждено норами грызунов, оно фиксировалось ниже гумуса и пробивало насыпь кургана. На уровне погребенной почвы и ниже в пределах от 0,17 м до 1,48 м к северу от репера в фас попала часть материкового выкида из погребения 4, который сполз в заполнение ямы.

При зачистке западного фаса бровки в пределах от 9,38 м до 9,85 м к югу от репера на уровне погребенной почвы (- 62 см от репера) зафиксирована тризна – череп и путовые кости лошади, бараньи альчики. Череп лошади был ориентирован передней частью на юго-восток.

Погребение 1.

Впускное. Обнаружено в юго-западном секторе кургана, в 8,84 м к западу-юго-западу от репера. Захоронение совершено в насыпи кургана на уровне погребенной почвы. Могильная конструкция не фиксировалась (были расчищены фрагменты одной деревянной плахи в юго-восточной части погребения, которые были направлены с юго-запада на северо-восток).

Погребение почти полностью разрушено норами грызунов. На площади 2,2x1,55 м с юга на север в хаотичном порядке и на разных глубинах (от -43 до -72 см от репера)

покоились кости скелетов двух взрослых человек. Кости плохой сохранности.

По всей площади погребения были разбросаны фрагменты лепного орнаментированного сосуда (сосуд 2) (рис. 53, 1). Черепок в изломе черного цвета с примесью раковины, дресвы, шамота и органики. Орнамент присутствовал на одном фрагменте и был выполнен в виде одного ряда мелких овальных насечек.

В юго-западном углу захоронения на глубине -43 см от репера (выше костей скелета) находился развал лепного сосуда (рис. 53, 4), бронзовый нож (рис. 53, 3) и бронзовое шило (рис. 53, 2). Острорёберный сосуд светло-коричневого цвета, орнаментирован двумя рядами насечек под венчиком и двумя рядами насечек по ребру тулова. Выше и ниже ребра тулова тройные линии насечек образуют свисающий треугольник. Все насечки выполнены округлым штампом. В изломе черепок черного цвета с примесью шамота и раковины. Высота сосуда 8 см, диаметр венчика 10,2 см, диаметр дна 7 см, диаметр ребра тулова 11,8 см.

Бронзовый нож листовидной формы с перехватом и слабо выраженным перекрестием. Сечение лезвия и рукояти трапециевидное. Длина ножа 9,9 см, ширина лезвия 2,3 см, ширина рукояти 1,8 см, толщина в центральной части 0,4 см. Бронзовое шило выполнено из квадратной в сечении проволоки (4x4 мм). Шило имеет ножку круглую в сечении (2x2 мм), которая, вероятно, вставлялась в деревянную ручку. Рабочая часть шила имеет длину 16 мм, ножка 14 мм.

Погребение 2.

Впускное. Совершено в северо-западном секторе кургана, в 6,3 м к северо-западу от репера, на глубине 26-43 см от репера. Захоронение совершено в насыпи кургана и почти полностью разрушено норами грызунов (рис. 54, 1). От могильной конструкции сохранились две деревянные плахи, положенные вдоль длинных стенок и ориентированные строго по линии восток – запад. Наибольшая толщина плах достигает 15 см, длина – 136 см. Расстояние между плахами составляет от 43 до 65 см. Между деревянными плахами покоились кости подростка. В западной части захоронения находились остатки черепа, кости ребер и позвонков. В центральной части погребения в 4-10 см к северу от южной плахи находилась правая бедренная кость, перевернутая на 180 градусов относительно черепа. Остальные кости скелета отсутствовали. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 3.

Находилось в северо-западном секторе кургана, в 6,5 м к северо-западу от репера, практически под погребением 2, на глубине 97-107 см от репера (рис. 54, 2). Могильная яма овальной формы (174x84 см) была ориентирована длинными сторонами строго по линии восток – запад и углублена в материк на 6-7 см. Стенки ямы отвесные, дно ровное (слегка понижается к северу). На дне, вытянуто на спине покоился скелет взрослого человека, черепом ориентированный на запад. Череп покоился на затылочных костях с завалом влево и вперед. Кости рук вытянуты вдоль туловища. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 4.

Основное. Совершено в центре кургана, в 42 см к северу от репера и на уровне -97 – -290 см от нулевой отметки. Могильная яма (2,38x1,25 м) подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-восток – северо-запад (рис. 54, 3). Заполнение ямы, состоящее из черного суглинка и комков материковой глины, прослеживалось сразу ниже гумуса и пробивало насыпь кургана. В западном направлении от могильной ямы на уровне погребенной почвы прослежен материковый выкид мощностью до 30 см и площадью 1,5-2,4x3 м. Стенки ямы неровные. Южная длинная стенка и восточная короткая сильно повреждены норами грызунов и почти вертикально опускаются ко дну. Северная и западная стенки неров-

ными ступенями, в виде уступов, разных по ширине (от 20 см до 80 см) и высоте (от 13-15 см до 67-77 см) подходили ко дну в районе восточной стены. Дном ямы условно можно считать только участок 1,8 на 0,4 м в восточной части погребения на глубине 290 см от репера. В могильной яме костей человека и погребального инвентаря не обнаружено. Вероятнее всего, захоронение было ограблено в древности. Неровные стены и дно могильной конструкции, отчасти, следует отнести к грабительскому ходу.

История сооружения кургана

В результате исследования памятника выяснилось, что изначально курган сооружен над погребением 4, о чем свидетельствует материковый выкид, находившийся на уровне погребенной почвы и перекрытый насыпью. Далее в насыпь памятника было впущено погребение 1, которое следует отнести к первому этапу эпохи поздней бронзы. Последними захоронениями в кургане следует считать погребения 2 и 3, которые по образу можно отнести к эпохе позднего средневековья.

Курганная группа Дубовый Гай 1.

Курганная группа Дубовый Гай 1 расположена в 1,9 км к юго-западу от с. Дубовый Гай в Хвалынском районе Саратовской области, на отметке 110,5 км по линии железной дороги (рис. 1, 11). В группе насчитывается 14 курганов. Все насыпи расположены на пахотном поле, за исключением одной (№ 12), которая и была исследована в полевом сезоне 2006 года. Курган 12 занимает юго-восточный край группы. Линия железной дороги проходит всего в 10 м восточнее насыпи.

Курган 12.

Для наблюдения за стратиграфией была оставлена одна бровка, которая была ориентирована по линии север-юг (рис. 55, 2, 3).

В верхней части фаса, на всем его протяжении, зафиксирован мощный слой гумуса, который сформировался на старом пахотном слое. Толщина его достигает 32-35 см.

Насыпь, которая частично уничтожена глубокой распашкой и норами грызунов, залегала на погребенной почве и отслеживалась в пределах 8,42 м к северу и 5,7 м к югу от нулевого репера. Насыпь в виде темно-коричневого и черно-серого суглинка плотной структуры имела максимальную высоту 64 см в центральной части бровки.

На глубине от 72 см в пределах 8,65 м к северу и 6,04 м к югу от репера залегала погребенная почва. В центральной части бровки она практически отсутствовала из-за сурчиных перекопов.

На глубине от 95 см по всему профилю отмечен темно-желтый материковый суглинок.

В кургане было обнаружено два захоронения, относящихся ко второму этапу срубной культуры эпохи поздней бронзы. В результате исследования памятника выяснилось, что насыпь была сооружена одновременно над обоими захоронениями. Таким образом, оба погребения являются основными.

Погребение 1.

Основное. Совершено в северо-восточном секторе кургана, в 5,23 м к востоку от репера на глубине 79-96 см от репера (рис. 55, 1). Заполнение мешаное (пятнистое), мягкое, состоящее из светло-серого и черного суглинка с содержанием комочков материковой глины. Могильная яма (1,17x0,77 м) неправильной округлой формы в виде сегмента была ориентирована длинными сторонами на северо-восток и углублена в материк на 5-9 см. Выкид из погребения не фиксировался. Стенки могильной ямы плавно опускались ко дну.

На почти ровном дне ямы скорченно на левом боку покоился скелет подростка.

Череп, от которого сохранилась только верхняя часть, лежал на левой височной кости, глазницами на юг. Левая рука сохранилась ниже локтевого сустава и лежала под левой плечевой костью. Правая рука согнута в локте под острым углом, покоилась кистями перед глазницами. Кости ног были согнуты в коленях под острым углом и лежали правая на левой.

Рядом с черепом был расчищен лепной глиняный сосуд светло-коричневого цвета, имеющий ребро почти у основания венчика (рис. 55, 5). В изломе черепок черного цвета с примесью шамота. Сосуд (высота 16,2 см, диаметр венчика 17,2 см, наибольший диаметр тулова 16,6 см, диаметр дна 12,4 см) орнаментирован рядом насечек вытянутой формы по краю венчика и по ребру на тулове. Основание венчика орнаментировано крупными прочерченными крестами, наклоненными под 45 градусов. Верхние лучи крестов соприкасаются.

Погребение 2.

Основное. Обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в 4,85 м к юго-востоку от репера, на глубине 148-237 см от репера (рис. 55, 4). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами была ориентирована длинными сторонами по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Заполнение состояло из черного затечного суглинка с примесью материковой глины и было сильно изрыто норами землеройных животных. К западу, северо-западу и северу от края могильной ямы на уровне погребенной почвы прослеживался материковый выкид который занимал площадь 5,6х2,8 м и достигал мощности в 10-20 см. Стенки могильной ямы, сильно поврежденные норами грызунов, с довольно сильным уклоном (особенно восточная и западная короткие) опускались ко дну. Дно ровное. Кости скелета в захоронении отсутствовали. Видимо, погребение полностью разрушено грызунами.

Из погребального инвентаря присутствовал развал лепного сосуда (рис. 55, 6) светло-коричневого цвета, обнаруженный в заполнении могилы на глубине 1,77 м от репера почти в центре погребения. Черепок в изломе черного цвета с примесью шамота и дресвы. Сохранилась только нижняя половина сосуда следующих размеров: высота 10 см, наибольшая ширина тулова 13 см и диаметр днища 8,5 см.

Курган к востоку от с.Ново-Яблоновка.

Памятник находится в 1,7 км к востоку от с.Ново-Яблоновка в Хвалынском районе Саратовской области, в 50 м к западу от железной дороги на отметке 112,6 км (рис. 1, 10). Насыпь кургана округлой формы была задернована.

Для наблюдения за стратиграфией оставлена одна бровка (рис. 56, 1, 2). В верхней части фаса, на всем его протяжении, зафиксирован пахотный слой в виде неровной полосы гумусированной черной супеси толщиной от 15 до 35 см, имеющий тенденцию к утолщению к краям бровки.

Насыпь кургана была сложена одновременно из двух слоев различного грунта. Это было обусловлено наличием очень мощного материкового выкида из погребения 1, заполнение которого попало в фас бровки в пределах 1,25 м к северу и 1,9 м к югу от центрального репера.

Заполнение погребения 1 было перекрыто насыпью кургана, прослеживалось с уровня погребенной почвы и состояло из мешаного грунта: черной рыхлой супеси; черно-коричневого суглинка вязкой структуры; обильной примеси комков материковой глины и остатков деревянного перекрытия.

Материковый выкид из погребения 1 в плане занимал площадь 15х9 м и достигал мощности до 0,45 м. Он залегал на погребенной почве и прослеживался в западном фаса бровки в пределах 6,4 м к северу и 7,1 м к югу от репера.

Насыпь, которая частично уничтожена глубокой распашкой, залегала на погребенной почве там, куда не распространялся выкид из погребения 1, и непосредственно на материковом выкиде. Насыпь в виде черного и темно-коричневого суглинка плотной комковатой структуры имела максимальную мощность 50 см и прослеживалась в пределах 9,25 м к северу и 9,1 м к югу от репера.

На глубине 65-70 см от репера фиксировался слой погребенной почвы. Он достигал мощности до 40 см (в северной части фаса) и прослеживался в пределах 9,29 м к северу и 9,15 м к югу от репера.

На глубине -85 см от репера по всему профилю бровки отмечен темно-желтый материковый суглинок с обильными включениями карбонатов.

Погребение 1.

Основное. Кенотаф. Находилось в центре кургана. Совершено в простой грунтовой яме (рис. 56, 3, 4). Выявлено по заполнению могильной ямы и остаткам деревянного перекрытия над ней, которые фиксировались с уровня -47 см от репера и до уровня погребенной почвы. Перекрытие занимало площадь 7,2х3,6 м и состояло из бревен различной толщины (от 8 до 66 см в диаметре). Все оставшиеся на уровне погребенной почвы части перекрытия располагались по краям могильной ямы, выходя за ее пределы на расстояние до 60 см, поперек ее длинных стенок и по направлению с юга на север. Крупные части бревен перекрытия были расчищены и на дне погребения. Сама могильная яма имела размеры 6,9х2,8 м и была ориентирована строго по линии восток – запад. Стенки ямы, сильно поврежденные норами землеройных животных, вертикально опускались ко дну с уровня 89-98 см от репера до глубины 211-214 см от репера. Дно могильной ямы ровное.

На дне сохранилась подстилка в виде органического тлена темно-коричневого и белого цвета (камыш, луб), которая фиксировалась отдельными участками в восточной и центральной частях ямы. На одном участке подстилки, в 1,5 м к западу от восточной стены и в 0,8 м к югу от северной, была зафиксирована посыпка охрой (20х22 см и мощностью до 0,5 см). Западная часть дна была повреждена норами землеройных животных. Костей скелета человека в погребении не обнаружено. В могильной яме находился погребальный инвентарь, часть которого расчищена в заполнении. Возможно, эти предметы оказались в заполнении вместе с упавшим перекрытием.

В заполнение ямы обнаружен следующий погребальный инвентарь:

1. Бронзовый нож (рис. 57, 7) листовидной формы с раскованной пяткой. Находился в западной части заполнения ямы, на глубине 96 см от репера. Общая длина ножа 16,7 см, длина пера 13,1 см, длина рукояти 3,5 см. Сечение пера трапециевидное, толщина до 3,5 мм. Сечение рукояти эллипсовидное, толщина до 4 мм. На рукояти, ближе к намечающемуся перекрестию, с одной стороны имеется большая выемка. Возможно, она связана со способом крепления деревянной или костяной ручки или является следствием брака при литье.

2. Бронзовое стрекало (рис. 57, 18). Находилось в заполнении, на глубине 176 см от репера, рядом с северной стенкой погребения, ближе к центру. Длина 5,3 см, толщина до 5 мм, в сечении – квадратное.

3. По всей площади заполнения могильной ямы и на разных уровнях встречались фрагменты лепной керамики (рис. 57, 1, 2, 3, 4), происходящей от трех различных сосудов. Все сосуды светло-коричневого и черного цвета из-за разной степени обжига. На керамике присутствуют следы грубого сглаживания. В изломе черепки черного цвета с обильной примесью дресвы, раковины и шамота. На отдельных фрагментах присутствует орнамент в виде хаотично прочерченных горизонтальных линий.

На дне могильной ямы обнаружены следующие находки:

1. Костяной наконечник стрелы (рис. 57, 29) находился в северо-восточной части

могильной ямы. Перо имеет два выступа. Черешок разделен на две части (ближе к перу более толстая часть). Сечение пера трапециевидное, обеих частей черешка – круглое. Длина наконечника 9,3 см, пера вместе с выступами 5,8 см, длина черешка 4,3 см. Толщина пера до 1,1 см, черешка 0,7-1,2 см.

2. Два кремневых наконечника стрел (рис. 57, 5, 6). Расчищены неподалеку от костяного наконечника стрелы. Длина 6,3 см и 5,8 см, ширина пера 2 см и 1,7 см.

3. Сосуд. Находился рядом с наконечниками стрел, немного западнее. Цвет внешней стороны светло-коричневый. Сохранилась только придонная часть, на которой ближе ко дну имеется орнамент в виде неровно прочерченных горизонтальных линий. Высота сохранившейся части 8 см, ширина тулова 17,3 см, диаметр дна 9,8 см. Черепок в изломе черного цвета, с примесью раковины, шамота и дресвы.

4. Бараний альчик. Находился в 40 см к югу от сосуда.

5. В 14 см к юго-западу от альчика лежала бронзовая пластина со штифтами и семь бронзовых скоб (рис. 57, 8-17). Пластина (2,7x4 см) сделана из листа толщиной 1-1,5 мм. Скобы выполнены из плоской проволоки толщиной до 2 мм и имели размеры от 1,5 см до 1,9 см в длину и до 0,8 см в ширину.

6. Бронзовый нож (рис. 57, 19). Обнаружен ближе к центру могильной ямы, в 5 см к северо-востоку от точки расположения условного репера кургана, на сохранившемся участке подстилки. Форма ножа листовидная. Перекрестие слабовыраженное, с небольшим уступом. Сечение и пера и черешка ромбовидное из-за ребра, проходящего по центру ножа. Общая длина 14 см, длина пера 8,4 см, черешка 5,5 см, толщина ножа 3 мм.

7. Костяная лощеная втулка (рис. 57, 23) находилась в 18 см к юго-западу от сосуда. Один торец шире другого. Длина 2,2 см, ширина 2,7 см и 3 см по торцам, диаметр отверстия 1,4 см.

8. В центре погребения, в 2,5 м к западу от сосуда расчищен тлен от дерева, на котором находились две усиливающие костяные втулки и шесть костяных шипов от двух псалиев (рис. 57, 20-22, 24-28). Длина шипов от 1,5 см до 2,5 см, диаметр в основании до 1 см. Втулки имели желоб с внешней стороны. Их диаметр по 1,7 см.

9. Костяная орнаментированная вырезанным геометрическим орнаментом пронизь (рис. 57, 30). Найдена в центре могильной ямы. Имеет разный диаметр торцевых сторон (1,5 см и 1,9 см). Толщина стенок 2 мм.

Погребение 2.

Впускное. Парное. Детское. Совершено в простой грунтовой яме. Обнаружено в юго-западном секторе кургана, в 7,84 м к юго-западу от репера, на глубине 90-105 см от репера. Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы (1,28x0,96 м) была ориентирована длинными сторонами по линии север – юг и углублена в материк на 10-15 см (рис. 58, 1). Заполнение ямы в виде черного и серого суглинка плотной структуры. Погребение достаточно сильно повреждено норами животных. Стенки почти вертикально опускались ко дну. Дно ровное.

На дне, ближе к восточной стенке, покоился скорченно на левом боку скелет ребенка, черепом ориентированный на север. Позвоночный столб и реберные кости сохранились фрагментарно. От костей рук осталась правая плечевая кость, лежавшая вдоль корпуса. Тазовые кости отсутствуют. Правая нога согнута в коленном суставе под острым углом. Кости стоп не сохранились.

От второго скелета ребенка остались фрагменты черепа, лежащего в 27 см к юго-востоку от черепа первого скелета, и фрагменты костей ног, по которым устанавливается, что ребенок был положен на левый бок, скорченно, головой на север.

В погребении обнаружен следующий погребальный инвентарь.

1. Три бараньих альчика перед лицом первого погребенного.

2. Два сосуда, стоявших рядом. Сосуд один прижат к черепу первого скелета с восточной стороны. Сосуд 1 (рис. 58, 2) – светло-коричневая банка с открытым устьем. Черепок в изломе черного цвета, с примесью раковины и шамота. Размеры: диаметр венчика 14,7 см, диаметр дна 8,2 см, высота 8 см. Сосуд 2 (рис. 58, 3) – округлобокий горшок светло-коричневого цвета с выделенным вертикальным венчиком. Орнаментирован косыми (наклон 45 градусов) прочерченными линиями, которые составляют четыре горизонтальных ряда. Черепок в изломе черного цвета с примесью раковины и шамота.

Погребение 3.

Впускное. Совершено в простой грунтовой яме. Обнаружено в юго-западном секторе кургана, в 7,1 м к юго-юго-западу от репера, на глубине 77-93 см от репера. Заполнение в виде черного и серого суглинка плотной структуры. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована длинными сторонами по линии восток-запад и врезана в материк на глубину от 3 см до 14 см. Стенки почти вертикальные, дно ровное.

На дне, по центру могилы, покоился скелет взрослого человека, скорченно на левом боку, черепом на восток, глазами на юг. Череп лежал на левой височной кости. Позвоночный столб изогнут в верхней части. Кости рук согнуты в локтях под острым углом, кистями перед черепом. Кости ног согнуты в коленях под прямым углом (рис. 58, 4).

Погребальный инвентарь представлен следующими находками.

1. Две путовые кости лошади. Одна находилась в юго-восточном углу могильной ямы, вторая – в 5 см к северу от правой пяточной кости.

2. Шесть просверленных (ожерелье) клыков волка (?) у живота и ног погребенного (рис. 58, 5-10).

3. Бронзовая игла (рис. 11, 11) находилась на месте второго шейного позвонка. Ее длина 3,2 см, толщина около ушка 3 мм, сечение проволоки круглое.

4. Острорёберный светло-коричневого цвета лепной сосуд (рис. 58, 12) с отогнутым венчиком. Стоял между погребенным и южной стенкой. Орнаментирован по плечу прочерченными и заполненными насечками линиями, образующими свисающие треугольники. Под венчиком проходит сплошная прочерченная линия, заполненная насечками. По краю венчика нанесены эллипсовидные вдавления, также заполненные насечками. Черепок в изломе черного цвета, с обильной примесью толченой раковины и шамота.

История сооружения кургана.

В результате исследования памятника выяснилось, что изначально курган был сооружен над погребением 1. Далее в курган, пробив древнюю насыпь и выкид из погребения 1, были впущены захоронения 2 и 3. Все три погребения относятся к первому этапу срубной культуры эпохи поздней бронзы.

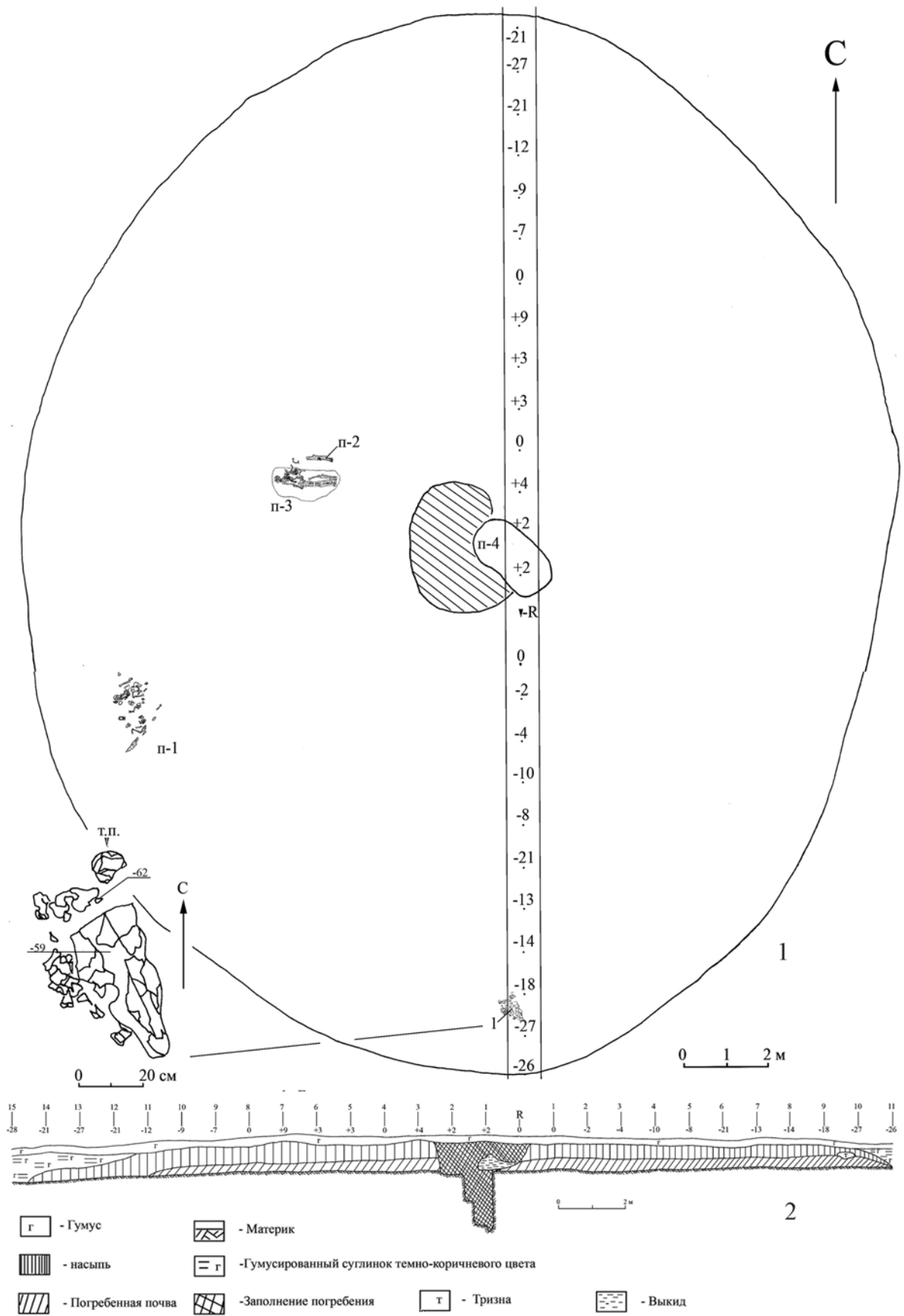

Рис. 52. Буровка 1. Курган 9. 1 – план кургана; 2 – стратиграфия кургана

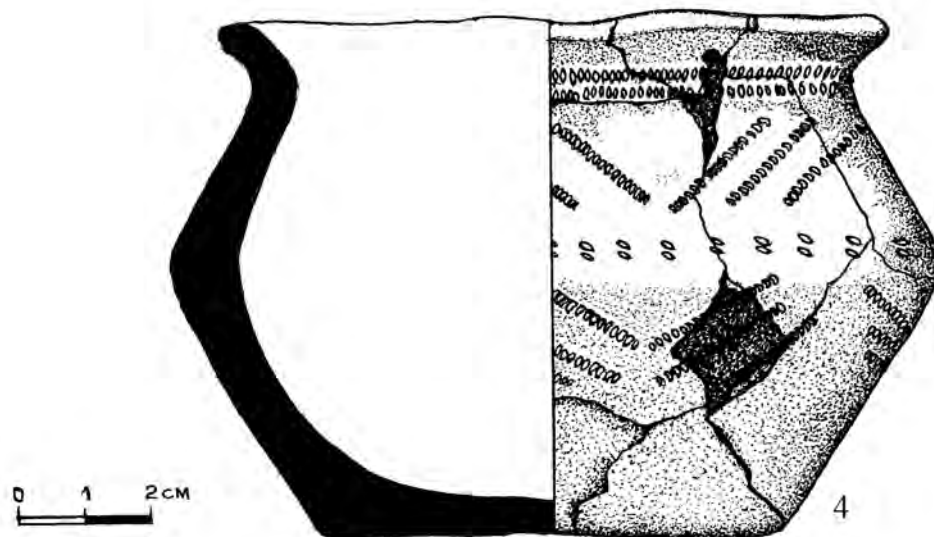
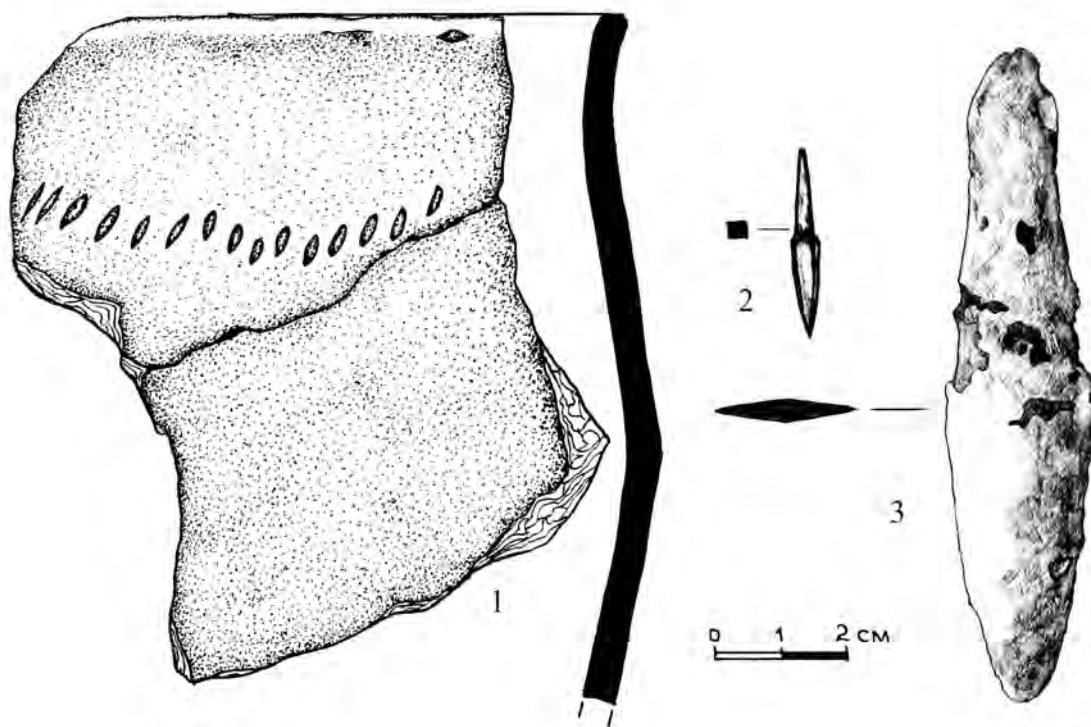

Рис. 53. Буровка 1. Курган 9. 1, 4 – керамика из погребения 1; 2 – бронзовое шило из погребения 1; 3 – бронзовый нож из погребения 1

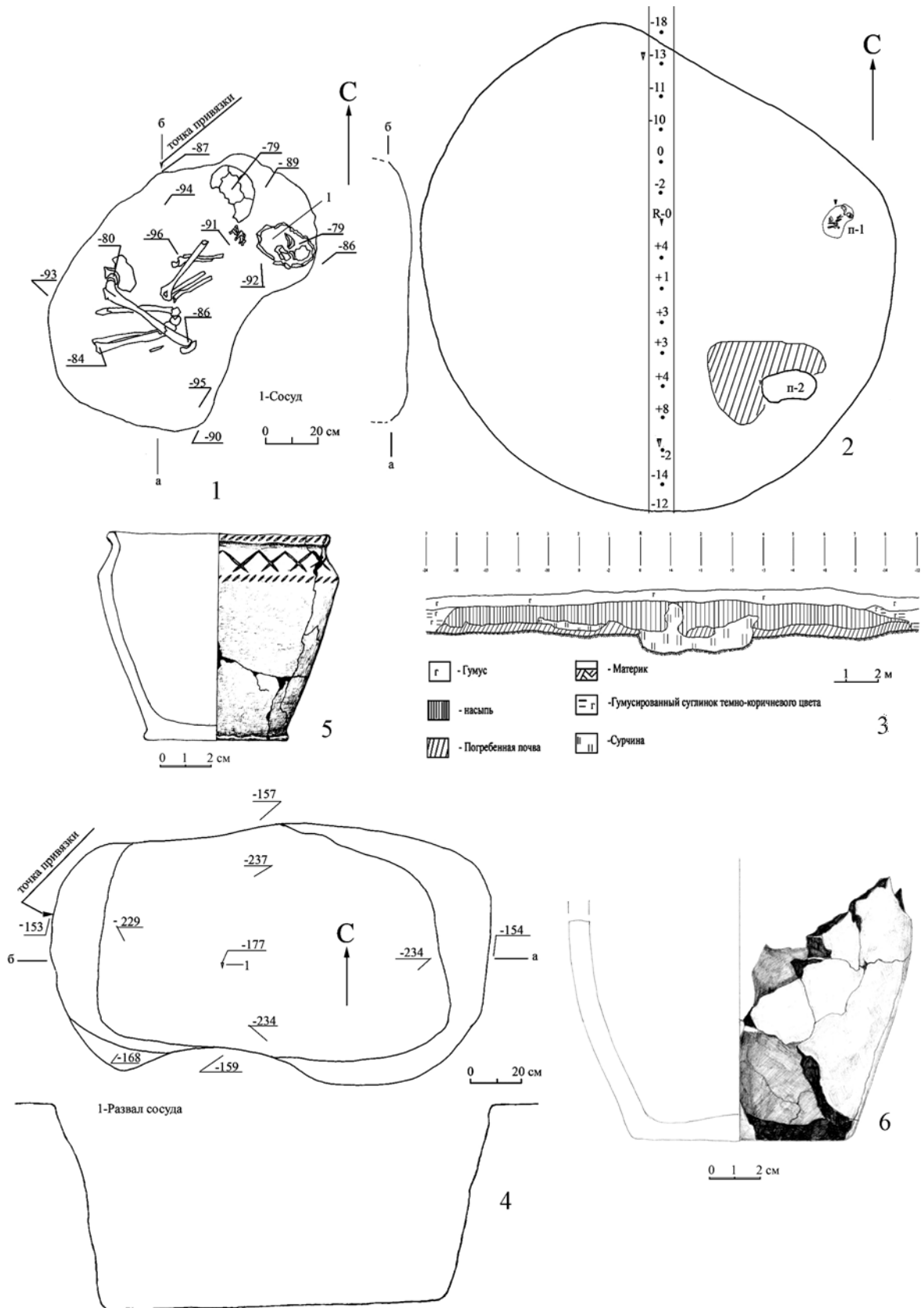

Рис. 55. Дубовый Гай 1. Курган 12. 1 – погребение 1; 2 – план кургана; 3 – бровка; 4 – погребение 2; 5 – сосуд из погребения 1; 6 – сосуд из погребения 2

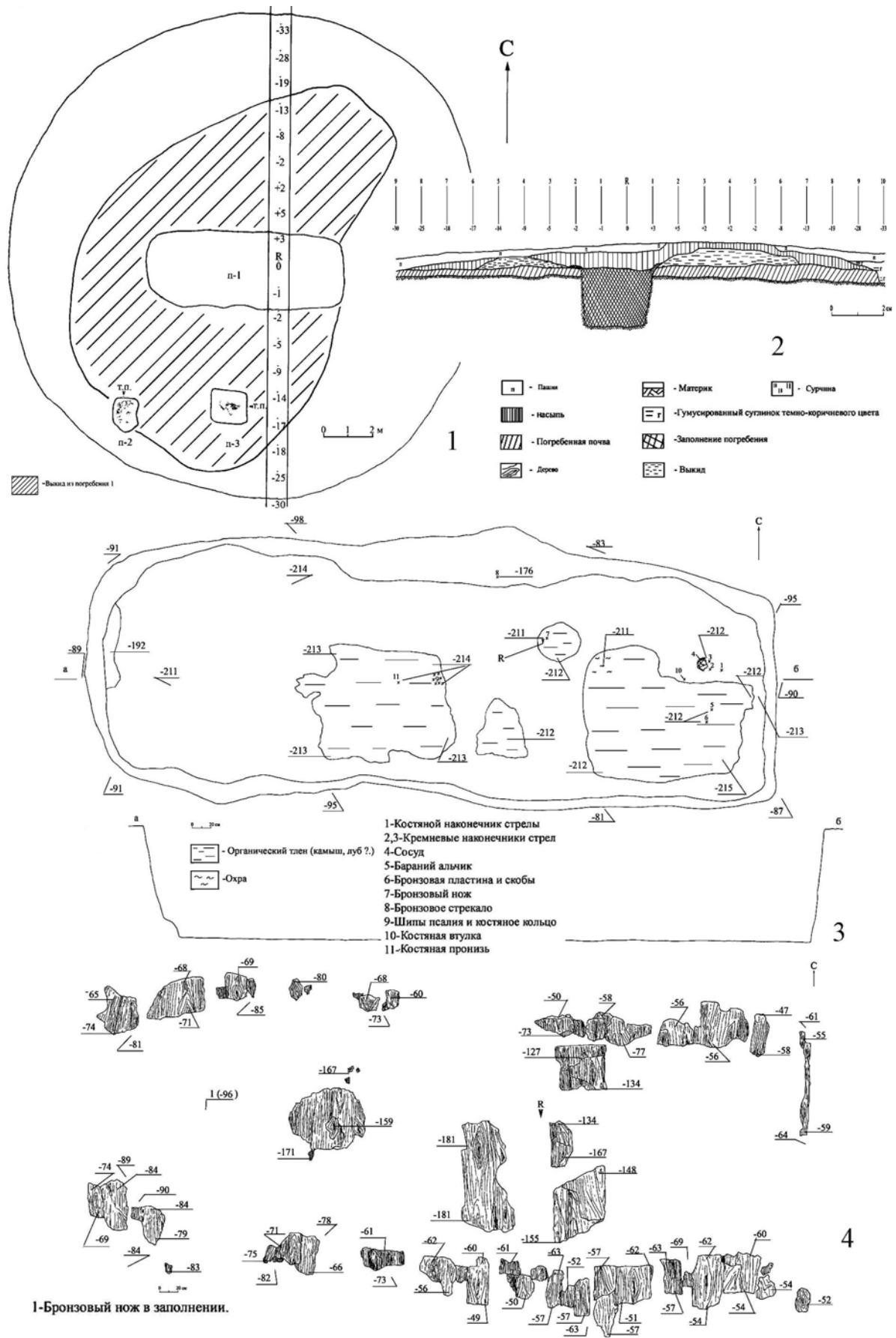

Рис. 56. Одиночный курган к востоку от с.Ново-Яблоновка. 1 – план кургана; 2 – стратиграфия кургана; 3 – погребение 1; 4 – деревянное перекрытие погребения 1

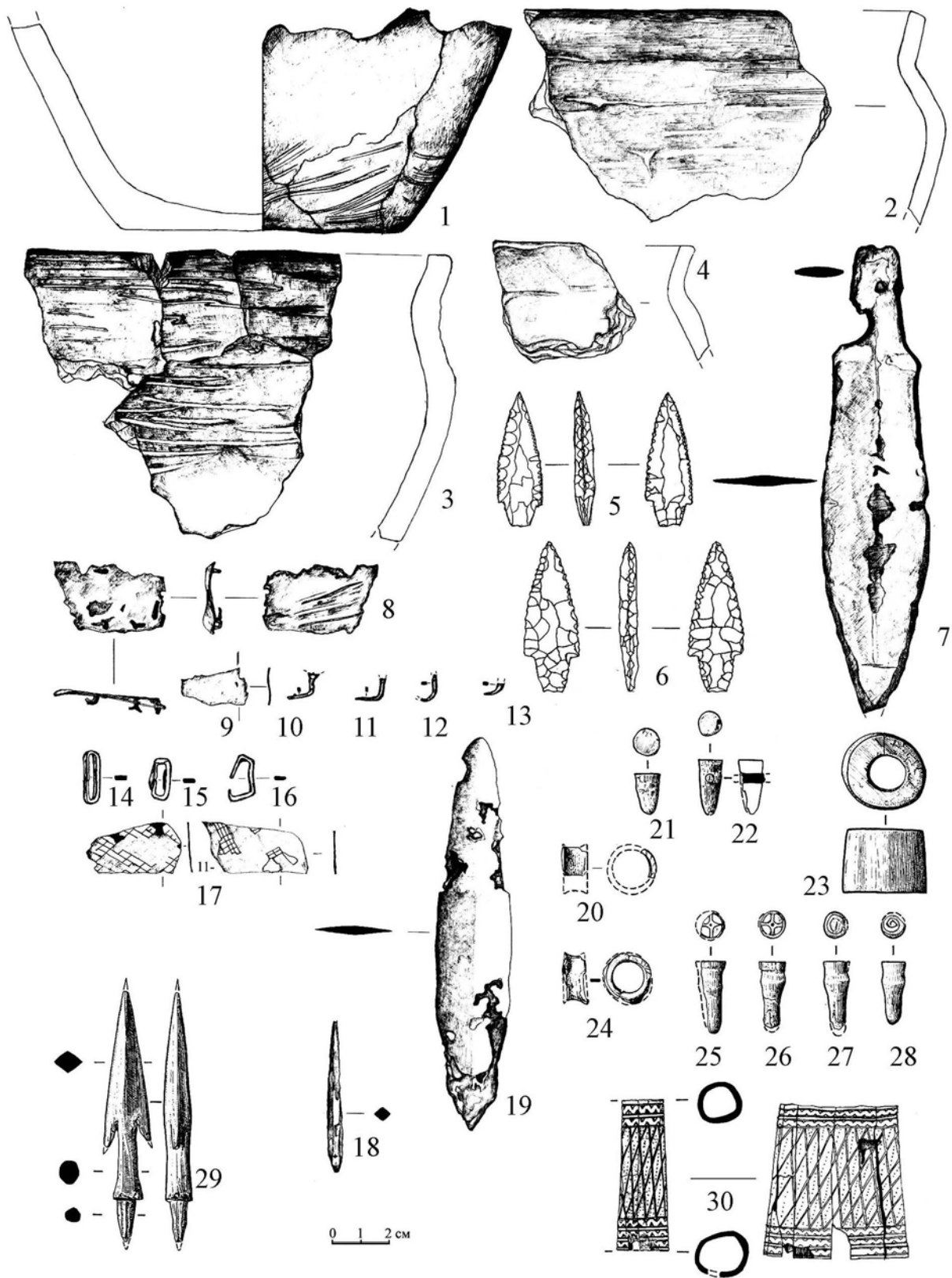

Рис. 57. Одиночный курган к востоку от с.Ново-Яблоновка. Погребение 1. 1-4 – керамика; 5, 6 – кремневые наконечники стрел; 7 – бронзовый нож из заполнения; 8-17 – остатки изделия из бересты с бронзовыми скобами; 18 – бронзовое стрекало; 19 – бронзовый нож; 20-22, 24-28 – шипы и кольца костяных псалиев; 29 – костяной наконечник стрелы; 30 – костяная орнаментированная пронизь; 23 – костяная втулка.

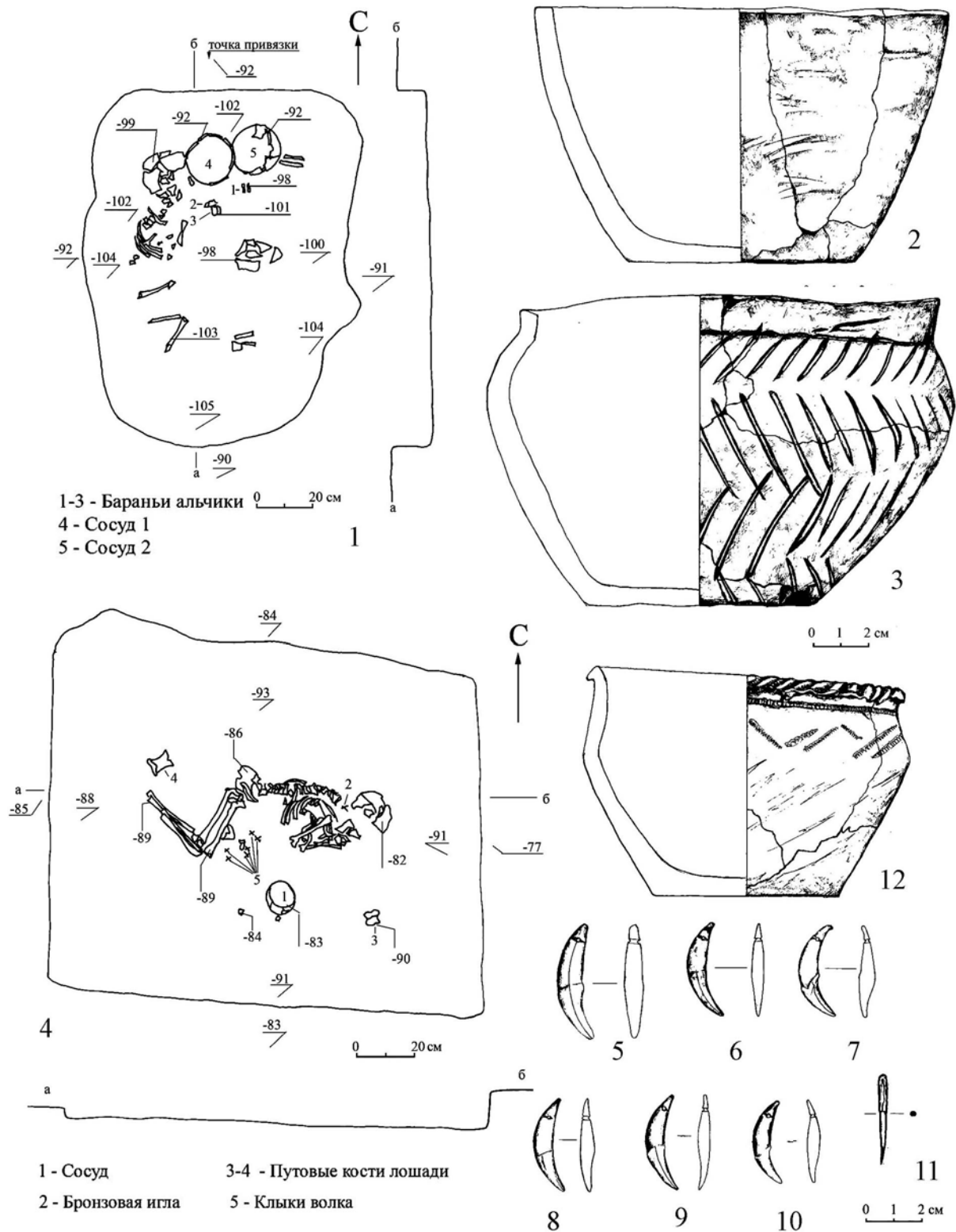

Рис. 58. Одиночный курган к востоку от с.Ново-Яблоновка. 1 – погребение 2; 2 – сосуд 1 из погребения 2; 3 – сосуд 2 из погребения 2; 4 – погребение 3; 5-10 – ожерелье из клыков волка из погребения 3; 11 – бронзовая игла из погребения 3

2.4. КУРГАН У СЕЛА ДУБОВЫЙ ГАЙ

В бассейне р. Терешки на территории Хвалынского и Вольского районов сохранился ряд крупных одиночных курганов. Они были учтены и картографированы в ходе плановых работ в 1987 году, но до 2006 года ни один из них не был исследован.

Один из таких курганов, насыпь которого была уничтожена в ходе строительства второго пути железной дороги Саратов-Сызрань, был исследован в полевом сезоне 2006 года (рис. 1, 12).

Курган расположен на юго-восточной окраине с. Дубовый Гай Хвалынского района Саратовской области, в 0,25 км к югу от остатков фермы, вплотную к технологической трассе, проходящей вдоль железной дороги, на левом берегу р. Терешки. К моменту раскопок насыпь кургана не сохранилась, так как грунт с насыпи был снят строителями второго железнодорожного пути. По данным археологических разведок, проводившихся в Хвалынском районе в 1987 году, насыпь имела диаметр 50 метров при высоте около 3 метров (Юдин А.И., 1988). Курган ранее распахивался.

Насыпь кургана была снесена полностью и использована для отсыпки полотна железной дороги. Грунт был снят почти до уровня древней погребенной почвы. Для поиска возможных погребений, оставшихся в материке, было принято решение снимать тонкими пластами остатки насыпи и почвенный слой по всей предполагаемой площади кургана, оставив стратиграфическую бровку близ вероятного центра насыпи.

В результате снятия тонкого слоя перемешанного грунта, остатков насыпи и слоя погребенной почвы на поверхности практически сразу были обнаружены выкиды погребений и остатки деревянных перекрытий. Всего остатки кургана содержали 4 погребения, все они основные и сопровождалась материковыми выкидами поверх погребенной почвы.

Материковые выкиды обнаруживались практически после первого же прохода скрепера, когда снимался слой сорняков и перемешанный техникой тонкий слой остатков насыпи.

Судя по наиболее крупному погребению 4, именно оно находилось в центре насыпи. От этого погребения и были условно обозначены края насыпи диаметром 50 м на плане. Погребений, располагающихся далее 11-14 м от погребения 4, не обнаружено.

Если считать погребение 4 центральным, то тогда в 7,5 м к северо-востоку от него находилось погребение 3, а в 11 м к юго-востоку погребение 2, рядом с которым располагалось погребение 1 (рис. 59).

Стратиграфия кургана.

Стратиграфическая бровка дала немного информации, так как практически не сохранила остатков насыпи.

Бровка шириной 0,5 м была проложена в направлении юго-запад – северо-восток, так как только в этом направлении мог работать скрепер. По бровке было выяснено, что от насыпи сохранилась тонкая прослойка насыпи толщиной 0,1-0,2 м – серая гуму-

сированная супесь, перемешанная строительной техникой. Под остатками насыпи залегал слой погребенной почвы, который по цвету почти не отличался от вышележащего. Но на участке бровки между погребениями 2 и 4 прослежена тонкая (не более 10 см) прослойка материкового выкида (светло-желтая супесь), разделяющая погребенную почву. Переход от погребенной почвы к матерiku плавный. Материк – светло-желтая супесь, изрытая норами грызунов (рис. 59).

Погребение 1.

Погребение обнаружено по материковому выкиду после первой проходки скрепера по юго-восточному участку насыпи.

Выкид толщиной до 15 см залегал на погребенной почве вдоль длинных сторон могильной ямы. Одновременно с выкидом были обнаружены остатки деревянного перекрытия. После зачистки по уровню материка обнаружилось могильное пятно подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированное длинными сторонами в направлении юго-запад – северо-восток. Проведенная выборка заполнения могильной ямы показала, что могила была перекрыта поперечным перекрытием из деревянных плах шириной до 14-15 см (рис. 60, I).

Дальнейшая выборка заполнения (темно-серая гумусированная супесь с примесью древесной трухи) показала, что кроме перекрытия могила содержала и сруб из деревянных плах в нижней части могильной ямы. Перекрытие залегало на уровне выкида и не соприкасалось первоначально со срубом. Сруб состоял из двух венцов и по высоте не превышал 32-34 см. Лучшее всего сруб сохранился по восточной и северной стенкам могильной ямы. По западной стенке он был разрушен и его остатки залегали на дне могилы. Сруб был сооружен не из бревен, а из колотых плах. Плоские стороны плах были обращены к внутренней части могилы. Погребение было сильно повреждено норами грызунов, которые разбили, в том числе и все углы могилы, так что проследить способ крепления венцов не представилось возможным. О том, что венцы как-то крепились по углам, говорит тот факт, что сруб не прилегал плотно к стенкам могилы и существовал зазор в 7-15 см (рис. 60, III).

Размеры могильной ямы подпрямоугольной формы с округлыми углами и ориентированной по линии юго-запад – северо-восток следующие: длина до 1,83 м, ширина 1,25 м, глубина до 0,6 м от верхнего уровня материка. Размеры собственно могильной камеры, ограниченной деревянными венцами, значительно меньше: длина около 1,5 м, ширина около 0,9 м. Стенки могильной ямы отвесные, дно ровное с едва заметным углублением (на 1-2 см) в центральной части.

На дне могилы по центру и ближе к северной стенке лежал скелет подростка, сильно потревоженный грызунами. Череп смещен к северу и раздавлен упавшим перекрытием. По сохранившимся костям устанавливается, что погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на северо-восток. Мелкие кости ступней и ладоней отсутствовали, сильному разрушению подверглась грудная часть скелета. По сохранившимся костям совершенно точно устанавливается, что правая рука была прижата к туловищу и согнута в локте. Кисть ее была положена на локтевую и лучевую кости левой руки. Левая же рука, судя по положению локтевой и лучевой костей (остатки плечевой перемещены грызунами), также согнута в локте, но не была направлена в сторону головы как правая, а положена перпендикулярно к туловищу (рис. 60, II).

Перед погребенным, вдоль длинной стенки располагался погребальный инвентарь.

1. Перед руками погребенного, вдоль сруба лежали длинная кость ноги животного с эпифизом и поверх нее ребро животного – остатки погребальной пищи.

2. Южнее погребальной пищи, напротив коленей погребенного и вплотную к срубу находился развал сосуда с бронзовой скрепкой (рис. 61, I). Асимметричный сосуд

имеет резко выделенную шейку, округлые бока и небольшое плоское дно. С внешней стороны сосуд украшен по венчику и плечу рядами глубоких горизонтальных линий, а остальная площадь тулова покрыта разнонаправленными расчесами от заглаживания. С внутренней стороны венчика также проходит ряд глубоких параллельных прочерков, а шейка подчеркнута внутренним ребром. Стенки сосуда утончаются от венчика ко дну. По плечу сосуда уже после обжига высверлены два сквозных отверстия. В отверстие была вставлена бронзовая скрепка, концы которой загнуты изнутри. Скрепка изготовлена из плоского прутка шириной 4-4,5 мм и толщиной около 2 мм. Обжиг сосуда неравномерный, в тесте глины имеется примесь крупнотолченой раковины. Размеры сосуда: высота 15,5-16,7 см; диаметр венчика 18,5 см; диаметр тулова 19,5 см; диаметр дна 7,3 см.

3. Между развалом сосуда и погребальной пищей и ближе к погребенному лежал набор альчиков животного. Набор включал 8 альчиков овцы/козы.

Погребение 2.

Погребение также обнаружено по материковому выкиду, который залегал на погребенной почве. Как и в предыдущем случае, выкид располагался вдоль обеих длинных сторон могилы полосами шириной 0,6 – 0,9 м.

Погребение 2 находилось в юго-восточном секторе кургана в 1,4 – 1,6 м к северо-западу от погребения 1, составляя с ним один ряд.

По уровню материка хорошо читалось могильное пятно подпрямоугольной формы с округлыми углами и слегка расширяющиеся в северной части. С верхнего уровня материка было видно, что в могилу был также впущен сруб, перекрытый деревянным накатником, уложенным поперек могилы (рис. 62, I). Колотые бревенчатые плахи, перекрывавшие погребение, достигали ширины в 25 см. В южной части могилы они просели под давлением грунта и залегали непосредственно на сосуде, стоявшем в ногах погребенного. Заполнение могильной ямы – рыхлая, темно-серая гумусированная супесь – содержало обильную примесь древесной трухи. Сруб состоял из двух венцов, общая высота которых достигала 0,4 м в северо-восточном углу могилы. Плоские стороны плах были обращены внутрь могильной камеры. В отличие от погребения 1 здесь сруб соприкасался округлыми сторонами плах со стенками могильной ямы. Степень сохранности сруба была лучше и, судя по расположению плах, сруб никак особо не крепился – плахи были просто вставлены в могилу враспор. Толщина плах составляла, как минимум, 10 см.

Могильная яма с отвесными стенками и плоским дном, которое на 2 см понижалось в центральной части, имела подпрямоугольную форму, округлые углы и слегка расширялась в северной части (рис. 62, II, III). Длинными сторонами могила ориентирована по линии юго-запад – северо-восток и имеет следующие размеры: длина 1,97-2,0 м; ширина от 1,12 м в южной части до 1,21 в северной; глубина до 0,45 м от верхнего уровня материка. Размеры могильной камеры, ограниченной стенками сруба, следующие: длина 1,55-1,58 м; ширина 0,9 м.

Могила содержала два скелета: подростка 15-16 лет и годовалого ребенка¹. Скелет подростка занимал центральное положение в могиле. Он был уложен на левый бок, скорченно. Ноги согнуты под прямым углом как по отношению бедренных костей к туловищу, так и по отношению берцовых костей к бедренным. Руки согнуты в локтях и протянуты к лицу. Второй скелет принадлежал младенцу. Он был уложен в юго-западном углу могилы, «валетом» по отношению к скелету подростка. Кости детского скелета плохой сохранности, череп почти полностью разложился, но все же легко устанавливается, что ребенок был уложен на левом боку с завалом на грудь, слабо скорчен-

¹ Все поло-возрастные определения выполнены А.А.Хохловым (Самарский госпедуниверситет).

но, одна рука (правая) согнута в локте и положена перед лицом. От второй руки сохранились кости ладони и, судя по их местоположению, левая рука поддерживала за локоть правую. По большей части дна и под погребенными сохранились остатки органической подстилки белого цвета – куги.

В могиле обнаружен следующий погребальный инвентарь.

1. У живота взрослого скелета обнаружена бронзовая височная подвеска в 1,5 оборота (рис. 63, 2). Круглая желобчатая подвеска имела диаметр 1,8 см. Еще одна такая же подвеска в обломках была найдена под черепом взрослого погребенного. Там же были найдены мелкие бисерные бусы: 6 белых пастовых, 6 темно-серых стеклянных и 1 трехчленная из такого же стекла (рис. 63, 4-6).

2. В северо-восточном углу могильной ямы, на берестяном туеске лежал миниатюрный округлодонный сосудик (рис. 63, 1). Сосуд асимметричен, вылеплен грубо, стенки неровные. Округлобокий сосуд имеет отогнутый венчик и орнаментирован двумя рядами наклонных ногтевых насечек. Цвет сосудика темно-серый, без видимых примесей в тесте глины. Размеры сосуда: высота 4,5-5,2 см; диаметр венчика 5,2 см; диаметр тулова 6,5 см; диаметр дна 3 см.

3. В том же углу под сосудиком был положен берестяной туесок (рис. 62, 3). Сохранность его была плохая, но все же установлено, что это округлый предмет из бересты. Он имел диаметр около 25 см и по периметру опоясан бортиком высотой до 3 см. Туесок сложен как минимум из двух слоев бересты. Дно туеска слегка выпуклое.

4. Между животом взрослого погребенного и стенкой могильной камеры на дне могилы стоял лепной глиняный сосуд (сосуд 1) (рис. 61, 2). Округлобокий сосуд с плоским дном имеет округлый валикообразный и слегка отогнутый венчик. Венчик с внутренней стороны и плечико с внешней украшены тремя-четырьмя глубокими прочерченными параллельными линиями. Орнамент выполнен небрежно, с разной силой нажима. Нижняя линия по плечу сосуда с обеих сторон выделена двумя рядами подтреугольных наколов, а все тулово покрыто наклонными расчесами. Размеры сосуда: высота 18,7 см; диаметр по венчику 18 см; диаметр тулова 20 см; диаметр дна 10,3 см. Сосуд имеет неравномерный обжиг, в тесте глины имеется примесь крупнотолченой раковины.

5. Лепной глиняный сосуд стоял у короткой южной стенки могильной камеры, между ступнями погребения подростка и детским захоронением (сосуд 2) (рис. 63, 7). Сосуд с открытым устьем имеет шейку, хорошо выделенное плечико и плоское дно, плавно переходящее в стенку. Сосуд светло-коричневого цвета имеет относительно равномерный обжиг и примесь крупнотолченой раковины в тесте глины. Крупный фрагмент венчика и стенки сосуда отсутствовал. По периметру отсутствующего фрагмента в стенке сосуда просверлены 13 сквозных отверстий, очевидно, для скрепления с недостающей частью. Размеры сосуда: высота 13 см; диаметр по венчику 16,2 см; диаметр тулова 16,4 см; диаметр дна 9,5 см.

6. Рядом с сосудом, между ступнями взрослого погребенного и стенкой могилы лежал небольшой берестяной «туесок» плохой сохранности (рис. 62, 6). Диаметр округлого туеска примерно 12 см. В отличие от первого, он состоял из одного слоя бересты и имел стенки около 1,5 см высотой.

7. Бронзовый предмет среди костей пальцев руки детского погребения – бусина, свернутая из плоской полоски бронзы. Ширина полоски – ок. 4 мм, толщина – менее 1 мм, длина предмета – около 7 мм (рис. 63, 3).

Погребение 3.

Погребение обнаружено в северо-восточной поле кургана, в 7,5 м к северо-востоку от погребения 4 (рис. 59). Выкид погребения, залегающий на погребенной почве к северо-востоку и юго-западу от могильной ямы, был чрезвычайно сильно переме-

шан крупными ходами землероев. Заполнение могилы также перемешано землероями до дна. Норами землероев также полностью уничтожено деревянное перекрытие могилы. Крупные фрагменты плах встречались в заполнении могильной ямы, а на двух небольших неповрежденных участках дна могилы остатки деревянного перекрытия залежали поверх костей погребенного.

Могильная яма имела подпрямоугольную форму, округлые углы и слегка расширялась в южном направлении. Размеры могильной ямы: длина 2,57 м; ширина в северо-восточной части 1,6 м; ширина в юго-западной части 1,8 м. Дно могилы плоское и, за исключением центральной части, на 2-5 см заглублено норами землероев, которые и уничтожили большую часть погребения. Длинными сторонами могильная яма ориентирована по линии юго-запад – северо-восток (рис. 64).

На дне могилы *in situ* сохранились в весьма плохом состоянии фрагменты черепа, отдельные кости кистей рук, фрагменты плечевых, локтевой и лучевой костей рук, фрагменты трех ребер, обломки таза, одна бедренная кость, фрагмент бедренной кости, эпифиз берцовой кости. По сохранившимся костям устанавливается, что был погребен взрослый человек (мужчина 20-25 лет), на левом боку, слабо скорченно, руки согнуты в локтях и положены перед лицом. Под костями и вокруг них сохранились остатки органической подстилки (куги) белого цвета. Погребальный инвентарь не обнаружен, за исключением фрагмента боковины керамического сосуда с примесью толченой раковины в тесте глины, найденного в заполнении могилы.

Погребение 4.

Погребение 4 занимало центральную часть кургана. Выкид погребения 4 был также обнаружен сразу после первой ходки скрепера в центральной части курганной площадки. Одновременно с выкидом показались и остатки перекрытия, залежавшего на краю могильной ямы. Сохранившийся пласт выкида достигал толщины 0,2 м. Выкид – светло-желтая материковая супесь – окаймлял погребение со всех сторон неровной полосой шириной в 1,5-3 м (рис. 59). Могильное пятно, хорошо читавшееся уже с уровня погребенной почвы, длинными сторонами было ориентировано по линии север – юг. По длинным сторонам могилы, в ее южной части поверх выкида и древней погребенной почвы, на краях могилы сохранились остатки деревянного перекрытия. Большая часть перекрытия была обнаружена в заполнении могильной ямы.

Заполнение могильной ямы состояло из темно-серой сильно гумусированной супеси с большим количеством нор землероев и примесью древесной трухи характерного коричневого цвета. Крупные остатки деревянного перекрытия встречались в заполнении, начиная с глубины 20 см от верхнего уровня материка. По мере выборки заполнения устанавливалась конструкция надмогильного перекрытия. В южной и северной частях могилы остатки перекрытия были уничтожены сурчиными норами, но в центральной части они сохранились достаточно хорошо (рис. 65).

Перекрытие было положено поперек могилы и сооружено из березовых плах и бревен. Береза расколота и развернута таким образом, что кора осталась целой в виде единого полотна по всей длине ствола. Ширина берестяного полотна в одном случае достигала 1,2 м. Перекрытие из плах было положено вверх берестой. Следует отметить, что толщина дерева под корой не превышала 0,15 м, то есть внутренняя часть плахи была сколота. Колотые плахи с сохранившимся берестяным полотном в центральной части поддерживались маточной продольной балкой из целого березового бревна, которое к моменту раскопок залежало практически уже по дну могилы. Диаметр бревна достигал 25 см. Маточная балка поддерживалась двумя опорными столбами, если принять две округлые ямки по дну могилы за отпечатки нижней части бревен, о чем будет подробно изложено ниже (рис. 65).

Могильная яма в плане представляет из себя высокую трапецию (рис. 66), хотя визуально из-за крупных размеров воспринималась как прямоугольная. Длинными сторонами могила ориентирована по линии север – юг и имеет скругленные углы. Длина могилы 4,4 м. Могила плавно расширялась с севера на юг. Ширина могильной ямы в северной части 2,65 м, в южной – 3,35 м. Глубина могилы от верхнего уровня материка составляла 1,6 м. Дно могилы было относительно ровное, перепад глубин на разных участках не превышает 5-7 см. По периметру дна могилы, вдоль стенок проходила канавка шириной от 7 до 20 см и глубиной от 3 до 14 см. Дно канавки округлое в разрезе (рис. 67). Дно могильной ямы сильно повреждено норами: в юго-западном и юго-восточном углах, по восточной стенке и особенно крупная нора с дуговидным выходом имела в северо-западном секторе. Здесь глубина перекопа достигает 0,5 м от уровня дна могилы.

Все дно могилы, за исключением перекопов и двух ямок по продольной оси, покрыто слоем органической подстилки. Подстилка включала в себя истлевший камыш (кугу), который придавал ей белый цвет. Поверх слоя куги фиксировались полоски древесной коры черного и коричневого (преимущественно) цветов. Зафиксирована и береста, которая залегала в северо-восточном углу и в центральной части, к западу от скопления кремневых наконечников стрел. Обнаружено небольшое количество красно-коричневой охры рядом с двумя ямками и скоплением находок в центральной части западной половины могилы (рис. 66).

В центральной части могилы, по продольной оси расположены две неглубокие ямки. Северная ямка расположена 1,35 м к югу от северной стенки могилы, южная ямка – в 1,28 м к северу от южной стенки могилы. Расстояние между ямками 1,25 м. Неглубокие ямки имеют округлую в плане форму и плоское дно. Северная ямка имеет слегка овальную форму и диаметр 24-29 см. Глубина ямки 4 см относительно дна могилы. На некоторых участках дно ямки покрыто пленкой органического тлена черного цвета, под которой отчетливо заметны бессистемные отпечатки (куга? трава?). В восточной части ямка немного расширяется ко дну.

Вторая, южная ямка имела диаметр 22-24 см, имела плоское дно и также слегка расширялась ко дну в восточной части. Глубина ямки 5 см относительно дна могилы. К югу от ямки, параллельно ее краю имеется С-овидное заглабление, как бы отпечаток плоского и округлого в плане предмета. Ямка и заглабление были заполнены древесным тленом, но хорошо видно, что волокна тлена залегают в направлении север-юг и, вероятно, принадлежат маточной балке. По дну ямка была покрыта кугой и темным органическим тленом, то есть, так же как и окружающие участки дна. Но выше слоя куги на темной органической пленке сохранились отпечатки древесины иного рода, которые напоминают годовые кольца на спиле дерева. Это позволяет предполагать, что ямки служили для фиксации вертикально поставленных (предварительно ровно спиленных) бревен, подпиравших маточную балку. Причем бревна ставились в ямки, когда все дно могилы (в том числе и ямки) было уже покрыто органической подстилкой.

В могиле находилось захоронение мужчины 25-35 лет. Умерший был положен в центральной части могилы, в восточной половине, между вышеописанными ямками и восточной стенкой могилы. Скелет лежал на спине, часть костей была перемещена грызунами. Раздавленный перекрытием череп был повернут влево и лежал на левой височной кости. Руки погребенного (плечевые кости) были раздвинуты, локтевые и лучевые смещены грызунами. Причем если относительно левой руки вмешательство землероев не вызывает сомнений, то с правой рукой ситуация более сложная. Локтевая и лучевая кости смещены к ногам и залегают практически перпендикулярно к телу, упираясь нижними концами в кости таза. В этом нет ничего необычного, учитывая степень поврежденности погребения грызунами, но совершенно точно зафиксировано, что поверх

длинных костей руки лежат кости кисти *in situ*, то есть, вероятно, кисть руки была отрублена.

Ноги, так же как и руки, были раздвинуты и слегка согнуты в коленях. Левая бедренная кость не сохранилась. По костям левой стопы устанавливается, что ноги изначально были положены «ромбом». Стопа правой ноги лежала поверх развала керамического сосуда. Умерший был положен на органическую подстилку (слой белой истлевшей куги, а сверху темно-серая и коричневая органика) и накрыт органическим покрывалом, слои которого аналогичны подстилке. Остатки покрывала сохранились на костях погребенного. Между четвертым и пятым позвонками нижнего поясничного отдела позвоночника при разборке скелета найден костяной трехгранный наконечник стрелы, который, вероятно, и послужил причиной смерти погребенного (рис. 69, 14).

В погребении обнаружен следующий погребальный инвентарь.

1. Развал сосуда 1. Залегал у северной торцевой стенки, по ее центру и на краю канавки, проходящей вдоль стенки могильной ямы (рис. 66, 1). Сосуд имел резко выделенную шейку и отчетливое внутреннее ребро по шейке. Венчик утолщается к краю. По внутренней и внешней стороне венчика прочерчены неровные горизонтальные линии. Такие же линии, но менее глубокие проходят наклонно по тулову сосуда, постепенно превращаясь ко дну в расчески. По округлому плечу сосуда наклонно нанесены отпечатки крупнозубчатого штампа. Обжиг сосуда неравномерный, в тесте глины имеется примесь крупнотолченой раковины. Сосуд отличается крупными размерами: диаметр венчика около 28 см (рис. 68, 1).

2. Бронзовая обойма. Найдена в северо-восточном углу могилы, на приблизительно равном расстоянии между развалом сосуда и канавкой у восточной стенки (рис. 66, 2). Изготовлена из бронзового прутка, прямоугольного в сечении. Имеет овальную форму размерами 2,7x1,5 см. Внутри обоймы сохранилась древесина и сама она лежала на тонкой полоске дерева, а рядом с ней была расстелена береста с лубом (рис. 70, 6).

3. Бронзовый нож. Лежал на тонкой деревянной дощечке в 25 см восточнее обоймы (рис. 66, 3). На лезвии ножа и под ним сохранились остатки кожи, вероятно, от кожаного чехла. Нож имеет листовидную форму, выделенное перекрестие и приостренную пятку рукояти. Общая длина ножа 19 см, длина лезвия до перекрестия 13 см, максимальная ширина лезвия 4 см, толщина 2 мм. Нож имеет одинаковую толщину по всей длине, утончаясь по краям (рис. 70, 3).

4. Остатки погребальной пищи – 6 фрагментов ребер животного. Располагались между обоймой и ножом, несколько южнее (рис. 66, 4).

5. Берестяной «туесок». Залегал к югу от развала сосуда 1 (рис. 66, 5). Предмет изготовлен из бересты и имеет округлую форму. В отличие от бересты на перекрестии, которая скреплялась подстилающим ее лубом, изделие имело очень плохую сохранность, так практически представляло из себя скопление белого порошка. Более или менее хорошо сохранились края, а загнувшийся внутрь восточный край позволил установить высоту изделия: около 4 см. Туесок имел диаметр 20-24 см и был сделан, как минимум, из двух слоев бересты.

6. Бронзовое стрекало с костяной муфтой (рис. 66, 6). Муфта изготовлена из рога козы (определение Е.Е. Антипиной, ИА РАН). Бронзовое стрекало длиной 1,7 см было вставлено в деревянное древко приостренным концом, а поверх древка была надета обжимающая костяная муфта, посредством которой стрекало удерживалось в древке. Округлый конец стрекала выступал из древка и муфты не более чем на 0,5 см. Длина муфты 2,6 см, диаметр около 1,9-2 см, внутренний диаметр ок. 1 см (рис. 70, 16).

7. Костяная втулка. Найдена к югу от сопроводительной пищи в северо-восточном секторе могилы (рис. 66, 7). Стояла вертикально. Диаметр 2,5-2,7 см, диаметр отверстия 1,1 см, длина 2 см. По окружности сохранился орнамент в виде двух параллельных ли-

ний. Также возможно, что был нанесен орнамент в виде двух рядов треугольников, направленных вершинами к основаниям (рис. 69, 13).

8. Роговой псалий. Прямоугольный щитковый псалий залегал шипами вниз в северо-восточном секторе могилы между головой погребенного и пониже (рис. 66, 8). Псалий имеет округлые углы, выделенную планку с четырьмя отверстиями и щиток с центральным и дополнительным отверстиями. Щиток по периметру с трех сторон украшен линией из мелких треугольников. С четвертой стороны щиток от планки отделен прямой линией и двойной линией округлых висячих треугольников. Такой же линией окружено центральное отверстие на щитке. Четыре вставных шипа на торцах украшены крестообразным орнаментом с точкой в центре. Центральное и дополнительное отверстия сильно сработаны (рис. 69, 1). В упряжи этот псалий использовался с левой стороны морды лошади.

Псалий, шипы от псалиев и все остальные костяные изделия из погребения 4 подверглись трасологическому анализу (А.Н.Усачук, г.Донецк). Подробное описание псалия и результаты анализа приводятся ниже в разделе 4.4 главы 4.

9. Два костяных (роговых) шипа от псалия. На плоском торце одного из шипов сохранился циркулярный орнамент (рис. 69, 2, 3). Найдены в северо-западном секторе кургана, в 20 см севернее скопления наконечников стрел, на краю сурчиной норы (рис. 66, 9). Необходимо сразу отметить, что в процессе зачистки этих и последующих шипов обращалось особое внимание на наличие или отсутствие дерева вокруг псалиев, так как учитывалась возможность обнаружения псалиев из дерева с костяными шипами. В данном случае рядом с шипами не было отмечено никаких следов дерева, несмотря на относительно хорошую сохранность органики. Да и само расположение шипов в разных частях обширной могилы группами с неравным количеством (2 – 1 – 6 – 1) показывает, что они залегали явно отдельно от псалиев, хотя наличие двух втулок в погребении может указывать, что они использовались как втулки для деревянных псалиев.

10. Девять кремневых наконечников стрел. Залегали компактной группой в северо-западном секторе могилы, в 0,22 м к западу от северной ямки (рис. 66, 10). Все наконечники имеют вытянутую листовидную форму. Восемь наконечников относятся к бесчерешковому типу с прямым усеченным основанием, а один имеет трапециевидный черешок. Наконечники изготовлены из белой кремневой корки (6 экз.) и черного полупрозрачного кремня (3 экз.). Наконечники имеют длину от 3,3 до 6,2 см (рис. 70, 7-15). По определению А.Н.Усачука шесть наконечников не использовались и даже не имеют окончательной стадии обработки – полировки. Остальные наконечники заполированы, но также вряд ли использовались.

11. Бронзовая «бритва». Миниатюрный однолезвийный нож найден в центральной части могилы, ближе к западной стенке (0,53 м к востоку от стенки) (рис. 66, 11). Длина ножа 8,5 см, длина лезвия 4,5 см, ширина лезвия до 1,5 см. Лезвие и окончание рукояти в сечении треугольные, сама рукоять в сечении прямоугольная (рис. 70, 5).

12. Шип (№ 3) от псалия. Лежал в 10 см к югу от «бритвы» (рис. 66, 12; 69, 4).

13. Бронзовый сплеск диаметром около 2 см (рис. 66, 13). Найден в 5 см к югу от шипа. К западу от него отмечена легкая посыпка красно-коричневой охрой (рис. 70, 2).

14. Бусы – мелкий бисер из стекла темно-серого цвета с характерным металлическим блеском в изломе. Найдено около 15 экземпляров в 5-10 см юго-восточнее сплеска бронзы (рис. 66, 14; 70, 1).

15. Костяной наконечник стрелы. Обнаружен, как уже было сказано, между 4 и 5 позвонками нижнего отдела позвоночника (рис. 66, 15). Наконечник трехгранный, втульчатый, со свисающими шипами. На одной из граней наконечника очень нанесен треугольник. По мнению А.Н.Усачука треугольник не является деталью орнамента или

маркировки, а остался от начала разметки будущего наконечника на заготовке. Длина наконечника 4,7 см (рис. 69, 14).

16. Развал сосуда 2. Сосуд стоял в ногах погребенного и ступня правой ноги лежала поверх сосуда (рис. 66, 16). Округлобокий горшок с резко отогнутым невысоким венчиком, широким устьем и небольшим дном был украшен в верхней трети (и с внутренней стороны венчика) глубоким прочерченными горизонтальными линиями. Тулово покрыто наклонными расчесами. Обжиг сосуда неравномерный, в тесте глины имеется примесь крупнотолченой раковины (рис. 68, 2). Размеры сосуда: высота 21,5 см, диаметр венчика 24,4 см, диаметр тулова 24 см, диаметр дна 9 см.

17. Шесть шипов от псалиев и костяная втулка. Шипы лежали компактной кучкой (один под слоем куги) вокруг костяной втулки в юго-западном углу могилы (рис. 66, 17; 69, 5-10, 12).

Втулка использовалась, возможно, в центральном отверстии щиткового псалия. Выполнена, скорее всего, из рога сайгака (определение Е.Е. Антипиной, ИА РАН). Втулка по одному из торцов имела выступающий бортик, другой, слегка выпуклый торец заполирован. В центральной части предмета по окружности вырезаны две параллельные линии (рис. 69, 12). Высота втулки 1,6 см, диаметр около 2 см, диаметр отверстия около 0,9 см.

18. Ребро животного. Лежало рядом со скоплением шипов, немного ближе к южной стенке могилы (рис. 66, 18). Вероятно, остатки погребальной пищи.

19, 20. Два фрагмента дистальных концов поперечного отростка поясничного позвонка КРС. На них имеются следы резки, образовавшиеся при разделке туши (определение Е.Е. Антипиной, ИА РАН и А.Н. Усачука) (рис. 66, 19, 20).

21. Шип от псалия. Лежал в 20 см южнее второго отростка пояса КРС. (рис. 66, 21). Плоский торец орнаментирован (рис. 69, 11).

22. Бронзовый нож. Обнаружен между южной ямкой и развалом сосуда 2 с одной стороны и южной стенкой могилы с другой (рис. 66, 22). По форме и размерам он близок к первому ножу из северо-восточного угла могилы. На нем также сохранились остатки кожаного чехла. В отличие от первого ножа, он имеет разную толщину по длине. Рукоять и перекрестие прокованы слабее и имеют прямоугольное сечение (рис. 70, 4). Конец рукояти и лезвие раскованы к краям. Длина ножа 19,2 см; длина лезвия 13,3 см; максимальная ширина лезвия 4,2 см.

Вероятнее всего набор погребального инвентаря не исчерпывался перечисленными предметами, но как уже было сказано, часть дна могилы была уничтожена землероями.

История сооружения кургана, культурная принадлежность и хронология погребений.

Историю сооружения кургана можно реконструировать на основе немногочисленных данных стратиграфии и анализе сопровождающего инвентаря. Несмотря на то, что насыпь кургана к моменту раскопок не сохранилась, совершенно точно удалось зафиксировать, что все четыре погребения сопровождались материковым выкидом на погребенной почве. Разумеется, не исключен вариант досыпки насыпи над периферийными погребениями, но это маловероятно. Во-первых, значительные размеры центрального погребения 4 предполагают соответствующий размер насыпи, а выкид ближайшего погребения 3 располагался всего в 6,5 м от погребения 4. Получается, что первичный диаметр кургана не превышал 18 метров, что конечно недостаточно для могильной ямы размерами 4,4 м на 3,35 м. Во-вторых, все погребения хорошо увязываются между собой по погребальному инвентарю. Не вызывает никаких сомнений синхронность погребений 1 и 2. С погребением 3 их роднит одинаковая поза погребенных – скорченно, на левом боку. В свою очередь погребение 3 совершено в могильной яме, повторяющей

форму ямы погребения 4 в уменьшенном варианте – та же подтрапециевидная форма (с расширением в ногах) с округлыми углами.

Погребения 1, 2 и 4 хорошо синхронизируются между собой комплексом керамики: сосуд с бронзовой скрепкой из погребения 1 и сосуд 2 из погребения 4 различаются только размерами. Вся керамика содержит примесь толченой раковины, стенки сосудов покрыты глубокими расчесами. В погребении 2 и 4 содержатся идентичные туески из бересты и бисерные бусы из темно-серого стекла.

Таким образом, с большой долей вероятности, можно предполагать относительную одновременность всех четырех погребений. Насыпь сооружалась сразу над всеми четырьмя погребениями, которые, вероятно, были совершены с небольшими хронологическими разрывами.

Хронология и культурная принадлежность погребений определяется по обряду и погребальному инвентарю. Наличие сосудов, весьма близких к доно-волжским абашевским, щиткового псаля, ножей с намечающимся перекрестием указывает на ранне-срубное время. Причем, часть признаков относится еще к периоду средней бронзы – это срубы, характерные более для бабинской (КМК) культуры, положение вытянуто на спине (доно-волжская абашевская культура), что несомненно дает основания относить курган у с.Дубовый Гай к числу наиболее ранних покровских срубных, когда облик культуры еще не сформировался полностью и старейшина рода погребен по архаичному обряду, а сопровождающие погребения соплеменников уже имеют черты нового, срубного обряда – северо-восточная ориентировка, положение на левом боку скорчено.

В абсолютном исчислении время сооружения кургана определяется рубежом III-II тыс. до н.э. Получена одна радиоуглеродная калиброванная дата по дереву из перекрытия погребения 4 – 2025:1944 BC [1σ] (ИГАН-3251)². Это хорошо соотносится с датами аналогичных погребений. По ряду признаков курган у Дубового Гая можно сопоставить с памятниками потаповского типа (культуры) Среднего Поволжья (могильники Потаповский и Утевка-VI). Пять калиброванных дат этих памятников укладываются в интервал 1889-1622 гг. до н.э. (XIX-XVII вв. до н.э.) (Кузнецов П.Ф., 1996, с. 57-59).

По мнению В.А.Трифонова 2000-1800 гг. до н.э. – время формирования родственных покровской и потаповской культур (Трифонов В.А, 2001, с. 80). Поскольку, как уже отмечалось, в комплексах Дубового Гая присутствует ряд несомненно ранних черт, их стоит отнести к самому началу этого этапа.

² Правда, к данной дате следует относиться с большой осторожностью, так как другие даты для второго (второго) этапа срубной культуры, полученные в той же лаборатории, синхронны Дубовому Гаю или даже старше.

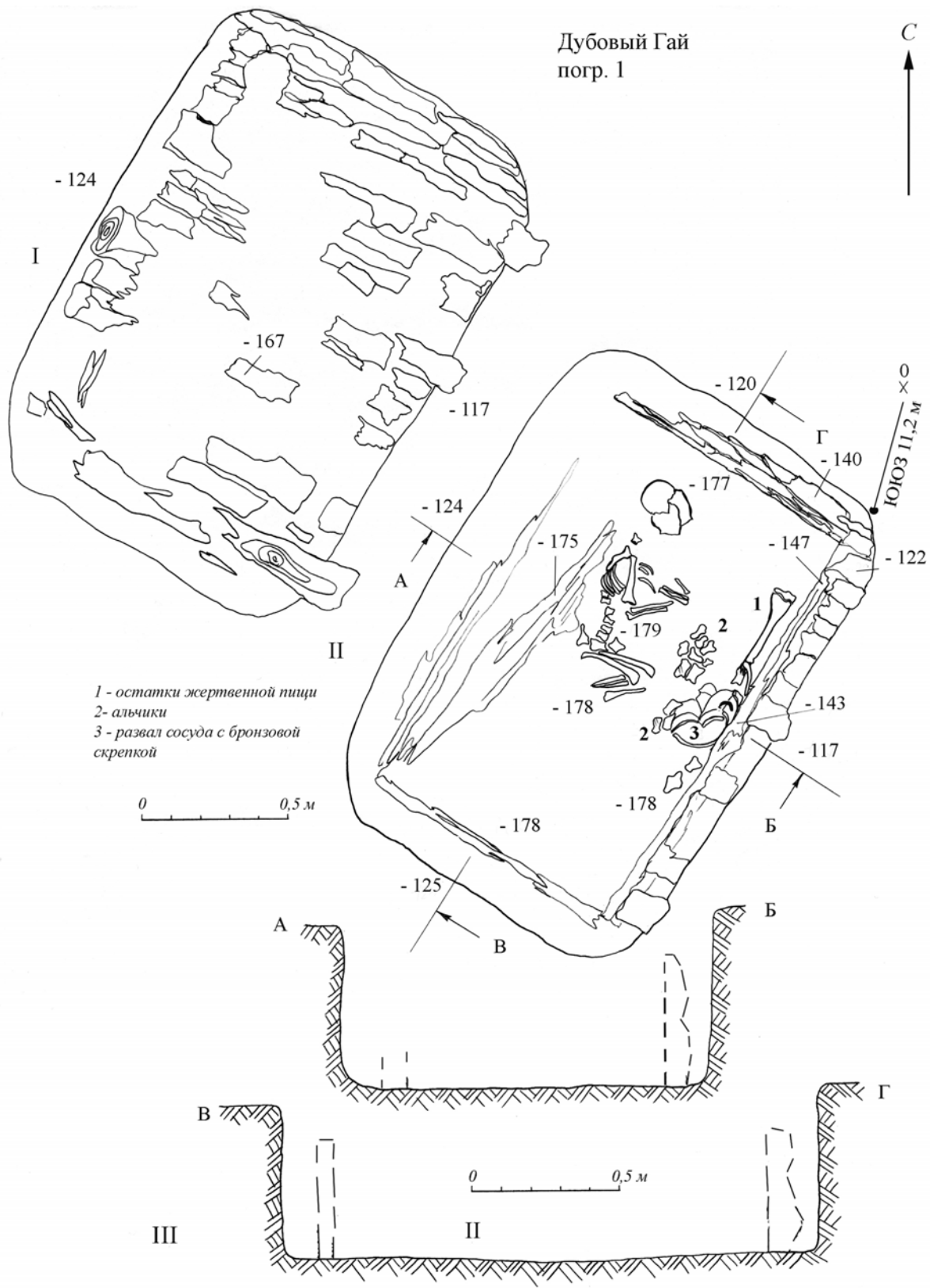

Рис. 60. Дубовый Гай. Погребение 1. I – план перекрытия могилы; II – план погребения; III – профили погребения

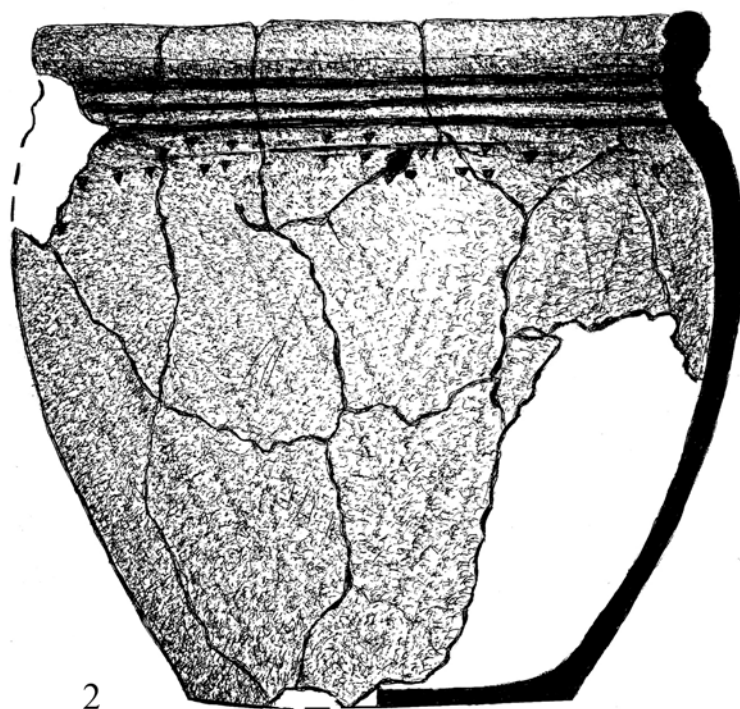
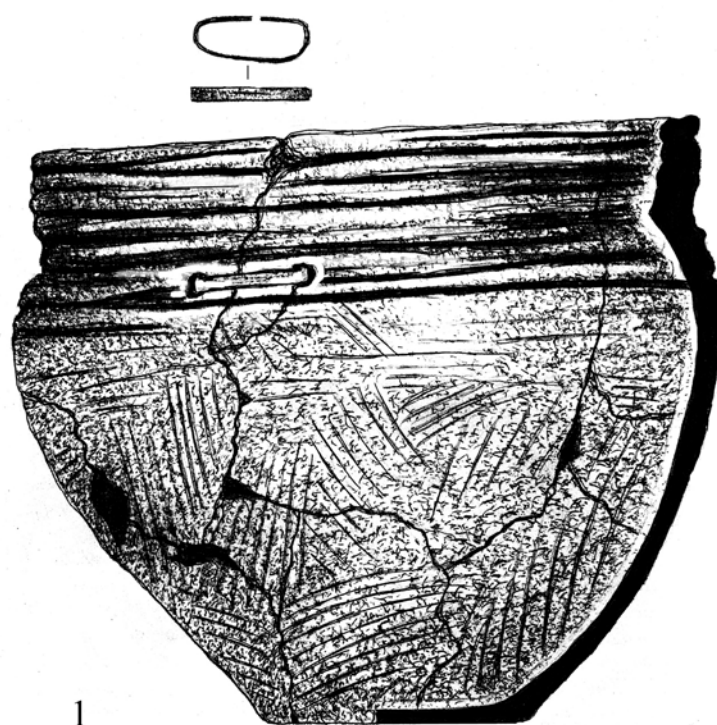

Рис. 61. Дубовый Гай. Сосуд с бронзовой скрепкой из погребения (1) и сосуд 1 из погребения 2 (2)

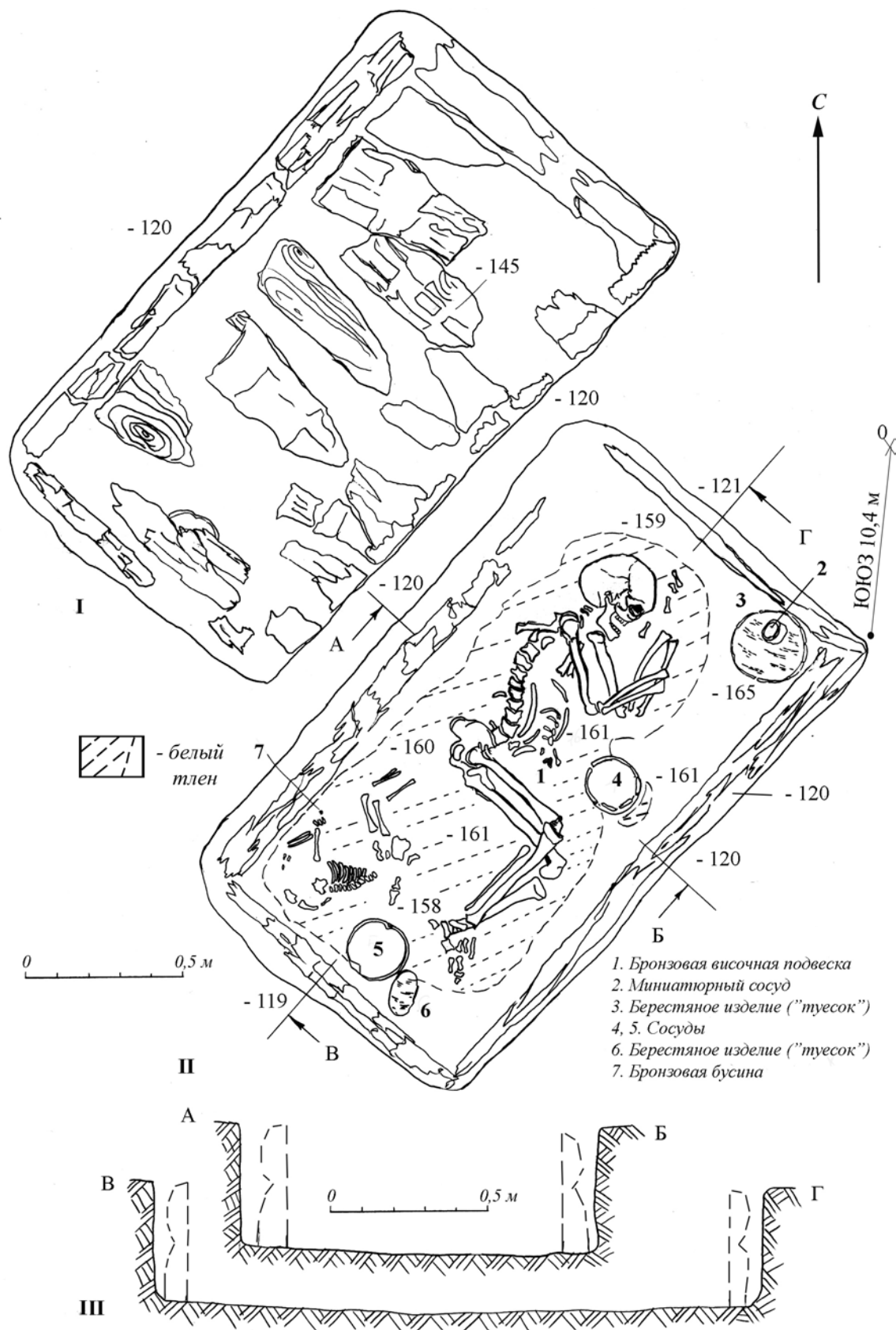

Рис. 62. Дубовый Гай. Погребение 2. I – план перекрытия могилы; II – план погребения; III – профили погребения

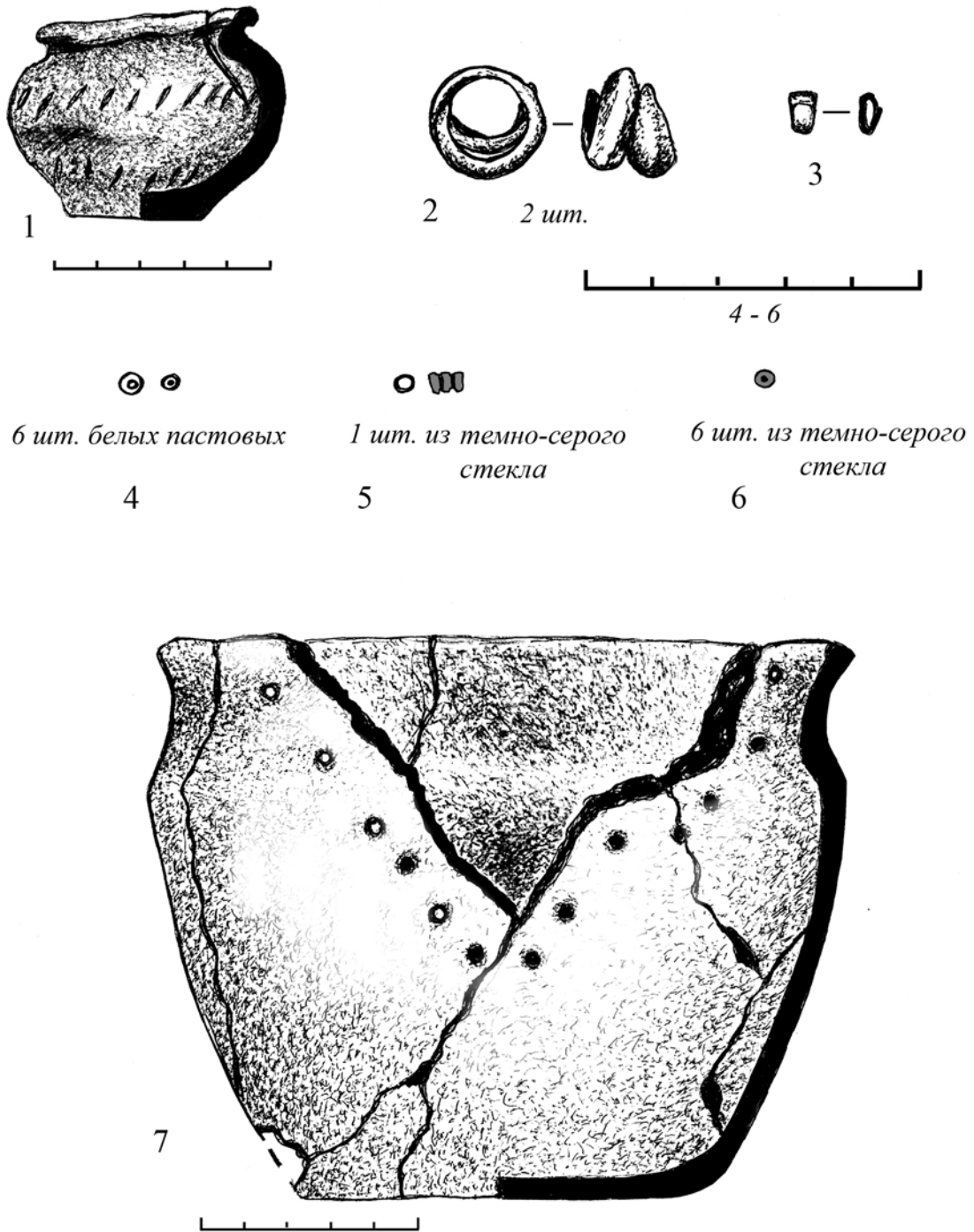

Рис. 63. Дубовый Гай. Находки из погребения 2. 1 – миниатюрный сосуд; 2 – бронзовая подвеска; 3 – бронзовая пронизка; 4-6 – стеклянные бусы; 7 – сосуд 2

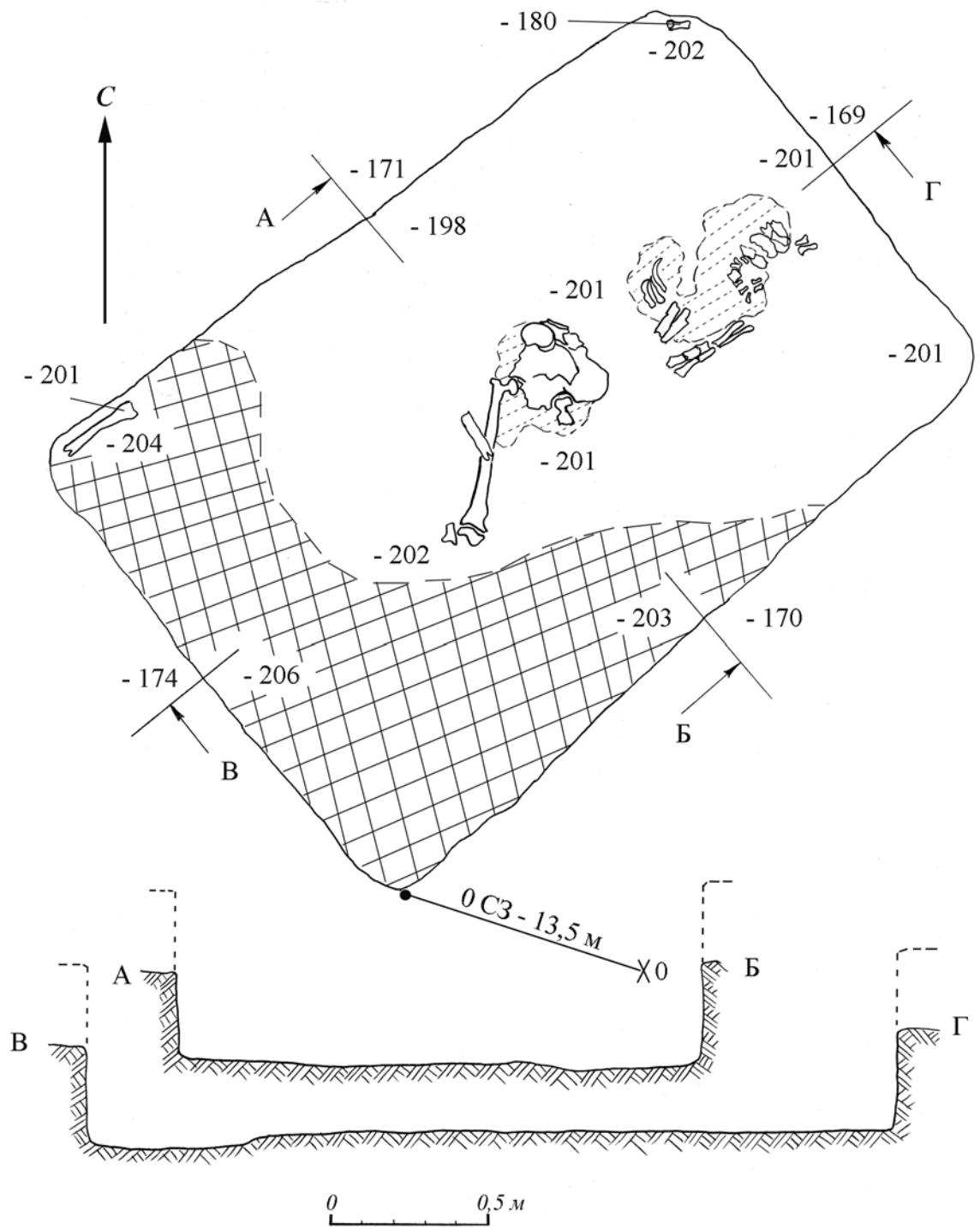

Рис. 64. Дубовый Гай. План и профили погребения 3

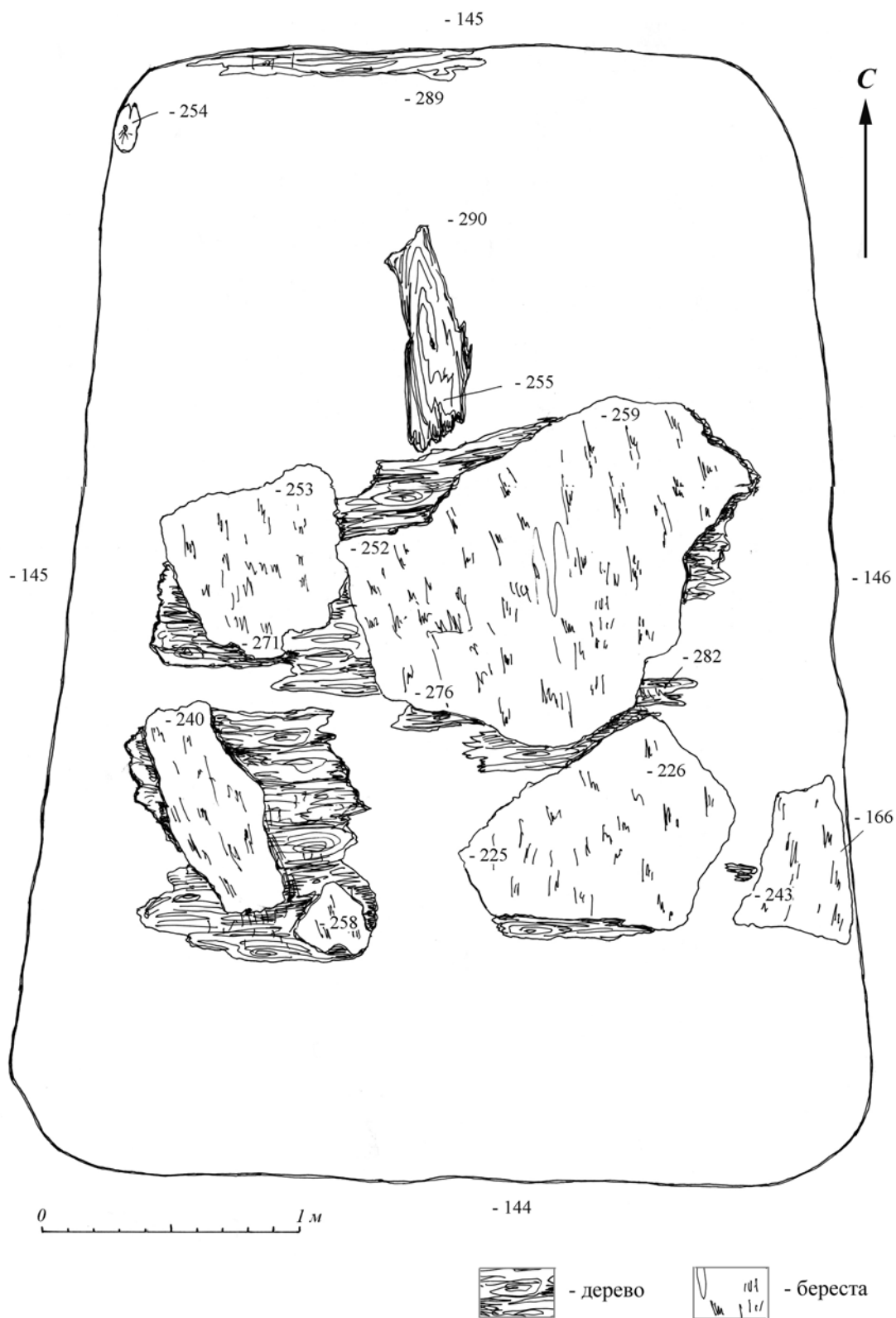
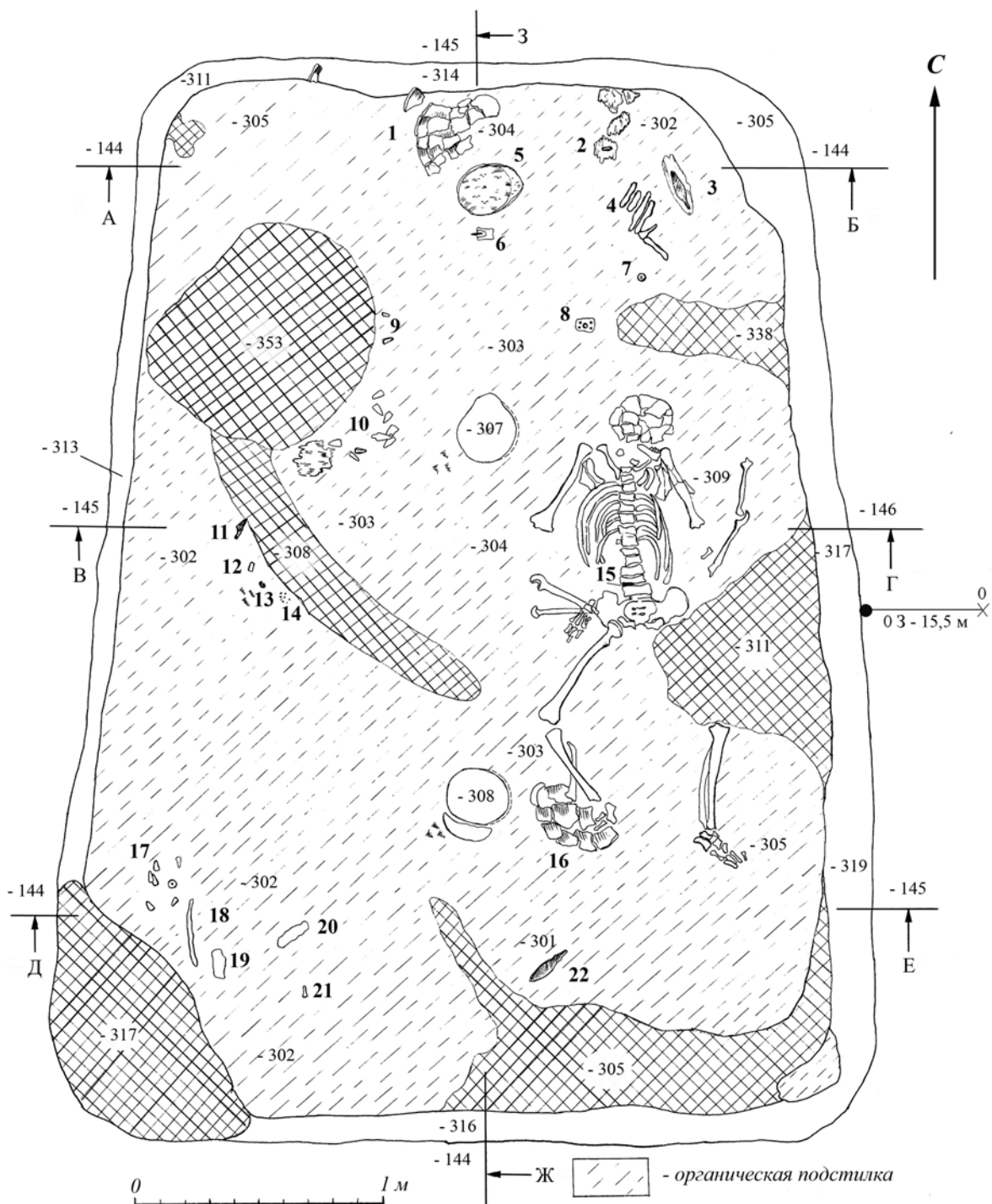

Рис. 65. Дубовый Гай. План остатков перекрытия погребения 4

1. Развал сосуда	15. Костяной наконечник стрелы
2. Бронзовая обойма	16. Развал сосуда
3. Бронзовый нож	17. Шесть шипов от псалиев
4. Остатки погребальной тищи	18. Ребро животного
5. Берестяной "туесок"	19, 20 - костяные пластины
6. Бронзовое стрекало с костяной муфтой	21. Шип от псалия
7. Костяная пронизка	22. Бронзовый нож
8. Псалий	
9. Два шипа от псалия	
10. Девять кремневых наконечников стрел	
11. Бронзовая "бритва"	
12. Шип от псалия	
13. Бронзовый сплеск	
14. Сурьмяные бусы	

Рис. 66. Дубовый Гай. План погребения 4

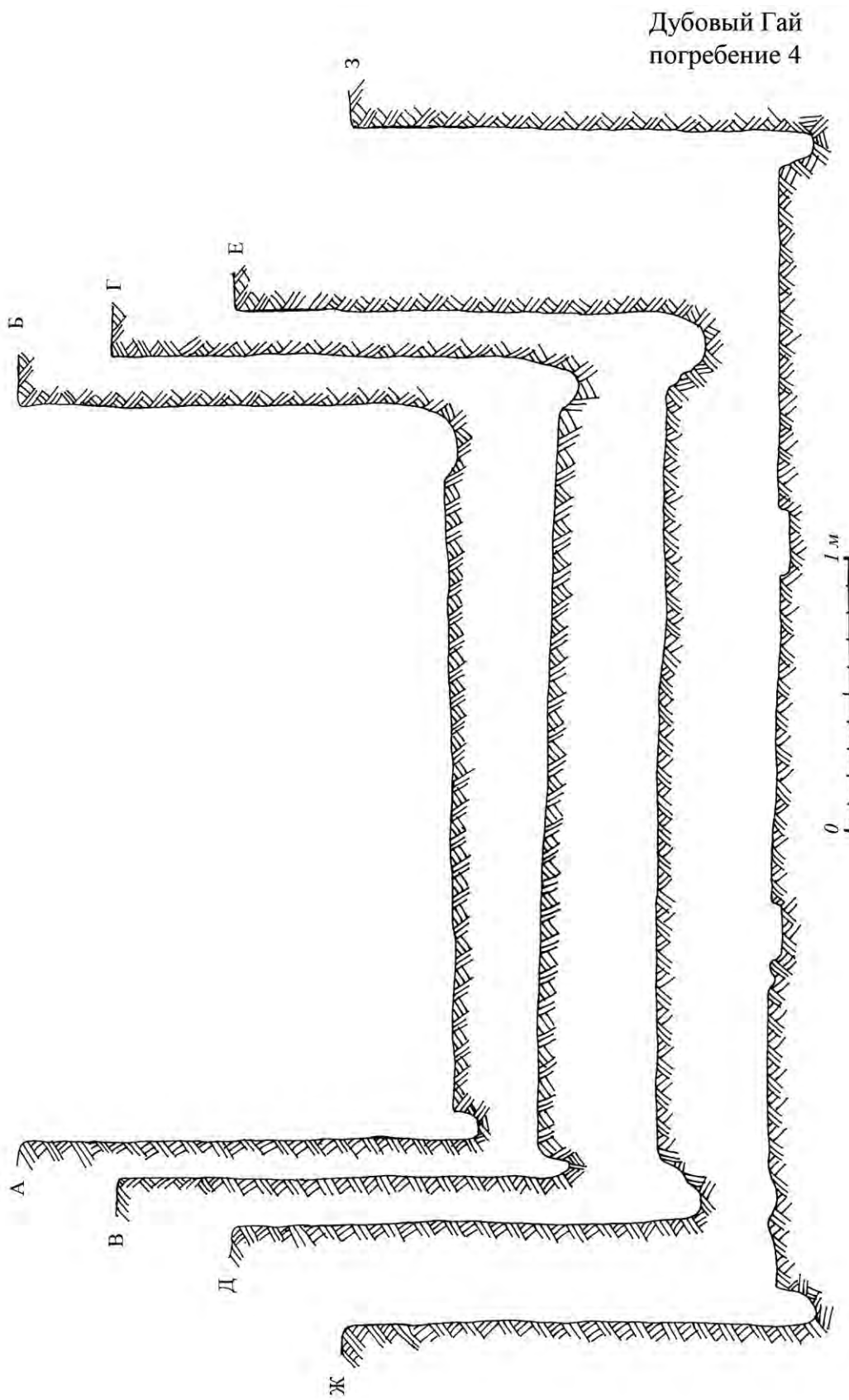

Рис. 67. Дубовый Гай. Профили могильной ямы погребения 4

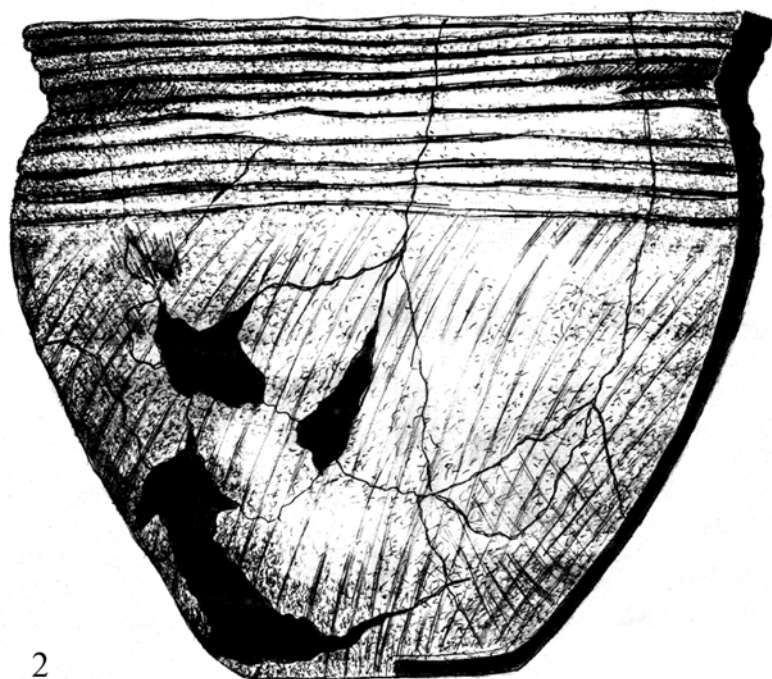
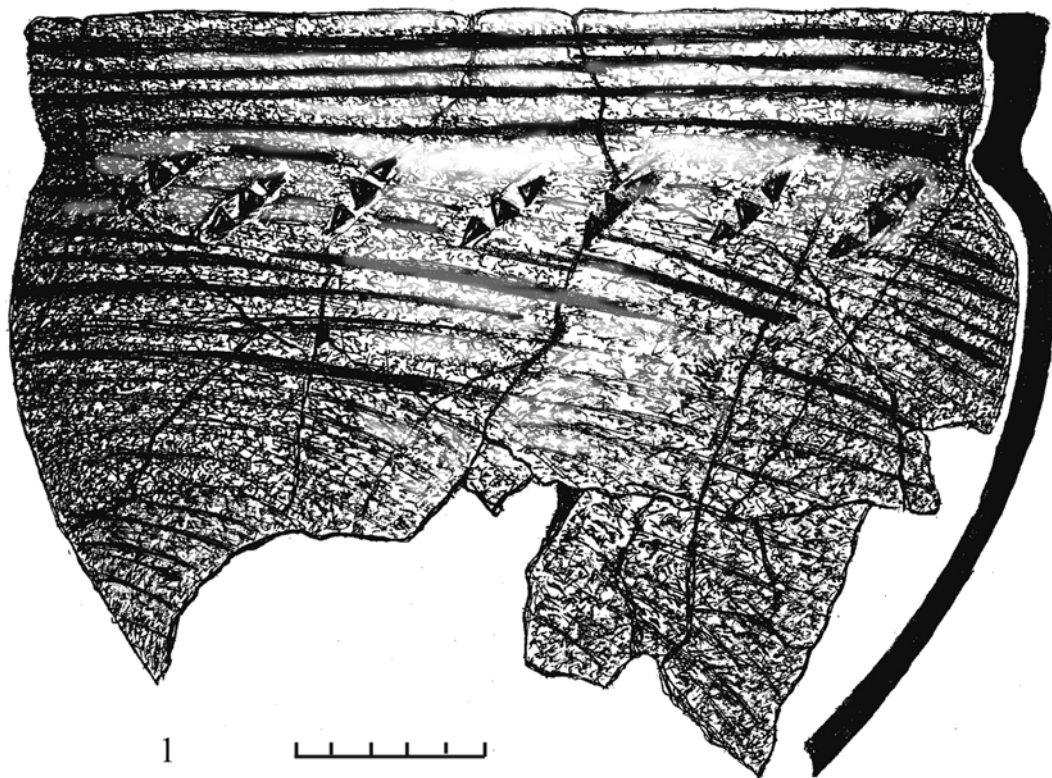

Рис. 68. Дубовый Гай. Сосуд 1 (1) и сосуд 2 (2) из погребения 4

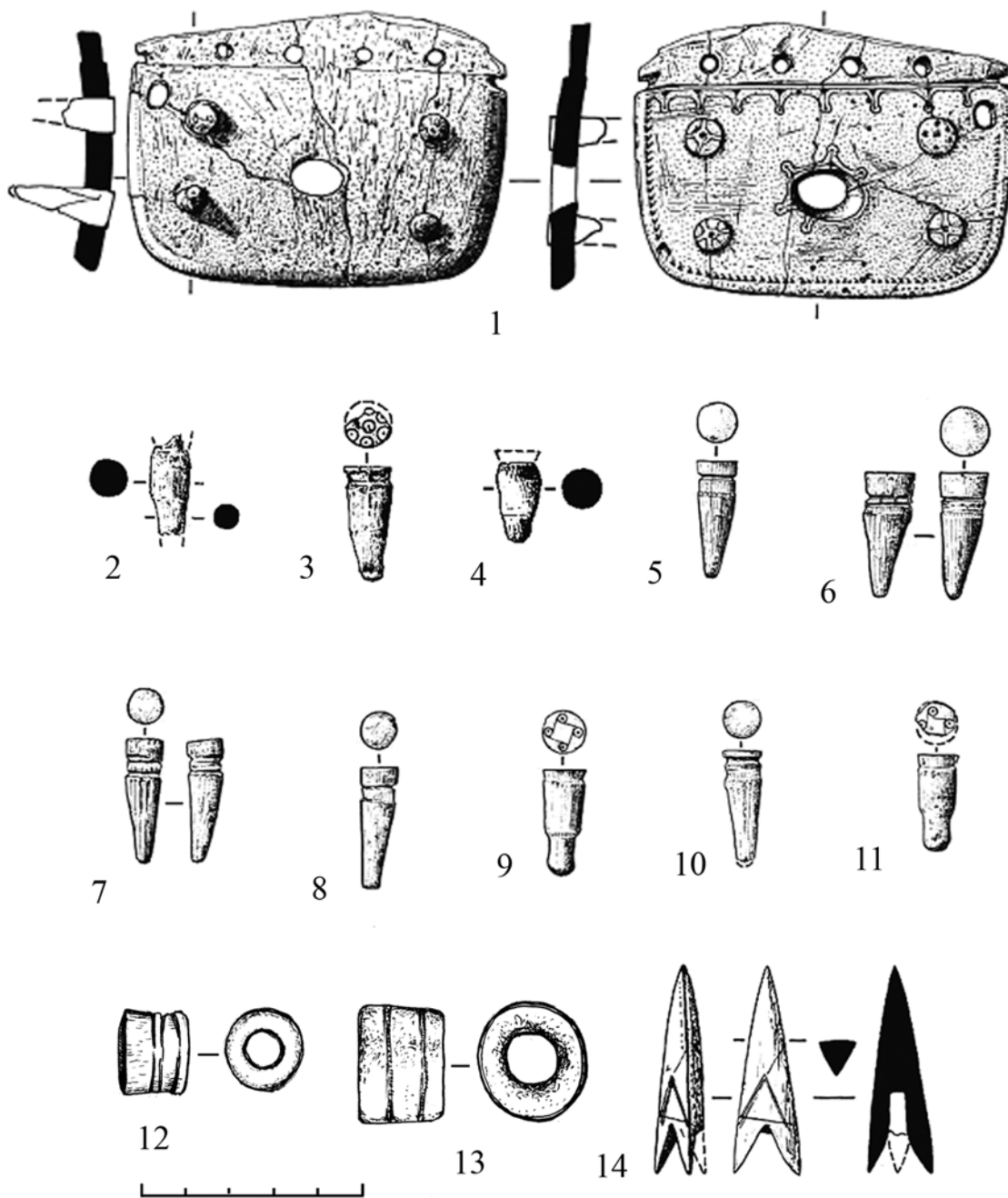

Рис. 69. Дубовый Гай. Изделия из рога и кости из погребения 4. 1 – псалий; 2-11 – шипы от псалиев; 12, 13 – втулки от псалиев; 14 – наконечник из позвоночника погребенного

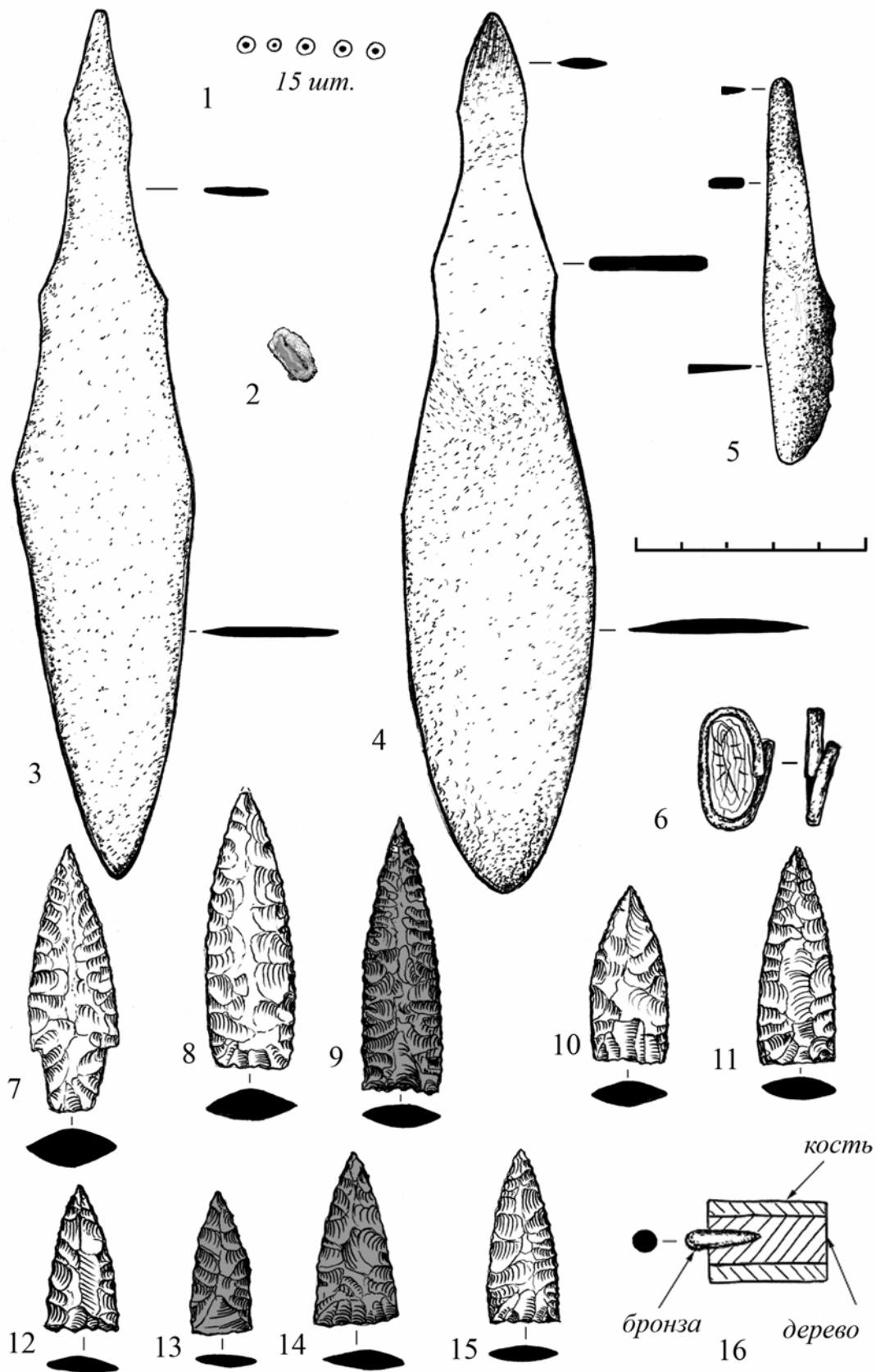

Рис. 70. Дубовый Гай. Находки из погребения 4. 1 – бусы из стекла; 2 – бронзовый сплеск; 3-5 – ножи из бронзы; 6 – бронзовая обойма с остатками дерева; 7-15 – кремневые наконечники; 16 – бронзовое стрекало и схема его крепления с помощью костяной муфты

ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ г.САРАТОВА

3.1. КУРГАН У ИВАНОВСКОГО РАЗЪЕЗДА

В августе-сентябре 2006 года экспедиция Учебно-научной археологической лаборатории исторического факультета Саратовского государственного университета проводила охранные исследования кургана у разъезда Ивановский на юге Саратовского района Саратовской области, который был выявлен в сентябре 2005 года, в ходе мониторинга памятников археологии, расположенных в зоне реконструкции железнодорожного пути на перегоне между разъездами Буркино и Ивановский Приволжской железной дороги (рис. 1, 5; 71, 1).

Курган стоял на гребне коренной волжской террасы, основа которой сложена палеогеновыми гравиями. На них чередуются четвертичные пески, глины и суглинки с поверхностными подзолами и черноземами, в зависимости от покровной растительности. Здесь наблюдается активная поверхностная денудация восточных склонов Приволжской возвышенности, которые рассечены древними балками с байрачными лесами (например, Буркин буерак с текущим по его ложу ручьём), а также молодыми круто-стенными оврагами. Коренные волжские террасы покрыты реликтовыми широколиственными лесами, в составе которых доминируют дуб, береза, осина, клен. Кромка леса подходит вплотную к гребню Приволжской возвышенности, а западнее наблюдается мозаичное распределение древесных видов. Здесь довольно обширны сухостепные участки с ковылями и полынями, в основном распаханые. В древности здесь имели место эоловые процессы, образовывались участки подвижных дюн, которые уже давно задернованы, а в настоящее время засажены лесополосами (преимущественно береза, вяз, ясень, сосна). В общих чертах данную природно-географическую зону можно квалифицировать, как южный вариант лесостепи, граничащий с обширными прикаспийскими степями и полупустынями.

Раскопки велись на западном краю культурного пастбища, между шоссе Саратов–Волгоград и реконструируемой железной дорогой. К этому времени курган представлял собой сильно уплотнённую периодической распашкой земляную насыпь округлой формы с пологими склонами (рис. 71, 2). Перед началом раскопок проведены тщательные обмеры и нивелировка кургана по двум взаимно перпендикулярным осям, ориентированным по сторонам света. Уточнены размеры и форма насыпи, которая была немного растянута по линии восток–запад (рис. 71, 3). Современные размеры: долготный диаметр насыпи (север-юг) равен 22 м, широтный диаметр (восток-запад) несколько больше – 26 м. Высота над дневной поверхностью незначительна: падение северной полы достигала всего -0,35 м, южная часть кургана понижалась до -0,38 м.

Грунт насыпи был убран при помощи бульдозера. Для наблюдения за стратиграфией оставлена одна осевая бровка шириной 1 м, ориентированная с юга на север. Стратиграфия: гумус – старопахотный плотный грунт темно-серого цвета толщиной

0,2 м (глубокой распашкой переотложен также и верхний уровень насыпи); насыпь – перемешанная серая супесь с включениями глыб пёстрого суглинка (до 0,25 м); погребённая почва, сильно переотложенная норами землероев, фиксировалась отдельными участками, где их мощность составляла 0,2 м, по литологическим характеристикам это плотный суглинистый грунт серовато-бурого цвета, с вертикальными затеками белесых карбонатов, переходящими в материковый пласт; материк – светло-коричневая вязкая глина с множеством нор мелких землероев, мощностью до 0,25 м, ниже залегает желтовато-серая рыхлая супесь, подстилаемая на глубине 2–3 м опочным гравием. В центре насыпи фиксировался мощный кольцевой выкид материкового грунта из основного погребения № 8. Внешний диаметр выкида, образовавшего основу будущей насыпи, составлял 9 м. В стратиграфической бровке он отмечен в виде двух прослоев, отмеченных севернее и южнее могилы, толщиной до 0,15 м. Протяженность южного прослоя в бровке 1,26 м, северного – 3,15 м. Вся толща кургана пронизана норами грызунов, заполненными рыхлым пёстрым грунтом.

При снятии насыпи, на расстоянии 3 м к западу от условного центра кургана, на глубине 0,4 м от 0R обнаружен крупный кварцитовый отщеп подтреугольной формы с краевой ретушью на заостренном окончании (рис. 71, 4). Длина орудия 8,3 см, максимальная ширина 5 см.

В кургане выявлено 9 захоронений.

Погребение 1.

Погребение зафиксировано в 7,5 м к востоку-юго-востоку от условного центра кургана. Грунтовая могила подтрапециевидной формы с неровными стенками (рис. 71, 5) более длинной стороной ориентирована с юго-запада на северо-восток. Её длина равна 0,87 м, ширина в северной части 0,5 м, ширина в южной части 0,7 м, глубина 0,9 м от 0R. Дно ямы было сильно повреждено норами грызунов. Очевидно, это является основной причиной того, что остатков погребенного здесь ребенка (судя по размерам могилы) не обнаружено. Не отмечено также следов органических подстилок или минеральных подсыпок.

Вплотную к восточной стене, ближе к юго-восточному углу ямы стояли два лепных сосуда. Сосуд 1, который находился южнее, представляет собой асимметричную прямостенную банку с нехарактерно широким днищем (рис. 71, 6). Внешняя поверхность светло-коричневая, со следами пригарных натёков. На изломе заметна темная фактура с примесями песка и шамота. Обжиг неровный, костровой, восстановительного характера. Плоский обрез устья покрыт короткими косыми оттисками зубчатого штампа. В такой же технике украшена верхняя часть сосуда, где оттиснуты две горизонтальные опоясывающие линии, выше которых имеются короткие горизонтальные отрезки. Диаметр устья 12,2 см, днища 10,3 см, высота сосуда 11,8 см.

Сосуд 2 стоял севернее, вплотную к первому. Это закрытая банка средних пропорций, с максимальным расширением тулова в верхней четверти общей высоты сосуда (рис. 71, 7). Сосуд не орнаментирован, внешняя поверхность светло-коричневого цвета с пригарными натёками грубо заглажена пальцами, местами заметны каверны и поверхностные отслойки. Фактура темная, с примесями песка и шамота. Диаметр устья 12,6 см, максимальное расширение тулова 14 см, диаметр днища 8 см, общая высота сосуда 10,1 см. Погребение отнесено к периоду становления срубной археологической культуры эпохи поздней бронзы.

Погребение 2.

Погребение выявлено в 7,2 м восточнее условного центра насыпи. Зафиксированная здесь грунтовая могила имела подпрямоугольные очертания с сильно округленными углами и более длинной стороной была ориентирована с юга на север (рис. 72, 1). Размеры ямы 0,95 x 0,7 м, глубина от 0R – 1,08 м. Стенки могилы ровные, отвесные,

лишь местами отдельные отрезки продольных стенок слегка суживались ко дну, а поперечные, напротив, расширялись.

На дне могилы, в ее центральной части, зафиксированы фрагменты двух бедренных косточек ребенка. Судя по тому, что их коленные окончания были направлены к востоку, можно предполагать, что умерший был погребен на левом боку в скорченной позе, головой к северу.

У колен погребенного стоял лепной сосуд колоколовидной формы средних пропорций, с примерно равными диаметрами устья и максимального расширения тулова (рис. 72, 2). У горшка высокий, плавно отогнутый наружу венчик, на обратной стороне которого заметно сглаженное внутреннее ребро, покатое плечико, слегка вогнутое устойчивое днище, наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть общей высоты сосуда. Плоский обрез устья с небольшим внутренним наплывом орнаментирован короткими косыми оттисками зубчатого штампа. Два ряда вертикальных и наклонных отрезков того же штампа размещаются на венчике и шейке в виде горизонтальных опоясывающих фриз. Внешняя поверхность горшка коричневая, с темными пятнами неровного восстановительного обжига. На изломе фактура выглядит темной, в примеси заметны песок и шамот. Диаметр устья 13,8 см, шейки 13,2 см, максимальное расширение тулова 13,8 см, диаметр днища 7 см, общая высота сосуда 11,7 см.

В юго-восточном углу ямы расчищены остатки погребальной тризны в виде скопления небольших фрагментов костей ног и черепа мелкого рогатого скота (МРС). Погребение с чертами покровского культурного типа отнесено к периоду становления срубной археологической культуры эпохи поздней бронзы.

Погребение 3.

Располагалось в юго-восточном секторе кургана, на расстоянии 6,2 м от его условного центра. Грунтовая могила имела подквадратную форму, её стенки были сильно деформированы норами, ориентировка – с юго-запада на северо-восток (рис. 72, 3). Размеры ямы 0,75 x 0,73 м, глубина от 0R 0,85 м. Могила была заполнена рыхлым, сильно перемешанным темным грунтом с включениями пестрых суглинистых комьев из нор грызунов. Никаких остатков погребенного здесь человека (размеры могилы указывают на то, что это был, скорее всего, ребенок) не обнаружено, не выявлены также признаки подсыпок или подстилки.

В южной части ямы, на дне, расчищен неполный развал лепного реберчатого сосуда подколоколовидной формы с примесью толченой раковины (рис. 72, 4). Короткий венчик сосуда был резко отогнут наружу, максимальное расширение тулова по ребру приходилось на верхнюю треть общей высоты, днище плоское, устойчивое. На обратной стороне венчика имеется внутреннее ребро. Сосуд украшен зубчатым штампом: на плече, с заходом на реберчатое расширение тулова, оттиснут зигзаг, ниже которого имеются косые отрезки. Внешняя поверхность шершавая, грубо сглаженная, с множеством каверн от выгоревшей органики, снаружи, коричневая, с темными пятнами неровного обжига, на изломе фактура рыхлая, черная, с обильной примесью ракушки. Диаметр устья 13,6 см, шейки 12,7 см, наибольшее расширение тулова по ребру 14,2 см, диаметр днища 7,8 см, общая высота сосуда 12 см. Погребение отнесено к кругу памятников покровского типа на этапе формирования срубной археологической культуры.

Погребение 4.

Погребение обнаружено также в юго-восточном секторе, в 7,5 м к юго-востоку от условного центра кургана. Овальная грунтовая яма, более длинной стороной ориентированная с юго-запада на северо-восток (рис. 72, 5), имела размеры 1,05 x 0,83 м, глубину от 0R 1,1 м. Почти по всему периметру ямы ее стенки слегка суживались в направлении дна.

В могиле не сохранились кости погребенного здесь человека (по-видимому, ребенка). В северной половине ямы, на дне, расчищен развал лепного подколоколловидного сосуда (рис. 72, 6). Это округлобокий горшок средних пропорций, с коротким, резко отогнутым наружу венчиком, на обратной стороне которого имеется внутреннее ребро, и плоским устойчивым днищем. Максимальное расширение находится на верхней трети тулова. Внешняя поверхность, коричневая, с темными пятнами неровного восстановительного обжига, покрыта разнонаправленными полосами грубого сглаживания и множеством каверн от выгоревшей органики. На изломе фактура рыхлая, черная, с обильной примесью толченой раковины. На обресе устья косые ряды короткого зубчатого штампа. Этим же инструментом на нижней части плечика оттиснут горизонтальный ряд наклонных отрезков. На шейке и верхней половине плеча имеются три глубоко прочерченные горизонтальные опоясывающие линии. Диаметр устья 14 см, шейки 13,3 см, максимальное расширение тулова 15,2 см, диаметр днища 8,8 см, общая высота сосуда 12,6 см. Около короткой южной стенки ямы расчищено скопление обломков костей ног и черепа МРС, залегавшее двумя компактными блоками на пространстве размерами 0,27 x 0,1 м. Погребение отнесено к покровскому типу памятников на стадии формирования срубной археологической культуры.

Погребение 5.

Погребение выявлено в юго-восточном секторе кургана, на удалении 6 м от его условного центра. Овальная грунтовая могила размерами 0,7 x 0,5 м была ориентирована с ЮЮВ на ССЗ (рис. 72, 7), глубина ямы 1,2 м от 0R. Стенки ровные, слегка покатые в южной части ямы. Дно могилы имело плавный уклон в северном направлении и было изрядно повреждено сурчинами.

Кости погребенного здесь человека, очевидно, ребенка, не зафиксированы. В центре ямы, на дне, расчищен развал приземистого баночного сосуда открытой профилировки (рис. 72, 8). Фрагмент этого же горшка найден в норе, нарушившей северный участок дна могилы. Сосуд не орнаментирован, его внешняя поверхность, коричневого цвета с темными пятнами от неровного кострового обжига, покрыта рельефными расчесами, горизонтальными в верхней части сосуда и вертикальными по всей остальной поверхности тулова. На изломе фактура темная, с примесью толченой ракушки. Диаметр устья максимальный (16 см), днища 8,8 см, высота сосуда 10,7 см. Около южной стенки ямы расчищены обломки костей ног и черепа МРС в скоплении, размеры которого составляли 0,13 x 0,08 м. Погребение отнесено к покровскому типу памятников на этапе формирования срубной археологической культуры.

Погребение 6.

Погребение зафиксировано в 7,5 м к юго-юго-востоку от условного центра кургана. Грунтовая могила подпрямоугольной формы, с округленными углами, размерами 0,8 x 0,57 м была ориентирована с юго-юго-востока на северо-северо-запад (рис. 72, 9). Глубина ямы составляла 1,13 м от 0R. На дне могилы, нарушенном норами, остатков костей человека (судя по размерам могилы, явно ребенка) не обнаружено. В юго-западной части ямы, в сурчином перекопе, обнаружена венчиковая часть небольшого лепного сосуда с примесью толченой ракушки (рис. 72, 10). Короткий венчик резко отогнут наружу, на обресе устья имеются косые отрезки, выполненные в прочерченной технике. Таким же образом орнаментировано плечико сосуда. Внешняя поверхность коричневая, с темными пятнами и кавернами от выгоревшей органики. Восстановлены только два параметра сосуда: диаметр устья (9 см) и диаметр шейки (8,6 см). Высота сохранившейся части 2,1 см. Погребение отнесено к кругу памятников покровского типа.

Погребение 7.

Погребение располагалось в центральной части кургана, в насыпи, непосредственно под нулевой отметкой его условного центра (рис. 71, 3). Оно было впущено в

створ основного захоронения № 8, на глубину 0,3 м от 0R (рис. 73, 1). По некоторым признакам сложного комплекса погребальных сооружений, обнаруженных в центре кургана, реконструируется схема подхоронения человека из седьмого погребения. В насыпи кургана была отрыта и расчищена погребальная площадка квадратной формы (2,7 x 2,7 м), ориентированная по сторонам света. По контуру квадрата, на глубину 0,7 м относительно уровня площадки, прокопана канавка шириной 0,15–0,25 м, которая затем была забутована крупными кусками опочного щебня, что очевидно, должно было имитировать стенки каменного ящика. В результате активности землероев периметр каменной забутовки сохранился неполностью, камни растащены по всей полости основного захоронения. Уцелел юго-восточный угол оградки и, значительно меньше, её фрагменты в северных и западных отрезках периметра.

В центре квадратной площадки, ограниченной каменной забутовкой, расчищен скелет взрослого человека, погребенного на левом боку, скорченно с завалом на грудь, головой к ВСВ. Это сильная степень скорченности: ноги резко подогнуты в коленях, пятки притянуты к тазу, кисть правой руки на голени, левая рука у колен (рис. 74, 1).

Вплотную к лицевому отделу черепа, обращенному к югу, стоял лепной сосуд с округлым туловом, уплощенным, неустойчивым доньшком и коротким, приостренным, резко отогнутым наружу венчиком (рис. 74, 2). Сосуд не орнаментирован, его внешняя поверхность, светло-коричневого цвета с темными пятнами неравномерного обжига, тщательно заглажена. На изломе фактура темная, заметны включения песка и шамота. Диаметр устья 8,4 см, шейки 7,4 см, максимальное расширение тулова 12,5 см, диаметр доньшка 4,6 см, общая высота сосуда 11,4 см.

Между правой пяткой и тазобедренным сочленением обнаружен оселок трапециевидной формы, изготовленный из серого мелкозернистого песчаника (рис. 4, 3). На зауженной части инструмента имеется сквозное отверстие диаметром 0,4 см, косо просверленное относительно его плоскости. Длина оселка 3,9 см, максимальная ширина в нижней части 2,2 см, минимальная около сверлины – 1,5 см, наибольшая толщина 1 см. По всей вероятности, изначально точильный камень имел несколько большую длину, поскольку на нижней грани заметны следы шлифовки места поперечного излома.

Погребение отнесено к раннечерногоровскому времени начала железного века.

Погребение 8.

Погребение основное, располагалось в центре подкурганного пространства и было окружено кольцевым материковым выкидом (рис. 71, 3). В створе этой могилы расчищено впускное погребение № 7 с имитацией каменного ящика. Обширная прямоугольная яма была ориентирована с юга на север. Стенки заметно деформированы ногами и естественным проседанием, но первоначальная длина могилы, видимо, составляла 3,6 м, а ширина 2,9 м. Глубина ямы 2,06 м от 0R, а в материковом грунте 1,1 м. На уровне материка заполнение могилы выглядело темным и относительно однородным, консистенция рыхлая, с включениями разновеликих комьев суглинка и супеси, а также древесного тлена.

Над створом ямы, в северо-западной части, зафиксирована тризна, положенная, очевидно, на поверхность деревянного перекрытия, но, очевидно, не в момент захоронения, а значительно позже, когда полость ямы под накатником уже заполнилась грунтом (рис. 73, 1). Из этого следует, что для жертвоприношения в насыпи была вырыта специальная яма, достигавшая уровня деревянного перекрытия. Здесь, на глубине 0,56 м от условной вершины кургана, не потревоженные проседанием перекрытия, лежали кости ног МРС, сложенные двумя компактными блоками на пространстве размерами 0,5 x 0,2 м. Более длинной стороной очертания этого скопления ориентированы с юго-запада на северо-восток.

Погребение имело сложную деревянную конструкцию перекрытия со столбовыми опорами и продольными балками, поддерживавшими поперечный накатник (рис. 73, 1). Вдоль восточной стены вертикально были установлены бревна диаметром от 0,08 до 0,2 м. Выявлено четыре опоры, по одной в северо-восточном и юго-восточном углах ямы, и сдвоенная опора, состоящая из крупного столба и, очевидно, дополнительной подпорки гораздо меньшего диаметра, на расстоянии 0,55 м к северу от южного столба. Опоры не были заглублены в дно могилы, столбовых ямок не обнаружено. Если расстояния между ними составляли примерно 0,5 м, следует думать, что около восточной стены должно было стоять всего 5 столбов, на которые, по линии «север–юг» была уложена, одна из крайних (восточная), продольная маточная балка. Отдельные её фрагменты зафиксированы как раз на этой линии.

Верхний край западной стены, на глубину 0,12 м, был оформлен в виде узкой ступеньки шириной 0,2 м, на которую укладывали вторую крайнюю (западную) продольную балку. Её крупный фрагмент зафиксирован в северной части ямы. Это была мощная плаха из продольно расколотого бревна. Ширина уцелевшего фрагмента 0,15 м, толщина 0,1 м.

Третья (основная) маточная балка была уложена по продольной оси могилы, причем на уровень древнего горизонта, то есть на 40–60 см выше, чем боковые. Это обстоятельство позволяет предполагать, что поперечный накатник накладывали с двух сторон, укороченными, относительно ширины могилы, плахами, концы которых опирались на осевую и крайние балки, а само перекрытие, в таком случае, должно было иметь форму пологой двускатной кровли. Северная концовка осевой балки лежала на уровне погребенной почвы и была частично обуглена. Отдельные её крупные фрагменты залегали на той же осевой линии, плавно понижаясь с юга на север и отражая, таким образом, процесс проседания всей конструкции. Представляется, что южная часть перекрытия была значительно нарушена в ходе сооружения киммерийского погребения № 7. Кроме того, дополнительные разрушения привнесла активная жизнедеятельность землероев, особенно в юго-восточной части могилы, где по диагонали, через большой участок могильного дна, с юго-запада на северо-восток проходила большая нора.

Могильная яма имела отвесные стенки и ровное горизонтальное дно. Здесь не было скелетных остатков человека. В северной половине могилы зафиксированы два лепных сосуда в состоянии неполных развалов, на линии «восток–запад», на удалении друг от друга 0,3 м. Под горшками зафиксированы незначительные остатки органической подстилки в виде розовато-серого волокнистого тлена (камыш?). Возможно, вначале всё дно могилы было покрыто такой подстилкой, но, нарушенная норами, она сохранилась в большей степени только под сосудами, а на других участках – небольшими, слабо заметными фрагментами.

Сосуд 1, стоявший ближе к западной стене, имеет колоколовидную форму, высокий, отогнутый наружу венчик с внутренним ребром, плоское, устойчивое днище (рис. 73, 2). Несмотря на утрату большого процента придонной части, сосуд удалось реконструировать графически. Его внешняя поверхность, светло-коричневая, с темными пятнами неровного обжига, покрыта рельефными горизонтальными расчесами и множеством каверн от выгоревшей органики. Фактура рыхлая, слоистая, с большим количеством толченой раковины в примеси. Сосуд не орнаментирован. Диаметр устья 24 см, шейки 22,8 см, наибольшее расширение тулова 23,4 см, диаметр днища 12 см, общая высота сосуда 22 см.

Сосуд 2, стоявший восточнее, также колоколовидный, но с более рельефно профилированной шейкой и несколько меньших размеров, небрежно заглажен, без расчесов, с кавернами на внешней поверхности, не орнаментирован (рис. 73, 3). Это также округлобокий экземпляр с высоким венчиком и внутренним ребром, устойчивым пло-

ским днищем. Диаметр устья 20 см, шейки 18,6 см, максимального расширения тулова 20,3 см, днища 11,2 см, общая высота сосуда 18,2 см.

Между сосудами, в 0,2 м севернее осевой линии их размещения, в направлении с запада на восток острием клинка, лежал бронзовый двулезвийный нож с перекрестьем и ромбическим окончанием черенка (рис. 73, 5). Общая длина предмета 13,3 см, максимальная ширина клинка в средней части 2,6 см, ширина черенка 1,1 см. Сечение лезвия и черешка линзовидное, заметно ребро жесткости, максимальная толщина изделия 0,3 см.

Около сосуда 2, опираясь лезвийной частью на его восточный край, острием на север, лежал бронзовый наконечник копья. На его поверхность плотно «накипел» древесный тлен, поэтому не исключено, что этот предмет вооружения изначально был упрятан в деревянный футляр, предохранявший заточенное лезвие от случайных повреждений. Это очень хорошо сохранившийся экземпляр, почти не пострадавший от коррозии, с литой втулкой, листовидным пером лезвия и ромбическим сечением стержня (рис. 73, 6). На обеих сторонах втулки хорошо заметен литейный шов, её нижний край усилен манжетой, ширина которой составляет 1,5 см. На втулке, в 1 см выше манжеты, на линии одного из литейных швов имеется округлое ушко подквадратного сечения. Отверстие ушка полусферической формы, размеры отверстия 0,8 x 0,5 см. Выступающая часть втулки составляет 9,7 см, её максимальный диаметр в основании равен 3,6 см, диаметр на линии середины ушка – 2,6 см. Уже при соединении с пером лезвия втулка изменяет форму сечения и начинает приближаться к ромбическим очертаниям сечения стержня. Здесь её диаметр составляет 1,65 см. Глубина конического канала втулки (16 см) достигает середины лезвия, уже в пределах полый части стержня. Общая длина наконечника 23,4 см, длина лезвия 13,7 см, максимальная ширина пера 5,25 см. В полости втулки сохранилась часть древка (рис. 73, 7). Некогда плотно пригнанная к внутренним стенкам канала, древесина дала значительную усадку. Длина сохранившейся части 13,2 см, максимальная толщина 2 см, при наибольшем диаметре втулочного канала 2,85 см. Учитывая пространство могильной ямы и расстояние от наконечника копья до южной стенки, можно предположительно оценивать длину древка в 2-2,5 м.

При проверке одной из нор в северо-восточном углу могилы был обнаружен короткий стержень из кованого, ромбовидного в сечении бронзового дрота (рис. 73, 4). Один конец предмета загнут в виде короткого крюка, отчего в профиль, но только внешне, он напоминает язычки поздних кочевнических пряжек. Длина стержня 2,2 см, ширина сечения 0,4 см. Его функциональное назначение не ясно, но не исключено, что это один из вариантов так называемых «стрекал», или наконечников посохов, возможно, в чисто вотивном воплощении.

Погребение представляет собой ярко выраженный кенотаф – погребение без покойника, представлявшего элитную воинско-вождескую прослойку общества. Оно отнесено к кругу памятников покровского типа.

Погребение 9.

Погребение зафиксировано в 8 м к юго-западу от условного центра кургана. Подпрямоугольная грунтовая яма с округленными углами была ориентирована с юго-юго-востока на северо-северо-запад (рис. 72, 11). Размеры могилы 1,05 x 0,65 м, глубина от 0R – 0,92 м. Стенки ямы отвесные, дно незначительно понижается в северном направлении. Уже судя по сильно перемешанному и несколько затёчному, уплотненному грунту заполнения могилы было очевидно, что комплекс нарушен жизнедеятельностью землероев. Дно во многих местах повреждено норами.

Остатков погребенного здесь человека (очевидно, ребенка) не обнаружено. В южной половине могилы, ближе к её юго-восточному углу, на дне зафиксирован развал лепного сосуда округлой формы (рис. 72, 12). Это редкая для Нижнего Поволжья фор-

ма баночных сосудов с сильно прикрытым устьем и нестандартно широким днищем. Внешняя поверхность сосуда, светло-коричневая, с темными пятнами неровного прокала и следами разнонаправленного полосчатого сглаживания на некоторых участках. На изломе фактура темная, в примеси заметны песок и шамот. На скошенном внутрь обресе устья нанесены косые линзовидные насечки, верхняя часть сосуда украшена в технике глубокого прочерчивания горизонтальной линией и свисающими треугольниками двойного контура. Диаметр устья 11 см, максимальное расширение тулова 14,5 см, диаметр несколько вогнутого днища 10 см, общая высота сосуда 13 см. Около горшка, в 10 см западнее, зафиксировано углистое пятно округлой формы и размерами 5 см, южнее которого расчищена погребальная тризна в виде скопления костей ног и черепа МРС. Размеры компактно залегающего скопления 0,25 x 0,2 м. Погребение отнесено к начальному этапу становления срубной археологической культуры эпохи поздней бронзы.

Курган у разъезда Ивановский сооружен в самом начале эпохи поздней бронзы, в период активных культурогенетических процессов на территории степного и лесостепного Волго-Уралья. Исторически эти явления были обусловлены динамичным развитием скотоводческих обществ древних индоиранцев на обширных территориях Центральной Евразии. Это было явное ускорение общественных процессов, характеризующееся усложнением социальной структуры, подъемом экономики и обособлением ремесел, активным политогенезом в условиях военной обстановки и изменением вмещающих ареалов.

Первым и основным в кургане является погребение 8, сложный и социально престижный комплекс, который в обрядовом аспекте квалифицируется как кенотаф. Знаковая символика погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря указывают на то, что здесь был отправлен похоронный ритуал, посвященный представителю воинско-вождеской элиты, по всей вероятности, погибшему далеко от мест постоянного обитания своей родовой общины. Существует мнение, согласно которому кенотафы не обязательно связаны с невозможностью похоронить тело (Шнирельман В.А., 1985, с. 91; Иванова С.В. и др., 1993, с. 25), а реальные останки уважаемого представителя коллектива могли использоваться в сложнейшей ритуалистике, связанной с их вещественной фиксацией и увековечиванием в виде частично или полностью мумифицированных объектов. Действительно, в этнографии океанических народов (именно там вышеупомянутые авторы указывают аналогии) существует множество данных об особом почитании умерших родственников и высоком статусе выдающихся предков, которых сохраняли в виде прокопченных мумий и помещали в интерьерах поселков (особые хижины) или в специально отведенных для них темных углах жилых помещений. Эти объекты считались, в какой то степени, членами общества, так называемыми «тихими», с которыми общались, советовались и которым оказывали соответствующие почести (Фальк-Рённе А., 1985, с. 78, 144, 165-166). Но прямая экстраполяция этого материала на праиндоиранскую археологию Центральной Евразии категорически неуместна.

Кенотафы – явление нередкое в культурах бронзового века Нижнего Поволжья, и с этой специфической ритуалистикой связана определенная историческая преемственность. Обстоятельная систематизация символических погребений (кенотафов) катакомбной культуры представлена в книге В.И. Мельника, отметившего наибольшую их концентрацию в Калмыкии и на Нижнем Дону (Мельник В.И., 1991, с. 45). Интересно замечание автора о возможной связи двух сакральных идей – кенотафа и жертвоприношения. Жертвенники в курганах определенно связываются с теми или иными погребениями как заупокойные и поминальные тризны. В нашем комплексе символическое захоронение было особо почитаемым объектом, поскольку по прошествии некоторого

времени здесь была совершена тризна в насыпи кургана, непосредственно на перекрытии могилы.

По данным, приводимым в работе Н.М. Малова, кенотафы были присущи многим культурам эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии (абашевской, катакомбной, покровской, раннесрубной), причем в определенный период (Малов Н.М., 1989, с. 93). И если учесть, что кенотафы – привилегия знати, и в них часты находки оружия, то уместно предполагать военный характер этого времени и связанные с ним значительные людские потери. В сражениях воины нередко пропадают бесследно, но нельзя не воздать герою погребальные почести, поскольку только в этой обрядности умерший может получить возможность перехода из мира живых в мир мертвых для воссоединения с предками и встречи с богами. Это, пожалуй, основная предпосылка такого явления, как кенотаф – символическое погребение без останков умершего.

О высоком положении в обществе человека, которому посвящена центральная могила Ивановского кургана, говорят также такие признаки, как выбор места для кургана – высокий участок коренной волжской террасы на границе лесного и степного массивов, сооружение большой могильной ямы, традиционно ориентированной на север, устройство сложной конструкции деревянного перекрытия со столбовыми опорами, продольными балками и имитацией двускатной кровли священного дома¹. Немногочисленный, но яркий и престижный инвентарь (два сосуда, наконечник копья, нож, острие посоха или стрекала) лаконично конкретизируют прижизненную специализацию умершего – военного лидера, пользовавшегося особыми общественными привилегиями. Посмертная привилегия такого человека – возведение над местом его символического захоронения индивидуальной курганной насыпи.

Большие могильные ямы с северной ориентировкой, занимающие центральное положение на подкурганном пространстве и для сооружения которых требовались наибольшие трудозатраты, типичны для погребений знати в памятниках покровского типа (Малов Н.М., 1989, с. 85-86; Кузьмина О.В., 1995, с. 29) Впрочем, крупные размеры могил – неперемный признак всех престижных захоронений с оружием, богатыми жертвоприношениями, керамикой, украшениями, не только в покровских, но и в синташтинских, потаповских, раннесрубных и раннеалакульских комплексах.

Как правило, во всех таких погребениях наблюдаются остатки сложных деревянных конструкций – бревенчатых накатников или перекрытий из плах, которые поддерживались продольными балками, лежавшими на вертикальных, вкопанных в дно могил столбовых опорах (Малов Н.М., 1989, с. 84). В Ивановском кургане зафиксирована одна из самых сложных конструкций перекрытия, по некоторым признакам (три продольные балки, наличие вертикальных опор) близкая описанию комплекса из Покровского могильника (к. 7, п. 3) (Малов Н.М., 2003, с. 162, 208, рис. 2). Центральная продольная балка нашего комплекса частично обожжена, и этот признак имеет аналогии в I классификационной группе потаповских курганов, где некоторые большие могилы перекрыты обожженными плахами (Васильев И.Б. и др., 1994, с. 54). Очевидно, древнейший прием предварительного обжига перекрытия, применявшийся при обработке древесины, в данном случае был направлен на предотвращение скорой порчи деревянной конструкции под воздействием грунтовой влаги.

Свита детских захоронений №№ 1-6, 9 также является признаком особого почитания главного персонажа в ивановском кургане. Данные планиграфии (расположение малых ям по дуге вокруг основной могилы в южных секторах) указывают на явную идеологическую связь детских погребений с основным, что позволяет считать их обрядово-сопроводительным комплексом. Наиболее близки центральному захоронению ке-

¹ Пожалуй, наиболее близкий, по характеру перекрытия, объект был зафиксирован в кургане № 11 Кайбельского могильника (см: Мерперт Н.Я., 1958, с. 92, рис. 5а, с. 95, рис. 7).

рамические материалы из детских погребений №№ 2-6, относящиеся к покровскому культурному типу (показатели технологии изготовления посуды, форм и орнаментации). Погребения №№ 1 и 9, отличающиеся по характеру инвентаря, содержащие сосуды раннесрубного облика (1) и с явными катакомбными реминисценциями (9), вместе с тем, ничем не выделяются в обрядовом отношении. Они четко вписаны в планиграфическую ситуацию, помещены в грунт, а не в насыпь, в них соблюдается единство ритуала (стандартные сочетания сосудов и тризн). Примечательно также, что признаки наличия костей человека, к тому же очень слабые, отмечены только в одном сопроводительном детском захоронении (2). Не отвергая реальной возможности полного разложения детских скелетов, или выноса костей по норам, все же выскажем предположение об абсолютной унификации обряда в данном конкретном случае, в котором центральный кенотаф должны были сопровождать такие же символические захоронения свиты – детские кенотафы.

При рассмотрении керамики покровского типа из детских могил (рис. 2, 2, 4, 6, 8, 10) заметно, что в целом она вполне сопоставима с двумя крупными сосудами центрального кенотафа (рис. 3, 2, 3) по показателям формы (колоколовидность, явно выраженное или сглаженное внутреннее ребро) и технологии (ракушечная примесь, поверхностная обработка). Пресловутая «колоколовидность» или «вазообразность» (по П.С. Рыкову) – термин ассоциативного порядка, воспринимаемый как понятийная категория – вряд ли может быть исчерпывающим критерием в отношении к покровской керамике. Более конструктивен признак «внутреннего ребра» на обратной стороне венчика, поскольку он отражает технологические особенности формовки сосуда. Но этот признак, или близкие ему варианты, типичны не только для покровских, но и для синташтинских, потаповских сосудов, а также для абашевских и позднекатакомбных, и, более того, даже для репинских и среднестоговских. Орнаменты на покровских сосудах практически ничем не отличаются от срубного декора.

Керамический комплекс покровского типа чрезвычайно многообразен, в нем встречаются синкретичные варианты, отражающие определенные сложности культурогенеза, поэтому индикатором здесь всегда выступает комплекс признаков. Их полное наличие, равно как и отсутствие тех или иных, очевидно, означает некую динамику покровского феномена во времени. Изменения происходили быстрыми темпами, что фиксируется даже в рамках единых комплексов, как, например, в Ивановском кургане.

Здесь наиболее архаичен сосуд из детского погребения № 3, которое, несомненно, абсолютно синхронно центральному кенотафу. Во внешних признаках этого покровского горшка явно проступают черты синташтинских сосудов: реберчатая форма, равное соотношение диаметров устья и тулова, короткий, утолщенный, резко отогнутый наружу венчик, с четко выраженным внутренним ребром на обратной стороне, орнамент, размещенный на плечике и в средней части тулова, отсутствие декора на венце (рис. 72, 4). Подобные принципы формовки и орнаментации керамики фиксируются особенно часто в могильнике Каменный Амбар-5 (причем, как и в Ивановском, на многих синташтинских реберчатых сосудах на плечо наносился именно зигзаг) (Епимахов А.В., 2005, с. 31, рис. 26, 2; с. 41, рис. 34, 4; с. 45, рис. 37, 6; с. 92, рис. 71, 1; с. 99, рис. 75, 4). Нивелировка архаики уже заметна на сосуде из погребения № 4 (рис. 72, 6). Здесь так же свободен от орнамента короткий венчик, украшены только шейка и плечо, кроме того, близки синташтинским и абашевским мотивам три глубоких желобка на шейке и верхней части плечика. Но уже не столь массивен венчик, а диаметр устья заметно меньше максимального расширения тулова, внутреннее ребро слегка сглажено. Этому экземпляру близок сосуд из погребения № 6 (рис. 72, 10). Тенденция еще более заметна на примере сосуда из погребения № 2 (рис. 72, 2). В отличие от прочих покровских сосудов нашего комплекса, здесь уже нет ракушечной примеси, заметно сглажено

внутреннее ребро. Но, вместе с тем, еще явно выражена колоколовидность формы, равны диаметры устья и тулова, а внутренняя сторона венчика имеет слабый желобок.

В планиграфической ситуации Ивановского кургана (рис. 71, 3), прежде всего, заметно размещение «особняком» детского погребения № 9, вряд ли случайное, поскольку, при всей близости обрядовых черт (включенность в круговую систему, отсутствие останков человека, тризна), здесь имеется сосуд явно не покровского облика (рис. 72, 12). Такие шарообразные банки с закрытым профилем устья и очень широким днищем, определенно, восходят к катакомбным прообразам реповидных и округлобоких безвенчиковых сосудов, например, 1/1 Ажиновского II могильника, где, кстати, в орнаменте присутствуют свисающие треугольники (Рябова В.Я., 1983, с. 126, рис. 24, 10) 9/1 из раскопок 1979 года на Чограе (Андреева М.В., 1989, с. 88, рис. 12, II-2) (ряд аналогий можно продолжить). Присутствие сосудов, подобных ивановскому из девятого погребения, в комплексах позднепокровского типа отмечено в могильнике Золотая Гора в северной части Волго-Донского междуречья (Юдин А.И. и др., 2006, с. 111, рис. 26, б). Вероятно, такая керамика была выработана местными степными племенами на позднекатакомбном или посткатакомбном этапе развития культур финала средней бронзы. Морфологической основой для формирования данного типа банок последовательно были, скорее всего, маньчские и позднелолинские керамические образцы.

Два типично срубных сосуда из погребения № 1 (рис. 71, б, 7) представляются относительно несколько более поздними в рамках всего покровского комплекса Ивановского кургана.

Возвращаясь к анализу планиграфии отметим, что все перечисленные выше детские погребения из «свиты» центрального кенотафа размещены в системе опоясывающего полукольца по определенному принципу (рис. 71, 3). Во-первых, все они, в обрядовом смысле, причастны к основной могиле, подхоронения совершались строго в круг с привязкой к центру. Во-вторых, между определенными группами могил свиты имеются пространственные интервалы, что предполагало их культурно-обрядовую обособленность. Это подтверждается характером керамического инвентаря: в восточной части полукруга размещены две могилы, где отмечены два срубных сосуда (п. 1) и сосуд с деградирующими покровскими признаками уже без раковины в примеси (п. 2); в юго-восточном секторе – компактная группа погребений, где покровские черты выражены наиболее ярко, причем, наблюдаются архаические синташтинские элементы (пп. 3–6); с большим отрывом от всех могил сопровождения, в юго-западной части полукольца устроено захоронение, где выявлена банка с катакомбными реминисценциями (п. 9).

В некоторой степени это соотношение напоминает ситуацию в Смеловском грунтовом могильнике, где выделены три обрядовые группы: местная степная криволукско-го типа, пришлая лесостепная покровская и срубная, формирующаяся на основе взаимодействия первых двух в ходе локального культурогенеза. Впечатление таково, что для каждой обрядовой группы в подкурганном пространстве Ивановского был предусмотрен конкретный участок с перспективой перманентного продолжения культа и последующих подхоронений. Примечательно, что в покровской группе две могилы вписаны во внутренний контур круга (пп. 3, 5) и еще две расположены немного дальше от центра, во внешнем контуре (пп. 4, 6). И этому факту есть объяснение. Керамика из могил внутреннего контура наиболее архаична (рис. 72, 4, 8), а очень близкие по форме сосуды из ям внешнего контура (рис. 72, 6, 10) уже несут печать нивелировки и приближаются к срубным стандартам.

В ходе данных наблюдений формируется представление о довольно непродолжительном хронологическом интервале, в рамках которого над позднепокровским воинским кенотафом возник курган, и в течение примерно 50-100 лет продолжалось отправление культа, посвященного героическому предку. При возведении курганной насыпи в

ее юго-восточную и юго-западную полы, видимо одновременно, были впущены детские погребения 3, 5 и 9, по прошествии некоторого времени в юго-восточной покровской группе намечен внешний контур (пп. 4 и 6), а в самом конце покровского времени в восточную часть насыпи были впущены раннесрубные погребения 2 и 1.

Инвентарный набор центрального воинского кенотафа имеет ключевое значение в определении культурно-хронологических позиций всего комплекса. Здесь выявлены два типично покровских сосуда с характерными морфологическими признаками, представленными в полном объеме (форма, пропорции, соотношение диаметров устья и тулова, внутреннее ребро на обратной стороне венчика). Традиционные технологические показатели: множество каверн на внешней поверхности, рыхлая фактура с включениями мелких фракций толченой раковины указывают на присутствие в качестве отошителя речной органики (измельченные моллюски *Unio*), поверхностная обработка расчесами и небрежное заглаживание, отсутствие орнамента – именно так, скромно, зачастую выглядит керамика в престижных погребениях.

Бронзовый, четырехгранный в сечении стержень (рис. 73, 4) – наконечник посоха или стрекала – всегда знаковый атрибут знатного человека. Стрекала сопровождают захоронения возничих боевых колесниц, а посохи (а также каменные булавы, скипетры, пояса, плети) – родовых старейшин. Поскольку предметов конской упряжи в нашем кенотафе нет, то вряд ли мы имеем в данном случае дело именно со стрекалом. Между тем, пастушьи посохи, наряду с прочими инсигниями власти, имеют высокое значение как индикаторы лидеров в погребальной обрядности эпохи бронзы (Лопатин В.А. и др., 2006, с. 40). Более того, существует мнение о семантической преемственности посохов и копий (Ильюков Л.С., 1994; Малов Н.М., 2003, с. 198), поэтому весьма показательно, что в Ивановском кургане эти два артефакта присутствуют в одном комплексе, взаимно дополняя и усиливая сакральную значимость друг друга.

Бронзовый нож (рис. 73, 5) с перекрестьем, ромбическим окончанием черешка и продольным ребром, проходящим через лезвие и рукоять, типичен для покровских инвентарных наборов. В классификации Е.Н. Черныха такие ножи составляют группу НК–14 (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 101–102, рис. 58, 2), они распространены в Волго-Камье, на Дону и Южном Урале, были выработаны абашевской традицией металлообработки и заимствованы покровцами, недолго присутствуют в раннесрубном комплексе и вскоре сменяются волго-уральским типом (с простой пяткой черена).

Литые наконечники копий, абсолютно аналогичные ивановскому (рис. 73, 6), немногочисленны. В их сходстве представляется особо значимым сочетание таких конструктивных особенностей, как ромбическое сечение стержня, манжета в основании втулки и округлое ушко. Копья с ромбическими стержнями близки по своему происхождению «вильчатым» наконечникам, но, в отличие от последних, локализируются исключительно в Восточной Европе (Бочкарев В.С., 1986, с. 99). Наиболее близки нашему экземпляру наконечники из курганов 7 и 8 Покровского могильника, сопровождаемые покровской посудой, стрекалом, кремневыми сейминскими стрелами, черешковыми и пластинчатыми ножами, причем, особо важно, что в восьмом кургане находился кенотаф. К сожалению, в известных публикациях покровских материалов, на рисунках не всегда достаточно четко представлены характеристики значимых признаков (сечения стержней, формы манжет и петель) (Малов Н.М., 2003, с. 209, рис. 3, 3; 210, рис. 4, 5, 9; Дремов И.И., 2003, с. 90, рис. 1), поэтому оперировать, пока, можно только общими данными, упуская из виду такие тонкости, как соотношения параметров и точные очертания деталей.

В сводке Е.Н.Черныха и С.В.Кузьминых по обобщенному критерию сечения стержня и наличия ушка, такие копия помещены в группу КД–30 вместе с наконечниками несколько иных характеристик (отсутствие манжеты, треугольная форма петли,

наличие валиков, чеканных зигзагов и даже скульптурных изображений на втулке) (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 83-84, рис. 42-44), что существенно искажает чистоту типа. В указанной группе к покровскому типу копий можно отнести находки из Сеймы, Курска, Пярну и Подгремячинской (там же, с. 83, рис. 42, 2, с. 84, рис. 44, 1, 2, 5). Довольно близок экземпляр из Благодатного (там же, с. 83, рис. 43, 5), но ребро его стержня специально приплющено проковкой, а возможно это было предусмотрено еще конструктивными особенностями литейной формы (?)².

Недавно стал известен синкретичный комплекс с кенотафом, исследованный у с. Большая Плавица в Липецкой области, где в жертвенной яме был обнаружен бронзовый наконечник, идентичный ивановскому (Мельников Е.Н., 2003, с. 240, рис. 1, 4). Здесь зафиксированы костяные шипы дисковидного, очевидно, деревянного псаля, костяная кольцевидная бляшка–медальон, а также своеобразный набор сосудов абашевского, покровского и воронежского типов (по авторской трактовке Е.Н. Мельникова). По рисунку наконечника копья заметно, что округлое ушко несколько оттянуто в сторону и уже напоминает подтреугольный вариант.

Эта тенденция еще более очевидна на экземпляре из погребения № 10 Юринского могильника, исследованного в Марий Эл (Соловьев Б.С. и др., 2006, с. 174, рис. 3, 3). Все прочие конструктивные особенности юринского наконечника идентичны плавицким и ивановским, но в культурном отношении он ближе аналогичному варианту из Сеймы, поскольку с ним обнаружены также кельт и пластинчатый нож сейминско-турбинского типа.

Более всего наконечники копий, аналогичные ивановскому, характерны для памятников покровского типа, но могут встречаться в сейминско-турбинских комплексах и даже на очень большом удалении от основного Волго-Уральского ареала, например, в Пярну (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 84, рис. 44, 2) и даже в Восточном Прионежье (Ошибкина С.В., 1984, с. 24, рис. 1, 1, 2). На Волге, как правило, они сопровождаются покровской керамикой, иногда деталями колесничных комплексов, нередко встречаются в кенотафах. Наряду с ними, в престижных памятниках покровского типа могут встречаться копья несколько иных вариантов. Наиболее ранние покровские погребения могут содержать архаичные образцы копий с раскованной втулкой, как, например, в Покровске (15/2) и в Кондрашкино (п. 1) (Малов Н.М., 2003, с. 212, рис. 6, 14; Пряхин А.Д. и др., 1989, с. 16, рис. 4, 1).

В более поздних покровских захоронениях военной знати могут быть обнаружены литые наконечники не с округлым, а с треугольным ушком, с манжетой и рельефными валиками на втулке, как, например, в Березовке (3/2) (Дремов И.И., 1997, с. 158, рис. 3, 7). Это может быть безманжетный вариант, но с петелькой и литым зигзагом на основании втулки³, как в погребении с кремацией из Карамыша (Максимов Е.К., 1956; Малов Н.М., 2003, с. 215, рис. 9, 3). Наконечник с манжетой, но без ушка и округлым сечением стержня выявлен в Медянново (Малов Н.М., 2003, с. 218, рис. 12, 5).

Характерно, что все эти разнообразные наконечники сопровождаются керамикой, в которой наблюдается разная степень нивелировки покровских признаков или явно выраженная синкретичность сосудов (там же, с. 215, рис. 9, 1, 218, рис. 12, 1), но копья

² Примечательно одно досадное обстоятельство: прорисовка копья из Благодатного в книге Е.Н.Черныха заметно отличается от изображения того же предмета в первой публикации Е.К. Максимова, где нет манжеты, а сечение стержня не ограненное, а круглое (см.: Максимов Е.К., 1962, с. 282, рис. 1, 1). Здесь же отметим, что копья с шестигранными сечениями стержней нигде более в степной, лесостепной или таежной Евразии не известны.

³ Не исключено, что литой зигзагообразный валик у основания карамышского копья функционально подменяет манжету, усиливающую показатели прочности втулки. По мнению В.С. Бочкарева наиболее ранние манжеты с зигзагообразной (зубчатой) кромкой представляли собой выполненный в технике проковки отворот (обшлаг) нижней части втулки (см: Бочкарев В.С., 2004, с. 394).

покровского типа в Нижнем Поволжье встречаются в единых комплексах с посудой, в морфологии которой именно покровские черты представлены в полном объеме.

Конструктивные признаки покровских копий близки сейминским, что весьма обстоятельно доказано В.С. Бочкаревым на основе широкого пространственного и морфологического анализа (Бочкарев В.С., 1986; он же, 2004). Предложенная им методика исчисления индекса общих пропорций наконечников ($D_2 / D_1 \times 100$) помещает Ивановское копьё (с индексом 58,5) в группу короткоперых изделий, что полностью соответствует именно покровскому типу. Отметим заметную особенность нашего наконечника – очень короткий переход ребра стержня на выступающую часть втулки (всего 1 см), что весьма близко показателям копья из Большой Пластицы⁴. В этом смысле им также близки наконечники из Пярну и б. Симбирской губ. (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 84, рис. 44, 2, 3). Между тем, для большинства сейменских наконечников (66,6%) характерно значительное захождение ребра на втулку, иногда до самого устья, тогда как у турбинских копий втулка всегда гладкая (Бочкарев В.С., 2004, с. 394).

Вполне логично выделять экземпляры с ромбическим сечением стержней, манжетами и округлыми ушками в особую «покровскую» группу бронзовых литых наконечников копий (Покровск-7/3, 8; Ивановский-1/8, Бол. Пластица, Сейма, Курск, Пярну, Юрино, Подгремячинская) с боковыми вариантами (Карамыш, Медяниково, Благодатное). Но, учитывая их определенную вариативность по общим пропорциям, необходимо, может быть, также следовать региональному принципу. Представляется, что длинноперые покровские варианты могли сформироваться в лесостепной зоне, близкой к Сейме, которая испытывала большее влияние турбинской традиции, а короткоперые были выработаны южнее, возможно, на границе степи и лесостепи в Нижнем Поволжье.

Это не значит, что здесь бытовал абсолютно чистый покровский тип наконечников. Копье из Березовки, обнаруженное И.И. Дремовым в степном Заволжье (Дремов И.И., 1997), более соответствует сейминско-каргулинскому типу с валиками (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 83, рис. 42, 1, 43, 1), а также группе КД–32, в которую входит известный наконечник из Решного (там же, 1989, с. 85, рис. 45, 1, 2, 4), хотя явно выраженная манжета березовского экземпляра заметно отлична от раструбовидных оснований втулок этой группы. Вполне возможно, что копьё с раструбовидными втулками и ушками, лишённые валиков и горизонтальных бороздок (там же, с. 85, рис. 45, 3, 5, 7) происходят именно от «покровского» типа. Наиболее полно может соответствовать такому производному варианту наконечник из Засеченского могильника поздняяковской культуры, исследованного в Рязанской области (Челяпов В.П. и др., 1993, с. 199, табл. V, 1).

Наблюдаемая ситуация связана с проблемой памятников покровского типа, точнее позднего этапа развития покровского феномена (примерно XVII–начало XVI вв. до н.э.). В материалах кургана у разъезда Ивановский опосредованно отразились драматические процессы формирования срубной археологической культуры, в сложении которой в Нижнем Поволжье участвовали многие посткатакомбные культурные компоненты (лолинский, бабинский, криволукский, вероятно вольско-лбищенский), но ведущим и консолидирующим являлся именно покровский культурный тип.

Единственное впускное погребение в насыпи (7), попавшее в створ основной могилы и, к счастью, не потревожившее инвентарь кенотафа, было внедрено в курган в начале раннего железного века. Характерные признаки погребального обряда – скорченное положение умершего, восточная ориентировка, позиция рук, в сопровождении

⁴ Примечательно, что индекс экземпляра из Пластицы (67,4), морфологически наиболее близкого нашему наконечнику, выходит за рамки покровско-сейменской группы и более соответствует показателям Турбино.

характерного инвентаря (сосуд и оселок) позволяют относить данный комплекс к так называемому «переходному» (для Поволжья) периоду от бронзового века к эпохе раннего железа, или предсавроматскому времени, что соответствует раннечерногородскому этапу киммерийской культуры в Северном Причерноморье. Некоторые детали погребального сооружения, отмеченные в этом комплексе (квадратная площадка, канавка по периметру, гравийная забутовка, имитирующая каменный ящик), представляются новыми для переходных памятников Нижнего Поволжья. Очевидно, сложности фиксации особенностей киммерийских могил связаны, прежде всего, с тем, что они в подавляющем своем большинстве являются впускными в более древние насыпи, а индивидуальные курганы над ними – большая редкость.

В Северном Причерноморье наиболее ранние черногородские комплексы обнаруживают генетическую преемственность с подстилающим горизонтом белозерской культуры, в частности, в конструктивных особенностях погребальных сооружений. Нам особенно интересны те комплексы редких захоронений под индивидуальными насыпями, которые устроены в обширных квадратных ямах с канавками по всему периметру, предназначенными для сложных деревянных конструкций, например, курган № 2 у Степного под Днепропетровском и курган № 6 у с. Александровка в Запорожской области (Ромашко В.А., 1980, с. 81, рис. 2). Такие конструкции фиксируются на раннем этапе РЖВ, в рамках XI-VIII вв. до н.э. Любопытно, что камень при их сооружении не использовался, поэтому раннекиммерийский комплекс из Ивановского кургана, где отмечена забутовка канавки гравием, представляется явлением неординарным, тем более для восточного ареала распространения памятников предкифского типа. Здесь, в пределах выделенной северо-восточной зоны памятников черногородского типа, Саратовское правобережье выглядит белым пятном (известны лишь два комплекса на р. Курдюм) (Дубовская О.Р., 1993, с. 150, рис. 72). Наше погребение из Ивановского территориально близко курдюмским, а южнее переходные памятники отмечены только в районе излучины Дона. Примерно так же распределены в нижневолжском правобережье случайные находки киммерийского времени (Тихонов В.В. и др., 1999, с. 158-174).

Черногородские сосуды, близкие ивановскому, квалифицируются как лощеные кубки, причем, неорнаментированные варианты таких малых сосудов с уплощенным, неустойчивым дном встречаются довольно широко во всех локальных зонах (Дубовская О.Р., 1993, с. 152, рис. 73). Часто встречаются и каменные оселки с отверстиями, которые, по мнению исследователей, переходят в черногородский пласт из финальных культур эпохи бронзы (там же, с. 142).

В завершение отметим, что уникальные материалы эпохи бронзы из Ивановского кургана вновь подтверждают культурную исключительность нижневолжского пограничья степи и лесостепи, где наблюдается наиболее плотная локализация престижных воинско-вождеских комплексов с покровскими наконечниками копий.

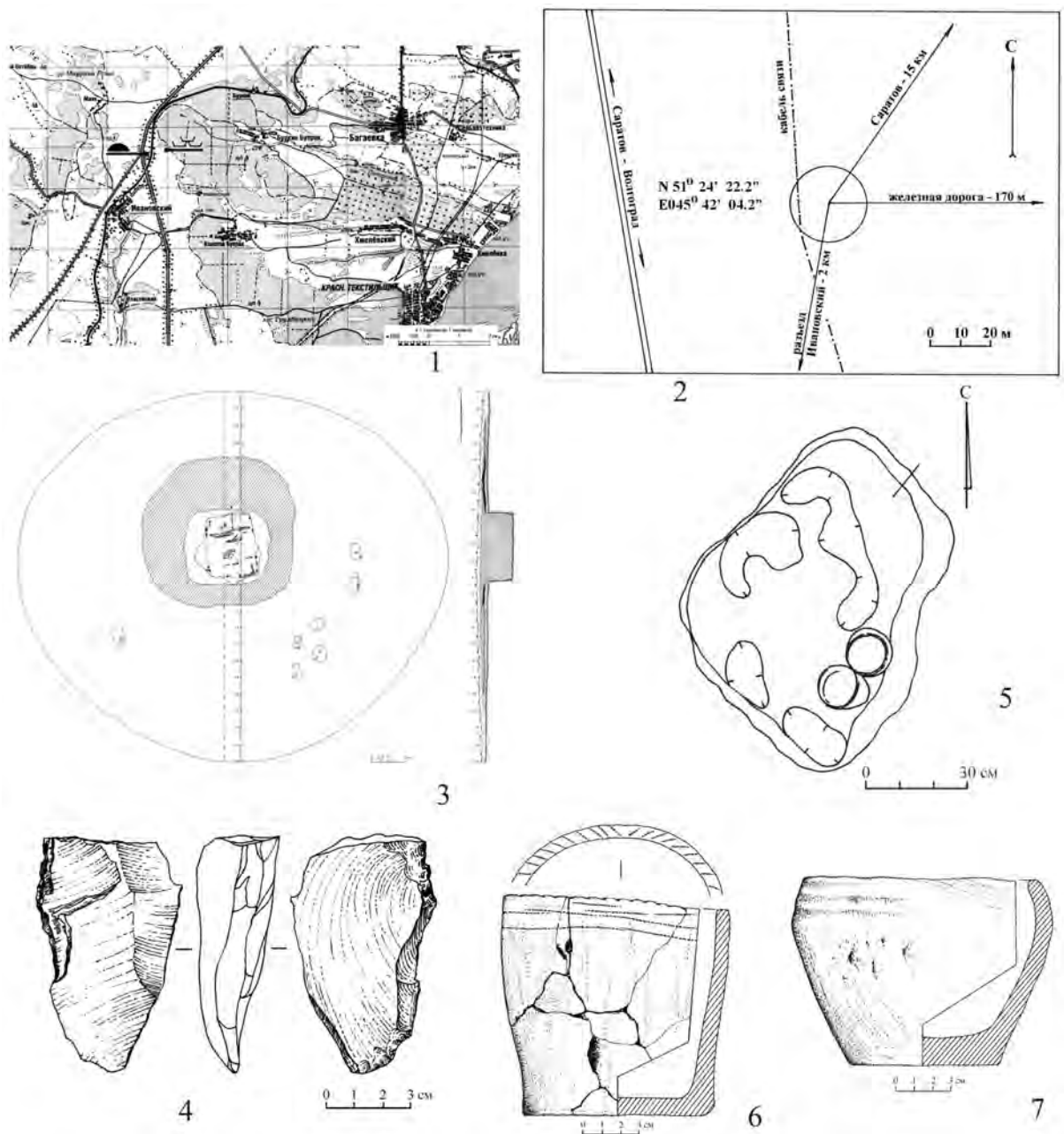

Рис. 71. Материалы Ивановского кургана: 1, 2 – местоположение кургана у разъезда Ивановский; 3 – план и профиль кургана; 4 – отщеп из насыпи; 5 – погребение 1; 6, 7 – сосуды из погр. 1. 4 – кварцит; 6, 7 – глина

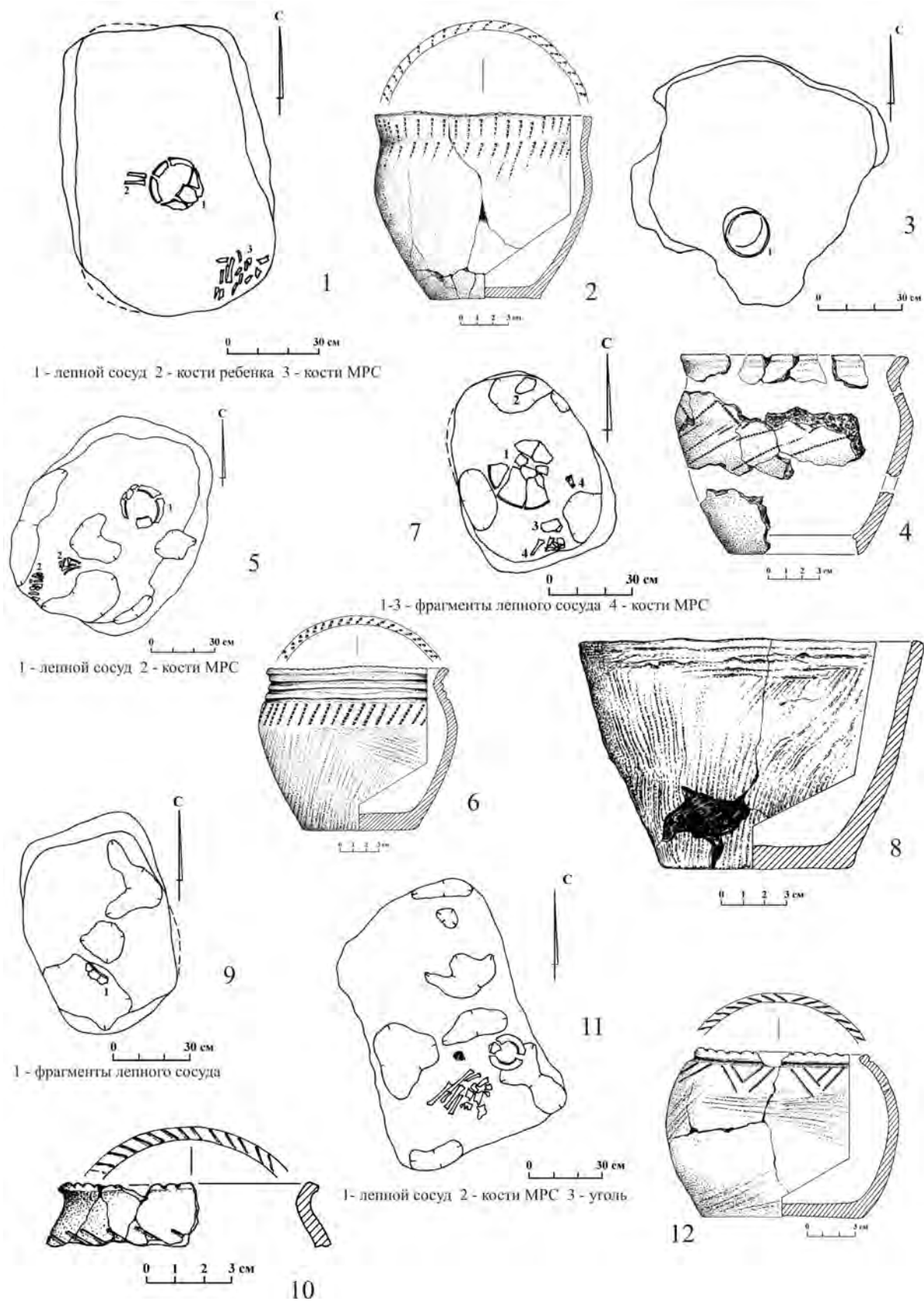

Рис. 72. Материалы Ивановского кургана: 1 – погр. 2; 2 – сосуд из погр. 2; 3 – погр. 3; 4 – сосуд из погр. 3; 5 – погр. 4; 6 – сосуд из погр. 4; 7 – погр. 5; 8 – сосуд из погр. 5; 9 – погребение 6; 10 – фрагмент сосуда из погр. 6; 11 – погр. 9; 12 – сосуд из погр. 9

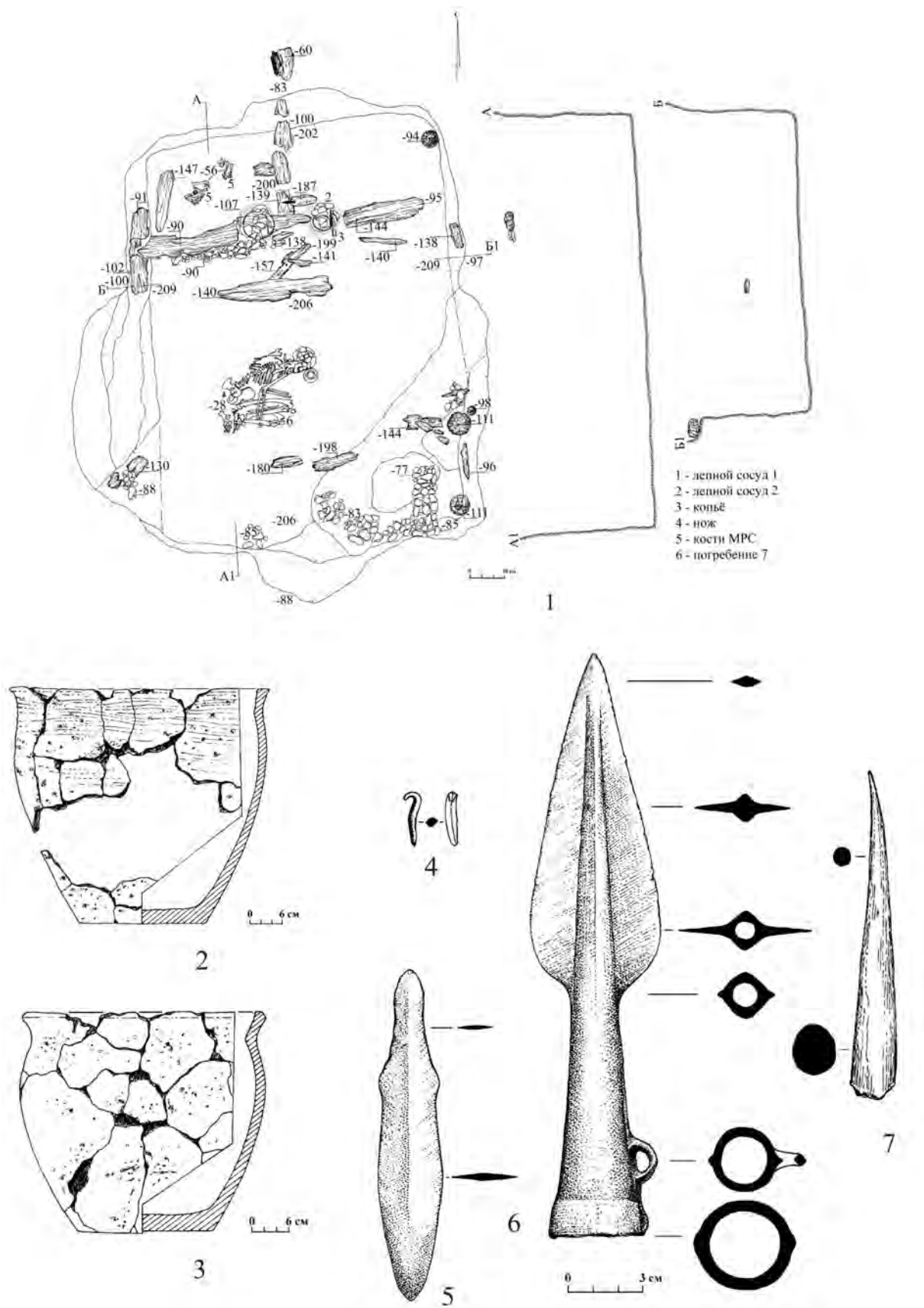

Рис. 73. Материалы Ивановского кургана (основное погребение): 1 – план и разрезы погребения 8; 2, 3 – сосуды; 4 – «стрекало» или наконечник посоха; 5 – нож; 6 – наконечник копья; 7 – часть древка из втулки копья. 2, 3 – глина; 4-6 – бронза; 7 – дерево

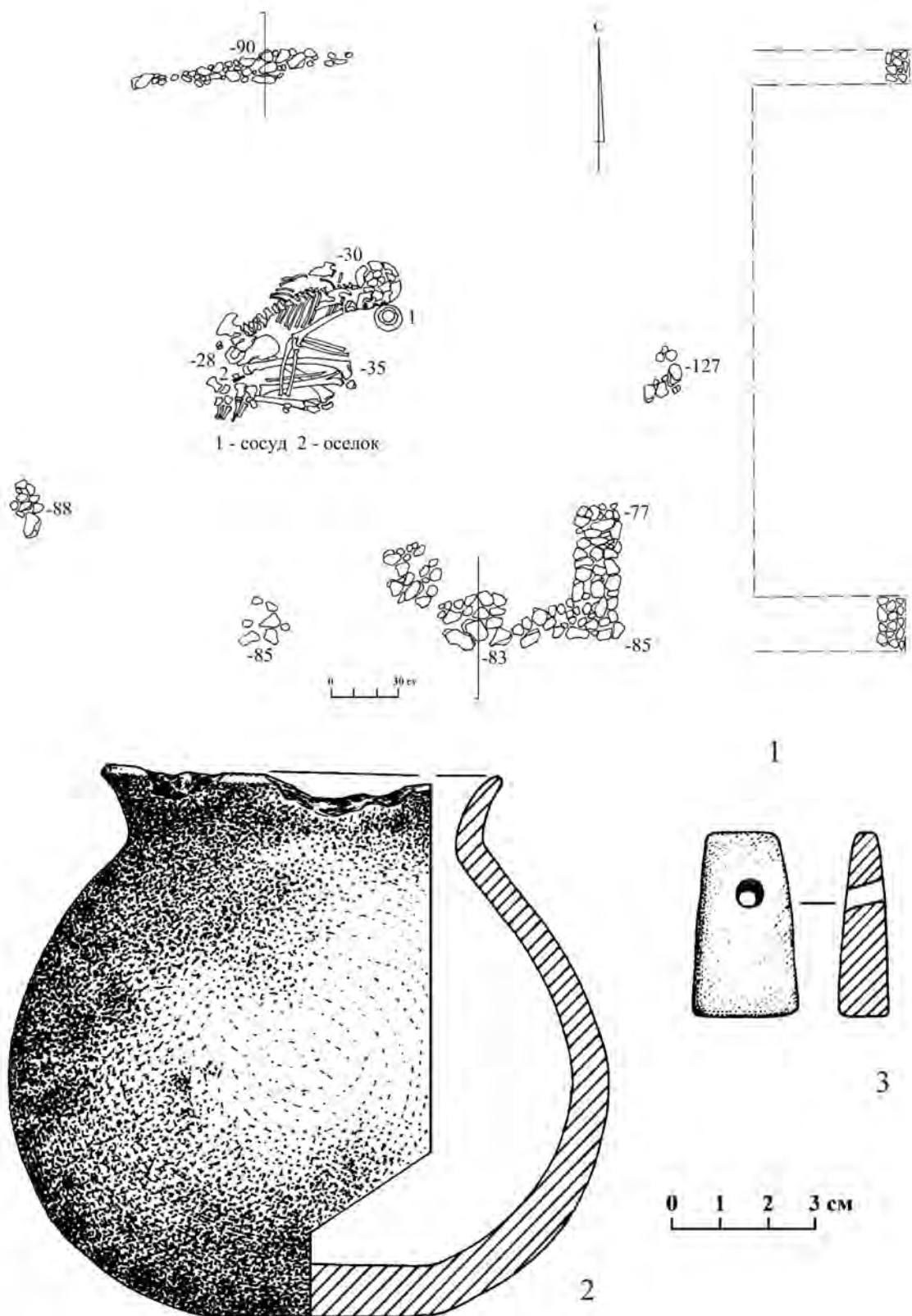

Рис. 74. Материалы Ивановского кургана (погребение 7): 1 – план и разрез погребения; 2 – сосуд; 3 – оселок. 2 – глина; 3 – песчаник

3.2. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГРУНТОВОЙ МОГИЛЬНИК У РАЗЪЕЗДА ИВАНОВСКИЙ

Осенью 2006 г. экспедиция учебно-научной археологической лаборатории исторического факультета СГУ проводила спасательные раскопки грунтового могильника у разъезда Ивановский Саратовского района Саратовской области (рис. 1, 4). Памятник расположен в 0,5 км восточнее курганного могильника Ивановский-1, у кромки лесного массива, на вершине задернованной древней дюны. Осенью 2005 г. и весной 2006 г., в ходе реконструкции железнодорожного полотна на перегоне Буркино-Ивановский, западная часть дюны была разрушена обширным котлованом забора грунта, в результате чего значительная часть могильника оказалась уничтоженной. Первоначально дюна имела вид плавного поднятия овальной формы, размерами 90x50 м, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Северный и восточный край дюны засажен лесополосами. Вдоль кромки леса накатана грунтовая дорога. Могильник занимал всю центральную (наиболее возвышенную) и юго-восточную часть холма (рис. 75).

Охранный раскоп заложен на юго-восточном краю котлована, на ровном участке, где покрывающий грунт был срезан землеройной техникой до материка. Здесь были обнаружены, частично разрушенные, 6 захоронений (№ 2-6). Остатки еще трех погребений (№ 7, 8, 29) зафиксированы в обрыве котлована. Одна могила (№ 1) разрушена при планировке подъездной дороги вдоль кромки леса. На сохранившихся и не затронутых земляными работами окраинах памятника грунт представлен мягкими, серых оттенков, супесями с подстилающим материковым песком желтого цвета. Ниже, к подошву дюны супесь плавно переходит в суглинок желто-коричневого цвета и коричневую плотную глину. При обследовании котлована и сохранившейся восточной части дюны выявлено большое количество глыб сливного песчаника различных размеров. В юго-восточной части дюны, где расположен могильник, камни полностью отсутствуют, либо встречаются очень редко. Общая площадь раскопа составила 288 кв. м. Он ориентирован по сторонам света и разбит на условные квадраты размерами 2x2 м. Для наблюдения за стратиграфией через каждые 4 м были оставлены бровки толщиной 0,4 м.

Раскопки проводились вручную, по условным пластам толщиной 0,2 м, что позволило точно проследить основные особенности погребального обряда. Выяснено, что на отдельных участках в момент захоронений и после погребальной церемонии, в течение длительного времени отправлялись поминальные обряды. Об этом свидетельствуют скопления бытовой керамики (рис. 76). Отмечены фрагменты красноглиняных гончарных сосудов: стенки кувшинов, ручки, венчики, сливные носики, плоские днища. На многих имеется характерная золотоордынская орнаментация – прямые параллельные, волнистые и «арочные» линии. Встречены также фрагменты, покрытые темно-красным ангобом (рис. 77; 78, 1-9).

Здесь же выявлены обломки круговых древнерусских сероглиняных сосудов, украшенных прямыми и волнистыми линиями. Это горшки с вертикальными, зауженными внутрь или отогнутыми наружу венчиками, с закругленными или кососрезанными краями, округлыми боками и плоскими днищами; есть один фрагмент с оригинальной ручкой-зацепом (рис. 78, 10-19; 79). Основные скопления золотоордынской и древнерусской керамики выявлены в восточной и северной части раскопа.

В южной части памятника, кроме гончарной посуды, обнаружены обломки грубой, толстостенной лепной керамики с примесью дресвы и шамота. Венчики двух сосудов слабо отогнуты наружу, с небольшим внешним наплывом на краю. На стенках нанесен комбинированный четырехрядный орнамент, состоящий из овальных наколов, горизонтальной «елочки», пальцевых зашипов и косых насечек. Это крупные формы с подреберчатым оформлением тулова (рис. 80; 81, 1-4).

Тризна залегала на уровне древней поверхности, на глубине от 0,2 до 0,8 м. Отдельные фрагменты керамики встречались в заполнении могильных ям. Возможно, они были занесены в погребения землероями, норы которых встречались повсеместно. Кости животных в тризнах отмечены в двух случаях, в том числе путовая кость («бабка») лошади.

На вскрытой части памятника выявлено всего 39 захоронений, которые близки по характеру погребальной обрядности. Большая часть могил углублена в супесчаный материк, 6 – в нижележащие суглинок и плотную глину. Лишь 1 погребение (№ 34) устроено в рыхлой надматериковой супеси. Вся информация по погребальному обряду отражена в специальном приложении (табл. 1).

В ходе формирования могильника соблюдалась рядная планировка и определенное направление рядов с юго-запада на северо-восток. При подхоронениях родственников, умерших позже, строгая рядность нарушалась, и образовывались кучевые скопления, которые, вероятно, должны рассматриваться как родовые (семейные) участки кладбища. Отмечен следующий порядок группировки могил по родовым участкам: А (п.п. № 7, 16-18, 25-27); Б (п.п. 15, 34-36); В (п.п. 37 и 38); Г (п.п. 5, 12, 13, 19-23); Д (п.п. 2-4, 8); Е (п.п. 9-11, 14, 24, 30); Ж (п.п. 28, 29, 31, 33, 39). Заметно, что участки пространственно обособлены (рис. 82).

Участок «Е» отличается от остальных более частым расположением могил, продольные оси которых, к тому же, имеют несколько больший угол склонения к северо-северо-западу. Эта группа разрослась на основе двух параллельных рядов в центральной части могильника. С этим участком связана большая тризна, в которой особенно заметны лепные сосуды, изготовленные по архаичной технологии (предположительно финно-угорской).

Наиболее обширным является участок «Г», также сосредоточенный в центре кладбища. Он сформировался на основе тех же рядов, и разрастался в западном направлении. Тризна здесь выражена слабее и в ней нет лепной посуды.

На западном краю раскопа зафиксирована только уцелевшая часть родового участка «Д», где, тем не менее, удалось проследить четкую рядность могил (№ 2-4).

Рядно-кучевое образование на северном краю раскопа (участок «А») сопровождалось скоплениями битой посуды в надматериковом грунте, где, преимущественно во втором и третьем условных пластах, отмечена только древнерусская сероглиняная и золотоордынская красная керамика. Здесь же, над погребениями 16 и 17, зафиксированы остатки обгоревшей плахи и угли от поминального костра.

Большинство грунтовых ям (26 из 39) имеют прямоугольные формы с закругленными углами и вертикальными стенками и только 6 могил – вытянуто-овальные очертания. В восьми случаях стенки ям несколько суживались ко дну. В шести погребениях (№ 10, 11, 20-22, 38) вдоль длинных стенок, реже по всему периметру, прослежены

ступеньки, выделяющие углубления узких четко прямоугольных погребальных камер. Возможно, ступеньки служили опорами для перекрытий, однако признаки поперечных плах или жердей не зафиксированы. Несколько различно устройство дна могильных ям: в погребениях № 3, 7, 12, 24, 26, 28, 29, 31, 33 оно ровное; в могилах № 4-6, 9, 10, 13, 15-21, 25, 27, 30, 32, 37-39 дно повышалось в северо-западной части, образуя подголовье. В погребении № 10 таким подголовьем служило некоторое количество рыхлого грунта, компактно уложенного в деревянный гроб в виде «подушки». В двух могильных ямах дно, наоборот, повышалось под ноги умерших, к юго-востоку, а в пяти случаях плоскость дна плавно понижалась в средней части, под тазом погребенного.

Большинство могил ориентировано с юго-востока на северо-запад, с незначительными, видимо сезонными, отклонениями к западу или северу. Исключение составляют лишь погребения № 9, 26, 27, 38, ориентированные в строго широтном направлении. Размеры могил различны: в среднем 1,5-2,4х0,4-1,2 м; глубина в материке – от 0,1 до 0,7 м.

Три могильные ямы оказались пустыми (№ 14, 15, 31), причем могила № 14, судя по неровным стенкам и ступенчатому дну, готовилась в зимнее время, в замороженном грунте, но не была закончена.

В восьми ямах (№ 2, 4, 5, 8, 10, 18, 30, 36) прослежены остатки деревянных гробов, части которых, вероятно, скреплялись шипами, без железных гвоздей. Чаще фиксировались боковые доски гробов, реже днища и крышки. В п. № 26 прослежен лишь древесный тлен. В момент захоронения в засыпь могил или рядом с ними, на уровне древнего горизонта специально помещались бесформенные куски песчаника (погребения № 3, 5, 9-13, 16, 18-20, 22, 26, 27, 31, 35, 36). Один крупный камень обнаружен в заполнении пустой ямы № 31 (рис. 83).

Все умершие похоронены по единому обряду – вытянуто на спине, головой к северо-западу, лицевой частью вверх. В дальнейшем, в процессе погребальной деформации, черепа заваливались в левую, правую стороны, или основанием на верхнюю часть грудины. Последний вариант с характерной приподнятостью затылочной части указывает на присутствие в обряде подголовных «подушек» из земли (№ 10) или несохранившихся органических материалов. Своеобразную роль подголовников выполняли и поднятия дна в 22 случаях, предусмотренные при рытье могил.

В показателях единой обрядности, тем не менее, очень разнообразны положения рук (рис. 9; 10), которые можно разделить на 8 вариантов.

1. Положение рук у таза или на тазовых костях (эта позиция дополнительно дифференцирована на подварианты а, б, в):

а) руки вытянуты вдоль тела (п. № 39);

б) слегка согнуты в локтях, кисти на тазовых костях или крестце (п. № 3, 28, 33, 16);

в) левая кисть под тазом, правая на крестце (п.п. № 25, 36);

2. Правая кисть на крестце, левая на грудной клетке (п.п. № 9, 32);

3. Обе руки резко согнуты в локтях, правая кисть на поясе, левая на грудной клетке (п.п. № 10, 26);

4. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть у таза, правая согнута, кисть на грудной клетке (п.п. № 37, 30);

5. Обе руки согнуты в локтях, левая кисть на поясе, правая на грудной клетке (п.п. № 5, 6, 21, 24, 2, 13, 11-38);

6. Обе руки скрещены предплечьями на поясе (п. № 20);

7. Обе руки скрещены предплечьями на грудной клетке (п.п. № 12, 17);

8. Обе руки согнуты в локтях, кисти соединены у левого плеча (п. № 35).

Указанные признаки получены не для всех погребений. По причине полного или частичного отсутствия верхних конечностей эти показатели не установлены в погребениях № 1, 4, 7, 8, 18, 19, 22, 23, 27, 29, 34.

Гораздо более однообразны положения ног умерших. Как правило, они вытянуты, в 11 случаях плотно сведены в коленях, в 5 – в щиколотках.

По предварительным антропологическим определениям в 25 погребениях выявлены останки взрослых людей. Здесь похоронены 12 мужчин, из которых семеро умерли в возрасте 25-35 лет, двое 35-45 лет, двое 45-55 лет, один – старше 55 лет. Из 9 женщин три умерли в возрасте 13-20 лет, одна 25-35 лет, одна 35-45 лет, одна 45-55 лет и три – старше 55 лет. Для четырех погребальных комплексов определения еще не проводились. Останки подростков выявлены в 4 погребениях и в 6 могилах – детские скелеты, из которых 3 принадлежали детям, возраст которых составлял 1-2, 2,5-3,5 и 4-5 лет. В целом, демографические показатели могильника соответствуют характеристикам самовоспроизводящейся оседлой популяции, о чем свидетельствует соотношение полов, возрастных групп и наличие погребений детей разного возраста. Незначительное количество детских захоронений можно предварительно объяснять неполной изученностью памятника. Не исключено также, что не все детские останки сохранились в супесчаном грунте кладбища.

Возрастная структура антропологической выборки в целом имеет ряд характерных для эпохи средневековья черт:

а) малое количество представителей старческого возраста (женщины чаще, чем мужчины, доживают до преклонных лет);

б) женщины чаще, чем мужчины, погибают в юном возрасте, что связано с ранним вступлением в репродуктивную фазу и опасностью первых родов;

в) основная часть населения уходила из жизни в возрасте 30–45 лет.

При соотнесении данных по полу и возрасту, соответствующих родовым участкам и вынесенных в специальную таблицу, можно отметить следующие принципиальные особенности, отраженные в нижеприводимой таблице:

возраст	пол	родовой участок						
		А	Б	В	Г	Д	Е	Ж
ст. 55	М						9	
	Ж	18	36		12			
45-55	М			37		2		
	Ж							
35-45	М						10	39
	Ж					3		
30-40	М				20			
	Ж							
25-35	М	16, 25, 26	35	38				29
	Ж				5			
18-20	М							
	Ж							
16-18	М							
	Ж						30	
13-15	М							
	Ж							33
подрост-тки					13?, 21?	4?		
дети		17, 27	34		19, 22, 23			28
не опр.		7	15к			8р	11, 24 в?, 14к	31к

Примечания: 1. 17, 34 – номера погребений, 8р – разрушенное погребение, 15к – яма-кенотаф, 4? – пол и возраст не определен, 24 в? – погребение взрослого человека без определения пола и возраста.

2. Погребения 6 (женское – 45-55 лет) и 32 (женское – 18-20 лет) относятся к отдельным, не сохранившимся, родовым участкам, и в таблице не отмечены.

1. Погребения пожилых людей старше 55 лет представлены на четырех участках из семи (А, Б, Г, Е), причем, на первых трех – это женские захоронения.

2. На участках В, Д, Ж старшими по возрасту являются мужчины, умершие в возрасте 35-45 (Ж) и 45-55 лет (В, Д).

3. На всех участках есть погребения детей разного возраста или подростков, расположенные рядом с могилами взрослых. Больше всего детских захоронений представлено на участке «Г».

4. Средний возраст умерших мужского и женского пола во всех группах составляет 35-40 лет.

5. Специфической особенностью памятника является относительно малое количество мужчин, умерших в зрелом возрасте (35-55 лет) и высокая смертность в молодом возрасте (25-35 лет). Это свидетельствует о невысокой средней продолжительности жизни мужчин, в условиях политической нестабильности средневековой эпохи.

Основная масса погребений могильника безынвентарна. Только в четырех захоронениях встречен погребальный инвентарь. В погребении взрослого человека № 11 зафиксирована пастовая витая бусина голубого цвета, биконической формы. Длина бусины 0,6 см, диаметр – 0,7 см (рис. 81, 5). Аналогичные бусы повсеместно встречаются на памятниках золотоордынского времени XIII-XIV вв., в мордовских могильниках того же периода и в позднекочевнических курганах (Полубояринова М.Д., 1988, с. 167; Бусятская Н.Н., 1976, с. 40).

В погребении пожилой женщины № 12, около нижней челюсти, найдена бронзовая литая пуговка с круглой головкой и небольшой продолговатой петелькой. Длина предмета 0,9 см, длина петельки 0,7 см, толщина головки 0,2 см, диаметр 0,5 см. На пуговке заметен шов от литейной формы (рис. 81, 6). Возможно, что ее использовали в качестве подвески. Подобные находки относятся к отделу В-II, типу В-II-1 комплексов золотоордынского времени Болгарского городища (Полякова Г.Ф., 1996, с. 198, рис. 65, 13).

В детском погребении № 23, с правой стороны, обнаружено скопление мелкого витого бисера из стекловидной пасты белого (2 шт.), желтого (1 шт.) и зеленовато-синего (5 шт.) цветов (рис. 81, 12). Около черепа найдены 5 крупных стеклянных бусин различных форм.

1. Патинизированная бочонковидная бусина, изготовлена из прозрачной стекловидной массы синего цвета. Размеры: 1,2x1,3 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 81, 7).

2. Круглая уплощенная бусина изготовлена из непрозрачного черного стекла. Размеры 1x1,3 см, диаметр отверстия – 0,4 см (рис. 81, 8).

3. Округлый экземпляр изготовлен из стекловидной пасты темно-коричневого цвета. Он украшен волнистой спиралью в 3 оборота, нанесенной белой пастой. Размеры 1,1x1,2 см, диаметр отверстия – 0,2 см (рис. 81, 9).

4. Бусина овальной формы изготовлена из полупрозрачного стекла темно-коричневого цвета. Она украшена неровным зигзагом, концы которого разомкнуты. Орнамент выполнен белой пастой. Размеры 1x1,3 см, диаметр отверстия 0,3 см (рис. 81, 10).

5. Бусина грушевидной формы сделана из непрозрачного стекла черного цвета. Она украшена белой пастой, орнаментом в виде волнистой спирали в 4 оборота. Размеры 1,3x1,2 см, диаметр отверстия – 0,3-0,4 см (рис. 81, 11).

Аналогичные украшения имели широкое хождение на территории Руси, в Волжской Болгарии, в Нижнем Поволжье и Средней Азии в XIII-XIV в.в., встречаются в русских и позднекочевнических курганах, в погребениях грунтовых древнемордовских могильников (Бусятская Н.Н., 1976, с. 39, 42; Полубояринова М.Д., 1988, с. 165, 174-175; Валиулина С.И. 2005, с. 89, 95).

В погребении молодой женщины № 30, на небольшой ступеньке в юго-западном углу могилы, около черепа умершей стояла сероглиняная древнерусская корчажка, ук-

рашенная опоясывающей волнистой линией. Это округлобокий сосуд с низкой шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Край венчика закруглен и местами приострен. Диаметр по срезу венчика 11,2 см, диаметр по тулову 12 см, диаметр плоского дна 7,4 см. Высота корчажки составляет 8,3 см. На стенках заметны следы неравномерного слабого обжига и пищевого нагара (рис. 81, 13). Подобная посуда представлена в материалах русского комплекса керамики Водянского городища XIV века и относится к типу V (Полубояринова М.Д., 1978, с. 91-92).

Остановимся на общей характеристике погребального обряда грунтового могильника у разъезда Ивановский. Первоначально погребения располагались на площади могильника относительно ровными рядами. Кучевые скопления формируются и нарушают рядную систему позже, при оформлении семейно-родовых участков. Вероятно, на дневной поверхности кладбища существовали оградки или надмогильные знаки, фиксирующие точное расположение погребений. Об этом говорит и тот факт, что в процессе раскопок не выявлено ни одного случая прямой стратиграфии. Большинство погребений (38 из 39) устроены в материке, в стандартных ямах прямоугольной формы (67%), с вертикальными или суживающимися ко дну стенками; 15% могил имели усложненную конструкцию в виде дополнительных ступенек вдоль длинных стенок и узкие погребальные камеры. Овальная форма могильных ям зафиксирована у 15% от общего количества захоронений. Можно предположить, что на подготовку этих могил повлияли погодные условия в холодные периоды года. В 72% от общего количества могил дно, плавно или ступенчато, повышалось к северо-западу. Здесь зафиксировано и наличие ям-кенотафов, что является довольно редким явлением для средневековых некрополей Нижнего Поволжья. Не менее интересен и факт помещения в заполнение или на края могильных ям различных по размеру камней (43,6%). Эти камни могут являться уцелевшими фрагментами надмогильных знаков (кладочных стел?), которые отмечали на кладбище точные расположения захоронений. Остатки гробов или досок выявлены в 8 погребениях (20%), и лишь в одном случае прослежена подстилка из органических материалов.

Ориентировка погребенных определена в 90% случаев из всех выявленных погребений (исключая 3 ямы-кенотафа и разрушенное погребение № 1). Для Ивановского могильника характерна северо-западная ориентировка умерших с незначительным отклонением к северу. Западная ориентировка составляет всего 11%.

Для всех захоронений на памятнике характерно положение скелетов в могилах вытянуто на спине. Положение черепа и рук не отличается стабильностью (см. рис. 83 и 84): обе руки (или одна) были вытянуты вдоль тела, кисти рук лежали на костях таза, на животе, на груди, у левого плеча. Черепа в четырех случаях были обращены лицевой частью вверх, в остальных – лежали с завалом на левую или правую сторону. Скорее всего, обращение черепа лицом вверх было основным и доминирующим признаком у погребенных на могильнике у разъезда Ивановский. Отклонения черепа в разные стороны произошли в более позднее время после совершения захоронений и связаны, прежде всего, с конструктивными особенностями оформления дна могильных ям.

Определение этнической и конфессиональной принадлежности населения, оставшего Ивановский некрополь, весьма затруднительно. Данная территория исторически входила в государственное образование Золотая Орда, где ислам получил распространение с XIV в. В Саратовской области, в непосредственной близости от Ивановского некрополя, выявлено несколько могильников золотоордынского времени, а в 16 км к северо-востоку расположен город Увек с богатыми склепами и мавзолеями (Недашковский Л.Ф., 2000, с. 133-143). Анализируя материалы этих могильников, Л.Ф.Недашковский определил северо-западную, западную и юго-западную ориентировки погребенных, как наиболее характерные обрядовые черты, присущие основной

части городского мусульманского населения Золотой Орды. В большинстве таких погребений были зафиксированы гробы из древесины (Недашковский Л.Ф., 2000, с. 142). Автором отмечено также заметное разнообразие положения рук погребенных. В подавляющем большинстве погребений череп лежал на правой стороне, что, в сочетании с положением костяка, недвусмысленно указывает на соблюдение мусульманских традиций в погребальной обрядности. У погребенных на Ивановском могильнике каких-либо признаков доворота умерших на правый бок с характерным расположением рук не прослежено. Положения черепа на правой или левой стороне распределяются здесь в равных соотношениях.

Д.В.Васильев в своей работе «Ислам в Золотой Орде» детально рассмотрел все элементы мусульманской погребальной обрядности, отметил, что «...положение погребенного вытянуто на спине, в целом, связано с курганным обрядом захоронения и домусульманскими погребальными традициями...» (Васильев Д.В., 2007, с. 122). Положения рук у погребенных на Ивановском могильнике указывают на присутствие, как домусульманских, так и христианских черт обрядности (руки вытянуты вдоль тела, лежат на животе или на груди, или скрещены на животе или груди) (там же, 2007, с. 126-127). Наиболее близкими по признакам «положение тела» и «положение рук» могильнику у разъезда Ивановский являются погребения, исследованные на Водянском городище (Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974, с. 39-79; Полубояринова М.Д., 1978, с. 76-79).

На проникновение ислама в среду населения, оставившего могильник у разъезда Ивановский, косвенно могут указывать признаки пеленания рук (положение рук на животе или груди) и ног (сведение ног в коленях и ступнях).

На сохранение языческих пережитков в обрядности Ивановского некрополя указывает присутствие углей в заполнении могил, у ног или среди костей скелета.

Таким образом, несмотря на определенное сходство погребального обряда Ивановского могильника с золотоордынскими и древнерусскими средневековыми некрополями Нижнего Поволжья, окончательное решение вопроса о конфессиональной принадлежности погребенных остается открытым.

На неоднородность этнического состава местного населения указывают керамические материалы тризн, погребальный инвентарь и отдельные элементы гробовых конструкций. Сохранившиеся части гробов (узлы сочленения досок), которые удалось проследить в Ивановском, очень похожи на конструкции из захоронений, исследованных автором в 1993 г. в могильнике Нижняя Студенка I и К. Ю. Моржериним в 1994 г. в некрополе средневекового Мартышкино (Четвериков С.И., 1994, с. 157-158; Моржерин К.Ю., 1994). Здесь короткие торцевые детали вставлялись в пазы, вырезанные на некотором расстоянии от окончаний продольных досок. Антропологическое определение костных останков могильника Нижняя Студенка I показало сходство с группами сельского населения Волжской Булгарии раннего периода, с массивами финно-угорского населения региона и определенную близость с отдельными славянскими сериями домонгольского периода (Евтеев А.А., 2007, с. 221-237).

Красноглиняная золотоордынская керамика (в т.ч. с ангобом), а также сероглиняные древнерусские сосуды, выявленные в тризнах примерно в одинаковых соотношениях, аналогичны керамическим материалам многих поселенческих и городских памятников, как со смешанным населением, так и чисто древнерусским, на обширной территории Нижнего Поволжья и Дона (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, 2001; Полубояринова М.Д., 1978; Касанкин Г.И., 1991; он же, 1994, он же 1997; Хреков А.А., 1994). Древнерусская керамика из тризн Ивановского могильника имеет заметное сходство с посудой Водянского городища (типы IV, V, XI) (Полубояринова М.Д., 1978, с. 92), поселения у с. Березовка (тип I и VI, там же, с. 105-108), Наровчата (там же, с. 119), посе-

ления у с. Подгорное Энгельсского района Саратовской области (Касанкин Г.И., 1991) и поселений лесостепного Прихоперья (тип 1) (Хреков А.А., 1994). Хронологически весь керамический материал из тризн могильника относится к концу XIII-XIV вв.

Большой интерес вызывают фрагменты грубой лепной посуды, обнаруженные в тризне над погребениями № 9-11, 14, 24, 30 (родовой участок «Е»). Интерпретировать эту керамику в культурно-хронологическом отношении пока не удалось по причине отсутствия прямых аналогий. По форме и технологии изготовления она близка финно-угорской традиции, хотя своеобразная защитная орнаментация не вполне вписывается в типологию указанного комплекса. Концентрация этой керамики только над определенными погребениями позволяет, тем не менее, предполагать, что на данном участке могли быть захоронены представители компактной финно-угорской группы местного населения.

Погребальный инвентарь, выявленный непосредственно в захоронениях Ивановского могильника, также различается по своему культурному происхождению, хотя нередко как сквозные категории проходит на обширных пространствах территории, называемой в средневековье Дешт-и-Кипчак. Инвентарь находит широкие аналогии на памятниках Нижнего Поволжья, Предкавказья, Волжской Булгарии, в кочевнических и древнемордовских погребальных комплексах. Весьма значим факт обнаружения в п. № 30 целого древнерусского сосуда, что само по себе – явление крайне редкое и свидетельствующее, скорее всего, о явной задержке языческих комплексов в мировоззрении отдельных групп нижеволжского населения. Хронологические рамки функционирования могильника соответствуют времени расцвета Золотой Орды (XIII-XIV вв.). Не противоречит такой датировке и керамический материал из тризн.

Грунтовой могильник, исследованный у разъезда Ивановский, чрезвычайно интересен с точки зрения уточнения этнокультурного и конфессионального состава населения, занимавшего Нижнее Поволжье в эпоху позднего средневековья. Материалы могильника указывают на его этническую неоднородность, что очевидно по составу керамики, обнаруженной в тризнах. Скорее всего, это было смешанное население, где были представлены славянские, финно-угорские и тюркские группы. Следует отметить, что средневековому населению Поволжья почти всегда свойственна антропологическая смешанность и это является отражением сложности и динамичности, происходивших здесь исторических процессов (Евтеев А. А., 2007, с. 224).

Несмотря на единообразие погребального обряда, присутствие отдельных языческих элементов, в Ивановском некрополе можно выделить некоторые признаки усиливающейся на территории Орды исламизации, а также продолжающегося влияния христианства.

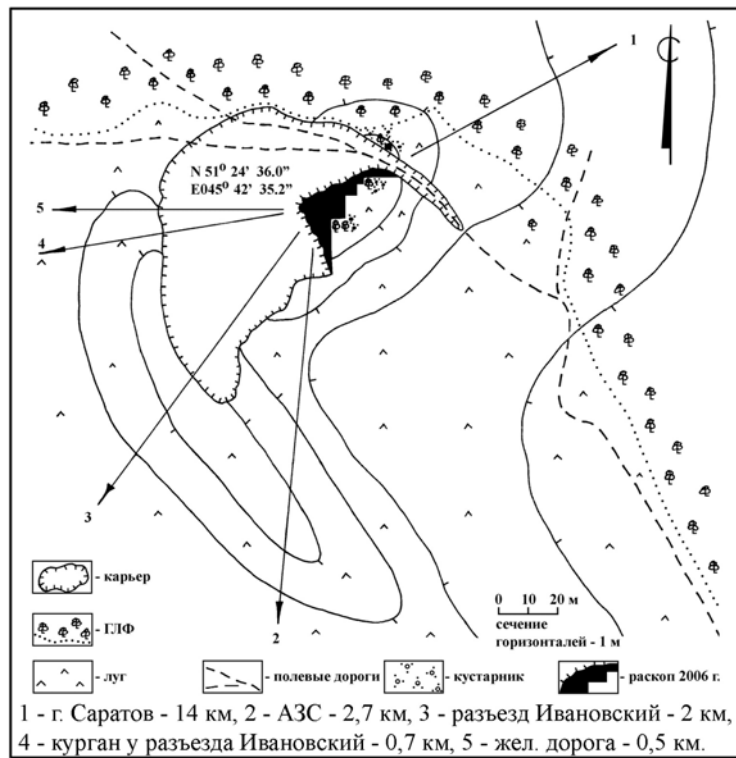
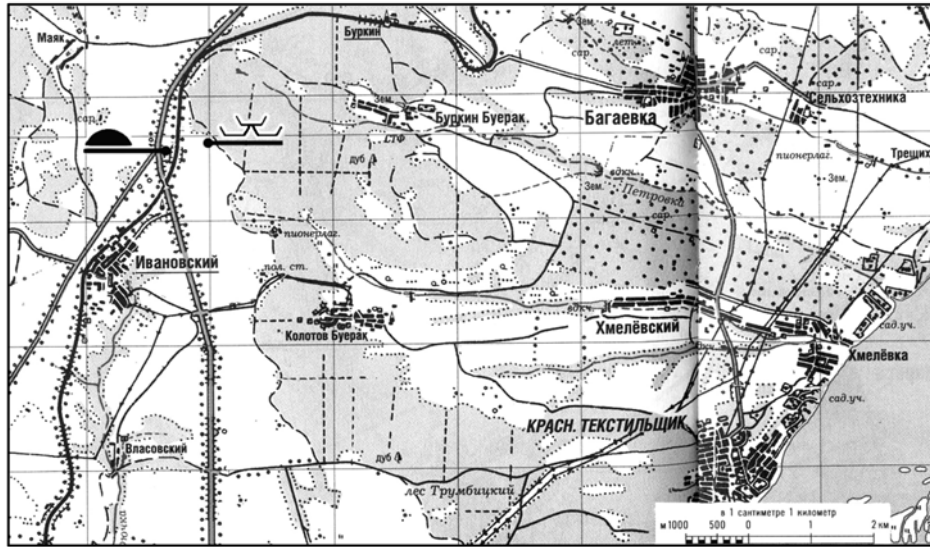

Рис. 75. Расположение памятников у разъезда Ивановский (А) и план грунтового могильника у разъезда Ивановский

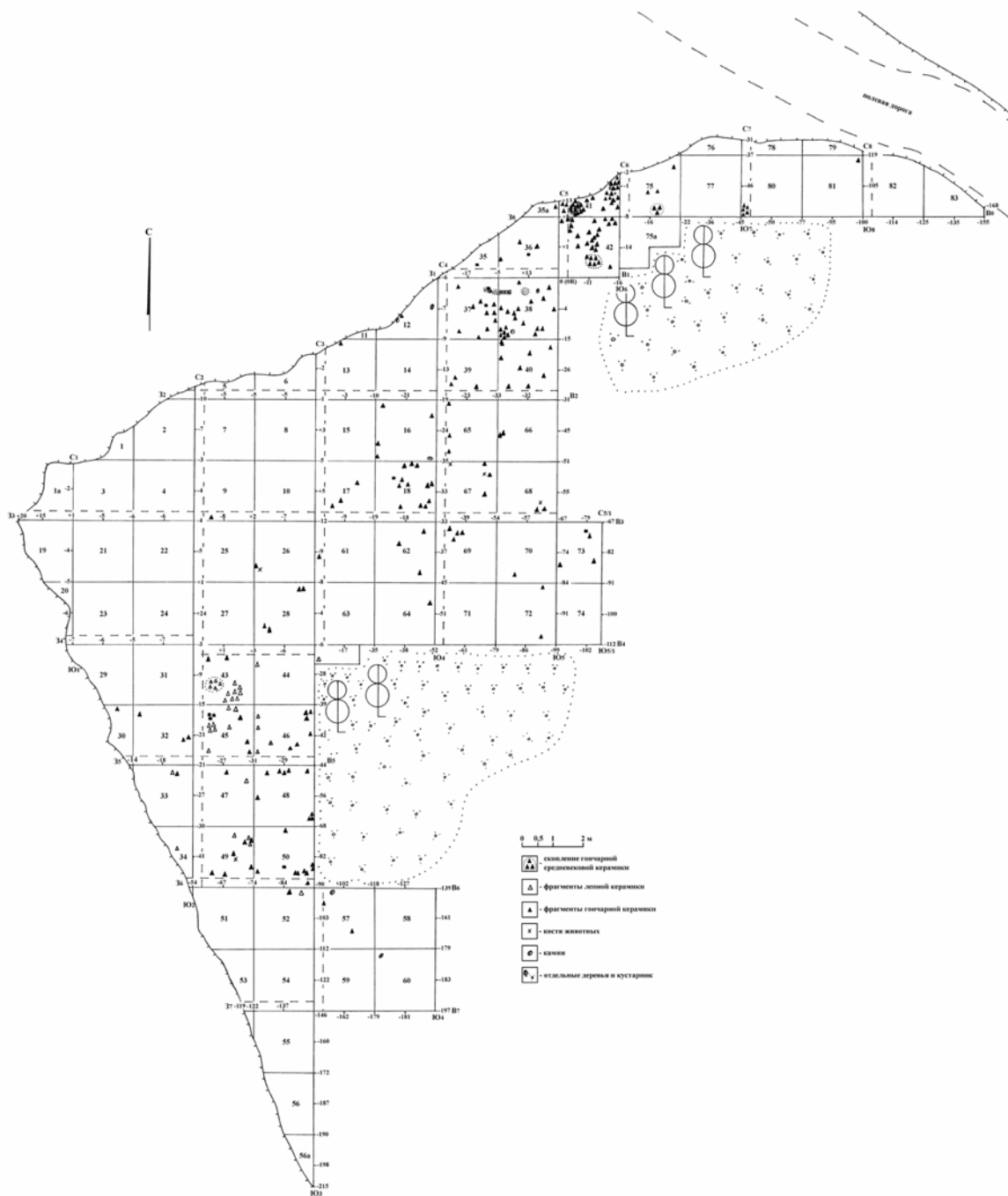

Рис. 76. План раскопа грунтового могильника у разъезда Ивановский с находками керамики, костей животных и камней из пластов 0-20 – 60-80 см

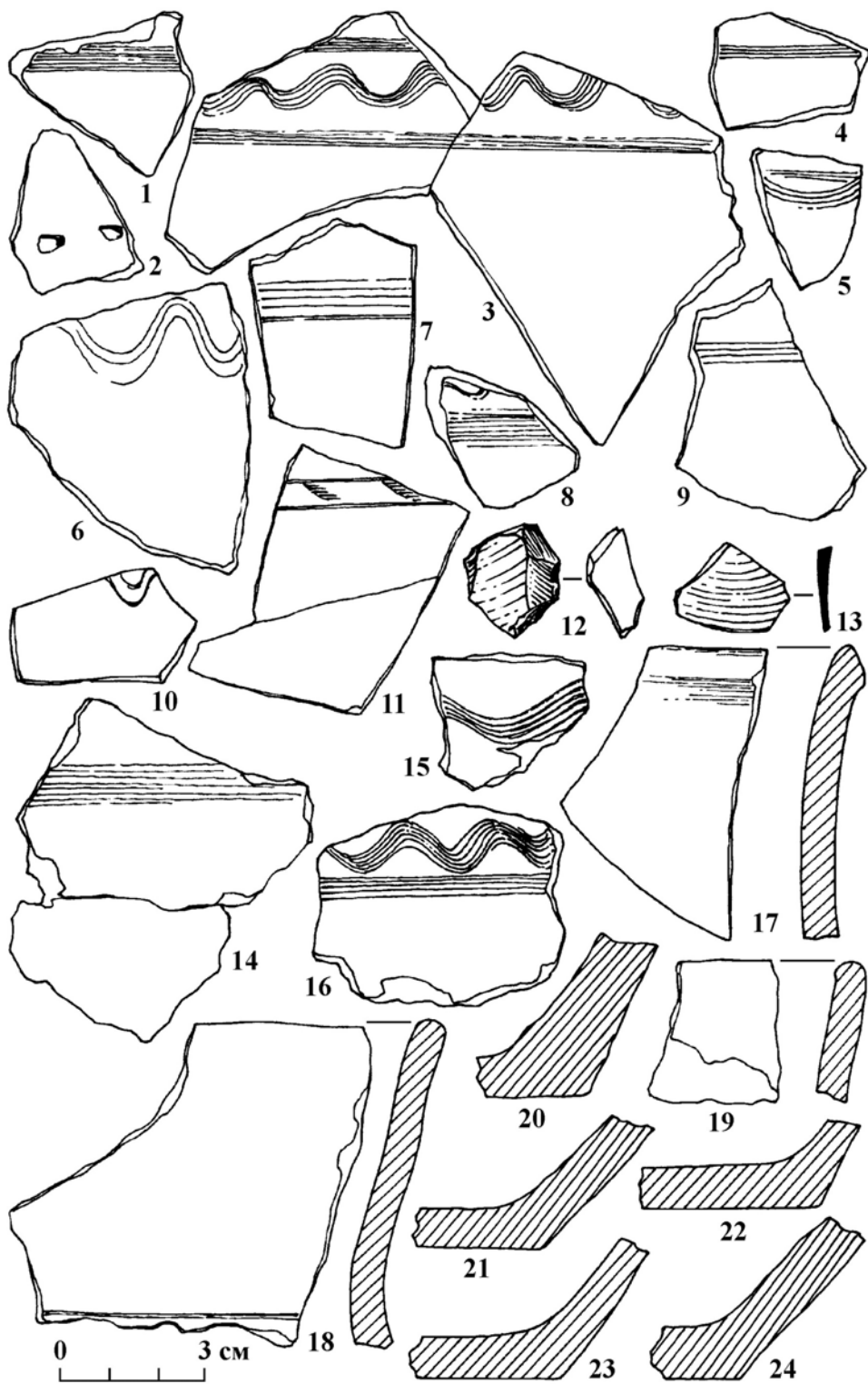

Рис. 77. Фрагменты красноглиняной гончарной керамики (1-11, 14-24) и кремневые отщепы (12-13)

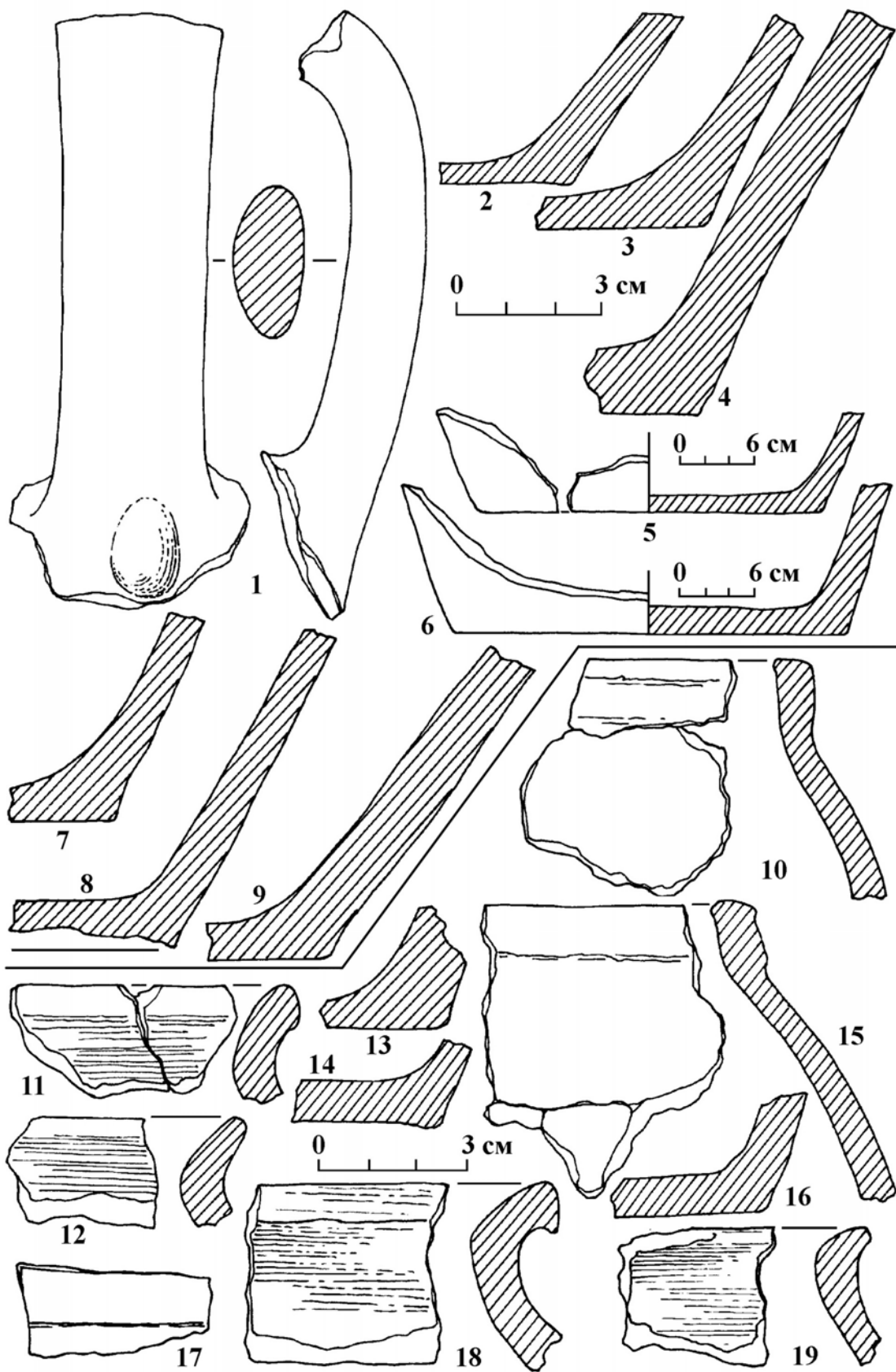

Рис. 78. Красноглиняная гончарная керамика (1-9) и сероглиняная круговая керамика (10-19)

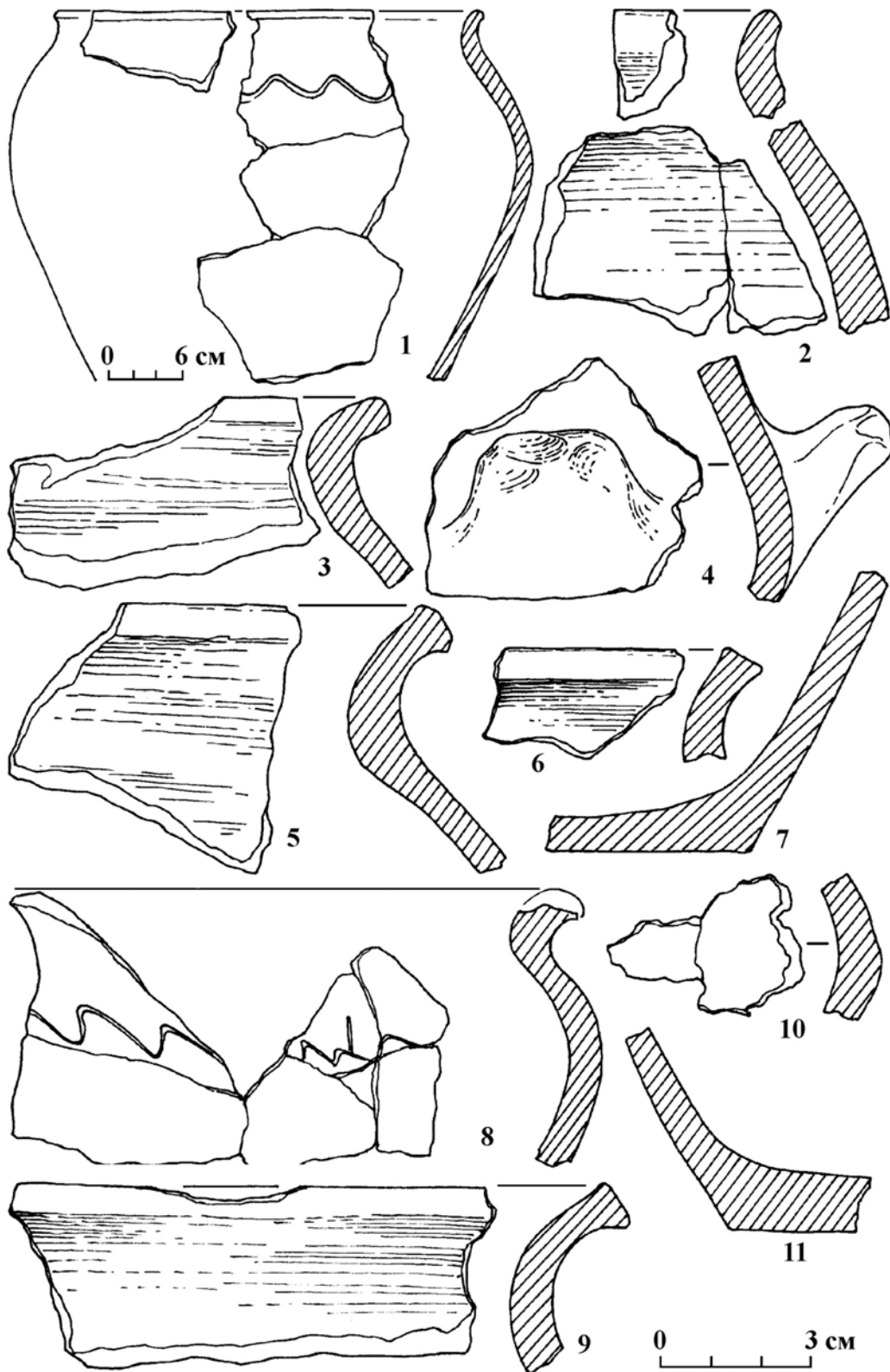

Рис. 79. Фрагменты сероглиняной круговой керамики

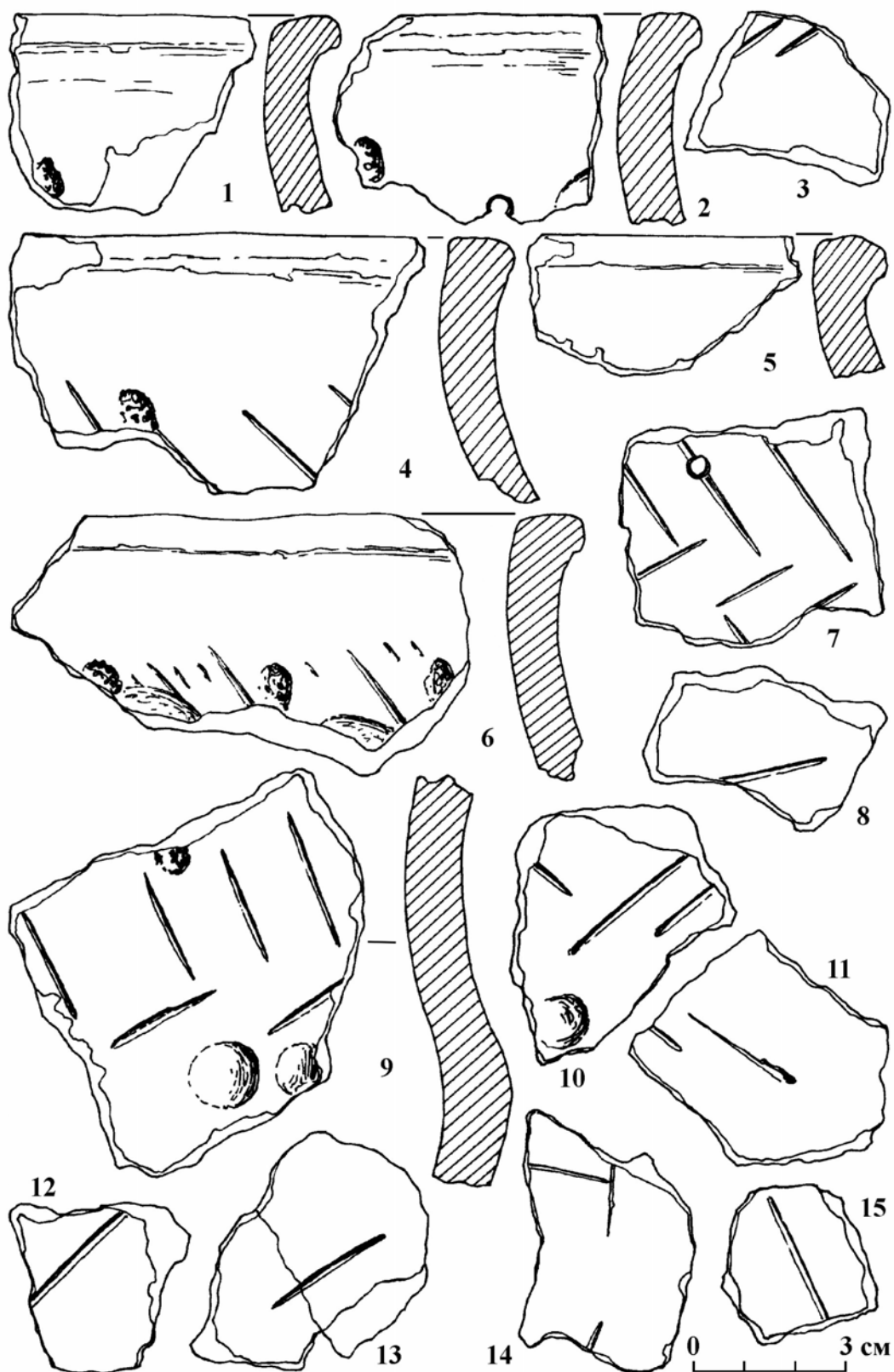

Рис. 80. Фрагменты керамики от лепных сосудов

Рис. 81. Фрагменты керамики от лепных сосудов (1-4), находки из погребений: 5 (11), 6 (12), 23 (7-12) и 30 (13)

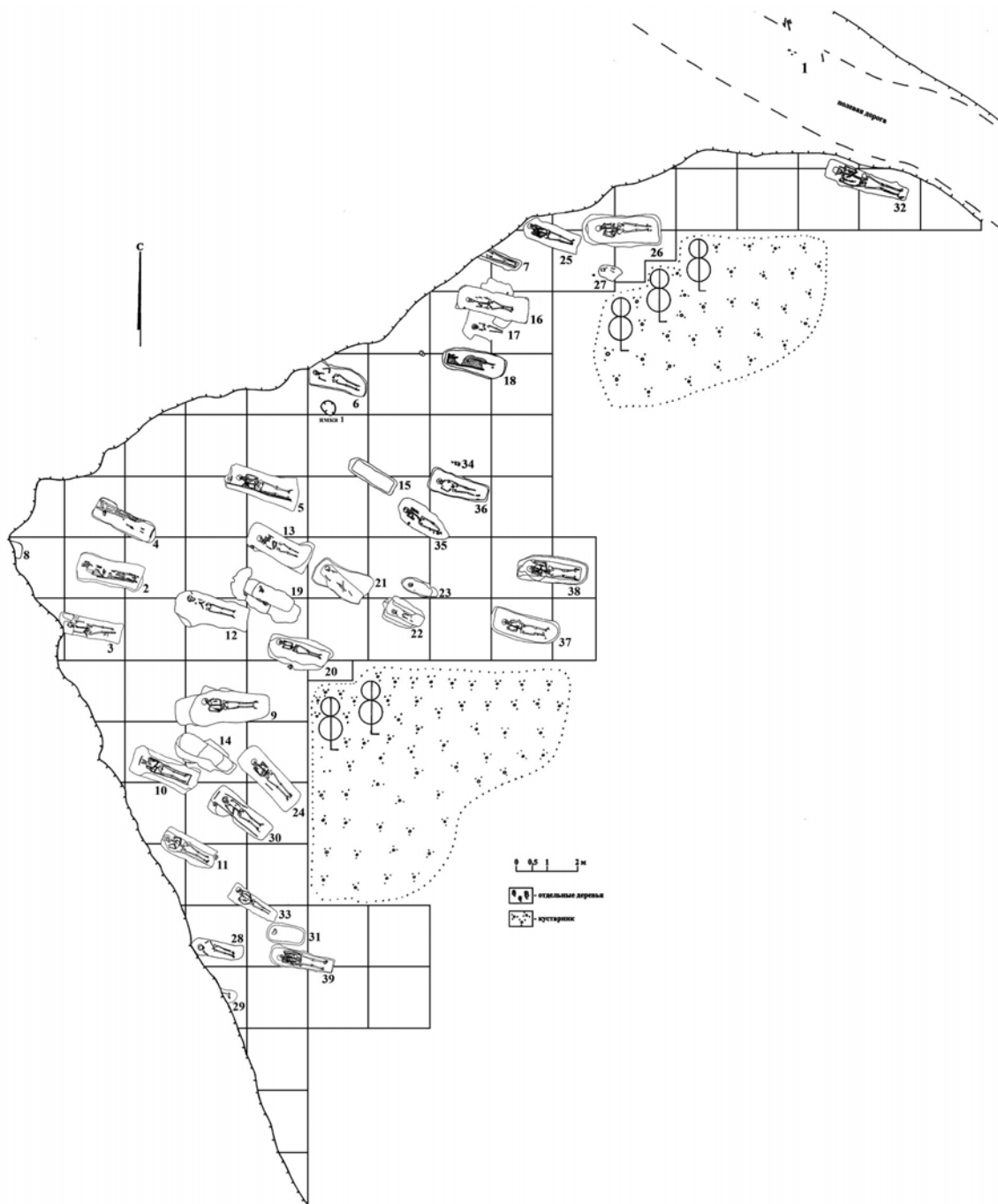

Рис. 82. План раскопа грунтового могильника у разъезда Ивановский

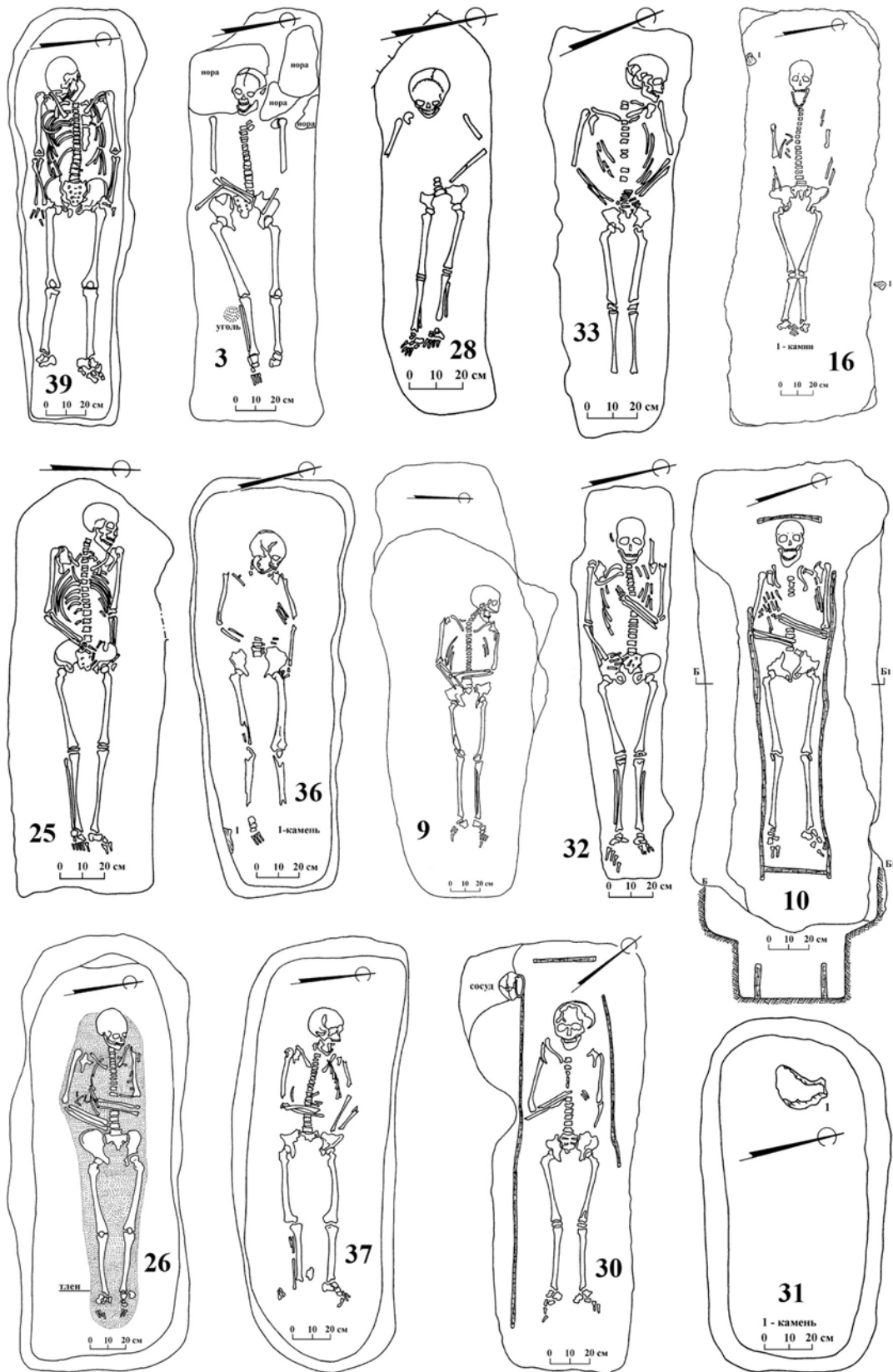

Рис. 83. Варианты положения рук 1-4 в погребениях 39, 3, 28, 33, 16, 25, 36, 9, 32, 10, 26, 37, 30 и план погребения-кенотафа 31

Рис. 84. Варианты положения рук 5-8 в погребениях 5, 6, 21, 24, 2, 13, 11, 38, 20, 12, 17 и 35

ГЛАВА 4. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК

4.1. БАССЕЙН Р.ТЕРЕШКИ КАК ОДИН ИЗ РЕГИОНОВ ФОРМИРОВАНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Бассейн р.Терешки расположен на юге лесостепной зоны, на Приволжской возвышенности Правобережья Волги и локализуется в пределах шести северных районов Саратовской области (Хвалынского, Вольского, Воскресенского, Базарно-Карабулакского, Балтайского и Новобурасского). Верховья реки находятся на территории Ульяновской области. Каждый из шести районов имеет богатую историю археологических исследований (например Хвалынские и Хлопковский энеолитические могильники, Соновомазинский клад поздней бронзы, Хвалынские городища РЖВ и мн. др.).

В данном разделе речь пойдет, преимущественно о Хвалынском и Вольском районах, так как именно здесь были получены новые материалы по раннему этапу позднебронзового века в полевом сезоне 2006 года.

Река Терешка, начинаясь в южных районах Ульяновской области и являясь правым притоком Волги, вбирает в себя ряд более мелких рек: Алай, Избалык, Донгуз, Калмантай, Багай, Елшанка, Маза. Терешка имеет разработанную долину в Приволжской возвышенности, течет параллельно Волге в 30-50 км от нее и впадает в Волгоградское водохранилище в 45 км выше Саратова. От Волги ее отделяют Хвалынские и Змеёвы горы, покрытые самым большим в Саратовской области лесным массивом (до 140 км в длину). Для большей части рассматриваемого региона характерен пересеченный рельеф. На левом берегу Терешки он более спокойный, на правом характеризуется возвышенностями, покрытыми лесами.

Разведки и раскопки в бассейне р.Терешки проводились практически всеми саратовскими археологами, начиная с членов СУАК. Так в 1913 году В.Д.Орехов и С.А.Щеглов раскопали два кургана у с.Адоевщина Хвалынского уезда, в которых обнаружили срубные погребения развитого периода, в том числе трупосожжение (Орехов В., Щеглов С., 1914, с. 131-138).

Раннесрубные погребения были получены в результате раскопок В.А.Фисенко курганов у с.Студеновка в 1969 году (Юдин А.И., 1999, с. 30-35). Первое краткое обобщение материалов эпохи бронзы бассейна верхней Терешки было сделано еще в 1978 году В.Г.Мироновым, который изучал здесь памятники археологии на протяжении двух десятков лет. В.Г.Миронов отметил наличие кроме срубных еще и абашевские материалы (в рамках научных представлений того времени) как в погребениях, так и на поселениях (Миронов В.Г., 1978, с. 59-61).

Пик разведочных работ приходится на 80-е годы прошлого века, когда в 1980-1981 гг. С. И. Четвериковым в составе экспедиции В. Г. Миронова был выявлен ряд памятников на р. Терешке у сёл Горюши и Дубовый Гай (Четвериков С.И., 1980; он же, 1981). В эти же годы сотрудниками археологической лаборатории Саратовского государственного университета были проведены разведки и составлены археологические карты всех районов, находящихся в бассейне р.Терешки. Археологическая карта бассейна р.Терешки

(Хвалынский, Вольский, Воскресенский районы) была дополнена в 1987 г. в результате разведочных работ А.И.Юдина (Юдин А.И., 1988).

Тогда же проводились и стационарные археологические исследования. На протяжении ряда лет (1977-1983) В.Г.Миронов исследовал срубное поселение Хмельное IV (Миронов В.Г., 1980; он же, 1983, с. 163-164), а Н.М.Малов – два срубных поселения в районе с.Новопокровка и срубное поселение с курганной группой у с.Медяниково (Малов Н.М., 1981, с. 138; он же, 1983, с. 159; он же, 2007, с. 55-58), где в числе прочих обнаружены захоронения позднебронзового века. В процессе составления археологической карты Вольского района был исследован срубный курган у с.Лопуховка на р.Калмантай (Монахов С.Ю., 1983, с. 164). В начале 90-х гг. С.В.Ляхов исследовал несколько курганов у ст.Кулатка Хвалынского района, где также обнаружены погребения эпохи поздней бронзы (Ляхов С.В., 1993; он же, 2009).

В результате разведочных археологических исследований было выявлено по самым скромным подсчетам 250 курганных групп и курганов (большинство курганов в данном регионе обычно содержат погребения эпохи бронзы), а также приблизительно около 100 поселений эпохи поздней бронзы по берегам Терешки и ее притоков. Некоторые из поселений и курганов подвергались раскопкам, но по большей части материалы раскопок, к сожалению, пока не введены в научный оборот. Имеющиеся же сведения представляют несомненный интерес.

Ряд находок эпохи бронзы, происходящих с территории бассейна р.Терешки, опубликованы Е.К.Максимовым в сводке материалов из Хвалынского музея (Максимов Е.К., 1962, с. 282-288). Среди представленных в сводке бронзовых топоров и кельтов (Сосновая Маза и Труева Маза) особую значимость в свете позднейших исследований приобретает находка листовидного наконечника бронзового копья с полой втулкой и небольшим ушком у с.Благодатное на левом берегу р.Терешки. Находки обломков наконечников копий у сел Апалиха и Горюши, обломка литейной формы листовидного наконечника в окрестностях с.Старая Яблонка, а также Сосново-Мазинского клада с не бывшими в употреблении незаконченными предметами и металлическим ломом позволили Е.К.Максимову сделать вывод о наличии местного очага металлообработки.

В плане проблемы происхождения срубной культуры необходимо упомянуть и о раннесрубном погребении 8 кургана 2 у с.Медяниково (Малов Н.М., 1979) (низовья р.Терешки). Автором раскопок время погребения определяется как позднепокровское – раннесрубное на основании анализа изделий из бронзы: двулезвийного кинжала, втульчатого наконечника копья с округло-ромбическим стержнем пера, однозубого крюка с разомкнутой втулкой (Малов Н.М., 2003, с. 180-184).

Из погребальных памятников заслуживают интереса ранне- и позднесрубные погребения в Букатовке (Ляхов, 1994) и Студеновке (Фисенко В.А., 1969; Юдин, 1999), а также исследованное на значительной площади срубное поселение Хмельное IV с уникальным для Саратовского Поволжья наземным жилищем (Миронов В.Г., 2000).

Среди материалов поселенческих памятников Н.М.Маловым выделено 7 поселений, содержащих среди прочей раннесрубную покровскую керамику (Малов Н.М., 2007, с. 53-58).

В полевом сезоне 2006 года был получен ряд новых материалов, отражающих как стадию формирования срубной культуры, так и ее поздний этап. Полученные материалы позволяют конкретизировать раннюю стадию формирования культуры. Бассейн р.Терешки, занимающий южную кромку лесостепи, объективно является одним из наиболее оптимальных районов для археологического отражения межкультурных контактов на стадии формирования срубной культуры.

В этом плане наиболее показателен курган у с.Дубовый Гай Хвалынского района, сооруженный на рубеже средней-поздней бронзы. Несмотря на уничтоженную насыпь

к моменту раскопок, определено, что все четыре погребения этого кургана являются основными (рис. 59). Данный комплекс включает признаки основных субстратных культур, легших в основу срубной.

Центральное погребение (№ 4) было совершено в обширной могильной яме (4,4 х до 3,35 м) с бревенчатым перекрытием. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на север, что характерно для погребений доно-волжской абашевской культуры на всем протяжении ее развития (рис. 66). Нерядовой характер погребения подчеркивался богатым комплексом инвентаря. Два керамических сосуда с характерным желобком по шейке, с обильной примесью толченой раковины в тесте глины и украшенные неровными желобками (рис. 68) опять же совершенно определенно могут быть сопоставлены с керамикой доно-волжской абашевской культуры. Комплекс из 9 кремневых наконечников стрел включает один черешковый (трапециевидной формы) наконечник (рис. 70, 7) и восемь бесчерешковых. По своим параметрам наконечники соотносятся как с абашевскими, когда ширина основания превышает ширину граней (рис. 70, 9, 12-14), так и с синташтинско-потаповскими (рис. 70, 8, 10, 11, 15), у которых ширина основания меньше ширины граней (Кузнецов П.Ф., 2004, с. 147-154).

Шесть бронзовых предметов – два ножа, бритва, стрекало с костяной муфтой, обойма (рис. 70, 2-6, 16) и сплеск бронзы – чаще всего находят в социально выделенных погребениях начальной поры поздней бронзы в широких территориальных и культурных пределах. Стрекала считаются наследием катакомбного мира (Отрощенко В.В., 1998, с. 52-59). Правда, существует мнение, что сочетание бронзового «стрекала» с костяной муфтой, есть не что иное, как остатки лучкового сверла, которое использовалось для просверливания отверстий в планках псалиев (Усачук А.Н., 1998а, с. 74; Пряхин А.Д., 2001, с. 70).

Особенно показательным наличие в комплексе рогового щиткового псалия подпрямоугольной формы со вставными шипами и выделенной планкой вкуче с 10 шипами от псалиев и 2 костяными втулками, которые возможно происходят от деревянных псалиев (рис. 69, 1-13). Функционально, да и по другим элементам оформления псалий из Дубового Гая ничем не отличается от аналогичных псалиев доно-волжской абашевской культуры. Подпрямоугольной формы псалий, но с монолитными шипами и без орнамента известен с поселения Отрожка в черте г.Воронежа (Усачук А.Н., 2003, с. 173, рис. 1). Для территории Саратовской области псалии с монолитными шипами не являются исключением. Такой псалий (дисковидный, орнаментированный) найден в 1995 году на самой кромке лесостепи и степи, южнее Саратова, в кургане Суворовский 2, погребение 1 (рис. 5, 3). К сожалению, могильная яма была сильно разрушена землероями и в нашем распоряжении нет керамики из данного погребения.

Погребение 4 из кургана Дубовый Гай также сопровождалось жертвенной пищей и берестяным «туеском» округлой формы. Количество находок изначально могло быть и больше, но часть дна могилы повреждена сурчиными перекопами.

Три остальные могилы имеют «стандартные» для курганов поздней бронзы размеры, в двух из них сохранились двухвенцовые срубы из колотых бревен и перекрытия, но погребенные лежали уже не на спине, а скорченно, на левом боку, головами на северо-восток, хотя и сопровождались керамикой, находящей аналогии в поздней донской абашевской культуре. Причем необходимо еще раз подчеркнуть, что, несмотря на уничтоженную насыпь, от всех четырех погребений сохранились остатки материковых выкидов на уровне погребенной почвы, что говорит об относительной одновременности погребений.

Четыре сосуда из трех погребений кургана Дубовый Гай (рис. 61, 1, 2; 68, 1, 2) отвечают всем канонам доно-волжской абашевской культуры: колоколовидность формы, примесь толченой раковины в тесте глины, характерная орнаментация – широкие гори-

зонтальные прочерченные линии и косо-вертикальные борозды (Беседин В.И., 1996, с. 11). В качестве примера можно привести керамику из погребений кургана Селезни-2, как наиболее характерного памятника доно-волжской абашевской культуры (ДВАК). Это колоколовидные сосуды из погребения 3 (Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998, с. 16, рис. 9, 9) и из погребения 4 (там же, с. 24, рис. 13, 2, 3). Эти сосуды из Селезней -2 по своим технико-типологическим характеристикам мало чем отличаются от сосудов из погребения 4 кургана Дубовый Гай (рис. 68, 1, 2).

С находками в элитных погребениях (кенотафах) кургана Селезни-2 совпадает и значительная часть категорий погребального инвентаря погребения 4 кургана Дубовый Гай: псалии староюрьевского типа, бронзовые ножи и стрекала, каменные наконечники стрел.

Если курган Дубовый Гай содержит в основном центральном погребении 4 типичную доно-волжскую абашевскую керамику, то в периферийных основных погребениях кроме аналогичной керамики (рис. 61, 1, 2) также имеется и своеобразная. Это сосуды из погребения 2: сосуд с легким «катакомбным» уступчиком по плечу (рис. 63, 7) и миниатюрный сосудик (рис. 63, 1), культурное определение которого вряд ли возможно вне комплекса. В данном случае следует согласиться с мнением Ю.П.Матвеева о том, что керамический материал переходных памятников выступает их основным диагностирующим показателем. Имеется в виду, что есть ряд форм керамики, отсутствующих как в доно-волжской абашевской культуре, так и в собственно срубной (Матвеев Ю.П., 1999, с. 68-69). Аналогия миниатюрному сосудику имеется в доно-волжском абашевском погребении 1 кургана 22 Подклетненского могильника у г.Воронеж. Миниатюрный сосудик с шаровидным туловом сопоставляется авторами исследования с керамикой катакомбной культурно-исторической общности (Пряхин А.Д. и др., 2001, с. 22, рис. 4, 14).

По ряду параметров курган Дубовый Гай сопоставим с потаповскими комплексами лесостепи средней Волги (Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000, с. 122-134). Проведение сравнений всего по одному кургану, естественно, не может претендовать на абсолютную достоверность, но сопоставления весьма показательны и позволяют сделать предварительные выводы.

Совпадает организация подкурганного пространства. В Дубовом Гае, как и в потаповских курганах, наиболее крупное погребение находится в центральной части насыпи и окружено периферийными. По периметру dna центральной могилы проходит канавка-ровик, положение одного из погребенных на спине, наличие парного захоронения – все эти погребальные признаки отмечены и для потаповских комплексов.

Сопоставление погребального инвентаря показывает следующее. Сравнение по керамике провести сложно, так как совершенно явственно видна разная культурная подоснова керамических комплексов и, к тому же, выборка керамики из Дубового Гае слишком мала. Исключение составляет только такая особенность как традиция ремонта сосудов бронзовыми скобами, отмеченная в обоих случаях. Металлические изделия обнаруживают полное совпадение в таких категориях как бронзовые ножи со змеевидным череном, мелкие круглые и с острыми концами подвески в полтора оборота.

Для потаповских комплексов отмечено наличие колчаных наборов кремневых наконечников стрел, который есть и в центральном погребении Дубового Гае (рис. 70, 7-15). Трехгранный лопастной костяной наконечник стрелы (рис. 69, 14), обнаруженный в позвоночнике скелета из центрального погребения, характерен для покровских комплексов, но неизвестен в потаповских.

В центральном же погребении найден роговой дисковидный псалий со вставными шипами староюрьевского типа (рис. 69, 1), которые также известны в потаповских комплексах, хотя там преобладают псалии с монолитными шипами и без орнамента.

В целом, для потаповских памятников отмечена такая особенность, как наличие богатого набора погребального инвентаря не только в центральных, но и в периферийных погребениях, что не характерно для покровских захоронений (Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000, с. 132). В Дубовом Гае парное периферийное погребение 2 подростка и ребенка содержало значительное количество инвентаря: три керамических сосуда, два берестяных туеска, бронзовые височные подвески, бронзовая бусина, а также бусы из пасты и стекла.

Подобное совпадение признаков может свидетельствовать, как о культурно-генетической связи, так и о хронологическом соответствии. Если в целом считать, что покровские памятники лесостепного Поволжья следуют за потаповскими (Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000, с. 134), то комплекс захоронений из Дубового Гаю в хронологическом плане все же ближе к потаповским. При этом еще раз следует отметить, что центральное погребение 4 кургана Дубовый Гай по всем параметрам сопоставимо с ДВАК. Для лесостепного Поволжья отмечается скоротечность процесса формирования раннесрубных памятников, вызвавшая ряд переходных комплексов, сочетающих потаповские и покровские черты. Вполне вероятно, что эта скоротечность и вызвала ситуацию, когда на территории юга лесостепи не успел сформироваться самостоятельный тип памятников, а в нашем распоряжении оказывается ряд промежуточных в культурном плане комплексов, типа Дубовый Гай или Широкий Карамыш, курган 4. С другой стороны, возможно именно курган у Дубового Гаю является одним из примеров существующего, но пока не исследованного типа памятников, переходного от средней бронзы к поздней, а наследование абашевских признаков в раннесрубной культуре происходит опосредованно, именно через такие памятники. Во всяком случае, наличие псалия со вставными шипами позволяет провести синхронизацию, как минимум, с наиболее поздним курганом 5 Потаповского могильника. Для потаповских памятников калиброванные даты укладываются в интервал между XX и XVIII вв. до н.э. (Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000, с. 129). По единственной калиброванной дате Дубового Гаю, полученной по дереву от перекрытия погребения 4, время сооружения кургана синхронно ранней поре потаповских памятников – (ИГАН 3251) 2025 BC : 1944BC (1 σ).

Погребения Дубового Гаю показывают, что, вероятно, существовал и более ранний пласт памятников, чем покровские раннесрубные, который, несомненно, можно синхронизировать именно с потаповскими и доно-волжскими абашевскими, хотя в абсолютном выражении временная разница не будет значительной.

Если сравнить этот курган (Дубовый Гай) с наиболее яркими покровскими комплексами раннего периода срубной культуры, то мы получим следующую картину. В плане архитектуры погребального сооружения несомненно прослеживается много общих черт: обширные могильные ямы, бревенчатые перекрытия с маточными балками и опорными столбами. В погребальном инвентаре есть широкий круг аналогий среди металлических изделий, каменных и костяных наконечников стрел, роговых псалиев, украшений. Но все перечисленные находки в той или иной мере характеризуют, кроме покровских, и набор погребального инвентаря других синхронных культур. Основной показатель – керамика – имеет менее выраженные абашевские черты и значительная часть покровских комплексов имеет посуду срубного облика. В плане сравнения стоит заметить, что положение вытянуто на спине погребения 4 Дубового Гаю никак не отнесешь к числу характерных раннесрубных признаков.

Сравнение дубовогайских материалов с доно-волжскими, потаповскими и раннесрубными покровского типа показывает, что вероятно, курган Дубовый Гай отражает наиболее ранний этап донского культурного проникновения в бассейн Терешки, когда центральное погребение отражает устоявшиеся традиции ДВАК (поза погребенного, керамика, оформление могильной ямы), а в периферийных уже видно зарождение тех

черт погребального обряда, которые в дальнейшем станут определяющими на всем протяжении срубной культуры – скорченное левобочное положение умершего и северо-восточная ориентировка.

Не меньший интерес представляют погребения из кургана у с. Ново-Яблоновка, расположенного на 5 км южнее кургана у с. Дубовый Гай. Курган содержал 3 погребения: 2 впускных и основное – кенотаф. Судя по материалу, погребения не были разделены большим хронологическим промежутком и относились к этапу формирования срубной культуры. Кенотаф – один из самых больших по площади в Поволжье (6,9x2,8 м) (рис. 56, 1-4), вероятно, символизировал захоронение воина-колесничего, о чем свидетельствует набор погребального инвентаря: три костяные втулки и шесть шипов от псалиев (рис. 57, 20-28); бронзовый нож с едва намеченным перекрестием и приостренным окончанием рукояти (рис. 57, 19); бронзовое стрекало (рис. 57, 18). Еще один бронзовый нож листовидной формы с намечающимся перекрестием и раскованной пяткой был обнаружен в заполнении могилы (рис. 57, 7). Интерес также представляют бронзовая пластина со штифтами и скобами (обкладка деревянной чаши?) (рис. 57, 8-17), два кремневых наконечника стрел с трапециевидными черешками (рис. 57, 5, 6) и костяной наконечник стрелы (рис. 57, 29). Последний имеет полные аналогии в раннесрубном погребении 2 кургана 1 могильника Новый Ризадей в Самарской области (Семенова А.П., 2000, с. 190, рис. 8, 16, 17, 20), а кремневые аналогичны одному из наконечников из кургана Дубовый Гай.

Керамика сохранилась фрагментарно и происходила от трех-четырех сосудов. Вся она вполне сопоставляется с раннесрубной керамикой покровского типа: отогнутый венчик, орнаментация в виде грубых и глубоких полос от сглаживания, обильная примесь толченой раковины в тесте глины (рис. 57, 1-3).

Из новых раскопок стоит упомянуть еще одно погребение, которое указывает, что захоронения начальной поры поздней бронзы были распространены в бассейне р. Терешки. Это разрушенное впускное погребение 1 из кургана 9 курганной группы Буровка 1, которая расположена в нескольких километрах юго-западнее кургана с кенотафом у с. Ново-Яблоновка (рис. 1, 9). К сожалению, основное погребение этого кургана было также разрушено. Погребение 1 содержало остатки двух керамических сосудов с примесью раковины в тесте глины, бронзовые нож и шило. Один из сосудов – острореберный (рис. 53, 4), по своим пропорциям, размерам и орнаментации вполне сопоставим с аналогичными сосудиками, происходящими из раннесрубных покровских захоронений, например Покровск, ю-в. гр., курган 30 (Памятники..., 1993, с. 146, табл. 16, 2).

Кенотаф, аналогичный ново-яблоновскому, имеется в курганном могильнике Кочетное (погр. 4, кург. 7). Он также ориентирован по линии восток – запад, а на дне располагались три циновки в направлении север – юг и каждой соответствовал свой инвентарь, чем и объясняется большая длина могильной ямы – 4,4 м при ширине 2,5 м (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 14, 15, рис. 7, 4). Возможно, и кенотаф в Ново-Яблоновке символизировал захоронение нескольких человек.

Во впускном погребении 2 Ново-Яблоновки покоились два ребенка в позе адорации с северной ориентировкой (рис. 58, 1). Два керамических сосуда, обнаруженных здесь, также имели все ранние признаки, что и позволяет говорить о небольшом временном разрыве между ним и основным погребением. Оба сосуда – неорнаментированная банка с открытым устьем (рис. 58, 2) и округлобокий горшок, украшенный горизонтальной елочкой (рис. 58, 3) – содержали примесь толченой раковины в тесте глины. Второй сосуд по своим морфологическим признакам может сопоставляться с керамикой конца средней бронзы.

Умерший в погребении 3 Ново-Яблоновки также находился в позе адорации, но был ориентирован головой на восток (рис. 58, 4). В подострорезерном сосуде из этого погребения также легко угадываются черты раннесрубного времени: обильная примесь толченой раковины, расчески на поверхности, характерный орнамент из горизонтальной линии и двойного зигзага (рис. 58, 12). Комплекс также включал две путовые кости лошади, бронзовую иглу и ожерелье из 6 клыков волка (рис. 58, 5-11). Подобные ожерелья встречаются в ранних комплексах поздней бронзы. Например, клык волка встречен в погребении 2 кургана 1 Баранниково (Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Литвиненко Р.А., Усачук А.Н., 2004, с. 133, рис. 4, 3); ожерелье из клыков известно в Покровске (ю-в гр., к. 35, п. 2) (Памятники..., с. 146, табл. 16, 14); ожерелье и отдельные клыки известны в кургане 7 погребении 23 могильника Танаберген II в степном Приуралье (Ткачев В.В., 2004, с. 12, рис. 4, 29, 30). Эта традиция продолжается и на позднем этапе срубной культуры. Сразу 5 амулетов из клыков волка известно в погребении ребенка курганного могильника развитой срубной культуры Золотая Нива II (кург. 1, погр. 10) (Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н., 2004, С. 189).

В погребениях кургана у с.Ново-Яблоновки, как и в комплексе Дубового Гаю отражены составляющие их культурные черты – доно-волжские абашевские и местные катакомбные, хотя по времени они, скорее всего, следуют за Дубовым Гаем.

Катакомбные черты в Дубовом Гае – это в первую очередь поза погребенных; скорченно, на левом боку, с руками перед лицом. Ранее уже приводились примеры зарождения позы адорации именно в катакомбной среде, в том числе и на территории Волго-Донского междуречья (Юдин А.И., 1996а, с. 51-54; Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 62-64). Да и само помещение периферийных погребений кургана Дубовый Гай в срубы – черта не характерная для срубных памятников Поволжья, а более соответствующая позднекатакомбным традициям и КМК. С катакомбной керамикой, с известной долей условности можно соотносить и 2 сосуда из погребения 2 Дубового Гаю (рис. 63, 1, 7).

В комплексе Ново-Яблоновки с керамикой катакомбной культуры можно сопоставить сосуд из погребения 3. Очень близкая аналогия этому сосуду имеется в погребении 9 кургана 4 могильника Широкий Карамыш 2. Форма сосуда – подострорезерная, со сглаженным ребром – и орнаментация в виде горизонтальной елочкой почти идентичны сосуду из Ново-Яблоновки (рис. 85, 1).

Курган 4 из могильника Широкий Карамыш 2, исследованный в 2003 году В.В.Тихоновым, также является одним из наиболее ярких комплексов переходного периода от средней к поздней бронзе на территории Саратовского Правобережья по южной кромке лесостепи (Дремов И.И., Тихонов В.В., 2004, с. 114-119; Дремов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В., 2005, с. 20-35). Сам могильник занимает высокую надпойменную террасу левого берега р.Карамыш, левого притока р.Медведицы (донской речной бассейн). Из 10 погребений этого кургана 9 относятся к эпохе бронзы и сочетают признаки доно-волжской абашевской и катакомбной культур. Эти погребения образуют единый культурный комплекс, располагаются в центре кургана, в прерывистом рву и сопровождаются четырьмя признаками.

Керамика средней бронзы, украшенная горизонтальной елочкой, выполненной гребенчатыми штампами, широко распространена в Нижнем Поволжье. Например, керамика, орнаментированная горизонтальной елочкой, известна в территориально близких курганных могильниках Усть-Курдюм I-3 (Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993, с. 137-158) и грунтовых могильниках Белогорское I, II (Дремов И.И., с. 98-118). Полная сводка близких по орнаменту и формам катакомбных сосудов приведена в работе А.В.Кияшко, который также указывает на близкие формы и орнаменты в потаповской керамике (Кияшко А.В., 2002, рис. 103-110, 111, 7, 8, 11). Из последних исследований

наибольшие аналогии обнаруживаются с одним из сосудов среднедонской катакомбной культуры в могильнике Ольховка I (к. 5, п. 2) на р.Иловле (Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Коробкова Е.А., Яворская Л.В., 2006, с. 229, рис. 16, 3).

Кроме сосуда с елочным орнаментом в погребении 9 кургана 4 могильника Широкий Карамыш 2 было найдено еще 3 сосуда. Маленький, слегка подострореберный сосудик, украшенный двумя тройными зигзагами, образующими ромбы, имел орнаментированную крышку с двумя отверстиями (рис. 85, 3). Традиция изготовления подобной посуды восходит к доно-волжской абашевской культуре. С этой же культурой связаны и остальные два сосуда. Один имел подколоколовидную форму, отогнутый венчик с внутренним ребром, примесь толченой ракушки в тесте глины и был украшен четырьмя глубокими прочерченными линиями по венчику и плечу (рис. 85, 2). Второй сосуд не орнаментирован, также имеет примесь толченой ракушки в тесте глины, отогнутый венчик и внутреннее ребро (рис. 85, 7). Причем абашевские черты здесь проявляются уже в некоторой степени меньше, чем в Дубовом Гае.

Еще два предмета из бронзы – нож с намечающимся перекрестьем и круглая височная подвеска в полтора оборота (рис. 85, 4, 5) – также относятся к весьма ранним типам и являются обычными находками на финальном этапе средней бронзы как в абашевских, так и местных катакомбных комплексах

К сожалению, погребение 9 из кургана 4 было сильно разрушено землероями, *in situ* сохранились только длинные кости ног, по которым устанавливается, что умерший был положен на левый бок, слабо скорченно, головой, вероятнее всего, на северо-северо-восток. Из остальных погребений эпохи бронзы, составлявших единый комплекс, не разрушено только погребение 10. Здесь, как и в погребении 9, были остатки жертвенной пищи – длинные кости барана. Другой инвентарь отсутствовал. Умерший был положен скорченно, на левом боку, головой на восток. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук находились между бедренных костей. Не вызывает сомнения катакомбная принадлежность данной позы. Керамика остальных погребений имеет абашевский облик, наиболее ярко это видно по острореберному сосуду из погребения 6 (рис. 85, 6), но в одной из четырех тризн есть типично катакомбный сосуд, украшенный в верхней трети наколами и горизонтальной елочкой по всей остальной площади тулова (рис. 85, 8).

Таким образом, данный курган следует считать одним из наиболее ранних свидетельств контактов, вероятно, пришлого абашевского населения и местного позднекатакомбного. Здесь нет еще ни одного культурного признака, который мы могли бы связать с ранним покровским этапом срубной культуры, как это, например, наблюдается в комплексах могильника Золотая Гора, расположенного всего в двух десятках километров восточнее. Здесь нет характерной для срубной культуры позы погребенного, а керамика, вырванная из комплекса кургана, может быть охарактеризована как абашевская и катакомбная.

О сохранении катакомбных черт в керамике срубной культуры уже писалось неоднократно (Пятых Г.Г., 1990, с. 114-115; Пятых Г.Г., 1994, с. 16; Юдин А.И. и др., 1996, с. 125). В 2007 году на южной окраине лесостепи Правобережья Волги были исследованы три кургана у с.Мокрое, в материалах которых также есть свидетельства катакомбного культурного наследия, несмотря на несколько более поздний возраст погребений (Юдин А.И., 2008в, с. 48-69).

Все три исследованных кургана представляют из себя единый культурно-хронологический комплекс. Все погребения содержали материковые выкиды на погребенной почве. В каждом из трех курганов наблюдался идентичный обряд погребения: под курганом находились три могилы, вытянутые в одну линию по направлению северо-восток – юго-запад.

Все погребения содержали остатки надмогильных деревянных перекрытий, на дне могильных ям встречалась органическая подстилка белого или черного цветов.

Инвентарь представлен керамикой (1-2 сосуда в погребении), обломком костяного предмета цилиндрической формы из кург. 3, погр. 2 (деталь рукояти плети? часть жезла?), костяными наконечниками стрел (4 экз.) и бронзовым ножом с едва намеченным перекрестием. Все четыре наконечника стрел находились в одном погребении (кург. 3, погр. 1), из них три – черешковые трехгранные и один – пулевидный втульчатый (рис. 87, 6-9). Костяной предмет представляет из себя обломок костяного стержня со сквозным поперечным отверстием у торца. Предмет заполирован и покрыт орнаментом. Четыре линии нанесены по окружности выше и ниже отверстия, а сам предмет покрыт двумя рядами треугольников. В месте излома видно, что отломанная часть стержня была полый (рис. 87, 10). Комплекс керамики включает неорнаментированные банки и округлобокие горшки. Три сосуда украшены зубчатым и плоским штампами, остальные без орнамента (рис. 87, 1-5). В погребениях также обнаружены остатки напутственной пищи – крупные ребра животных.

В погребении 1 кургана 2 найден сосуд с явными катакомбными реминисценциями. Погребение было окружено кольцевым прерывистым светлым материковым выкидом, могильная яма подквадратной формы ориентирована по сторонам света с небольшим отклонением по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. В заполнении могилы встречались остатки поперечного бревенчатого перекрытия. Умерший был положен на левый бок, скорченно, головой почти на север, с небольшим отклонением к востоку. Обе руки были согнуты в локтях и протянуты к лицу и сосуду, который стоял перед лицом погребенного (рис. 86, 1).

Небольшой горшок плавной профилировки с елочным орнаментом по всему тулову был единственным предметом погребального инвентаря. Горшок имел срезанный наружу венчик, украшенный косыми насечками. По тулову прочерчены три горизонтальные линии, поля между которыми заполнены елочным орнаментом, выполненным плоским штампом (рис. 86, 2). Тесто глины плотное, без заметных примесей.

Все признаки погребального обряда и облик керамики указывают, что погребения принадлежат к раннему этапу срубной культуры степной, бережновской линии развития эпохи поздней бронзы. Автору данного раздела уже приходилось писать ранее о многокомпонентности сложения срубной культуры Нижнего Поволжья и рассматривать ранние (бережновские) памятники, не содержавшие «покровского» компонента (Юдин А.И., 1996 а, с. 51-54; он же, 1996 б, с. 46-48).

В бассейне р.Терешки также известен весьма яркий памятник, представляющий бережновскую линию развития раннесрубной культуры. Это курганный могильник Кулатка в Хвалынском районе, три кургана из которого были исследованы С.В.Ляховым в 1993 году. Курганный могильник из 11 насыпей расположен на краю надпойменной террасы левого берега р.Терешки, приблизительно в 15 км выше по течению реки от кургана Дубовый Гай. Всего в трех курганах исследовано 15 погребений срубной культуры, большая часть которых – детские. Все три кургана датируются раннесрубным временем. Погребения под курганами располагаются короткими (по 2-3 могилы) рядами в направлении северо-запад – юго-восток. Погребение 1 в кургане 3 выделяется своей неординарностью как по размерам и устройству могилы, так и составу инвентаря. Керамический комплекс исследованных погребений включает 17 сосудов, среди которых нет классических острореберных форм, характерных для второго этапа срубной культуры. В своем большинстве это банки и плавнопрофилированные горшки со слегка отогнутым венчиком. В качестве отошителя теста глины использовалась органика и песок. Остальной инвентарь представлен костяными кольцами, пастовыми и сурьмяными

бусами, бронзовыми пронизками и браслетом, астрагалами МРС и метаподиями лошади (Ляхов С.В., 2009).

Среди всей керамики выделяется кубковидный сосуд из престижного погребения 1/3 (Ляхов С.В., 2009, рис. 10, 1). Погребение 1/3 выделяется своей неординарностью как по размерам и устройству могилы (двойное перекрытие, одновенцовый сруб), так и составу инвентаря. Богато орнаментированный кубок по форме и в какой-то степени по орнаменту находит аналогии среди двух кубковидных сосудов раннесрубного Нижнеозерецкого могильника в Самарском Заволжье (Мочалов О.Д., 2004, с. 130, рис. 4, 6, 8). Это наиболее близкие аналогии и в географическом отношении – Нижнеозерецкий могильник находится не более чем в 70-100 км к северо-востоку от Кулатки. Датировка таких сосудов всегда определяется началом позднебронзового века и связывается со сложными культуротрансформационными процессами степной полосы Евразии на рубеже средней и поздней бронзы (Мочалов О.Д., 2004, с. 130-134). Во всей керамической коллекции, несмотря на ее раннее время, нет никаких покровских проявлений.

Из остального инвентаря с достаточной степенью условности к покровским проявлениям можно отнести только костяные орнаментированные кольца, которые обычно интерпретируются исследователями как детали плетей или жезлов (Отрощенко В.В., 1993; Беседин В.И., 1999, с. 46-49). Всего найдено 4 «кольца»: одно неорнаментированное, одно с двумя сквозными отверстиями (пряжка?) и два с орнаментом (Ляхов С.В., 2009, рис. 3, 2; 6, 3; 7, 5; 9, 2). Орнаментированные кольца находят широкий круг аналогий в степях Восточной Европы, а наибольшая их концентрация отмечена на севере степи и лесостепи Саратовской и Самарской областей (Беседин В.И., 1999, рис. 1; 2, 16-18, 21-24, 26-28). Типологически и территориально наиболее близкие аналогии обнаруживаются в раннесрубном погребении 1 кургана 4 Новопавловского могильника в Красноармейском районе Самарской области (Скарбовенко В.А., 1981, рис. 4, 10).

Наличие сруба в одном из погребений Кулатки, также свидетельствует в пользу раннего времени курганов у станции Кулатка. Примечательно, что способ сооружения сруба, когда длинные бревна распирались короткими, полностью совпадает с устройством срубов в погребениях 1 и 2 кургана Дубовый Гай.

Впервые памятники бережновского типа были выделены Н.К. Качаловой (Качалова Н. К., 1978), но со временем этот термин наполнился несколько иным содержанием, так как сама исследовательница позднее отказалась от утверждения о более раннем хронологическом положении бережновских памятников относительно покровских. Но сам термин закрепился в научной литературе. В 1991 году характеристика и хронологическое положение бережновских памятников были дополнены и уточнены Е.П. Мыськовым, который обосновал синхронность бережновских и покровских погребений (Мыськов Е.П., 1991, с. 145-163).

А.С. Лапшин синхронизирует только поздние покровские погребения с раннесрубными бережновскими на территории степного Волго-Донья. Он считает покровское население пришлым, а хронологическую нишу ранних «классических» покровцев занимали племена криволукской группы (Лапшин А.С., 2004, с. 120-123).

Две группы памятников для раннего этапа срубной культуры выделяется самарскими исследователями: покровские памятники с наследованием абашевских традиций и памятники с полтавкинскими реминисценциями. Вторая группа памятников в степной зоне также называется бережновской или бережновской линией развития (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1993, с. 67-68; Семенова А.П., 2000, с. 157, 161-171). В.В. Отрощенко вообще пишет о существовании двух срубных культур в рамках срубной общности с различной территориальной локализацией – покровской срубной культуре и бережновско-маевской срубной культуре и не соглашается с А.П. Семеновой

по вопросу выделения второй группы раннесрубных памятников с полтавкинскими реминисценциями (Отрощенко В.В., 2002, с. 175-180).

О принадлежности погребений из курганного могильника Мокрое 2 к одной из групп бережновской линии развития, в первую очередь, свидетельствует керамика, в которой нет никаких покровских черт. Для раннесрубной керамики лесостепного Волго-Уралья по наблюдениям О.Д. Мочалова характерны наиболее простые формы: банки средних и малых размеров, горшки со сглаженным ребром и слабопрофилированные горшки (Мочалов О.Д., 2005, с. 127). Именно эти формы представлены в погребениях могильника Мокрое 2. Наиболее выразителен сосуд со сглаженным ребром и елочной орнаментацией по всему тулову (рис. 86, 2), в котором, как уже говорилось, явственно просматриваются реминисценции местной катакомбной керамики. Остальные сосуды находят многочисленные аналогии в раннесрубных комплексах, например, могильнике Кочетное (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, рис. 4, 2, 3, 8; 10, 2, 6; 11, 2, 4, 7).

С другой стороны, остальной инвентарь чаще встречается как раз в покровских погребениях. Костяные наконечники стрел являются достаточно частой находкой в престижных покровских захоронениях, однако они отличаются от трехгранных черешковых наконечников в Мокром. Покровские наконечники из кости – это втульчатые трехгранные и, изредка, черешковые, но ромбовидные в сечении.

В пределах Нижнего Поволжья трехгранный черешковый наконечник представлен всего одним экземпляром из землянки 3 срубного поселения Успенка в Саратовском Заволжье (СОМК, инв. № 1686) (Шишлина Н.И., 1990, с. 23-37). На этом же поселении в одной из приочажных корчаг были найдены различные костяные наконечники стрел и их заготовки, в т.ч. и трехгранная втульчатая. Двумя экземплярами представлены аналогии пулевидному наконечнику – это наконечник из срубного погребения Чербаево 1/3 (Синицын И.В., 1959, с. 42, рис. 2, 1) и пулевидный наконечник из погребения 4 кургана 1 могильника Мессер V. Интересно отметить, что по всем параметрам погребения этого кургана соответствуют раннесрубным бережновским – керамика не имеет покровских черт – это типичные срубные горшки и банки; погребенные ориентированы головами на северо-восток и не смещены к западной стенке, что характерно для покровцев. В погребении 4 вместе с пулевидным наконечником находились бронзовый нож с выделенным перекрестьем и прямоугольным черешком рукояти, слабопрофилированный и баночный сосуды, а также костяная фигурная втулка – деталь рукояти плети (рис. 8, 9-13). Еще одна костяная втулка рукояти плети и два бронзовых наконечника стрел обнаружены в погребении 1 (рис. 8, 3-5) (Лопатин В.А., Четвериков С.И., 2006, с. 24-27, рис. 3). Костяные детали рукоятей плетей и бронзовые стрела являются характерной принадлежностью раннесрубных комплексов.

Ранее пулевидные наконечники стрел чаще всего относились к финалу поздней бронзы (Качалова Н.К., 1985, с. 45). Нахождение пулевидных наконечников уже в двух раннесрубных комплексах – Мессер V (к. 1, п. 4) и Мокрое 2 (к. 3, п. 1) – расширяет их хронологический диапазон бытования. Кроме того, близкие к пулевидным наконечники стрел происходят из раскопок П.Д. Рау в Макаровка (курган G 2, основное погребение 4). Судя по описанию и приведенным рисункам (Синицын И.В., 1947, с. 72-73, 78-79, рис. 51-53), этот комплекс также относится к раннесрубным, так как включает кроме двух наконечников стрел, костяное концевое яблочко стрелы, слабопрофилированный горшок, бронзовый нож с едва намеченным перекрестьем и деталь рукояти плети, которая, несомненно, является ранним хронологическим индикатором для срубной культуры.

Стоит заметить, что полные аналогии костяным трехгранным черешковым и пулевидным наконечникам стрел, а также и трехгранным втульчатым известны среди материалов поселений сабашиновской культуры Украины, стратиграфически занимающих

положение между КМК и белозерскими памятниками (Археология ..., 1985, с. 496-498, рис. 135, 5-7; Березанская С.С. и др., 1986, с. 100-101, 115-116, рис. 29, 14, 18-20).

Фрагмент костяного орнаментированного предмета со сквозным перпендикулярным отверстием из Мокрого 2 (курган 3, погребение 2) (рис. 87, 10) находит аналогии среди близких костяных изделий в памятниках раннего этапа срубной культуры и может определяться как навершие плети-жезла.

Конструктивно полная аналогия (несквозное продольное и сквозное поперечное отверстия) известна из комплекса Приветное кург.1 погр. 1 (по: Цимиданов В.В., 2004, с. 160, рис. 42, 1). Типологически наиболее близкая аналогия происходит из погр. 11 кургана 1 могильника Юбилейное в Херсонской обл. в Украине (Гершкович Я.П., Евдокимов Г.Л., 1982, с. 228-230, рис. 2). Здесь также имеется поперечное отверстие, выше и ниже которого проходят два ободка (в Мокром они подчеркнуты двумя парами кольцевых линий), а нижняя часть орнаментирована меандровидными фигурами. Авторы публикации однозначно не только определяют возраст (в рамках срубной культуры), но и считают данные предметы датирующими (Гершкович Я.П., Евдокимов Г.Л., 1982, с. 231).

В хронологической схеме В.В.Отрощенко аналогичные предметы также отнесены к первому этапу развития срубной культуры (Отрощенко В.В., 2001, с. 277, рис. 31; он же, 2003, с. 82, рис. 3, 49, 50). Особо отмечено, что в 18 погребениях с «жезлами» встречены предметы вооружения (на территории Поволжья и Среднего Подонья), которые маркируют наиболее ранний пласт срубных погребений (Отрощенко В.В., 1993, с. 105-106). Несмотря на то, что в Мокром навершие жезла и наконечники стрел происходят из разных погребений, все отмеченные особенности вполне применимы и к ним, так как погребения относятся к одному культурно-хронологическому комплексу: они все основные, а курганы увязываются в единый комплекс особенностями их топографии, одинаковым расположением погребений под насыпями и идентичным погребальным обрядом.

Одним из наиболее ярких примеров бережновской линии развития из ставших известных за последние годы исследований является курган на р.Мокрая Песковатка (юг Саратовского Правобережья). Здесь, по мнению авторов исследования, погребения 3 и 4 из этого кургана относятся к периоду «нивелировки последних покровских традиций в развитии местного гончарства», а погребения 6, 9, 10, 11 совершены немного позднее и характеризуются уже чисто срубными показателями. Авторы отмечают катакомбные (среднебронзовые) реминисценции на сосуде из погребения 2, в котором также найдена ромбовидная костяная пряжка, занимающая наиболее раннюю позицию в срубных древностях. О раннем времени свидетельствует и втулка из погребения 9, украшенная орнаментом, типичным для дисковидных псалиев. Время формирования могильника, перекрытого затем насыпью, составляет не более 100 лет, и он отнесен к концу покровского периода срубной культуры. Хронологические построения авторов, в первую очередь, основаны на практически полном отсутствии покровских признаков в керамике погребений кургана (Лопатин В.А., Четвериков С.И., 2007, с. 118-122). Однако если рассматривать данный комплекс как бережновский, (в которых керамика и не должна иметь покровские черты), то вполне возможно по погребальному инвентарю отнести данные погребения к началу срубной культуры.

Что касается собственно бассейна р.Терешки, то два вышеописанных кургана – у сёл Дубовый Гай и Ново-Яблоновка – добавляют новую информацию к уточнению процесса сложения срубной культуры Нижнего Поволжья, так как дают представление о культурных контактах позднего доно-волжского абашевского и катакомбного населе-

ния¹. Подобные контакты давно отмечены для Подонья (Матвеев Ю.П., 1998, с. 66-75) и в последнее время хорошо документированы для степного Приуралья (Ткачев В.В., 2006а, с. 60-62).

Наиболее детально процесс формирования срубной культуры рассмотрен В.В.Отрощенко. По его мнению, начало процесса было положено в конце первой четверти II тыс. до н.э., когда население средневожской абашевской культуры и катакомбные племена степей Нижнего Поволжья переместились на Южный Урал, где «при их взаимодействии и с участием местного населения и еще каких-то сил возник Южноуральский очаг культурогенеза» (синташтинская археологическая культура). Но в результате конфликта с носителями петровской археологической культуры происходит откат синташтинского населения на запад, в Европу. Здесь абашевское население в зонах леса и лесостепи под воздействием синташтинцев трансформируется в донно-вожскую абашевскую культуру, на основе которой формируется покровская срубная культура. Движущей силой срубного культурогенеза выступает синташтинская военная аристократия. Начало новой культуры связывается с унификацией погребального обряда: скорченное положение умершего на левом боку, северная ориентировка и прямоугольная могильная яма (Отрощенко В.В., 2003, с. 87-88).

Напротив, В.С.Горбунов считает, что нельзя говорить о синташтинском импульсе в формировании срубной культуры. Во-первых, нет никаких материальных свидетельств продвижения племен в западном направлении, а во-вторых синташтинские памятники синхронны раннесрубным, а абашевское население Среднего Поволжья, Южного Приуралья и бассейна Среднего Дона сосуществовало примерно в один и тот же период. Активную роль в формировании срубной культуры отводится абашевскому населению: «именно при активном участии абашевского массива наряду со степными племенами и на Дону и в Приуралье формируются раннесрубные древности». В.С.Горбунов не акцентирует внимания на культурной принадлежности «степных племен» и даже пишет далее, что проблемы же генетических основ формирования археологических культур «... в обозримом будущем, видимо, будут оставаться предметом пристального внимания и разработки в археологической науке» (Горбунов В.С., 2003, с. 99-100).

Для территории Нижнего Поволжья эти «степные племена» очевидно будут представлены памятниками волго-донской катакомбной культуры и посткатакомбными культурными образованиями на их основе (памятники криволукской культурной группы по Р.А.Мимоходу), о чем мы уже писали ранее (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 61-66).

Катакомбные материалы лесостепного Правобережья, происходящие с территории Донской речной системы, известны давно. Особенно сильно банк катакомбных материалов пополнился в последние годы, что видно даже по результатам работ в 2005 года. Несколько менее выразительны материалы средней бронзы в бассейне р.Терешки, но бытование здесь именно катакомбного населения несомненно.

Непосредственно в бассейне Терешки «чистые» катакомбные поселения и погребения пока не известны, но это уже вопрос степени исследованности территории. Во всяком случае в сборах на площади поселения Барановский 1 в районе с.Дубовый Гай встречены фрагменты катакомбной керамики вместе с покровской срубной (Четвериков С.И., 1980). Катакомбная керамика известна еще на, как минимум, семи срубных поселениях по берегам р.Терешки (Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995, с. 53, рис. 1).

¹ Здесь и ранее специально не акцентируется внимание на какую-либо конкретную катакомбную культуру, так как всеми исследователями отмечается чересполосное расселение катакомбного населения различной культурной ориентации в Волжском Правобережье.

Катакомбная керамика имеется на поселении у с.Ст.Яблонка на берегу Волги, близ г.Хвалынска. В размытом культурном слое стоянке также найдена полтавкинская (по определению авторов публикации) и единичные фрагменты вольско-лбищенской и абашевской керамики. По своему внешнему облику, керамика, представленная на иллюстрации в статье, идентична катакомбной, находимой на поселениях Саратовского Правобережья. Впрочем, и сами авторы отмечают отличие керамики от погребальной полтавкинской, объясняя различным функциональным назначением и влиянием среднедонского катакомбного населения (Васильев И.Б., Непочатых В.А., 1997, с. 43-46, рис. 1, 1-18).

Южнее, вдоль правого берега Волги, особенно в районе г.Саратова, то есть там, где местность в археологическом отношении исследована наиболее тщательно, катакомбные памятники встречаются значительно чаще, что особенно хорошо подтвердилось в процессе раскопок 2005-2006 гг., когда были исследованы курган Суворовский 1 и курганный могильник Мессер V с выразительными катакомбными комплексами, представленными в данном издании, а также катакомбный курганный могильник Паницкое 6, исследованный Волжской археологической экспедицией ИА РАН (Мимоход Р.А., 2009, с. 7-40).

Происхождение срубной культуры Поволжья на катакомбно-абашевской основе постулируется уже в течение нескольких десятилетий и постоянно вызывала многочисленные дискуссии, наиболее ярко проявившихся на страницах журнала «Советская археология» в 1990 году (№ 1). По большому счету она касалась степени участия полтавкинского населения в срубном этногенезе. За прошедшие годы в изучении средне-бронзового века были достигнуты большие успехи, позволившие по иному взглянуть на проблему формирования срубной культуры региона. Во-первых было обосновано существование волго-донской катакомбной культуры (Кияшко А.В., 2003, с. 33-35), намечен пласт поздне(пост)катакомбных криволукских памятников (Мимоход Р.А., 2004, с. 108-114) и финальных среднедонских катакомбных в Волго-Донском междуречье (Федосов М.Ю., 2007а, с. 32-35; Он же, 2007б, с. 26-28). Несмотря на споры о культурной принадлежности памятников финала средней бронзы позднекатакомбная основа их несомненна, будь то собственно позднекатакомбные комплексы, памятники с многоваликовой орнаментацией или криволукские и все исследователи указывают на их хронологическое смыкание и частичное сосуществование с ранними покровскими или ДВАК. Во-вторых была обоснована принадлежность полтавкинских памятников к раннему периоду средней бронзы, что сняло вопрос об их участии в культурогенезе срубной культуры (Сухорукова Е.П., 2008, с. 3-21).

В.В.Отрощенко писал о том, что катакомбная и срубная культура хронологически не стыкуется и между ними должен находиться пласт предсрубных памятников, подобных потаповским в Среднем Поволжье. (Отрощенко В.В., 1990, с. 111-112). На этот статус могут претендовать как раз описанные выше комплексы (Дубовый Гай, Широкий Карамыш 2 и, возможно, отчасти Ново-Яблонка) с набором катакомбно-абашевских черт.

Если рассматривать территории к востоку от Волги, то итогом абашевско-катакомбных культурных контактов является образование и синташтинской культуры степного Приуралья. По мнению В.В.Ткачева синташтинская культура Приуралья сложилась в результате контактов лесостепной приуральской абашевской культуры и позднекатакомбной культурной группы, составлявшей северо-восточную периферию катакомбной общности. Катализатором культурогенеза синташтинской культуры явился импульс из среды носителей турбинских металлургических традиций (Ткачев В.В., 2006б, с. 70-96).

Аналогичная картина отмечается исследователями для территории к западу от Волго-Донья – Подонцовья, где срубная культура формировалась на местной основе КМК при участии пришлого доно-волжского абашевского населения (Гершкович Я.П., 2003, с. 122-124).

Совершенно естественно, что идентичные процессы проходили и в лесостепи Волго-Донского междуречья и весьма зримо это проявилось как раз на памятниках бассейна Терешки. Здесь также на южной кромке лесостепи происходит контакт между населением доно-волжской абашевской культуры и населением поздней катакомбной культуры в бассейне Волги. Итогом этих контактов явилось формирование покровских памятников раннего этапа срубной культуры.

Рассматривая материалы эпохи бронзы в бассейне р.Терешки и в частности компоненты сложения срубной культуры, нельзя не остановиться на памятниках вольского (вольско-дбищенского) типа, тем более что эпонимный памятник географически расположен совсем рядом. По сведениям П.Д.Степанова вольская керамика также происходит и непосредственно с берегов р.Терешки – дюнные стоянки в урочище «Столы» у с.Труевская Маза и в урочище «Крутец» между селами Нечаевка и Паршевка (Степанов П.Д., 1956, с. 15-16).

В вопросе хронологии памятников вольско-лбищенского типа пока много неясностей. Предполагалось, что на финале своего бытования они явились одним из компонентов сложения срубной культуры (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985, с. 68). После увеличения источниковой базы, И.Б.Васильев уточнил хронологическое положение вольско-лбищенских материалов – от, возможно, конца эпохи ранней бронзы до позднеабашевско-потаповско-синташтинского хронологического горизонта (Васильев И.Б., 1999, с. 77-78). Дальнейшее развитие вольско-лбищенских памятников в лесостепном Правобережье связано с формированием памятников потаповского и власово-филатовского типов (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 2000, с. 71-72). В.В.Ставицкий связывает появление памятников вольско-лбищенского типа с начальной порой бронзового века (Ставицкий В.В., 2004, с. 18). В.В.Ткачев не исключает участие вольско-лбищенского населения в формировании культур позднего бронзового века (Ткачев В.В., 2007, с. 214). Г.Г.Пятых пишет, что «пока трудно судить и о размерах участия вольской («вольско-лбищенской») культуры» в процессе формирования памятников потаповского типа, хотя и не исключает такую вероятность (Пятых Г.Г., 2004, с. 290).

Однако, несмотря на эпизодически встречаемые на поселениях Волжского Правобережья фрагменты вольско-лбищенской керамики, пока нет свидетельств хронологического смыкания вольских и самых ранних срубных покровского этапа памятников, и участие вольского населения в этногенезе срубного можно только предполагать по аналогии с сопредельными регионами, где, как например в потаповских памятниках, отмечены вольско-лбищенские орнаменты на керамике.

В целом, новые исследованные комплексы показали, что процесс формирования срубной культуры лесостепи Нижнего Поволжья проходил по аналогии с процессами в сопредельных регионах. Происходит постепенный сплав культурных традиций, когда чаще всего на катакомбный погребальный обряд накладывается абашевский погребальный инвентарь, хотя в материальных комплексах зачастую угадываются катакомбные культурные черты. Возможно выделение пласта памятников именно переходного периода, когда еще нельзя говорить о раннесрубном покровском этапе, так как собственно срубного там еще ничего нет. По крайней мере, три кургана из последних лет исследований отвечают этим критериям: Дубовый Гай, Ново-Яблоновка и Широкий Кармыш 2 (курган 4).

Поскольку раннесрубный комплекс формировался из двух основных культурных компонентов, разнесенных географически, логично предположить, что на каком-то эта-

пе формирования в погребальном инвентаре на севере, в лесостепи будут доминировать абашевские черты в погребальной обрядности, а на юге, в степи – катакомбные. Однако пока это прослеживается только в виде тенденции и требует большего количества новых материалов. Например, в Золотой Горе керамический комплекс включает сосуды с явно катакомбными реминисценциями (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 98, рис. 13; 2; с. 103, рис. 18, б). Среди керамики кургана у разъезда Ивановский (20 км юго-западнее Саратова) также есть сосуд (погр. 9) с катакомбными чертами (Лопатин В.А., 2006, с. 308) (рис. 72, 12). Курган 3 в курганной группе Идолга не содержал керамики, но в единственном погребении обнаружен дисковидный псалий, 3 каменных наконечника стрел (2 с прямым основанием и 1 с треугольным черешком) и бронзовый нож, который можно сопоставлять только с катакомбными (Малов Н.М., 2003, с. 219, рис. 13). Аналогичные ножи широко распространены на всем протяжении средней бронзы в Поволжье и Приуралье, но неизвестны в материалах местной срубной культуры.

Однако в самом южном погребении колесничего рубежа средней-поздней бронзы – в кургане у с.Баранниковка на севере Волгоградской области истоки почти всех находок авторы публикации находят в доно-волжской абашевской культуре (Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Литвиненко Р.А., Усачук А.Н., 2004, с. 128-138).

Раннесрубное покровское время в бассейне р. Терешки наиболее показательно представлено это уже упоминавшимся погребением 8 из кургана 2 у с.Медяниково. Здесь уже нет столь ярко выраженных абашевских черт в керамике (Малов Н.М., 2003, с. 218, рис. 12, 1, 2), как в Дубовом Гае, что собственно и характерно для большинства керамики раннего этапа срубной культуры. В значительной части раннесрубных комплексов с псалиями или копьями абашевские черты в керамике уже только угадываются. И если для керамики части «классических» Покровских комплексов (к. 7, п. 2, Ю-В гр.; к. 8, Ю-В гр.) наличие абашевских черт не вызывает сомнений, то для таких комплексов как Покровск, Ю-В гр., к. 15, п.2 и п.3; Березовка, к. 3 черты абашевской культуры выражены не столь очевидно, а такие приводимые признаки как внутреннее ребро и примесь ракушки могут иметь и катакомбное происхождение, что неоднократно отмечалось исследователями.

Раннесрубные комплексы в бассейне р.Терешки далеко не единичны. Это уже упоминавшиеся раскопки В.Д.Орехова и С.А.Щеглова еще в дореволюционное время и исследования советского периода В.А.Фисенко, В.Г.Миронова, Н.М.Малова, М.Г.Кима, А.И.Юдина, С.В.Ляхова. Бассейн р.Терешки насыщен памятниками позднего бронзового века и является практически географическим центром срубной культурно-исторической общности и тем местом, где могли вступать в культурные контакты носители предсрубных культур лесостепи и степи, а также Волги и Дона. Незначительная степень антропогенного воздействия относительно прилегающих к Волге территорий способствовало сохранности памятников. По В.В.Отрощенко это зона покровско-мосоловской срубной культуры (Отрощенко В.В., 2003, с. 73-74).

В целом же, взаимовстречаемость категорий погребального инвентаря в погребениях как покровской, так и бережновской линий развития показывает, что процесс формирования срубной культуры был скоротечен, однако погребальный обряд изменялся плавно, что отражается в различном соотношении количества признаков ДВАК и поздне/посткатакомбных культурных групп в погребениях разных памятников. В хронологическом отношении ориентиром эволюции является постепенное нарастание срубных признаков в погребальном обряде и при этом следует учитывать, что керамический комплекс раннесрубных погребений не обязательно будет включать посуду только покровского типа. В противном случае мы получаем искаженную картину, когда погребения, имеющие материалы узкого хронологического периода, но без покровской керамики, включаются во второй, развитой этап срубной культуры. В лучшем

случае их помещают на рубеже раннего покровского и развитого этапов срубной культуры.

Таким образом, подводя итоги, следует еще раз отметить, что бассейн р. Терешки – регион южной лесостепи, непосредственно контактирующий со степью, т.е. место контакта двух культурных миров. Лесостепь представлена на финале средней бронзы поздними памятниками доно-волжской абашевской культуры. Степной компонент – это население волго-донской катакомбной культуры, поздние среднедонские памятники и посткатакомбные культурные образования (криволукская культурная группа). Не все из перечисленных культурных групп известны непосредственно в бассейне р. Терешки, а расположены несколько южнее и относятся уже к донскому бассейну, но в физико-географическом отношении это одна зона с бассейном р. Терешки.

Хорошо разработанная долина Терешки кардинальным образом отличалась от сильно пересеченных бортов и способствовала перетеканию населения в широтном направлении. К тому же на лесостепном участке Саратовской области это самый крупный приток Волги, тогда как на большей части саратовского и волгоградского Правобережья донская речная система начинается по западному склону Приволжской возвышенности уже в 20-30 км к западу от Волги. К сожалению, памятники археологии вдоль берега Волги практически уничтожены или постоянно уничтожаются водами двух водохранилищ. Например, уже через 10-15 лет после раскопок Хвалыньских энеолитических могильников, площадки, на которых они располагались, были полностью смыты. Бассейн реки Терешки, даже в таком ракурсе остается своеобразным резервуаром памятников различных археологических культур и в, первую очередь, поселений и могильников срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Срубная культура представлена в бассейне р. Терешки, а если шире – в лесостепи Волго-Донского междуречья, в наиболее полном виде – от стадии зарождения до угасания. Ранние памятники есть и восточнее, в заволжских степях, но пока они, по большей части, приурочены к узкой прибрежной зоне с наиболее благоприятными климатическими условиями, близкими к лесостепным.

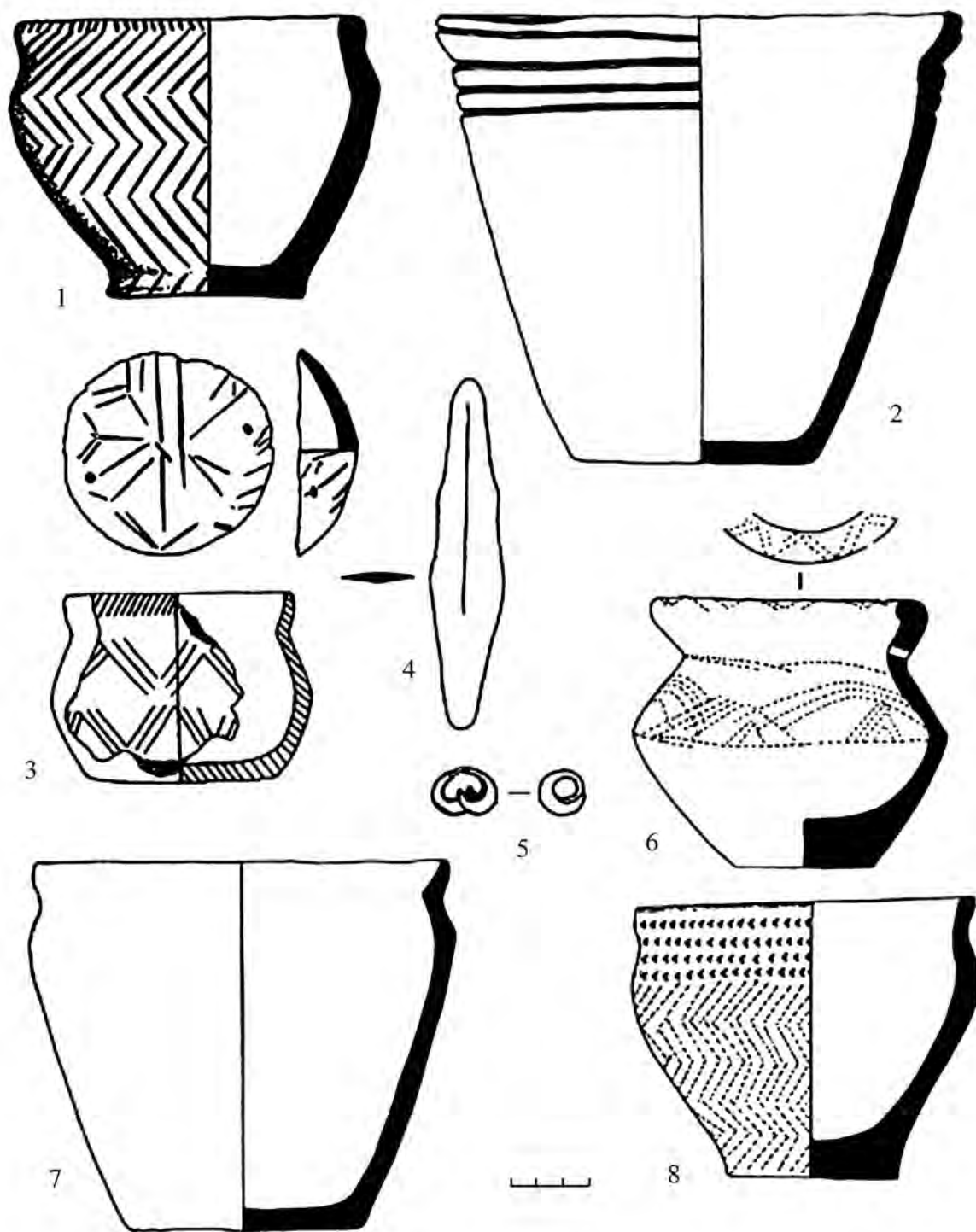

Рис. 85. Широкий Карамыш 2, курган 4. 1, 3-5, 7 – погребение 9; 6 – погребение 6; 8 – тризна 2. 1-3, 6-8 – керамика; 4, 5 - бронза

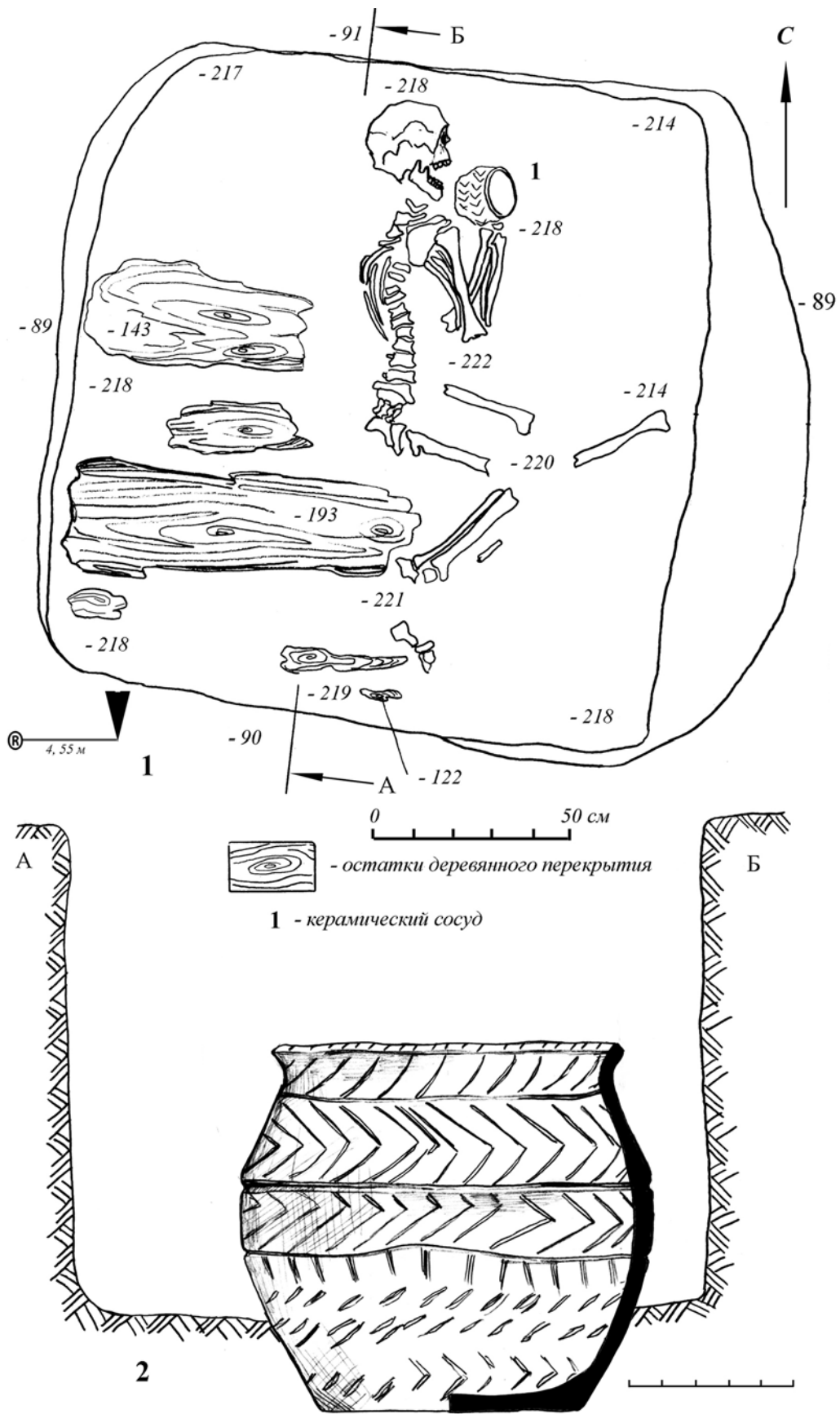

Рис. 86. Мокрое 2. Курган 2. 1 – план и профиль погребения 1; 2 – сосуд из погребения 1.

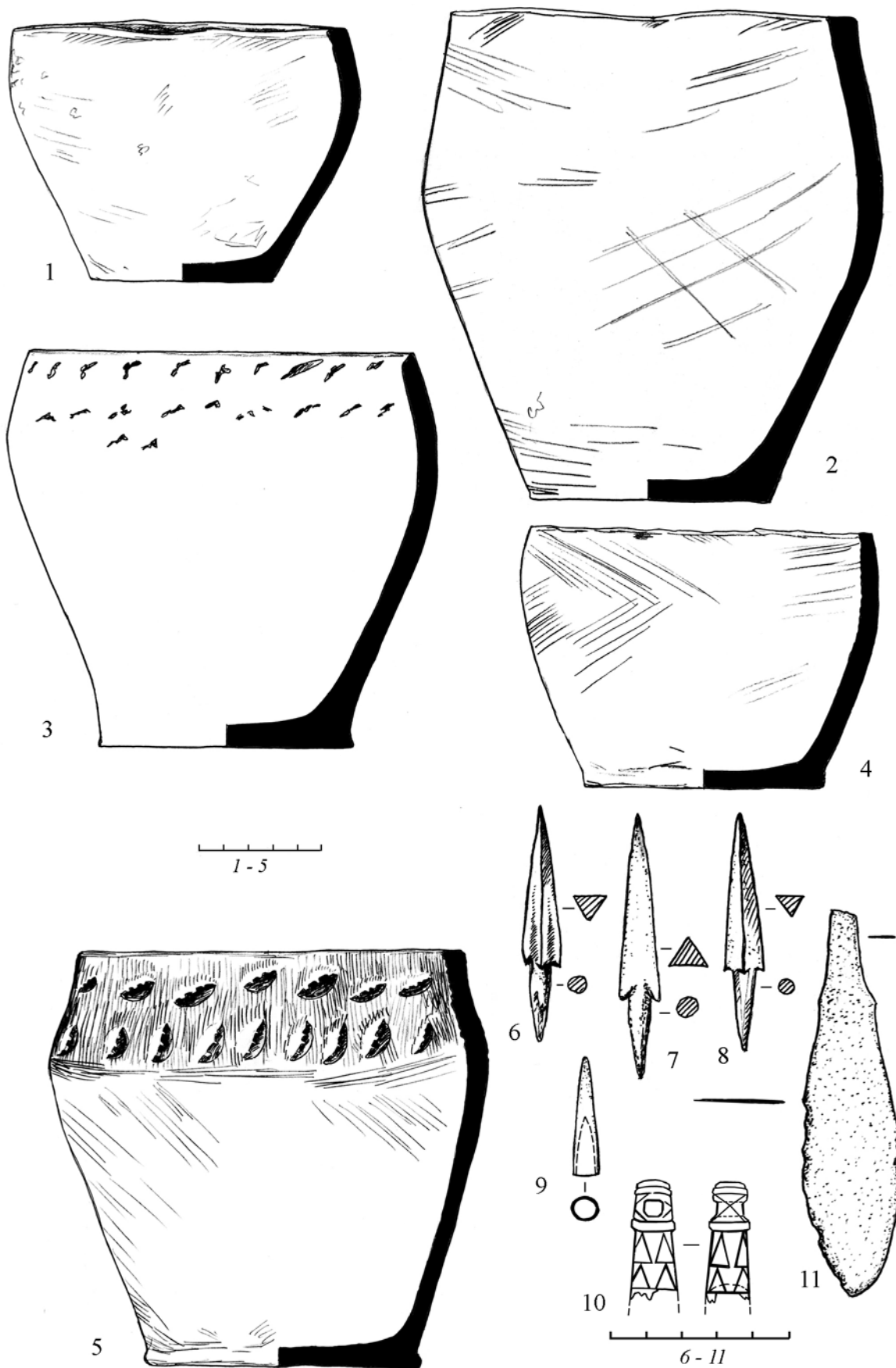

Рис. 87. Мокрое 2. 1, 2 – кург. 3, погр. 1; 3, 4, 6-9, 11 – кург. 3, погр. 3; 5 – кург. 1, погр. 2; 10 – кург. 3, погр. 2. 1-5 – керамика; 6-10 – кость; 11 – бронза

4.2. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СРУБНОГО ОБЩЕСТВА НА ВТОРОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

(по материалам могильника Новопокровка 2)

Социальная структура срубного общества эпохи поздней бронзы уже давно находится в центре внимания исследователей, но единого мнения об уровне социального развития пока нет. Поэтому каждый новый памятник, дающий комплекс относительно одновременных погребений под одной курганной насыпью позволяет уточнить вопросы социального развития срубного населения. Ранее рассматривался погребальный обряд и социальная структура двух раннесрубных памятников – Золотая Гора и Кочетное (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 36-50), а после полевых исследований в 2006 году позднесрубных комплексов из курганной группы Новопокровка 2 появилась возможность сравнить погребальный обряд срубного населения двух этапов развития по единым критериям и определить изменения в социальной структуре.

Социальная структура раннего периода срубной культуры определялась по следующей выборке. Курганная группа Золотая Гора (раскопана полностью) содержала в 6 курганах 52 раннесрубных погребения. В курганной группе Кочетное в 5 срубных курганах исследовано 22 погребения.

В результате анализа все погребения были распределены на четыре группы.

Первая группа погребений. В первую группу попадают четыре погребения, которые имеют особый обряд и особый инвентарь в рамках срубной культуры и, поэтому, названы экстраординарными (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с.43-46).

Все они совершены под индивидуальными насыпями, размеры могильных ям значительно превышают средние размеры и все погребения содержат большое количество инвентаря (два типа ножей, серп, стрекало, деревянную посуду, псалии, костяные вставки от стрел и другие изделия из кости, керамику с признаками, не характерными для срубной культуры), большинство категорий которого никогда не встречаются в других, рядовых погребениях.

Был сделан вывод, что экстраординарные погребения, как по обряду, так и составу погребального инвентаря не вписываются в критерии культурных признаков, применяемых к другим срубным погребениям. Очевидно, погребенные в экстраординарных могилах при жизни имели особый статус в социальной иерархии общества – воинов-колесничих.

Образование субкультуры социальной верхушки общества, впитавшей в себя многочисленные инновации, отразившиеся в погребальном обряде, как показывают остальные памятники Волго-Уральского региона, есть проявление стадийного характера развития общества и характерно для всего блока степных культур этого времени. Причем, как широко известно, на примерах уже письменной эпохи, подобная картина, когда социальная верхушка общества в культурном отношении отличалась от основной

массы населения, есть неперенное условие при формировании новых культурных образований.

Эти погребения – особое проявление дуализма – они отражают существование людей, которые выступили катализатором формирования новой общности, но эта новая общность после своего сложения их отвергла в силу инертности социально-экономического уклада степных скотоводов.

Вторая группа погребений. Особое положение второй группы погребенных в могильниках Золотая Гора и Кочетное подчеркивается только незначительным увеличением размеров могильной ямы и индивидуальной насыпью. Но здесь уже отсутствует инвентарь, характеризующий погребения первой группы, а в керамическом комплексе исчезают позднекатакомбные и «покровские» реминисценции.

Третья группа погребений. Погребения располагались под общей насыпью, рядами, в могилах средних размеров и небогатым погребальным инвентарем. Все погребения – основные.

Четвертая группа погребений. Детские погребения, которые практически всегда сопровождалась сосудами, изредка инвентарем, аналогичным во взрослых погребениях третьей группы. Они также основные, дополняют ряды взрослых погребений или составляют самостоятельные.

Первая группа – экстраординарные погребения – существует в рамках культуры только в ее ранний период, фактически на этапе сложения. Здесь, как, например и в синташтинской культуре, всплеск социальной ранжированности был вызван миграционной активностью населения, вызывавшей военные конфликты (Ткачев В.В., 2007, с. 137). Вторая-четвертая группы погребений отражают существование первобытного общества без значительной социальной дифференциации, где по обряду (но не составу инвентаря) выделяются только захоронения главы рода (вторая группа погребений). Именно погребения второй – четвертой групп, существовавших уже на раннем этапе, с небольшими новациями характеризуют второй этап развития срубного общества.

Погребальный обряд дает возможность отметить эволюционный характер изменения структуры общества. В центральных погребениях кургана обряд и инвентарь могут быть сопоставимы в какой-то части с обрядом и инвентарем предшествующего периода, но в периферийных погребениях всегда раньше проявляются инновации. Эта закономерность проявляется во всех степных культурах бронзы и отмечена для местных памятников уже давно (Дремов И.И., 1997а, с. 57-79). Одним из ярчайших примеров подобного рода является исследованный в 2006 году курган Дубовый Гай. Здесь центральная могильная яма содержала захоронение мужчины с полным набором символов воина-колесничего (рис. 59; 65-70). Оформление могилы, керамика и поза погребенного указывают на его принадлежность к кругу памятников доно-волжской абашевской культуры. В периферийных погребениях была аналогичная керамика, но стенки могильных ям были обложены срубными, а поза и ориентировка уже совпадали со срубными (рис. 60-64).

В 2006 году после раскопок 4 курганов в могильнике Новопокровка 2 в Саратовском лесостепном Правобережье получен комплекс захоронений позднего этапа срубной культуры, позволяющий провести сопоставления с комплексами Золотой Горы и Кочетного. Всего исследовано 52 погребения. Все они основные и имели деревянные перекрытия различной мощности (рис. 18; 33; 36; 43). Обряд захоронения и погребальный инвентарь показывают, что мы имеем дело с одним культурно-хронологическим комплексом, отражающим социальный спектр общества на небольшом хронологическом отрезке. Наблюдения за стратиграфией, планиграфией и расположением выкидов погребений достаточно убедительно подтвердили отнесение всех погребений каждого из курганов к одному хронологическому периоду. Наблюдения за характером насыпей,

способом устройства перекрытий, оформления стенок могильных ям позволили быть уверенными, что и все четыре исследованных кургана были сооружены за короткой хронологический отрезок. Все это представляется принципиально важным в плане дальнейшего анализа погребений.

В погребальном обряде захоронений Новопокровки 2 при появлении новых черт сохранился ряд предшествующих: традиция сооружения деревянных перекрытий, а также больших ям с накатниками, поддержанными матичными балками и столбами в наиболее крупных центральных могилах. Формы могильных ям и способы оформления стенок остаются прежними. Не изменяется поза погребенных с различной степенью скорченности и преобладающая ориентировка в северо-восточный сектор.

В инвентаре преэманентность проявляется в остаточных покровских чертах нескольких сосудов (легкая колоколовидность, грубые расчески на поверхности) (рис. 47, 1-16; 48, 1) и наборе женских головных украшений из бронзы и золота.

Причем такие черты обряда как сложное устройство надмогильного перекрытия, покровские черты в керамике, головные украшения сопутствуют исключительно центральным погребениям в комплексах.

Из новых черт следует отметить значительное уменьшение категорий погребального инвентаря (керамика, женские украшения, шилья), почти полное исчезновение органических подстилок, смену курганной планиграфии (рядность заменяется круговым расположением могил) (рис. 33; 43) и полное отсутствие экстраординарных, резко выделенных по набору богатого погребального инвентаря захоронений.

Корреляция признаков погребального обряда с планиграфией курганов и половозрастными определениями позволила сделать некоторые выводы об изменении социальной структуры общества по сравнению с предшествующим этапом срубной культуры.

Уже давно является установленным и бесспорным факт отсутствия экстраординарных погребений колесничих на втором этапе срубной культуры. Нет таких погребений и в Новопокровке 2.

Правда для более восточных областей процесс поэтапного исчезновения колесниц из алакульской погребальной обрядности объясняется тенденцией снижения трудозатрат на совершение похоронных ритуалов и предполагается, что сами колесницы продолжали использоваться до финала поздней бронзы, однако уже не в качестве маркера особого сословия колесничих (Епимахов А.В., 2004, с. 110-111). Да и наличие, например, в синташтинской культуре особого сословия воинов-колесничих, как впрочем и трех четко разграниченных сословий с жреческой, военной и производственной функциями, вполне обоснованно ставится под сомнение (Нелин Д.В., 1999, с. 56-57).

Для территории Поволжья подобных данных нет и в позднесрубном погребальном обряде «колесничьи» реминисценции не отмечены. Исключение составляет одно погребение с желобчатым псалием из могильника Золотая Нива I (курган 2, погребение 2). Правда, авторами раскопок данное погребение отнесено к раннесрубному периоду, хотя никаких ярких диагностирующих находок в кургане не было, да и само отнесение псалия к погребению находится под вопросом (Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н., 2004, с. 182-183, 193-194). Такой же крупный желобчатый псалий происходит с Ершовского поселения, расположенного на правом берегу Волги, в 7,5 км выше г.Хвалынска. Керамика, собранная в разные годы на Ершовском поселении, представлена фрагментами развитых срубных и ивановских сосудов (Максимов Е.К., 1962, с. 286-287). Так что не исключено использование колесниц до финала бронзы и в Поволжье.

Центральные погребения курганов имеют более скромные как размеры, так и погребальный обряд и вполне сопоставимы со второй группой погребений могильников Золотая Гора и Кочетное. Различия заключаются только в том, что на раннем этапе для

погребений второй группы сооружались отдельные курганы, а на втором этапе эти погребения совершались под общей насыпью, что вероятно и вызвало смену курганной планиграфии.

В каждом из курганов есть два центральных погребения, отличающихся своим устройством, размерами и содержанием погребального инвентаря. Причем они также различаются размерами – одно всегда больше. Остальные погребения располагались полукругом вокруг них в различных секторах.

В одном случае это два мужских погребения: в более крупной яме погребен мужчина 40-50 лет¹, во второй – также мужчина 25-35 лет (кург. 1, погр. 11 и погр. 20) (рис. 18). В кургане 2 в самой крупной могиле (погр. 9) были остатки человека зрелого возраста (судя по инвентарю – мужчина) и в другом захоронении (погр. 6) – женщины 17-25 лет с богатым набором украшений (рис. 33). Аналогичная картина наблюдалась и в кургане 4: в самой крупной могильной яме погребен мужчина 40-50 лет (погр. 7) и во второй крупной могиле – женщина 30-35 с набором украшений (погр. 4) (рис. 43). В третьем кургане в крупной могиле (погр. 6) был погребен мужчина 35-45 лет и ребенок 8-10 лет (погр. 5) с 47 костяными предметами (альчики, суставы, зубы животных) (рис. 36). Во всех случаях в наиболее крупной могиле погребен мужчина.

Относительно распределения инвентаря в этих погребениях наблюдаются следующие закономерности.

Мужские погребения содержали минимум инвентаря (1-2 сосуда) или не имели его вовсе (погр. 7, кург. 4). В женских погребениях единственное отличие от остальных – это наличие бронзовых украшений, в двух случаях плакированных золотом. В кургане 4 погребения 4 комплекс включал 6 бронзовых блях полусферической формы, свыше трех десятков пронизок различной формы и величины. Все они были плакированы золотой фольгой. Вместе с десятками мелких пронизок из бронзовой фольги они составляли солярную композицию (рис. 47, 2-16).

Достаточно редкий комплекс «головных» украшений из женского погребения 4 кургана 4 сразу привлекает внимание. Отдельные элементы украшений, в том числе и с солярными знаками, известны давно (Бережновка I, кург. 25, погр. 6) (Синицын И.В., 1959, с. 86-89, рис. 25, 4, 5), но полные комплекты встречаются редко. Ближайшие аналогии известны из раннесрубного погребения (№ 2) в Белогорском II грунтовой могильнике в Красноармейском районе (Саратовское Правобережье). Здесь комплекс украшений состоял из пяти медных блях толщиной 0,5 мм и диаметром 34-36 мм. Все они украшены различным солярным орнаментом (орнамент совпадает только на двух бляхах) и имеют по четыре пары отверстий для нашивания. Каждая из блях соединена друг с другом тремя бронзовыми реберчатыми пронизками. Бляхи и пронизи составляли единый комплекс украшений (от одного виска к другому через подбородок) и были нашиты на материал, от которого сохранился желтый тлен. Аналогичный тлен охватывал также затылочную часть черепа. Кроме того, были найдены 4 пастовые бусины и круглая бронзовая височная подвеска в 1,5 оборота (Дремов И.И., 1996, с. 110-114, рис. 7, 1-3, 9).

Ближние аналогии по составу украшений обнаруживаются в широко известном погребении 3 кургана 2 у с. Новые Ябалаклы в Башкирии, где впервые был обнаружен именно комплекс украшений в срубном захоронении. Здесь бронзовые украшения также состоят из двух частей – собственно головного убора и нагрудного украшения из круглых блях, но более крупного размера, чем в Новопокровке. Этот комплекс также более выразителен в силу лучшей сохранности. Тонкие круглые бляхи соединены между собой, как и в двух предыдущих случаях, длинными орнаментированными пронизья-

¹ Все определения пола и возраста выполнены А.А.Хохловым (Самарский государственный педагогический университет).

ми. Два предмета из комплекса были обложены золотом, а на круглых бляшках нанесена солярная символика (Горбунов В.С., 1977, с. 155-160).

Яркий набор украшений, обнаруживающий определенные аналогии (по крайней мере, в наборе категорий элементов) и территориально наиболее близкий к бассейну р. Терешки, известен в срубном комплексе из Золотой Нивы II в Среднем Поволжье (курган 1, погребение 4). Погребение было совершено в достаточно крупной могильной яме (1,94x2,24 м) и ориентировано по линии север-юг. В области черепа сохранились остатки шерстяной шапочки. В районе затылка с помощью бронзовых биноклевидных реберчатых пронизок изображен веерообразный знак – одна лежала горизонтально, а еще 8 – веером вокруг неё. Рядом с висками обнаружены 4 и 3 бронзовые подвески свастикиобразной формы, с завитками из спирально закрученной проволоки, являлись частью головного убора. Бляхи-подвески дополнялись реберчатыми биноклевидными пронизками. Здесь, как и в Новопокровке 2, в композиции использован солярный знак. Погребение сопровождалось банкой и горшком срубной культуры (Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н., 2004, с. 187-188).

В Новопокровке 2 наиболее многочисленный инвентарь встречается в женских погребениях, в том числе и с серебряными и золотыми украшениями (кург. 4, погр. 4 и кург. 2, погр. 6). Золотые обкладки на украшениях являются относительно частыми находками в срубных погребениях, а по наблюдениям Н.М.Малова, опубликовавшего наиболее полную подборку золотых и серебряных изделий, золото в погребальном инвентаре не является показателем социальной выделенности, что видно из анализа встречаемости золотых изделий в погребениях эпохи поздней бронзы (Малов Н.М., 2000, с. 42).

Таким образом, можно предполагать, что золото и серебро в погребальных комплексах Новопокровки 2, скорее всего, несут какой-то религиозный смысл.

Возвращаясь к уникальному комплексу женских украшений из погребения 4 кургана 4, следует отметить, что при всех различиях с аналогичными комплексами (I Ново-Ябалаклинский курганный могильник, Белогорский II грунтовой могильник и курганный могильник Золотая Роща II), их объединяет одна деталь – наличие солярной символики, что, несомненно, указывает на определенную близость мировоззрения и духовного мира населения срубной культуры эпохи поздней бронзы. Вкупе со встречающимися солярными знаками на керамике можно предполагать значительную роль культа Солнца в религиозных представлениях срубного населения.

В погребениях родственных петровской и алакульской культур женские украшения представлены накосниками, включающими несколько аналогичных предметов (реберчатые пронизки, круглые бляшки). Исследователи считают, что накосники, исходя из ритуального мира погребальной обрядности имели кроме эстетического, практического значения, еще и символическое, так как некоторые накосные украшения подвергались умышленной порче при помещении в могилу, что означало разрыв умершей с миром живых (Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998, с. 37). На основании изучения этнографических традиций в плане головных уборов женщин Поволжья, Урала и Центральной Азии устанавливается, что накосники определяют социальное положение женщины в обществе и на первое место ставится ее семейно-брачное положение (Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998, с. 48-57).

Центральные погребения отчленяются от остальных только своим расположением, размерами и количеством украшений в женских могилах, а также уже отмеченной некоторой архаичностью в деталях могилы и инвентаря.

Остальной массив распределяется только по половозрастным признакам и усмотреть здесь социальные различия весьма проблематично. Взрослые захоронения составляют около 25 %.

Мясная пища, наличие которой интерпретируется как принадлежность к определенному слою общества, встречена в двух взрослых и двух детских погребениях. Орудия труда – 2 шила и игла – найдены во взрослом и двух детских погребениях. А.Т.Синюк отмечает, что в эпоху бронзы такая категория погребального инвентаря как шилья сопутствует наиболее престижным подкурганам захоронениям ряда культур. В шило вкладывался особый символично-культовый смысл, но это было характерно для раннего и развитого этапов бронзы. Но в позднем бронзовом веке особая значимость шильев в культовой обрядности уже не фиксируется (Синюк А.Т., 1996, с. 300-301). И действительно, из трех случаев обнаружения шильев в новопокровских курганах только одно разрушенное погребение (Новопокровка 1, к. 1, п. 3) с рукояткой от шила (рис. 17, б) отличалось своими более крупными размерами (2,1x1,75 м). В двух других случаях шилья обнаружены в рядовых могилах Новопокровки 2 под головами умерших: в погр. 9, кург. 1 был погребен мужчина 25 лет (рис. 25, 1, 3) и в погр. 3, кург. 2 – ребенок около 2 лет (рис. 32, 10).

Комплексы из астрагалов овцы и КРС, путовых костей лошади встречены в 6 погребениях. В большинстве случаев это наборы предметов, включающие кроме астрагалов (до 90 экз.) костяные трубочки (от одной до пяти), зубы животных, створку ископаемой раковины *Gryphaea vesicularis*, кремневый отщеп, керамическое «колесико» (рис. 21, 1-9; 22, 1-12; 31, 1, 4; 38, 2-5; 39, 3; 40, 1-5; 44, 2; 48, 2, 3; 49, 1-5). Судя по их расположению в могилах, они были явно уложены в мешочки и во всех случаях астрагалы были положены с детьми от 4-5 до 11-12 лет. Ничем иным погребения с альчиками (бабками, астрагалами) не выделялись из остального ряда погребений. Состав инвентаря в погребениях с астрагалами представлен в следующей таблице:

№ п/п	Кург./ погр.	Возраст	Керамика	Астрагалы	Другой инвентарь
1	1/3	8 лет	2 сосуда	24 таранные кости КРС, 4 таранных кости свиньи, 39 таранных костей МРС, 1 астрагал-позвонок	5 трубочек – флейта, передний зуб животного, кремневый отщеп, керамическое колесико
2	1/22	10-12 лет	2 сосуда	11 путовых костей лошади (фаланга I), 8 путовых костей лошади (фаланга II), 8 астрагалов КРС, 17 фаланг I и II МРС, 1 астрагал МРС	1 костяное пряслице
3	3/3	4-5 лет	2 сосуда	5 астрагалов МРС	
4	3/4	6-7 лет	1 сосуд	7 таранных костей КРС, 7 таранных костей свиньи, 23 астрагала МРС	
5	3/5	8-10 лет	1 сосуд	7 таранных костей КРС, 8 астрагалов свиньи, 26 астрагалов МРС, 2 таранных кости лошади	4 зуба коровы
6	4/5	8 лет	1 сосуд	14 астрагалов свиньи, 73 целых и обломки 4-6 астрагалов МРС	Костяная трубочка, створка раковины <i>Gryphaea vesicularis</i>

Подобным комплексам при определении социальной структуры древних обществ обычно придается большое значение. В научной литературе существует два основных мнения относительно символики астрагалов в погребениях. Предполагается, что они являлись индикаторами захоронений служителей культа (Ковалева И.Ф., 1990, с. 66-69; Цимиданов В.В., Чаур Н.А., 1997, с. 59-60; Цимиданов В.В., 2004, с. 78-80). Согласно

другой точке зрения, астрагалы являются детскими игрушками или предметами игры в кости (Яровой Е.В., 1985, с. 79; Санжаров С.Н., 1988, с. 153).

Рассмотрим обе точки зрения через призму находок в Новопокровке.

Традиция помещать астрагалы в погребения на территории Нижнего Поволжья прослеживается еще с ямного времени. В детском погребении 2 кургана 80 могильника Бережновка II найдено 16 бараньих альчиков в красной охре (Синицын И.В., 1960, с. 79). Но обычно в ямных погребениях встречается один астрагал, например, в Ольховке, кург. 4, погр. 5 во взрослом погребении, где другой инвентарь отсутствовал (Сергацков И.В. и др., 2006а, с. 228).

По данным Е.В.Яровой, в ямных погребениях Днестровско-Прутского междуречья астрагалы, как и другие предметы из кости, встречаются редко и только по одному экземпляру. Причем, в четырех случаях из пяти они найдены в детских погребениях, а в одном – в кенотафе (Яровой Е.В., 1985, с. 79).

Эта традиция была известна и в других синхронных культурах Волго-Донского региона. Например, в детском погребении (кург. 4, погр. 9) майкопской культуры могильника Антонов I на Дону обнаружен комплекс из 31 астрагала (Мамонтов В.И., 1994, с. 34). Погребение основное, другой инвентарь – один красноглиняный сосуд.

В эпоху средней бронзы в Заволжье также нередки случаи захоронений с альчиками и чаще всего это детские погребения. В детском парном (10 и 12 лет) погребении 4 кургана 29 могильника Бережновка II найдено 6 альчиков (Синицын И.В., 1960, с. 49). 12 астрагалов найдено в погребении подростка погребения 1 кургана 15 Быково I. В могиле отмечено наличие золы, найдена каменная подвеска и кремневая пластина (Смирнов К.Ф., 1960, с. 211). Есть упоминание о бараньих астрагалах в детском (8-10 лет) погребении 9 кургана 2 Бережновки II (Синицын И.В., 1959, с. 121-122). В детском катакомбном погребении 1 кургана 1 могильника Шумейка обнаружено 15 астрагалов, один из которых орнаментирован короткими насечками (Юдин А.И., 2007, с. 164-165, рис. 2, 4). Взрослые погребения с астрагалами эпохи средней бронзы в регионе неизвестны.

Аналогичная картина наблюдается и в погребениях средней бронзы Правобережья. В кургане 4 могильника Мессер V в захоронение ребенка 7-8 лет (погр. 1) сопровождалось в числе прочего 11 альчиками барана, шариком из охры и пястной костью теленка со сквозным отверстием (рис. 11, 2).

В могильнике Петрунино II (Камышинский р-н), курган 4, погр. 2. исследовано детское погребение (5 лет) предкавказской культуры, которое содержало жаровню, 15 костяных колец и 11 бараньих альчиков (Сергацков И.В., 1999, с. 7). Еще в одном погребении средней бронзы (Подгорное, кург. 5, погр. 4) у г. Михайловка был похоронен ребенок 8-9 лет, сопровождаемый сосудом и набором 26 альчиков (Мамонтов В.И., 1999, с. 55). В погребении ребенка 6-7 лет в Ольховке I кроме сосуда находились каменный пест и 2 альчика (Сергацков И.В. и др., 2006 а, с. 226-227).

И даже если погребение коллективное, то астрагалы всегда располагаются рядом с ребенком. В коллективном захоронении погребения 5 (7 человек) в кургане 7 могильника Линево среди прочего многочисленного инвентаря найдено 47 овечьих альчиков, уложенных в ногах ребенка (Сергацков И.В. и др., 2006, с. 43-44). В парном погребении 5 (женщина и ребенок) кургана 8 того же могильника около полутора десятка овечьих альчиков лежали двумя кучками у колен и перед лицом ребенка (Сергацков И.В. и др., 2006, с. 46). В коллективном захоронении могильника Заречное (курган 1, погребение 10) в Восточной Украине, было обнаружено 4 скелета, но 14 астрагалов были положены рядом с подростком. Автор публикации отмечает, что погребения с костяными пронизками и астрагалами всегда мужские, а последние – характерная игральная принадлежность детей и подростков (Братченко С.Н., 2003, с. 162, 164, 218-219, рис. 2, 5).

Следует подчеркнуть, что в эпоху средней бронзы астрагалы-альчики встречаются только в погребениях детей и подростков. Исключением является погребение 2 в кургане 2 могильника Ольховка, где взрослый человек сопровождался альчиком. Но здесь неоднозначна стратиграфическая ситуация: авторы раскопок предполагают, что погребение являлось вторичным и представляло собой выкладку скелета. Между тем в заполнении погребения встречено несколько костей ребенка (Сергацков И.В. и др., 2006, с. 224). В третьем погребении из того же кургана также найден альчик, но скелет человека был разрушен и в публикации его возраст не приводится. В кургане 3 детское погребение (6-7 лет) сопровождалось двумя альчиками (Сергацков И.В. и др., 2006, с. 226-227).

На Нижнем Дону астрагалы также являются принадлежностью детских погребений. Например, в катакомбных погребениях кургана 3 могильника Мокрый Волчек 1 известно от 2-3 астрагалов (погр. 5 и 7) до 47 (погр. 8). Причем в последнем случае 7 астрагалов подвергались дополнительной обработке (Прокофьев Р.В., 2002, с. 117-125).

В первую очередь обращает на себя внимание возраст погребенных с астрагалами. Это исключительно дети от 4-5 до 10-12 лет. Если посмотреть на аналогичные срубные комплексы с астрагалами в нижневолжском регионе, то обнаруживается такая же тенденция: практически все погребения со значительным количеством астрагалов (от 5 и более) – детские или подростков.

Например, в раннесрубном погребении 20 из кургана 5 Золотой Горы был погребен подросток с 56 астрагалами (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 31); в погребении 1 кургана 1 Ровненского могильника также погребен подросток с 12 «фаланговыми костями коровы» и 25 астрагалами овцы (Синицын И.В., 1966, с. 25, 28, рис. 4, 1); в раннесрубном кургане на р.Песковатка пять бараньих астрагалов встречены в погребении (№ 10) подростка (Лопатин В.А., Четвериков С.И., 2007, с. 116). В кургане Дубовый Гай, описанном в разделе 2.4., восемь астрагалов найдены в погребении подростка (рис. 60). В бассейне р.Терешки также известны два раннесрубных погребения с астрагалами в курганном могильнике Кулатка. В погребении 5 кургана 2 захоронение подростка сопровождалось сосудом, костяным орнаментированным кольцом (деталь плети?) и 122 астрагалами МРС, четыре из которых имели обработанные боковые стороны. Вторая могила (курган 3, погребение 1) содержала скелет взрослого человека и выделялась своей неординарностью. На дно могилы был опущен одновенцовый сруб. Здесь также найдено орнаментированное костяное кольцо, короткошейный неорнаментированный сосуд, кубковидный сосуд, полностью покрытый геометрическим орнаментом и более двух десятков астрагалов МРС. (Ляхов С.В., 2009, с. 25-26).

Относительно возраста погребенных с астрагалами в срубной культуре наиболее показательным будет анализ массива срубных погребений степного Волго-Уральского междуречья. К началу 90-х годов прошлого века здесь было учтено 1010 срубных погребения: сведения о 562 представлены в своде памятников срубной культуры (Памятники..., 1993, с. 20-63) и еще 448 погребения исследовано Сталинградской экспедицией (Синицын И.В., 1959; он же, 1960; Смирнов К.Ф., 1959; он же, 1960; Шилов В.П., 1959; он же, 1975).

В 49 случаях есть указания на содержание астрагалов барана, коровы и путовых костей лошади в погребениях. В 45 случаях определяется возраст погребенных. Из этого количества к погребениям детей и подростков относятся 36 захоронений, а взрослых всего 9 или 20%. Особо следует отметить, что взрослые погребения содержат один-два астрагала и только в одном случае (Новоникольский II, дюна 2, погр. 18) в женском погребении найдено 10 бараньих астрагалов, 1 коровий и кусок мела (Шилов В.П., 1975, с. 38, рис. 29, 1).

К сожалению, в описаниях погребений, исследованных в первой половине прошлого века, очень редко указывается количество астрагалов, отмечается только их наличие. Более 5 астрагалов встречено в четырех детских погребениях (8, 22, 35 и ок. 40 экз.). Остальные погребения содержали от 1 до 4 астрагалов. Следует особо подчеркнуть, что погребения ничем не выделялись среди остальных срубных и кроме астрагалов обычно включали еще один сосуд, чаще всего банку.

Погребения взрослых с астрагалами наоборот чаще всего выделяются по какому-нибудь параметру погребального обряда или сопроводительного инвентаря. Например, в эпоху средней бронзы в погребении 7 кургана 5 Второго Власовского могильника на Среднем Дону был захоронен взрослый человек. Здесь найдено 9 астрагалов (5 на дне и 4 в заполнении шахты). Здесь также обнаружены курильница (редкая категория находок в среднедонской катакомбной культуре) и две гадальные кости в форме октаэдра, что указывает на не рядовой характер захоронения (Данченко Е.Л., 2002, с. 51-52). Явно неординарный характер имеет уже упомянутое погребение 1 кургана 3 из Кулатки.

Еще более показателен пример погребений доно-волжской абашевской культуры из кургана Селезни-2. Здесь в престижном захоронении 1 (кенотаф) вместе с набором воина-колесничего (два ножа, стрекало, два псалия, 14 кремневых наконечников стрел, каменная булава и др.) встречена серия астрагалов, двадцать пять из которых лежали кучкой. В аналогичном захоронении 4 с ножом, наконечниками стрел и псалиями встречено два скопления астрагалов. В таком же престижном погребении 3 (псалий, бронзовый наконечник копья) также найдены два астрагала (Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998, с. 9, 18, 23). Авторы исследования отмечают, что астрагалы принадлежат кабану – факт не характерный для погребений этого периода. Предполагается, что подобным образом маркировался высокий социальный статус погребенных – ведь охота была уделом знати. К сожалению, во всех трех случаях мы имеем дело с кенотафами, но характерный набор погребального инвентаря все же предполагает символические захоронения взрослых воинов, хотя, например в синхронной синташтинской культуре известны и исключения, когда с набором воина-колесничего были погребены две женщины и ребенок (Ткачев В.В., 2004, с. 27).

В сводке срубных погребений с астрагалами (альчиками), приводимой И.Ф.Ковалёвой для Орельско-Самарского междуречья и Днепровского Надпорожья, из 16 погребений детских всего 3. Причем два захоронения содержали по 1 астрагалу, а третье – 4. Во взрослых погребениях обнаружено от 1 (2 погр.) до 161 астрагала. Также встречено по 2, 3 (2 погр.), 4, 7, 8, 10, 14, 70 и 77 астрагалов. Все астрагалы обработаны пришлифовкой, в двух случаях сопровождаются каменными или костяными «фишками» (Ковалёва И.Ф., 1990, с. 62-63). Отмечается социальная выделенность части этих погребений, а в самих погребенных автор видит «профессиональных гадателей, сопричастных культу и обслуживавшим его жрецам» (Ковалёва И.Ф., 1990, с. 69). Но следует обратить внимание, что в данном случае все астрагалы обработаны, что в срубных погребениях Нижнего Поволжья является исключением. В Волго-Уральском междуречье из более чем тысячи срубных погребений обработанные астрагалы известны всего в одном (Ченин, кург. 8, погр. 1).

Все вышеперечисленные срубные погребения из Новопокровки 2 имеют исключительно рядовой характер по всем параметрам. Эти погребения никак не выделяются планиграфически, параметры могильных ям соответствуют традиционным для данной половозрастной группы, инвентарь вне комплекса астрагалов – обычные один-два керамических сосуда. Выделяются эти погребения по одному признаку – наличию совокупности астрагалов с некоторыми другими категориями погребального инвентаря (пряслице, трубочки и др.). Они всегда залегают совместно, четко локализуясь в определенной части дна могильной ямы. Как минимум в двух случаях (к.3, п. 4 и к. 4, п. 5),

можно с уверенностью утверждать, что астрагалы в момент погребения были помещены в мешочки либо чем-то плотно обернуты (рис. 21, 1; 44, 2). Предметы залежали несколькими слоями в виде овала настолько плотно, что это можно сделать только внутри какого-нибудь объема. Это, несомненно, свидетельствует, что в смысловом отношении астрагалы и сопровождавшие их артефакты, по меньшей мере, в момент совершения погребения воспринимались как единое целое.

Связать уложенные в кучки астрагалы с жертвенниками вряд ли будет возможно. Срубные жертвенники на поселениях известны достаточно хорошо. Из трех выделенных типов, нас интересуют жертвенники алтарного типа. Но они имеют более крупные размеры. В срубных жертвенниках алтарного типа на поселениях скопления костей имеют другую специфику – обычно это уложенные в геометрическую форму (прямоугольник, квадрат) кости практически всех частей животных (Мимоход Р.А., 2000, с. 86-93).

Сами астрагалы мало что могут нам сказать без контекста их обнаружения. Рассмотрим остальные предметы из комплексов с астрагалами в Новопокровке 2.

В комплексе с двумя остросереберными сосудами и астрагалами (кург. 1, погр. 22) найдено костяное изделие со сквозным отверстием из головки от длинной кости животного (рис. 22, 12; 31, 4).

В памятниках абашевской культуры Подонья и покровских комплексах Поволжья аналогичные предметы интерпретируются как пряслица, несмотря на то, что они встречались не только в женских, но и в мужских и воинских погребениях (Матвеев Ю.П., Добрынин А.В., 2003, с. 148-152). На срубном Мосоловском поселении несколько пряслиц практически полностью идентичны новопокровскому (Пряхин А.Д., 1996, с. 115, 116, рис. 75, 3, 6). В степном Заволжье костяные пряслица встречаются как в раннесрубных комплексах, так и среди материалов второго этапа срубной культуры (Памятники..., 1993, табл. 1, 28; табл. 4, 18; табл. 26, 33). Такие пряслица известны в срубных материалах Средней Волги (Седова М.С., 2000, с. 228, рис. 2, 1, 2), а в Украине они чаще всего встречаются на поселениях, расположенных в лесной и лесостепной зонах (Ремесло..., 1994, с. 157-158, рис. 47, 9-11). Близкие по морфологическим признакам изделия из погребений синташтинской культуры также интерпретируются как пряслица (Ткачев В.В., 2007, с. 194). Таким образом, обнаружение костяного пряслица в Новопокровке 2 в комплексе с астрагалами позволяет предполагать какую-либо другую функцию этого предмета.

В погребении 3 кургана 1 в комплексе с астрагалами встречено глиняное колесико (рис. 21, 8; 22, 5). Среди подобных изделий проводится четкая градация. На Мосоловском поселении большая часть подобных предметов (с утолщением-втулкой в районе отверстия или с утолщениями по бортам) интерпретируется не как пряслица, а как глиняные модели колес (Пряхин, 1996, с. 98-100, рис. 61, 62). Подобные предметы с поселения Сухая Мечетка IV также рассматриваются как модели, символы колес повозок или колесниц (Мыськов Е.П., Лапшин А.С., 2007, с. 26, рис. 31, 1, 4). Нахождение двух категорий предметов – костяного пряслица и колесика – среди астрагалов представляется не случайным и позволяет предполагать какую-то их функциональную связь.

В погребении 5 кургана 4 комплекс с астрагалами включал еще одну редкую категорию находок – створку ископаемой раковины *Gryphaea vesicularis* (рис. 48, 3; 49, 4). Створки ископаемых раковин *Gryphaea vesicularis* находят в погребальном инвентаре начиная с позднеямного времени, например, аналогичная ископаемая раковина известна в ямном погребении Увакского могильника в Приуралье, где она обнаружена в засыпке и являлась единственным предметом погребального инвентаря (Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994, с. 39). Наиболее часто *Gryphaea vesicularis* встречаются в катакомбных захоронениях с кремнеобрабатывающими комплексами. Пять ископаемых ра-

ковин известно в погребении мастера по изготовлению стрел в Новой Квасниковке в Заволжье (Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989, с. 133). Функциональная их принадлежность определяется весьма широко: обычные ложки, деревообрабатывающие инструменты, отжимники или ёмкости для вымачивания кремнёвых отщепов перед обработкой (Санжаров С.Н., 2008, с. 41-43). Обнаружение *Gryphaea vesicularis* в срубном погребении в комплекте с астрагалами расширяет их функциональное назначение.

В погребении 3 кургана 1 вместе с набором астрагалов найдены 5 трубочек различной длины из костей птицы (рис. 21, 2-6). Впервые подобная находка была обнаружена И.В.Синициным в Заволжье. Это – древнейшая восьмиствольная флейта, типа «флейты Пана» найдена в ямном погребении 3 кургана 5 у с.Скатовка. Здесь флейта представлена в наиболее полном виде – из восьми птичьих ножных костей, варьировавшихся по длине в интервале 12-2,7 см (Синицын И.В., 1959, с. 162-163, рис. 56, 6). Позднее стали известны и более ранняя четырехствольная флейта в погребении 21 Хлопковского энеолитического могильника хвалынской культуры (Малов Н.М., 2008, с. 88, рис. 21, 6). Вероятно, именно с хвалынским населением следует связывать традицию помещения флейт в могилы в последующее время.

Всего флейт известно не более дюжины и все они относятся к ямно-катакомбному пласту памятников. Сводку этих находок и их подробную интерпретацию приводит А.Т.Синюк. По его наблюдениям эти музыкальные инструменты всегда находились в неординарных погребениях и служат надежным индикатором для отнесения умерших к служителям культа. Затем эти предметы в более позднее время стали заменяться в погребениях «какими-либо более условными категориями обрядности», что привело к отсутствию флейт у более поздних степных скотоводов (Синюк А.Т., 1989, с. 61-64; он же, 1996, с. 294-297). В таком случае, «флейта» из Новопокровки или не является таковой, или это пережиточное явление, анахронизм, когда первоначальное предназначение было забыто. При этом следует еще раз подчеркнуть возраст погребенного в погребении 3 кургана 1 – 8 лет – и совершенно рядовой погребальный обряд. Впрочем, позднее было высказано мнение, что к данной категории предметов можно отнести и отдельные трубочки (Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001, с. 64). Если согласиться с этим положением, то тогда круг погребений с «флейтами» значительно расширяется, так как отдельные трубочки достаточно часто встречаются в срубных захоронениях, в том числе и в одном из описанных выше комплексов Новопокровки 2 – курган 4, погребение 5 (рис. 48, 2; 49, 3). Следует еще отметить, что известна находка флейты в ямном детском захоронении (Зимогорье, к. 1., п. 1), которое хотя и являлось основным в кургане, но неординарностью не отличалось, и кроме пяти костяных трубочек, содержало только еще несколько копыт овцы (Пыслару И., Самойленко В.Г., 2010, с. 61-62, рис. 16). Последняя из подобных «флейт Пана» найдена в одном из женских (20-25 лет) погребений средней бронзы на территории некрополя Нижне-Гниловского городища на Нижнем Дону. Здесь обнаружено 6 трубочек различной длины из костей птицы (Прохорова Т.А., 2004, с. 66, рис. 2, 7).

Зубы коровы (рис. 40, 5), найденные вместе с астрагалами в погребении 5 кургана 3 Новопокровки 2, в качестве сопроводительного инвентаря в срубных погребениях не являются обычной категорией. Применительно к данному комплексу астрагалов и учитывая их значительно больший вес относительно последних, можно предполагать их использование в качестве биты при игре в «бабки». Вероятно, подобное предназначение имели и некоторые другие предметы из комплексов с астрагалами. Какие же факты позволяют предполагать комплексы астрагалов в качестве именно игровых принадлежностей?

Стандартность формы астрагалов привлекала внимание человека с древности. Случаи их использования в качестве предметов гадания или игры неоднократно описа-

ны в научной литературе. На территории Нижнего Поволжья использование астрагалов известно с позднего неолита. В слое 2А позднего неолита (кон. VI - нач. V тыс. до н.э.) Варфоломеевской стоянки астрагалы обнаружены в яме (жертвеннике?) вместе с передними зубами лошади, развалом сосуда, кремневыми чешуйками, крупной бабкой и расколотой трубчатой костью с обработанным концом. Причем астрагалы, зубы и чешуйки залегали в отдельных кучках (Юдин А.И., 2004, с. 166, рис. 95, 2, 2а).

Предметы, применявшиеся в азартных играх известны в Египте с середины IV тыс. до н.э. На камнях и керамике изображены люди, кидающие бабки и использующие счетные доски для подсчета результатов. Также известны многочисленные письменные источники об использовании астрагалов для игры и гаданий в Древней Греции и Римской империи. Шестигранные игральные кости первоначально вырезались из бабок, но затем более стандартные кости изготавливались из керамики и дерева. Высказываются предположения, что бабки, игральные кости могли использоваться не только для азартных игр, но и предсказания будущего, гадания или ворожбы. Однако чаще всего в исторических источниках они упоминаются именно как атрибуты игры. Многочисленны упоминания об азартных играх в кости в Ригведе и Махабхарате.

Американский антрополог А.Л.Кребер пытался определить связь азартных игр с другими особенностями культуры того или иного народа и не смог найти никаких жестких связей с чертами экономики, системы благосостояния или видом религии. Позднее антрополог Джон Роберте высказал предположение, что игры выражают основные идеи и направления той или иной культуры и являются моделями различных видов культурной деятельности. Они могут моделировать битву, охоту, преследование и т.д. (Игорный..., 1994).

Собственно говоря, и в современном обществе обучение детей наиболее эффективно посредством игр, особенно в младшем возрасте.

На территории Юго-Восточной Европы о традиции игры в бабки в постбронзовое время свидетельствуют их находки в погребениях последующих эпох. Например, весьма выразительный комплекс происходит из погребения 1 кургана 4 могильника Рясные могилы на окраине г.Шахты в Донецкой области. Погребение ребенка 4-6 лет в числе прочего сопроводительного инвентаря содержало 19 астрагалов, 10 из которых имеют процарапанные символы. Захоронение половецкое, золотоордынское времени (XIII-XIV вв.) (Санжаров С.Н. и др., 2003, с. 143-148, рис. 17, 1-10).

Традиция игры в бабки была распространена в Древней Руси (Сергеева М.С., 2002, с. 50-58). Российский собиратель фольклора И.П.Сахаров писал, что в русской семейной жизни (середина XIX века) игра в бабки занимает самое почетное место, существовала повсеместно и приводит ряд игр в бабки: «кон за кон», «плоцки», «об стенку», «у кону», «городок» и многие другие (Сахаров И.П., 1849).

Художественное, но этнографически точное описание игры в бабки в первой половине прошлого века в русских деревнях приводит классик русской литературы Виктор Астафьев, вспоминая свои детские годы (Астафьев В.П., 1992, с. 196-212). Совершенно очевидно, что игра в бабки имеет глубокие культурные корни, практиковалась среди многих народов, в том числе проживавших и в Нижнем Поволжье. Ввиду простоты и доступности игрового набора – мелкие надкопытные кости овцы и несколько таких же костей крупных животных, использовавшихся в качестве битков – игра в бабки, возникшая в нашем регионе вероятно еще в позднем неолите, просуществовала практически до современности.

Подведем итоги вышесказанному о погребениях с астрагалами Новопокровки 2.

1. Погребения с большим количеством астрагалов (альчиков, бабок) чаще всего включают и находки более крупные и тяжелые (таранные и путовые кости коровы и лошади, зубы коровы, ископаемые раковины, пряслице, «колесико»). Исходя из тради-

ций игры в бабки, аналогичных у многих народов, эти предметы, вероятно, следует считать битами или битками.

2. С наборами астрагалов погребены только дети и подростки.

3. Погребальный обряд ничем не отличается от обряда других захоронений могильника.

4. Нахождение ряда предметов вместе с астрагалами пока не может быть объяснено. Это флейта, трубочка, кремневый отщеп, передний зуб животного.

Таким образом, все факты говорят, что альчики или астрагалы в погребениях срубной культуры Нижнего Поволжья являются всего лишь принадлежностью для игры в бабки и вряд ли связаны с культовой практикой.

Сравнивая же комплексы Новопокровки 2 с другими аналогичными наборами погребального инвентаря на протяжении средней и поздней бронзы степей Юго-Востока Европы, можно проследить явственную тенденцию: астрагалы с обработкой и нанесенными числовыми символами встречаются во взрослых погребениях, обычно неординарных, и вполне могут указывать на какой-то социальный статус погребенного (возможно и служителя культа). Астрагалы без обработки, встречаемые в детских погребениях, являются принадлежностями для игры, именуемой в недавнем прошлом «бабки».

* * *

Относительно избыточного инвентаря, который также мог бы указывать на социальную выделенность погребений, можно отметить следующее. Все погребения содержали 1-2 сосуда, в детских захоронениях чаще встречаются два сосуда. Керамики не было только в двух взрослых погребениях, причем одно разрушено землероями, а второе являлось полностью безынвентарным, центральным в кургане и было сооружено в самой крупной могильной яме (кург. 4, погр. 7). Погребение с избыточным инвентарем девочки-подростка 13-14 лет – 4 сосуда и бронзовые браслеты – также ничем более не выделялось среди остальных захоронений (кург. 4, погр. 2).

Отклонения от ориентировок были подчинены планиграфии кургана. Поскольку погребения сооружались по дуге относительно центральных, то крайние южные и северные могильные ямы для образования полукруга были ориентированы по линии запад-восток.

Сложнее обстоит проблема выделения погребений служителей культа. Считается, что они должны быть идентифицированы по каким-то особым признакам погребального обряда. Для раннего этапа обосновывалось совмещение функций служителя культа и вождя, что нашло отражение в обряде экстраординарных погребений (Дремов И.И., 1997б, с. 148-163). В комплексах Золотой Горы и Кочетного выделяется из общего ряда всего одно погребение, совершенное по обряду трупосожжения на стороне. В погребении отсутствовало традиционное бревенчатое перекрытие, а остатки кремации были перекрыты берестяным покрывалом. Погребение сопровождалось небольшой деревянной чашей с бронзовой обкладкой (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006, с. 11-12).

В Новопокровке 2 единственным погребением, выделяющимся из общего ряда, но никак не маркированным в плане места расположения и размеров, является правобочное погребение (1 из 3 случаев в данной выборке) без деревянного перекрытия (хотя по углам могилы были сооружены столбовые ямки), которое заменяло покрывало из бересты (кург. 1, погр. 23). Погребение сопровождалось двумя сосудами, в орнаменте которых можно отметить более восточные, андроновские черты, и мясной пищей (ребро животного). Считать ли такие погребения захоронениями служителей культа покажет время и накопление новых материалов. Стоит только заметить, что в данном случае погребение принадлежало ребенку 6-7 лет (рис. 31, 5-7).

Как уже сказано выше, из всего массива погребений выделяется только одна пара погребений, занимающих центральное положение в каждом из курганов, что в принци-

пе и должно быть при родоплеменных отношениях без какого-либо ярко выраженного социального или имущественного неравенства. Говорить о статусах и рангах в позднем срубном обществе в научном отношении было бы не совсем корректно. По крайней мере, на материалах Новопокровки 2.

Близкую картину мы видим и в Дмитриевке. Комплексы, аналогичные Новопокровке 2 были получены при исследовании курганной группы у с.Дмитриевка, расположенного ниже по течению р.Терешки в том же Вольском районе Саратовской области. Здесь в 1978-1979 годах М.Г.Кимом было исследовано 7 курганов в курганной группе из 12 насыпей.

По сведениям М.Г.Кима, было исследовано 58-60 (несколько погребений разрушено) срубных погребений второго периода и одно трупосожжение (Ким М.Г., 1978; Он же, 1979). Под одной насыпью содержалось от 1 до 22 захоронений. Из них взрослых погребений около 36%, остальные – детские и подростков. Планировка погребений под насыпью – круговая.

В принципе в данном памятнике отмечаются практически все те же черты, что и в Новопокровке 2, позволяющие говорить об отсутствии какой-либо существенной социальной стратификации позднесрубного общества.

Ничем не отличался набор инвентаря: керамика, женские украшения из бронзы и золота, бронзовые иголки и шилья с костяными рукоятями. Как и в Новопокровке 2 разные категории инвентаря располагались как в могилах взрослых, так и детей и подростков.

Как правило, погребенные всех возрастов сопровождались двумя керамическими сосудами. Исключения следующие. Два взрослых погребения не сопровождались керамикой (из них одно вообще не содержало инвентаря). В трех погребениях было по 3 сосуда, еще одно погребение содержало 1 сосуд.

В детских захоронениях в двух погребениях обнаружено по 3 сосуда (одно из них парное), и в трех случаях погребения включали по одному сосуду. Одно детское погребение содержало 8 сосудов.

Жертвенная (мясная) пища распределяется следующим образом. Она обнаружена в трех взрослых погребениях (в одном погребении не было другого инвентаря, а в двух других пища сопровождалась двумя сосудами) и в трех погребениях детей и подростков.

Причем общая картина распределения погребального инвентаря всегда одинакова, если мы располагаем информацией со всего могильника. Рассмотрим, например, еще один срубный могильник лесостепного Волго-Донского междуречья – Мирный 3. Курганный могильник Мирный 3 расположен приблизительно в 150 км к западу от Новопокровки 2, в Петровском районе Саратовской области (Захариков А.П., Цыбрий В.В., 2007, с. 94-99). Могильник исследован полностью, в 13 курганах обнаружено 49-50 погребений второго (развитого) этапа срубной культуры. Из них взрослым принадлежат 8 погребений или 16 %, остальные – подростки и дети. Все погребения совершенны по обряду ингумации. Размеры и глубина могильных ям зависят от возраста погребенного. Все погребенные положены на левый бок, скорченно. Кроме одного детского погребения, ориентированного головой на северо-запад, все остальные умершие положены головой на северо-восток или, реже, на север.

Погребальный инвентарь обязательно включает 1-2 лепных глиняных сосуда, как в детских, так и во взрослых погребениях. Исключение составляет одно детское погребение, в котором стояло 3 сосуда. Керамика представлена по большей части банками, округлобокие горшки и острореберные сосуды встречаются редко. Некоторые из сосудов находят прямые аналогии в материалах Новопокровки 2 и Верхней Чернавки (Захариков А.П., Цыбрий В.В., 2007, с. 95, рис. 1).

Остальной инвентарь немногочислен. Это бронзовые желобчатые браслеты и подвески в 1,5 оборота и костяная проколка, а также кости животных – остатки сопроводительной пищи. Анализ распределения этих находок по могилам показал следующее. Браслеты встречены в двух взрослых и двух детских захоронениях, подвески – только в двух детских; костяная проколка – во взрослом захоронении. Кости животных также встречены в двух взрослых погребениях и двух детских. То есть, и в данном случае, при наличии относительно большой выборки мы имеем погребения «ранжированные» только по поло-возрастному принципу.

В целом, существуют две противоположные точки зрения на социальное устройство позднесрубного общества. Согласно одной, это общество, где исчезают все признаки колесничьей аристократии, развитой социальной и имущественной стратификации, а само общество вернулось к идеологии равенства (Бочкарев В.С., 2002, с. 67-68).

Согласно другой, необходимо осторожно относиться к утверждениям о стагнации общества и возобладании «эгалитарной идеологии», так как «в позднесрубное время процессы социального расслоения нарастают, социальная дифференциация достигает значительных масштабов» (Цимиданов В.В., 2004, с. 110). В итоге изучения курганов в Новопокровке 2 получается, что все основные признаки, привлекаемые в качестве определяющих социальный статус и ранг погребенного (Цимиданов В.В., 2004, с. 28-69) здесь «не работают».

В.В.Цимидановым проделана наиболее скрупулезная работа по систематизации и определению статусных и ранговых знаков в погребальном обряде срубного общества на территории Украины, на основании которых делаются выводы о социальной структуре и социальном развитии населения срубной культуры. Подход несомненно правильный и едва ли не единственно возможный по отношению к погребальным комплексам срубной общности. Однако с методологической точки зрения представляется, что более точные выводы будут получены при работе не с массивом погребений, полученных с территории какого-либо региона, а с конкретным комплексом погребений, происходящих из одного памятника и отражающих развитие общества на непродолжительном хронологическом отрезке. В противном случае картина получается усредненной, размытой, на что уже обращалось внимание (Лунькова Ю.В., 2001, с. 339). Ведь как видно на примере Новопокровки 2 и Дмитриевки, расположенными в одном регионе, на расстоянии не более 30 км, между комплексами памятников есть общие черты (например, обязательное наличие деревянных перекрытий и однотипная керамика), так и конкретные, принадлежащие одному памятнику (обязательная органическая подстилка в Дмитриевке). Отсюда и вытекает необходимость более доверять выводам по конкретным комплексам, которые в данном случае окажутся объективнее.

Также следует несколько более критично относиться к признакам, определяющим ранг и статус, для разных территорий срубного общества. Например, предполагается повышенный статус погребенного с мясной пищей. Возможно, это справедливо для территории Украины. В погребениях же Нижнего Поволжья, как показал анализ материалов Золотой Горы и Кочетного, а затем Новопокровки 2 и Дмитриевки мясная пища почти всегда находилась в тех взрослых погребениях, где не было керамики, а также и в других взрослых и детских погребениях.

В комплексе Новопокровки 2 по предложенным В.В.Цимидановым критериям конечно можно распределить погребенных по социальным статусам и рангам, но проблема заключается в том, что в таком случае в курганах не оказывается погребений рядовых членов социума. Если применить все признаки статусов и рангов к 14 взрослым погребениям (крупная могила, особая поза, мясная пища, избыточный и дополнительный инвентарь и т.д.), то «рядовых» погребений остается всего 3 и из них два разрушены, т.е. они также могли иметь какие-либо признаки. Как представляется, равномерное

распределение названных признаков практически по всем погребениям показывает нам общество с минимальной социальной стратификацией и преобладанием эгалитарных отношений. Аналогично и в Дмитриевских курганах – там тоже практически не остается погребений без какого-либо признака, немного выделяющего его из общего ряда.

Тем более, что погребальные комплексы обладают своей спецификой – до нас не дошли все вещественные остатки и погребальный обряд может и не воспроизводить реальную земную жизнь, а являться отражением представлений о загробном мире (Ольховский В.С., 1995, с. 91-97). Сравнивая погребальный обряд ранних и поздних могильников можно только с уверенностью констатировать, что в обществе произошли кардинальные изменения: на втором этапе, оно обрело стабильность, которая выразилась, в том числе и в единстве материальной культуры в степной полосе Восточной Европы.

Подобная проблема дробления массива погребений на разные социальные и профессиональные группы существует и при социореконструкциях по данным погребальных памятников других эпох. В.А.Васютин приводит данные из работы А.В. Кондрашова о результатах изучения социальной организации населения сроскинской культуры на юге Западной Сибири (VIII-XII вв. н.э.), в которой по материалам 486 погребений выделены 7 детских, 5 женских и 27 мужских социальных групп (Васютин С.А., 2006, с. 403). Аналогичная картина получается и при анализе срубных могильников, если за каждым признаком погребального обряда видеть социальную ранжированность. Для выяснения более точной картины С.А.Васютин предлагает многоуровневый анализ, в котором он видит первым пунктом анализ половозрастной и социальной структуры конкретных могильников, а не всего массива погребений. В качестве одного из неизменных условий необходимо выделять хронологические группы. Применительно к эпохе бронзы интересно замечание о том, что по материалам могильников сроскинской культуры выделяются властные, профессиональные и имущественные группы, тогда как в реальной практике кочевых обществ эти социальные роли чаще всего выполняли одни и те же лица (Васютин С.А., 2006, с. 404). Что же тогда говорить о срубном обществе, существовавшем на две с половиной тысячи лет ранее?

Говоря о социальных отношениях в среде населения срубной культуры, нельзя не отметить и еще один вариант погребального обряда – грунтовые могильники. Здесь, как и в курганах, представлены все половозрастные группы. Вероятно, эти погребения были оставлены населением с иным хозяйственно-культурным типом.

Несмотря на благоприятные условия для ведения скотоводства, хозяйственное развитие населения степной зоны имело свою специфику. В северной части степной и лесостепной зонах был невозможен круглогодичный выпас скота из-за высокого уровня снежного покрова зимой. В то же время в южной части степной зоны – в Прикаспии в зимнее время практически не было снега и в этот регион могло перемещаться пастушеское население в наиболее суровые месяцы. Уже давно развивается мысль о зимних перекочевках срубного населения, при этом какая-то часть населения могла оставаться в местах постоянного проживания. С наступлением тепла и появлением травы население возвращалось к месту постоянного проживания. Возможность подобной модели скотоводческого хозяйства отмечена для Северо-Западного Прикаспия, Подонья, Приуралья и Поволжья (Шишлина Н.И., 2003, с. 66; Качалова Н.К., 1985, с. 39; Лопатин В.А., 2002, с. 65-66). Такой способ ведения хозяйства являлся обычной практикой для территории Нижнего Поволжья и в средневековое время, что хорошо известно по многочисленным письменным источникам.

С этими выводами согласуются данные остеологического анализа более 40 степных поселений бронзового века, проведенного Е.Е. Антипиной и А. Моралес. Видовой состав скота и количество костей привели исследователей к выводу об одновременном

существовании придомного и полуподвижного (пастушеского) скотоводства у срубного населения позднего бронзового века (Антипина Е.Е., Моралес А., 2005, с. 29-44).

Пастушеское животноводство требует больших площадей для выпаса скота, но по своему характеру не требует того коллективизма, как, например, земледелие. Это вызывает отмирание прежних социальных отношений равенства, родового коллективизма, но в полной мере новые социальные взаимоотношения проявляются только на стадии кочевого скотоводства. Пастушеское же скотоводство есть первая ступень становления кочевого, и предполагает существование родового строя на его последней ступени. И только с появлением кочевников в постсрубное время можно говорить о начале существенной стратификации общества.

Вполне логично связывать грунтовые могильники с той частью населения, которое не участвовало в перекочевках. Но и при анализе грунтовых могильников мы не увидим никакой сложной структуры общества, которая могла быть отражена в погребальном обряде. Например, на раннесрубном могильнике Калач в Заволжье представлена вся половозрастная структура населения (взрослые захоронения составляют около 30 %), но нет погребений, кардинально выделяющихся из общего ряда по каким-либо признакам (Тихонов В.В., 1996, с. 37-47; он же, 1997, с. 63-89).

В могильнике Съезжее II на р.Самаре, точная датировка которого затруднена из-за сочетания хронологических признаков двух этапов срубной культуры, наблюдается аналогичная картина – представлены все половозрастные группы (26 % взрослых погребений) и нет никаких данных о существенной социальной дифференциации (Колев Ю.И., 2003, с. 88-111).

Наличие грунтовых могильников на всем протяжении срубной культуры, в которых отражены все половозрастные группы населения, позволяет предположить именно другую хозяйственную ориентацию по сравнению с населением, оставившем курганы. Вряд ли в данном случае здесь можно увидеть различия социального или этносоциального порядка, так как ни по обряду, ни по инвентарю подкурганые и грунтовые могильники существенных различий не имеют.

Предлагается и другая модель хозяйственной деятельности (правда для начала и середины бронзового века), при которой родовые группы перемещались в пределах одного приречного ландшафта с эпизодическими выходами в открытую степь. При этом курганы выступали в качестве объединяющего начала и маркировали ареал обитания (Кузнецов П.Ф., 2006, с. 127). Но вполне логично предположить, что в эпоху поздней бронзы эти функции курганы могли исполнять именно для пастушеской части населения, ежегодно совершавшего перемещение вдоль Волги с севера на юг.

Вывод о том, что погребения знати в раннесрубных могильниках Золотая Гора и Кочетное являются надкультурным и весьма кратковременным явлением, которое не смогло разрушить инерционное развитие срубного общества, в котором отсутствовала значительная социальная дифференциация, особенно на втором, позднем этапе развития (Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2005, с. 40) подтвердил комплекс Новопокровки 2. Здесь уже нет социально выделенных, экстраординарных погребений, а погребальный обряд отражает родоплеменную структуру общества без ярко выраженной социальной дифференциации и представлен тремя половозрастными группами погребений: крупные могильные ямы главы рода или семьи; погребения взрослых; погребения детей и подростков.

Аналогичная картина отмечена и для более восточных территорий, где в синташинской культуре на раннем этапе происходит всплеск социальной ранжированности, который сменяется последующим угасанием дифференцирующих признаков, при одновременной эгалитарности погребального обряда. Различия в статусе определенных

групп населения, отраженные в погребальной обрядности, обусловлены половозрастными градациями (Ткачев В.В., 2006б, с. 25-28).

Что же касается дальнейшей эволюции срубного общества, то мы пока не располагаем достоверно «финальными» комплексами срубной культуры в Нижнем Поволжье в отличие от более западных регионов ее бытования. После предложения и существования нескольких схем развития срубной культурно-исторической общности различными исследователями, в настоящее время в литературе утвердилась двухэтапная схема развития срубной культуры (Обыденнова Г.Г., 2001, с. 34-39; Отрошенко В.В., 2003, с. 76-80). Дальнейшая эволюция срубного общества Нижнего Поволжья пока остается дискуссионной. Среди всего массива срубных погребений значительную долю составляют одиночные впускные в насыпях курганов, которые не составляли отдельных могильников. В предлагавшихся ранее схемах развития срубной культуры к третьему этапу относили именно такие погребения (Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1985, с. 36; Качалова Н.К., 1985, с. 81).

Возможно, они и являются ключом к поиску финального этапа срубной культуры, когда начавшееся разложение родоплеменной структуры в связи с переходом к кочевому скотоводству и индивидуализацией хозяйственной жизни, отразилось в погребальном обряде – сегментированное общество было уже не в состоянии насыпать свои курганы и использовало для захоронений курганные насыпи своих предков. Судя по всем данным (Колев Ю.И., 2000, с. 256), в том числе и последним раскопкам в Саратовской области – исследования П.Е.Тугушева на Петровском городке близ Саратова – население ивановской культуры, сменившее срубное в степях Нижнего Поволжья, уже не сооружало курганов и хоронило умерших в грунтовых могильниках (Кубанкин Д.А., Малышев А.Б., Тугушев П.Е., 2006, с. 104-106; Тугушев П.Е., 2009, с. 95-96). Собственно и в последующий, киммерийский период население Нижнего Поволжья практиковало в абсолютном большинстве случаев впускные погребения в курганы предшествующих эпох (Тихонов В.В., Якубовский Г.Л., 1999, с. 158-174).

4.3. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

(по материалам раскопок 2006 г.)

Данный раздел выполнен при поддержке гранта РГНФ №06-01-91100 а/У

В результате масштабных археологических исследований в Вольском и Хвалынском районах в 2006 г. в зоне строительства второго железнодорожного пути на участке Сызрань-Сенная был получен антропологический материал из нескольких курганных могильников, относящихся преимущественно к срубной культуре эпохи поздней бронзы (табл. 1). Большая часть скелетов принадлежала индивидам детского возраста. Сохранность материала часто плохая. Для анализа в ряде случаев применена реставрация. Были предприняты описания морфологических особенностей скелетов взрослых людей по могильникам, а также общий антропологический обзор. В таблицах № 2, 3 представлены индивидуальные краниометрические, краниоскопические и остеометрические характеристики.

Могильник Буровка I.

Имеются три неполных скелета разного пола (1/1, 9/1/1, 9/1/2).

Мужской скелет (1/1). Череп неполный, фрагментирован. Мозговая коробка сильно фрагментирована, основание отсутствует. Размеры искажены. По форме очень длинная, узкая, высокая, долихокранная. Лоб среднеширокий, визуально наклонный. Затылочная кость несколько выступает из общего контура. Макрорельеф значительный. Верхнелицевой отдел представлен лишь корневой частью носовых костей, визуально выступают очень сильно, их симметрические размеры велики. Нижняя челюсть довольно крупная, имеет высокий симфиз, резко выступающий, широкий подбородок.

Кости посткраниального отдела весьма внушительны, особенно по продольным размерам. Рост, вычисленный по 4-м формулам (К.Пирсон и А.Ли, М.Троттер и Г.Глезер, Г.Ф.Дебец, В.В.Бунак), составил в среднем 186,9 см, очень высокий. Очень велик УПОС (условный показатель объем скелета). Ключицы и ширина таза (илеокристалльная) абсолютно очень большие. Ключично-подвздошный указатель достаточно высок, резко андронидный. Реконструированная ширина плеч (по формуле Д.И.Ражева, 2003) 40,7 см абсолютно большая. По вертикальным пропорциям: некоторая укороченность предплечья к плечу, и напротив, удлиненность голени относительно бедра и в целом нижних конечностей относительно корпуса. Создается впечатление о лонгилинейности индивида при достаточном мышечном развитии. При этом, однако, судя по реконструированному весо-ростовому показателю, плотность сложения индивида, видимо, была очень высока. Особых патологий не фиксируется, за исключением наличия остеоитов на телах поясничных позвонков.

Мужской скелет (9/1/1). Череп сохранился плохо, реставрирован. Измерения удается получить не всегда. Мозговой отдел очень длинный, визуальнo низкий. Лоб очень широкий, низковатый, с утолщенным надглазничным краем. Надпереносье значительное. Лицевой отдел средневысокий. Нос узкий абсолютно и относительно. Носовые косточки по размерам большие, при этом симотический указатель небольшой. Орбиты низкие. Клыковая ямка глубокая. Череп европеоидный, производит впечатление архаичного, ближе к степным вариантам.

Кости посткраниального скелета невелики, рельеф на них довольно умеренный. Рост, вычисленный по длинным костям на основе разработок 4-х авторов (Алексеев В.П., 1966) в среднем составил 166,2 см – невысокий. По вертикальным пропорциям можно отметить среднее соотношение сегментов, по луче-плечевому, берцово-бедренному и интермембральному указателям. Длина имеющейся правой ключицы оценивается как очень большая (по градациям В.В.Бунака/Н.Н.Мамоновой, 1986). На основании ее реконструируются (по ф-ле Д.И.Ражева, 2003) довольно широкий размах в плечах индивида. Скелет в целом производит впечатление в некоторой степени грацильного. Об этом свидетельствуют также УПОС и реконструированный весо-ростовой показатель. Фиксируется деформирующий артроз акромиального окончания правой ключицы, изношенность правого лучезапястного сустава и правого коленного (локальная зашлифованность суставных поверхностей), бывший в прошлом перелом левой локтевой кости.

Женский скелет (9/1/2). В определении пола этот скелет сложен, имеются признаки, относимые часто к мужскому полу. Нужны дополнительные аргументы и анализ. В данном случае скелет описан именно как женский. Череп реставрирован; очень длинный, высокий, долихокраний, с хорошо развитыми элементами макрорельефа. Лоб среднеширокий, средненаклонный. Лицевой скелет средний по ширине и верхней высоте, ортогнатный, слабо профилирован на зигомаксиллярном уровне. При этом клыковые ямки глубокие. Орбиты низкие. Нос узкий, выступает в профиль сильно. Краниологический комплекс европеоидный.

Длинные кости посткраниального скелета по размерам в целом средние. Реконструируемый по ним рост составляет в среднем 163,2 см. Выделяются своим рельефом плечевые кости, развитие значительное. Судя по основным указателям, в вертикальной норме индивид имел удлиненные предплечья относительно плеч, голени относительно бедер, и в целом удлиненные нижние конечности. Отчетливых патологий не наблюдается.

Несмотря на ряд сходных характеристик, мужской и женский черепа из погребения № 9 различаются. Также несколько различаются, в частности по пропорциям и развитию рельефа, их посткраниальные скелеты. На основании этого нельзя говорить об антропологическом единстве данных индивидов. Параллельно можно сказать о некотором сходстве, хотя для этого и не хватает целостности краниумов, черепов 1/1 и 9/1/2. Посткраны этих же скелетов также характеризуются в одном направлении по сравнению с альтернативной характеристикой скелета 9/1/1.

Могильник Новопокровка 1.

Имеется скелет из основного погребения (1/3), мужской.

Череп в целом крупный, с сильно выраженным макрорельефом. Мозговой отдел сравнительно высокий, долихокраний. Лоб средне наклонный. Лицевой отдел относительно мозгового несколько крупнее – широкий по скуловому диаметру и высокий. Лицевая профилировка не резкая, нос выступает сильно. Краниологический комплекс можно назвать умеренно гиперморфным с признаками северной ветви европеоидов.

Особенности: фиксируется бывший в прошлом перелом левого края грушевидного отверстия в верхнем отделе.

Посткраниальный скелет неполный. Кости по длинам развиты в целом средне, а по поперечным, охватным размерам и макрорельефу весьма сильно. Рост индивида мог быть около 171 см (по 4-м формулам). При этом он имел несколько укороченные голени относительно бедер (по берцово-бедренному указателю), весьма сильное мышечное развитие и, видимо, в целом был широко сложенным (илеокристалльная ширина таза очень большая). УПОС и весоростовой показатель большие. Особенность сложения – некоторая изогнутость внутри большеберцовых костей в нижней трети.

Фиксируется деформирующий артроз в левом ключично-акромиальном суставе. Имеется окостеневший щитовидный хрящ гортани.

Могильник Новопокровка 2.

Самый представительный по количеству материала могильник. Скелеты часто плохой сохранности, не всегда удается получить даже половозрастные определения. Во всех курганах, за исключением № 3, погребены люди разных возрастных периодов. Среди взрослых удалось определить 8, относящихся к индивидам мужского пола и 5 женского.

Для краниологической характеристики оказались пригодными лишь 3 мужских черепа (1/24; 3/6; 4/7), один женский (4/1) и один подростковый, вероятно также женский (4/2). Наиболее сохранившимся оказался череп 3/6, правда, без нижней челюсти. В целом он крупный, очень длинный, с высоким сводом, долихокраний, среднешироколицый и очень высоколицый, резко клиногнатный. Типологически это комплекс матуризованный высоколицый южноевропеоидный. Череп 4/7 плохой сохранности, неполный, фрагментирован, посмертно деформирован давлением с латеральных сторон. Его отчасти удалось реставрировать. Мозговой отдел очень длинный, узкий, высокий. Лицевой скелет небольшой, клиногнатный, с резко выступающими и очень длинными носовыми костями, очень узким грушевидным отверстием и большими относительно лицевого отдела орбитами. Макрорельеф значительный. В целом краниум средней массивности, лептоморфный, представляет южноевропеоидный тип. Особенности: наличие зубного камня, деструкция вершин многих альвеол (парадонтоз), окостеневший щитовидный хрящ.

Череп 1/24 по размерам мозговой коробки, развитию макрорельефа, профилировки близок черепу 3/6. Отличается он низким и широким лицевым отделом, низкими орбитами, узким, менее резко выступающим носом, широким основанием. По комплексу черт череп близок степным более широколицым комплексам, которые, тем не менее, отчасти связаны и с южными европеоидами.

Два других черепа (женский и подростковый), в первую очередь, мезокраний, при этом достаточно высокосводные. Лицевой отдел, как и у мужских черепов, клиногнатный, нос выступает резко. Альвеолярная часть отличается мезогнатией. Лицевой отдел женского черепа (4/1) среднеширокий и средневысокий, в целом мезоморфный, подчеркнута выделяются большой длиной носовые кости. Несмотря на иную форму мозговой коробки, в отличие от мужских краниумов, тем не менее, оба этих черепа по структуре лицевого отдела отчетливо демонстрируют черты южноевропеоидного краниологического типа. Следует здесь отметить весьма близкое сходство между черепами 4/7 и 4/1.

Посткраниальная часть может быть более или менее охарактеризована по 5 мужским (1/11/1; 1/11/2; 1/24; 3/6; 4/7) и одному женскому скелетам (4/1). В мужской серии среди сегментов верхних и нижних конечностей, пожалуй, нет тех, которые можно было бы назвать резко выделяющимися, например, очень великих по размерам. Вари-

бельность более или менее ровная. Реконструированный рост в пределах 163,5-178,0 см, имеются как малые, так и большие величины. По вертикальным пропорциям можно отметить некоторую удлиненность нижних сегментов конечностей (1/24; 3/6), вместе с тем укороченность предплечья относительно плеча (1/11/1; 1/24). Размеры ключиц варьируют от средних до очень больших величин: 146 см-158 см. Если оценивать изменчивость индивидуальными комплексами, можно наметить следующее. Самый высокорослый индивид (3/6) характеризуется несколько удлиненными голеньями, средним рельефом костей, видимо, был среднего мышечного развития. Другой сравнительно высокий человек (4/7) отличался широкоплечестью и в целом широкосложенностью, достаточно большими поперечными и охватными периметрами длинных костей, вероятно, имел сильное мышечное развитие. Три индивида (1/1/1; 1/1/2; 1/24), судя по реконструкциям, имели невысокий рост, укороченное или среднее предплечье относительно плеча, при общей мезоморфии (по интермембральному указателю, макрорельефу, размерам костей). Крайних лептоморфов, как и гиперморфов, в данной серии нет. Единственный скелет женщины (4/1) можно охарактеризовать таким образом: кости достаточно длинные, определяют высокорослость индивида, голень относительно бедра была удлинена, прослеживается некая грацильность и тенденция к лептоморфии. Следует при этом заметить, что на момент смерти ростовые процессы еще не были завершены.

Патологическая часть. Можно фиксировать только часть поражений, часто скелеты неполные. Имеется ряд изменений в суставном аппарате, в основном касающихся позвоночного столба. Фиксируются спондилез, спондилоартроз, в двух случаях сращение шейных позвонков (4/7, 1/24), в одном грудных (1/11), в одном анкилоз пятого поясничного позвонка с крестцом (1/24). Нередко такие дефекты сопровождаются множеством остеоитов, уплощением позвоночных дисков. Безусловно, это следствие не только значительных физических нагрузок и природных стрессоров, но и инволютивных процессов. В качестве специфической патологии можно отметить опухоль верхней части диафиза правой большеберцовой кости второго скелета из п.11, возможно инфекционного происхождения.

Могильник Чернавка

Имеется один мужской скелет (1/2).

Череп реставрирован. Мозговой отдел в целом небольшой, средневысокий (от порионов), долихокраний. Лоб узкий, покатый. Макрорельеф довольно внушительный. Лицевой отдел среднеширокий и средневысокий, хорошо профилированный по горизонтали и резко ортогнатный по вертикали. При этом нос выступает очень сильно, среднеширокий. Орбиты низкие. Нижняя челюсть по размерам в основном средняя, с сильно развернутыми углами и резко выступающим подбородком.

Череп в целом мезоморфный, с выразительно подчеркнутыми элементами рельефа, производит впечатление некоторой архаичности, европеоидный.

Кости посткраниального скелета в основном средние по развитию, определяют рост индивида около 173,1 см (по 4-м формулам) – средний по современному европеоидному масштабу, а также мезоморфию по вертикальным пропорциям и развитию плеч в ширину.

Фиксируется деформация некоторых имеющихся позвонков (спондило-артроз).

Общий обзор палеоантропологических материалов

Новая сборная серия (10 мужских, 2 женских, один подростковый скелет) представляет европеоидный антропологический пласт. Она морфологически неоднородна.

Некоторые различия между индивидуальными антропологическими комплексами были описаны отдельно по могильникам.

Судя по совокупной краниологической части, безусловно, с учетом проявления индивидуальной изменчивости, можно наметить некоторые варианты. Весьма отчетливо выявляется комплекс: преимущественно долихокранный, высокосводный, в целом лептоморфный, высоколицый, клиногнатный (в основном черепа из мог. Новопокровка 2). Традиционно его интерпретируют как высоколицый южноевропеоидный краниологический тип (близок восточносредиземноморскому). Вместе с тем зафиксированы черепа с тенденцией к широкосложенности, с низкой орбитой, менее клиногнатным лицевым отделом, близкие к древним степным (Новопокровка 1, 1/3; Чернавка, 1/2) и северным (Буровка I, 9/1/1) европеоидным типам. Они, к слову, также в основном долихокранные, с высоким сводом, сильным макрорельефом. Вероятно, в сложении их носителей, которое происходило хронологически раньше, участвовал также южноевропеоидный компонент. Некоторые черепа промежуточные по строению. Однозначно диагностировать их нельзя. Они могут также относиться и к метисным формам, однако о времени и глубине такого процесса говорить на единичных материалах затруднительно.

Интересно, что посткраниальные характеристики находятся в определенной степени связи с краниологическими. Людям, близким по строению черепа к южноевропеоидному, чаще соответствуют удлиненные пропорции. Вместе с тем на единичных наблюдениях пока невозможно точно сказать, морфофункциональная это связь или все же имеет разный генетический аспект. К слову, могильник Новопокровка 2 по краниологическому материалу представляет в основном, южноевропеоидный комплекс, который, как будто, положительно коррелирует с удлиненным типом пропорций сегментов посткраниальной части. Вместе с тем, в серии этого могильника имеются скелеты, характеризующие низкорослость определенной части населения. К сожалению, их черепа практически не сохранились. В данном аспекте исследования положительно то, что характеристики посткранов людей подсказывают, что не все так однородно на самом деле, как это кажется при изучении только краниологической части. Комплексный анализ антропологического материала, безусловно, при наличии достаточно полных костных структур, намного перспективнее, чем рассмотрение какой-либо конкретной части скелета.

Следует отметить исторические подходы, касающиеся в основном вопросов расогенеза населения срубной культуры в ареале Саратовского Поволжья. Палеоантропологический материал рассматривался разными авторами. В зависимости от особенностей поступавшей серии, ее анализа оформлялись затем и расогенетические выводы. В ранние периоды изучения этого вопроса, когда материала было еще немного, нередко отмечалась связь местных носителей срубной культуры с предшествующим населением, в частности древнеямным (Дебец Г.Ф., 1954). С более массовым накоплением исторического источника становилось ясно, что в расогенезе саратовско-поволжской группы срубной культуры участвовал не один антропологический компонент (Фирштейн Б.В., 1967; Шевченко А.В., 1986). Назывались исходные варианты (протоевропейский, андроновский, средиземноморский и т.д.), связываемые с теми или иными археологическими культурами. В этой связи следует отметить видение А.В.Шевченко (Шевченко А.В., 1986; он же, 1993). Суммарная мужская краниологическая серия саратовской группы продемонстрировала некоторое отличие от других региональных серий срубной культуры, в частности невысокий свод (Шевченко А.В., 1986, с.190, табл. 27). По этому автору расогенез популяции Саратовского Поволжья мог проходить при участии носителей абашевской культуры. Новые краниологические материалы из данного ареала, приведенные в работе, и как было отмечено выше, оказались также неоднородны. В

своем большинстве они характеризуют именно высокоголовых, долихокраних, часто высоколицых европеоидов, в сумме отличных от групп, рассматривавшихся другими антропологами, в частности А.В.Шевченко. В данном случае имеет смысл говорить, что в расогенезе саратовской группы принимали участие люди в целом южноевропейского происхождения. В культурном контексте следует подчеркнуть, что черепа такого типа доминируют в Поволжье непосредственно в предшествующее время среди серий покровского типа памятников (Хохлов А.А., 1998), более ранних материалах криволукского (по Р.А.Мимоходу, 2004) типа и отчасти даже полтавкинских Волго-Уралья (Хохлов А.А., 2003). Перечень можно было бы продолжить, расширяя географическое пространство, однако это перспектива на будущее.

Таблица 1.

Поло-возрастные определения палеоантропологических материалов из курганных могильников Саратовской области

№ кург/погр	Эпоха	Культура	Пол	Возраст (лет)
Буровка 1 / Вольский р-н				
1/1	Поздняя бронза	Срубная	Муж.	25-35
9/1/1	-	-	Муж.	40-45
9/1/2	-	-	Жен.	30-35
Дубовый Гай / Хвалынский р-н				
п.2, ск.1	-	-	-	15-16
п.2, ск.2	-	-	-	Ок. 1 года
п.3	-	-	Муж.	20-25
п.4	-	-	Муж.	25-35
Новопокровка 1 / Вольский р-н				
1/3	-	-	Муж.	40-50
Новопокровка 2/ Вольский р-н				
½	-	-	Жен??	10-12
1/3	-	-	-	Ок.8
¼	-	-	-	Ок.3
1/5	-	-	-	Новорожд.
1/6	-	-	-	Ок.10
1/7	-	-	Муж.	40-45
1/8	-	-	-	1-4мес.
1/9	-	-	Муж.	Ок.25
1/10	-	-	-	1-1,5
1/11	-	-	Муж.	40-45
1/12	-	-	Жен.	Старческий
1/13	-	-	-	6-7
1/14	-	-	-	
1/15	-	-	-	Ок. 6 мес.
1/16	-	-	-	Плод.
1/17	-	-	-	4-6 мес.
1/18	-	-	-	Ок. 3
1/19	-	-	-	Новорожд.
1/20	-	-	Муж.	25-35
1/21	-	-	-	Плод.
1/22	-	-	-	11-12
1/23	-	-	-	6-7
1/24	-	-	Муж.	50-55
2/2	-	-	-	9-10
2/3	-	-	-	Ок. 2
2/4	-	-	-	3-4
2/5	-	-	-	4-5
2/6	-	-	Жен.	17-25
2/7/1	-	-	-	Ок. 6 мес.
2/7/2	-	-	-	4-5 лет
2/8	-	-	-	6-7
2/9	-	-	?	зрелый
2/10	-	-	-	Плод - новорожд.
3/3	-	-	-	4-5
¾	-	-	-	6-7
3/5	-	-	-	8-10
3/6	-	-	Муж.	35-45
3/7	-	-	-	Ок. 6 мес.
4/1	-	-	Жен.	16-17
4/2	-	-	-	13-14
4/3	-	-	-	Ок. 8
4/4	-	-	Жен.	30-35
4/5	-	-	-	Ок. 8
4/6	-	-	Жен?	25-35
4/7	-	-	Муж.	50-60
4/8	-	-	-	6-8
4/9	-	-	-	7-8
4/10	-	-	-	2-3
Ново-Яблонька (одиночный курган) / Вольский р-н				
п.3	-	-	-	7-8
Чернавка / Вольский р-н				
1/2	-	-	Муж.	45-55

Таблица 2.

Краниологические материалы срубной культуры эпохи поздней бронзы Саратовской области

Памятники		Буровка 1	Буровка 1	Буровка 1	Ново покровка 1	Ново покровка 2	Ново покровка 2	Ново покровка 2	Ново покровка 2	Ново покровка 2	Чернавка
Курган, погребение		к.1,п.1	к.9,п.1,ск.1	к.9,п.1,ск.2	к.1,п.3	к.1,п.24	к.3,п.6	к.4,п.1	к.4,п.2	к.4,п.7	к.1,п.2
Линейные диаметры:		муж	муж	жен?	муж.	муж	муж.	жен	13лет	муж.	муж.
1.	Продольный диаметр	-	193,0??	191,0	188,0	197,0	192,0	177,0	171,0	-	182,0
8.	Поперечный д.	-	-	134,0	136,0	137,0	137,0	138,0	135,0	-	130,0
17.	Высотный д.	-	-	-	136,5	150,0	146,0	133,0	-	-	-
20.	Ушная высота	-	-	120,0	112,0	125,0	127,0	109,0	110,0	-	113,0
5.	Длина осн. черепа	-	-	-	106,0	115,0	110,0	104,0	-	-	-
9.	Наим. ширина лба	95,0?	104,0	92,0	98,5	92,0?	100,0	90,0	96,0	99,0?	91,5
11.	Шир. осн. черепа	-	-	112,0	128,5	130,5	123,0	122,0	118,0	-	122,0
12.	Ширина затылка	-	-	-	112,0	117,5	113,0	109,0	105,0	-	105,0
25.	Сагиттальная дуга	-	-	-	374,0	385,0	384,0	339,0?	-	383,0?	-
26.	Лобная дуга	-	126,0	133,0	125,0	134,0	140,0	121,0	-	130,0	121,0
27.	Теменная дуга	131,0	128,0	133,0	131,0	130,0	126,0	100,0	-	138,0	116,0
28.	Затылочная дуга	-	-	-	118,0	121,0	118,0	118,0?	-	115,0??	-
29.	Лобная хорда	-	111,0	18,5	111,0	121,5	124,0	109,0	-	119,0?	110,0
30.	Теменная хорда	-	118,0	122,0	118,0	120,0	116,0	95,0	-	-	106,5
31.	Затылочная хорда	-	-	-	96,0	102,0	98,5	-	-	-	-
40.	Длина осн. лица	-	-	-	101,0	110,0	113,0	94,0	-	-	-
43.	Верх. ширина лица	-	-	-	108,0	102,0?	111,0	93,5	101,0	103,0	108,0
45.	Скуловой д.	-	-	127,0?	138,0	139-141?	133,0	122,0??	120,0	-	133,0
46.	Средн. шир лица	-	-	-	102,0	-	99,0	88,0	-	88,0	97,0
47.	Полная высота лица	-	-	107,0	-	-	-	103,0	107,0?	-	-
48.	Верхняя высота лица	-	71,0?	68,0	73,0	67,0	80,0	68,0	66,0	-	70,0

Таблица 2 (продолжение).

51.	Ширина орбиты	-	44,4	42,6	41,5	45,5	42,7	40,8	42,0	46,1?	44,5
52.	Высота орбиты	-	30,6	32,2	31,0	32,3	34,4	34,1	33,5	35,1?	31,0
54.	Ширина носа	-	24,0	21,5	25,0	22,2	26,3	21,3	23,1	22,1	26,0
55.	Высота носа	-	52,7	49,6	53,9	47,5	56,4	51,3	47,2	54,4	50,0
60.	Длина альвеол. дуги	-	-	51,0	56,0	54,0	63,0	49,0	-	-	-
61.	Шир. альвеол. дуги	-	-	53,0	62,0	-	69,0?	60,5	61,0	-	63,0
ss.	Симотическая выс.	7,2	4,2	4,5	5,3	-	5,2	5,4	-	-	4,0
sc.	Симотическая шир.	10,3	10,5	8,9	8,6	9,0?	8,7	-	-	-	6,4
ms.	Максиллофронт. выс.	-	9,0	-	8,2	-	9,1	-	-	-	8,5
mc.	Максиллофронт. шир.	-	-	-	18,5	-	19,3	-	-	-	16,9
FC.	Глуб. клыковой ямки	-	-	5,4	5,5	5,8	2,6	6,9	4,0	4,7	6,5
	Высота изгиба лба	-	26,5	28,9	24,9	25,0	28,8	25,5		24,3	21,5
Указатели:											
8/1.	Черепной	-	-	70,2	75,6	-	71,4	-	78,9	-	71,4
17/1.	Высотно-продольный	-	-	-	75,8	76,1	76,0	75,1	-	-	-
17/8.	Высотно-поперечный	-	-	-	100,4	109,5	106,6	96,4	-	-	-
9/43.	Фронтно-малярный	-	-	-	91,2	-	90,1	96,3	95,0	96,1?	84,7
11/8.	Аурик. -поперечный	-	-	83,6	94,5	-	89,8	88,4	87,4	-	93,8
40/5.	У.выступания лица	-	-	-	95,3	95,7	102,7	90,4	-	-	-
48/45.	Лицевой	-	-	-	52,9	-	60,2	-	55,0	-	52,6
52/51.	Орбитный	-	68,9	75,6	74,7	70,9	80,6	83,6	79,8	76,1?	69,7
54/55.	Носовой	-	45,5	43,3	46,4	46,7	46,6	41,5	48,9	40,6	52,0
61/60.	Альвеолярный	-	-	103,9	110,7	-	109,5?	123,5	-	-	-
ss/sc.	Симотический	69,9	40,0	50,6	61,6	-	59,8	-	-	-	62,5
ms/mc.	Максиллофронт.	-	-	-	44,3	-	47,2	-	-	-	50,3

Таблица 2 (продолжение).

Углы:												
32.	Наклона лба	-	-	85°	80°	80°	83°	79°	84°	-	79°	
33(1).	Угол в. части зат.	-	-	88°	87°	84°	85°	89°	90°	-	83°	
72.	Общелицевой	-	-	90°	86°	75°	83°	87°	79°	-	90°	
74.	Альвеолярной части	-	-	75°	77°	71°	71°	75°	73°	-	90°	
75(1).	Выступания носа	-	30°??	35°	35°	32°?	42°	34°	-	45°	40°	
77.	Назомаллярный	-	141°?	-	143°	133°	131°	128°	131°	130°?	136°	
zm.	Зигомаксиллярный	-	-	134°	128°		114°	119°	-	112°?	126°	
Рельеф :												
Надпереносье		5,5	5,0	4,5	4,0	4,5	4,0	-	-	4,0	5,5	
Нар.затыл.бугор		3,5	-	2,0	4,0	3,0	2,0	-	-	3,0	2,5	
Сосцев.отросток		3,0	2,0	2,0	3,0	2,0	3,0	-	-	2,5	3,0	
Передне-нос.ось		-	3,0?	-	3,0	5,0	-	-	-	5,0	5,0	
Нижняя челюсть:												
65.	Мышелковая ширина	-	-	115,0	-	126,0	-	107,0	110,0	116,5?	19,0	
66.	Угловая ширина	112,0	-	95,0	-	106,0	-	87,0	91,0	89,0?	104,0	
67.	Передняя ширина	-	-	45,0	-	45,2	-	45,5	49,0	45,0	53,0	
69.	Высота симфиза	36,0	-	30,0	36,5	34,0??	-	26,0	31,0	-	34,0	
69(1).	Высота тела	33,0	-	31,0	32,0		-	28,0	30,0	-	-	
71а.	Наим.ширина ветви	34,0	-	36,0	-	30,0	-	-	34,0	32,0	34,0	
С.	Угол выст.подб.	60°	-	65°	-	29°??	-	52°	63°	-	60°	

Таблица 3.

Остеометрические данные скелетов людей срубной культуры эпохи поздней бронзы Саратовского Поволжья

Памятник		Буровка I		Буровка I		Новопокровка 1		Новопокровка 2		Новопокровка 2	
Курган, погребение		к.1,п.1		к.9,п.1.ск.1		к.1,п.3		к.1,п.7		к.1,п.11,ск.1	
Пол		муж.		муж.		муж.		муж.		муж.	
Плечевая кость		правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая
1.	Наиб.длина	383,0	383,0	323,0	321,0	-	329,0	-	-	327,0	325,0
2.	Полн.длина	379,0	380,0	316,0	315,0	-	323,0	-	-	327,0	322,0
3.	Шир.верхн.эпифиза	58,0	57,0	52,0	51,0	-	54,5	-	-	51,0	51,0
4.	Шир.нижн.эпифиза	69,5	67,0	65,0	63,0	-	66,0	-	70,0	68,0	68,0
5.	Наиб.д.сер.диафиза	28,0	25,3	23,5	22,5	-	28,0	-	-	22,0	22,0
6.	Наим.д.сер.диафиза	20,0	21,5	18,5	18,0	-	21,0	-	-	17,0	17,0
7.	Наим.окр.диафиза	74,0	72,0	66,0	64,0	-	76,0	-	68,0	63,0	62,0
7а.	Окр.сер.диафиза	80,0	75,0	68,0	66,0	-	80,0	-	-	65,0	64,0
7/1.	Указ.прочности	19,3	18,8	20,4	19,9	-	23,1	-	-	19,3	19,1
Лучевая кость											
1.	Наиб.длина	293,0	292,0	247,0	-	-	-	252,0	254,0	252,0	254,0
2.	Физиол.длина	276,0	274,0	229,0	-	-	-	234,0	236,0	234,0	237,0
3.	Наим.окружность	46,0	47,0	43,0	-	-	-	46,0	45,5	42,0	42,0
3/2.	Ук.прочности	16,7	17,2	18,8	-	-	-	19,7	19,3	17,9	17,7
Локтевая кость											
1.	Наиб.длина	-	311,0	267,0	-	-	-	-	-	273,0	-
2.	Физиол.длина	-	277,0	233,0	-	-	-	-	-	238,0	-
3.	Наим.окружность	-	37,0	37,0	-	-	-	-	-	38,0	-
3/2.	Указ.прочности	-	13,4	15,9	-	-	-	-	-	16,0	-
Ключица											
1.	Длина	167,0	-	164,0	-	-	-	≥155	-	-	146,0
6.	Окр.сер.диафиза	42,0	-	37,0	-	-	-	-	-	-	37,0

Таблица 3 (продолжение).

6/1.	Ук.прочности	25,1	-	22,6	-	-	-	-	-	-	25,3
Бедренная кость											
1.	Наиб.длина	527,0	531,0	441,0	441,0	478,0	479,0	-	-	-	-
2.	Общая длина...	523,0	528,0	437,0	437,0	475,0	476,0	-	-	-	-
	Шир.верхн.эпифиза	99,0	111,0	87,0	93,0	100,0	98,0	-	-	-	-
21.	Мышцелк.ширина	96,0	98,0	84,0?		91,0	95,0	90,0	-	-	-
6.	Сагит.д.сер.диаф.	35,0	36,5	28,0	28,0	33,0	33,0	-	-	-	-
7.	Попер.д.сер.диаф.	33,0	33,0	28,0	28,0	33,0	32,5	-	-	-	-
6/7.	Ук.пилястрии	106,1	110,6	100,0	100,0	100,0	101,5	-	-	-	-
9.	Верхн.попер.диам.	43,0	42,0	33,0	35,5	38,5	37,5	39,0	-	-	-
10.	Верхн.сагитт.диам.	32,0	33,5	26,0	25,0	30,0	29,0	26,5	-	-	-
10/9.	Ук.платимерии	74,4	79,8	78,8	70,4	77,9	77,3	67,9	-	-	-
8.	Окр.сер.диафиза	105,0	105,0	86,5	88,0	102,0	105,5	-	-	-	-
8/2.	Ук.массивности	20,1	19,9	19,8	20,1	21,5	22,2	-	-	-	-
Большеберцовая кость											
1.	Общая длина	441,0	-	360,0	-	375,0	376,0	385,0	-	-	-
5.	Наиб.шир.в.эпифиза	89,0	-	-	-	84,0	82,0	86,0	82,0	-	-
6.	Наиб.шир.н.эпифиза	58,0	-	48,0?	-	57,0	58,0	58,0	-	-	-
8.	Сагит.д.сер.диаф.	38,0	-	31,0	-	33,0	35,0	32,0	-	-	-
9.	Попер.д.сер.диаф.	26,5	-	21,0	-	28,0	26,0	24,0	-	-	-
9/8.		69,7	-	67,7	-	84,8	74,3	75,0	-	-	-
8а.	Саг.д. на ур.пит.отв.	44,0	-	35,0	35,0	38,5	41,0	36,0	36,0	-	-
9а.	Поп.д.на ур.пит.отв.	29,0	-	22,0	23,0	32,0	29,0	27,0	27,5	-	-
9а/8а.	Ук.платикнемии	65,9	-	62,9	65,7	83,1	70,7	75,0	76,4	-	-
10.	Окр.сер.диафиза	101,0	-	82,0	-	99,0	-	88,0	-	-	-
10в.	Наим.окр.диафиза	92,0	-	75,0	-	85,0	-	78,0	-	-	-
10/1.	Ук.массивности	22,9	-	22,8	-	26,4	-	22,9	-	-	-

Таблица 3 (продолжение).

Малоберцовая кость											
1.	Наиб.длина		418,0	-	-	-	-	-	-	-	-
Тазовые кости											
1.	Высота таз.костей	238,0	240,0	-	-	242,0	242,0	-	-	-	-
2.	Наиб.ширина таза	298,0		-	-	300,0		-	-	-	-
12.	Шир.подвзд.кости	175,0	-	-	-	-	178,0	-	-	-	-
	Шир.между ямк.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Указатели:											
	Луче-плечевой (R/H)	76,3	76,2	76,5??		-	-	-	-	77,1	78,2
	Берцово-бедренный (T/Fe)	84,3	-	82,4??		78,9	78,9	-	-	-	-
	Плече-бедренный (H/Fe)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Луче-берцовый (R/T)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Интермембральный	70,2	-	71,5	-	-	-	-	-	-	-
	Ключично-плечевой (Cl/H1)	43,5	-	50,8	-	-	-	-	-	-	-
	Ключично-подвздошный	95,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Рост:											
	по К.Пирсону, А.Ли	183,2	-	163,9	-	170,1	-	170,1(T)	-	-	167,0(H,R)
	по М.Троттер и Г.Глезер	189,7±2,99	-	167,3	-	174,0	-	175,6±3,37	-	-	167,8 (H)
	по В.В.Бунаку	184,9	-	164,9	-	171,2	-	-	-	-	-
	по Г.Ф.Дебецу	189,9	-	168,9	-	168,7	-	-	-	-	-
	Среднее значение роста	186,9	-	166,2	-	171,0	-	173,0?	-	-	167,4?
	УПОС	11634,6	-	6731,6	-	9582,8	-	-	-	-	-
	Вес/кг	102,6	-	63,4	-	86,2	-	-	-	-	-
	Ш.п./рост по Г.Ф.Дебецу	43,4	-	37,6	-	41,0	-	-	-	-	-
	Ш.п по Д.И.Ражеву/см	40,8	-	40,0	-	-	-	-	-	-	34,9
	Плотность (Вес/рост)	54,9	-	38,1	-	50,4	-	-	-	-	-

Таблица 3 (продолжение).

Памятник		Новопокровка 2		Новопокровка 2		Новопокровка 2		Чернавка		Буровка I	
Курган, погребение, скелет		к.1,п.11,ск.2		к.1,п.24		к.3,п.6		к.1,п.2		к.9,п.1.ск.2	
Пол		муж.		муж.		муж.		муж.		жен.	
Плечевая кость		правая		левая		правая		левая		правая	
		левая		левая		левая		левая		левая	
1.	Наиб.длина	318,0	315,0	336,0	-	-	-	347,0	-	307,0	301,0
2.	Полн.длина	316,0	310,0	334,0	-	-	-	342,0	-	306,0	301,0
3.	Шир.верхн.эпифиза	51,0	51,5	50,0	-	-	-	53,5	-	62,0	61,0
4.	Шир.нижн.эпифиза	68,0	67,0	67,0	66,0	-	-	70,0?	-	49,0	48,0
5.	Наиб.д.сер.диафиза	25,0	24,0	23,0	-	-	-	25,0	-	23,0	23,5
6.	Наим.д.сер.диафиза	20,0	20,0	18,0	-	-	-	18,5	-	18,5	19,0
7.	Наим.окр.диафиза	68,0	66,0	61,0	59,0	-	-	67,0	-	63,0	63,0
7а.	Окр.сер.диафиза	73,0	69,0	66,0	-	-	-	71,5	-	67,0	68,0
7/1.	Указ.прочности	21,4	21,0	18,2	-	-	-	19,3	-	20,5	20,9
Лучевая кость											
1.	Наиб.длина	237,0	233,0	262,0	260,0	-	-	267,0	-	-	254,0
2.	Физиол.длина	220,0	218,5	230,0	227,0	-	-	246,0	-	-	223,0
3.	Наим.окружность	43,0	44,0	34,0	-	-	-	45,0	-	-	35,0
3/2.	Ук.прочности	19,5	20,1	14,8	-	-	-	18,3	-	-	15,7
Локтевая кость											
1.	Наиб.длина	-	257,0	240,0	239,0	-	-	-	-	241,0	237,0
2.	Физиол.длина	224,0	223,0	225,0	223,0	-	-	-	-	226,0	221,0
3.	Наим.окружность	-	39,0	39,0	40,0	-	-	-	-	42,0	41,5
3/2.	Указ.прочности	-	17,5	17,3	17,9	-	-	-	-	18,6	18,8
Ключица											
1.	Длина	-	152,0	158,0	159,0	-	-	155,0	-	-	-
6.	Окр.сер.диафиза	-	38,0	30,0	30,0	-	-	42,0	-	-	-
6/1.	Ук.прочн ости	-	25,0	19,0	18,9	-	-	27,1	-	-	-

Таблица 3 (продолжение).

Бедренная кость											
1.	Наиб.длина	427,0	-	439,0	441,0	-	490,0?	-	466,0	433,0	-
2.	Общая длина...	426,0	-	438,0	439,0	-	488,0?	-	466,0	431,0	-
	Шир.верхн.эпифиза	99,0	-	87,0	99,0	-	-	-	-	78,0?	-
21.	Мышцелк.ширина	85,0	-	85,0	84,0	-	-	-	-	-	-
6.	Сагит.д.сер.диаф.	30,0	-	29,0	30,0	-	32,0?	-	28,0	24,5	-
7.	Попер.д.сер.диаф.	30,0	-	27,0	28,0	-	32,0?	-	30,5	29,0	-
6/7.	Ук.пилястрии	100,0	-	107,4	107,1	-		-	91,8	84,5	-
9.	Верхн.попер.диам.	37,0	-	37,0	35,5	-	39,0	-	-	36,0	-
10.	Верхн.сагитт.диам.	26,0	-	25,0	27,0	-	28,0	-	-	22,0	-
10/9.	Ук.платимерии	70,3	-	67,6	76,1	-	71,8	-	-	61,1	-
8.	Окр.сер.диафиза	90,0	-	87,0	89,0	-	98,0	-	93,5	82,0	-
8/2.	Ук.массивности	21,1	-	19,9	20,3	-	-	-	20,1	19,0	-
Большеберцовая кость											
1.	Общая длина	347,0	348,0	370,0	369,0	406,0	-	-	387,0	367,0	359,0
5.	Наиб.шир.в.эпифиза	79,0	79,0	67,0	-	83,0	-	-	80,0		70,0
6.	Наиб.шир.н.эпифиза	59,0	58,0	57,0	-	60,0	-	-	56,0	47,0	-
8.	Сагит.д.сер.диаф.	32,0	34,0	31,0	30,5	30,0	-	-	31,0	28,5	27,0
9.	Попер.д.сер.диаф.	20,0	20,0	21,0	19,5	26,0	-	-	21,5	20,0	20,0
9/8.		62,5	58,8	67,7	63,9	86,7	-	-	69,4	70,2	74,1
8а.	Саг.д. на ур.пит.отв.	36,0	36,0	34,0	33,5	37,0	-	-	36,0	33,0	31,5
9а.	Поп.д.на ур.пит.отв.	24,0	24,0	22,0	21,5	28,0	-	-	25,0	23,0	23,0
9а/8а.	Ук.платикнемии	66,7	66,7	64,7	64,2	75,7	-	-	69,4	69,7	73,0
10.	Окр.сер.диафиза	85,0	86,0	80,0	79,0	87,0	-	-	84,0	76,0	74,0
10в.	Наим.окр.диафиза	77,0	78,0	73,0	74,0	78,0	-	-	79,0	70,0	68,0
10/1.	Ук.массивности	24,5	24,7	21,6	21,4	21,4	-	-	21,7	20,7	20,6

Таблица 3 (продолжение).

Малоберцовая кость											
1.	Наиб.длина	342,0	344,0	364,0	356,0	-	404,0	377,0	-	-	-
Тазовые кости											
1.	Высота таз.костей	-	-	229,0	-	-	-	-	-	212,0	-
2.	Наиб.ширина таза	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12.	Шир.подвзд.кости	-	-	-	-	-	-	-	-	162,0	-
	Шир.между ямк.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Указатели:											
Луче-плечевой (R/H)		74,5	73,9	71,4	-	-	-	76,9	-	84,3	-
Берцово-бедренный (T/Fe)		81,5	-	84,5	-	83,2?	-	-	83,0	83,5	-
Плече-бедренный (H/Fe)		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Луче-берцовый (R/T)		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Интермембральный		71,8	-	71,3	-	-	-	71,9	-	70,7	-
Ключично-плечевой (C1/H1)		-	48,3	47,0	-	-	-	44,7	-	-	-
Ключично-подвздошный		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Рост:											
по К.Пирсону, А.Ли		161,4	-	166,0	-	175,1	-	170,3	-	156,9	-
по М.Троттер и Г.Глезер		163,9	-	168,5	-	179,8±2,99	-	174,3	-	163,8±3,51	-
по В.В.Бунаку		161,7	-	165,9	-	176,3	-	171,2	-	162,0	-
по Г.Ф.Дебецу		165,6	-	174,1	-	180,9	-	176,7	-	170,3	-
Среднее значение роста		163,2	-	168,6	-	178,0	-	173,1	-	163,2	-
УПОС		6986,5	-	6544,8	-	-	-	8046,8	-	5921,6	-
Вес/кг		65,4	-	61,9	-	-	-	73,9	-	63,2	-
Ш.п./рост по Г.Ф.Дебецу		37,9	-	37,3	-	-	-	39,1	-	36,6	-
Ш.п по Д.И.Ражеву/см		36,3	-	38,3	-	-	-	37,8	-	-	-
Плотность (Вес/рост)		40,1	-	36,7	-	-	-	42,7	-	38,7	-

4.4. ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОСТЯНЫХ И РОГОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ НЕКОТОРЫХ КУРГАНОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В 2005 и 2006 гг. было проведено трасологическое изучение костяных и роговых изделий из погребального инвентаря нескольких курганов, раскопанных в Красноармейском и Хвалынском районах Саратовской области. Для обработки различных находок и, прежде всего псалиев, была использована ставшая традиционной методика (Усачук А.Н., 1999а, с. 70-72; он же, 2003а, с. 319; он же, 2005, с. 179; он же, 2007, с. 2). Некоторые полученные данные опубликованы (Усачук А.Н., Африканов Ю.А., 2007, с. 204-208).

Суворовский, курган 2, погребение 1.

Псалий (рис. 88, 1) изготовлен из двойной пластины рога лося (ср. Бородовский А.П., 1997, с. 94; он же, 2007, с. 34). Сохранность псалия очень плохая, что затрудняет выявление следов изготовления и использования. Планка немного утончена по сравнению со щитком. Край самого щитка слегка приподнят: мастер чуть утончил поверхность щитка с внешней стороны для выделения очень небольшой втулки вокруг центрального отверстия.

На внутренней стороне планки и на щитке локально сохранились следы резки металлическим лезвием (рис. 88, 2А). Следы подрезки-строгания зафиксированы и на сохранившемся боковом выступе планки. Сама планка, скорее всего, первоначально была немного шире: мелкие фрагменты компакты на торце планки (рис. 88, 2Б) отслаиваются. Своеобразно решено оформление торца щитка: мастер наметил довольно плавный желобок (рис. 88, 2В). Шипы изготовлены резкой-строганием (фиксируются вертикальные по отношению к щитку следы, оставленные металлическим лезвием). Боковое отверстие вырезано в толщине щитка после изготовления, по крайней мере, правого верхнего шипа (скорее всего – всех шипов). Это отверстие было задумано при изготовлении псалия: мастер при оформлении щитка специально оставил здесь чуть более толстый участок компакты. Отверстие аккуратно вырезано-выбрано металлическим лезвием с обеих сторон.

По краю щитка частично фиксируется очень плохо сохранившийся орнамент в виде одного (?) ряда треугольников, вырезанных вершинами к торцу псалия. Расслоившаяся поверхность щитка не позволяет говорить однозначно об орнаменте; возможно, он был более сложным.

Трасологическое изучение древнейших псалиев Евразии позволило наметить два основных региона их изготовления – донской и южноуральский. Соответственно, основными типами щитковых псалиев Евразии можно считать только два: староюрьевский и синташтинский (Усачук А.М., 2007, с.16-17). В технологии изготовления поволжских щитковых псалиев прослеживается соединение донских и южноуральских традиций (Усачук А.Н., 1999б, с. 156; он же, 2007, с. 16). Заметим, что некоторые исследователи говорят даже о доно-волжской традиции изготовления и использования псалиев (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998, с. 33), подчеркивая более тесную связь Поволжья с донским регионом. Псалий из Суворовского кургана – яркое подтверждение своеобразного слияния восточных и за-

падных технологических черт. Монолитные шипы, форма щитка, слегка вогнутая (утонченная) поверхность щитка с внешней стороны, желобок на торце щитка – все это тяготеет к синташтинскому типу псалиев. Оформление же планки, орнамент по краю щитка и, особенно, наличие бокового отверстия в щитке – явные черты староюрьевского типа щитковых псалиев. Полную аналогию суворовскому псалию найти трудно, поскольку, как метко заметили А.Д.Пряхин и В.И.Беседин «многообразие форм щитка и планки ... отражает индивидуальный стиль мастеров» (1998, с. 32). Определенную близость с псалием из Суворовского могильника обнаруживает другой найденный в Саратовском Поволжье псалий: из разрушенного погребения кургана у с.Клещевка (Саратовский район). Правда, клещевский псалий гораздо сильнее, чем суворовский тяготеет к синташтинскому типу псалиев. Наиболее же близкая аналогия суворовскому псалию: такой же щитковый псалий с поселения Отрожка (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998, рис. 4, б; Усачук А.Н., 2003, с. 151-153, рис. 1, 1) с монолитными шипами, боковым отверстием в щитке, с узкой планкой с несколькими маленькими отверстиями и буквально нависающими над щитком боковыми выступами планки.

Судя по боковому отверстию в щитке, псалий из Суворовского могильника использовался в упряжи в качестве левого (ср. Усачук А.Н., 1998а, с. 77-79).

Ново-Яблоновка, одиночный курган, погребение 1.

В погребении найдено несколько изделий из кости и рога.

1. Изделие из фрагмента диафиза трубчатой кости крупного рогатого скота (КРС) (рис. 89, 1). Изготовление аккуратное. Очевидно, изделие оформлено пилением, однако последующее использование мелкого абразива уничтожило возможные следы пиления на торцах. Кроме торцов, следы мелкого абразива идут по всей поверхности костяного предмета. Поверх абразива поверхность залощена. Лощение ровным фоном идет по всему изделию. По краям (рис. 89, 2А, Б) – тонкая нитевидная завальцованность; на краях более широкого торца (рис. 89, 2Б) завальцованность чуть интенсивнее. Нельзя сказать однозначно, является лощение специальным актом изготовления или образовалось во время эксплуатации изделия. Судя по нитевидной завальцованности и особенно, по разной интенсивности этой завальцованности в районе обоих торцов (рис. 89, 2А, Б) – второе предположение более возможно. Отверстие вычищено. На стенках отверстия такая же легкая залощенность, как и на поверхности изделия. находка могла использоваться в качестве какой-либо втулки при контакте с мягким эластичным материалом (тонкая кожа, ткань, шерсть?) и являться в таком случае деталью одежды (?). Менее предпочтительный вариант: часть рукоятки или жезла (с одной стороны в погребении найдена деталь рукоятки или жезла (рис. 89, 3) и можно было бы описываемое изделие связать с этой орнаментированной находкой, но, с другой стороны – втулка слишком массивна для того, чтобы быть деталью жезла, а главное – при насадке на какую-нибудь рукоять-основу не было бы легкой залощенности центрального отверстия).

2. Изделие из фрагмента рога Cervidae (рис. 89, 3). Сохранность плохая. На торцах сохранились следы пиления (характер лезвия или полотна пилы неясен). По неровностям участков пиления можно заключить, что давление на лезвие или полотно пилы менялось. Очевидно, пиление перемежалось с остановками – либо для перемены направления лезвия (полотна), либо при заклинивании тонкого полотна пилы (ср. Обломский А.М., Усачук А.Н., 2004, с. 73). Внутренняя часть роговой заготовки выбрана: на стенках получившегося канала сохранились длинные узкие борозды.

Судя по тому, как накладываются друг на друга вырезанные линии, вначале мастер резал участок диагональных линий (рис. 89, 4А), а затем – участки поперечных (рис. 89, 4Б, В). Ложе диагональных линий неровное с разновеликими параллельными друг другу следами: вырезка этих орнаментальных линий производилась тонким кремневым лезвием.

Мастер, отступив от края трубки (очевидно, участки будущих поперечных линий были намечены), старался выдерживать это расстояние, вырезая края диагональных линий друг возле друга (рис. 89, 4Г). Иногда вырезанные диагональные линии накладывались друг на друга (рис. 89, 4Д). Внизу (рис. 89, 4Е) аккуратность резки несколько нарушалась, поскольку концы диагональных линий гораздо чаще заходят за первую поперечную. Сначала резались поперечные линии справа налево сверху вниз, по ним – слева направо сверху вниз. Иногда это соотношение нарушается: очевидно, после вырезки всего орнамента мастер кое-где поправлял вырезанные ранее линии. Ширина и глубина линий немного разнятся – отражается разное давление на резец во время орнаментации. Мастер старался резать диагональные линии без остановок, однако в двух случаях видны следы стыков: после останова линия резки была продолжена под немного иным углом (рис. 89, 4Ж).

Поперечные линии вырезаны, скорее всего, тонким металлическим лезвием. После вырезки всех поперечных линий мастер кое-где подправлял концы диагональных – в двух случаях они легли поверх поперечных линий орнамента.

Следующая операция нанесения орнамента – вырезка треугольников металлическим острием между поперечными линиями для получения на втулке с обоих концов орнаментированных поясков с рельефным зигзагом (рис. 89, 4Б, В). Судя по характеру резки, мастер изготавливал сначала нижние ряды треугольников, затем – верхние. Только для более удобной вырезки последнего рельефного зигзага (рис. 89, 4З), мастер просто перевернул в руках изделие на 180° и вырезал треугольники в привычной для себя манере: верхний ряд треугольников стал на время вырезки нижним. Треугольники верхнего орнаментированного пояска более упорядочены, более старательно вырезаны. К нижней широкой части втулки вырезка треугольников становится менее тщательной, а сами треугольники выбраны резкой на меньшую глубину. В сочетании с менее аккуратными стыками диагональных и поперечных линий внизу (рис. 89, 4Е), о которых говорилось выше, можно предположить, что вся операция орнаментации изделия велась мастером сверху вниз.

Треугольники вырезаны с разной степенью аккуратности и в разной манере, отчего немного отличаются друг от друга (рис. 89, 5). Выборка заполнения треугольников велась многочисленными актами вырезки очень мелких фрагментов компакты рога, причем лезвие ставилось мастером под разными углами, с разных сторон треугольников, с разным давлением. Дно выбранных треугольников неровное (рис. 89, 6) в разных местах остались участки невыбранной компакты (рис. 89, 7). Некоторые треугольники намечены резкой из вершины с последующей выборкой компакты в две стороны (рис. 89, 8). В одном случае подобная выборка только намечена и вырезка треугольника почти не производилась (рис. 89, 9). Расстояние между треугольниками мастер старался выдержать, однако это не всегда у него получалось, особенно в нижних орнаментальных поясках (рис. 89, 4В).

Точки на участках втулки между диагональными линиями нанесены острием неровной подтреугольной формы; получились очень неровные (по 10-12 точек на каждой участке; мастер старался нанести точки в линию).

Поверхность втулки залощена. Нижняя более широкая часть изделия имеет чуть более интенсивное лощение. Судя по форме, а также по залощенности, изделие вполне может быть втулкой-насадкой на какой-то деревянный жезл или рукоятку.

Новояблонская втулка по сырью и способам изготовления находит многочисленные аналогии среди подобных изделий (Усачук А.Н., в печати). Скорее всего, в этой находке можно видеть деталь наборной рукоятки жезла. По В.В.Цимиданову, например, подобные изделия относятся к IV типу (жезлы-«трости») (Цимиданов В.В., 2004, с. 71) или, теперь, к III-му, когда предыдущий III тип (жезлы-плети) В.В.Цимиданов исключил из регалей носителей власти срубного общества (Цимиданов В.В., 2007, с. 219-223).

3. Наконечник стрелы (рис. 90, 1). Изготовлен из компакты длинной кости крупного копытного. Хорошая обработка изделия практически уничтожила структурные особенно-

сти кости. Судя по размерам, наконечник изготовлен из центральной или половинной костяной пластины (ср. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 63; Бородовский А.П., 1997, с. 55-56). Следы обработки наконечника свидетельствуют, что он изготавливался по схеме первостепенного оформления пера, после чего вырезался насад (ср. Сидоров Е.А., Бородовский А.П., 1990, с. 162; Бородовский А.П., 1997, с. 59-60). Впрочем, на новояблоновском экземпляре ситуация осложнялась изготовлением длинного черешка (рис. 90, 2А), который оформлялся одновременно с пером (признак параллельного оформления пера и насада) (Бородовский А.П., 1997, с. 60). На черешке сохранились следы резки-строгания (металлическое лезвие?). В районе шипа наконечника (рис. 90, 2Б) фиксируются следы резки-скобления кремневым лезвием. Участок перехода черешка к насаду вырезан при помощи пиления-перетира лезвием по периметру под разными углами (рис. 90, 2В). Насад имеет грани от резки по направлению к плечам черешка (рис. 90, 2Г). Судя по длине и чистоте следов резки, по отсутствию заломов и сколов, при изготовлении наконечника проводилось размягчение сырья (ср. Бородовский А.П., 1989, с. 24-25).

Заключительной стадией обработки наконечника явилось заглаживание поверхности при помощи мелкого абразива (ср. Сидоров Е.А., Бородовский А.П., 1990, с. 162). При этом по перу следы абразива идут диагонально, а по черешку – поперечно. Грани пера имеют нитевидную залощенность до заполировки. Лощение (полировка?) наконечника очевидно входило в процесс изготовления.

Концы шипов и острия пера сломаны. Утрата острия настораживает, поскольку в момент проникновения в преграду именно повреждение острия является наиболее характерным дефектом наконечников стрел (Ведерников Ю.А. и др., 1995, с. 144; Бугров Д.Г., 2000, с. 91). Однако, торцы сломов острия и концов шипов выглядят одинаково, у острия нет следов сминания. Скорее всего, поломка узких частей наконечника произошла после помещения изделия в погребение. В то же время торец слома острия насада (рис. 90, 2Д) немного залощен: насад был сломан во время эксплуатации наконечника. Залощен и небольшой скол в основании черенка (рис. 90, 2Е).

4. На дне погребения 1 было зафиксировано скопление роговых (скорее всего) шипов (6 экз.) и втулок (2 экз.) от псалиев. Сохранность изделий плохая. На одном из торцов обеих втулок (рис. 91, 1, 11) – орнамент в виде диагональных коротких линий, прорезанных-процарапанных металлическим острием. Целая втулка (рис. 91, 1) имеет участок значительной сработанности (рис. 91, 2А). Фрагментированная втулка (рис. 91, 11) несет следы легкой залощенности на внешней стороне (рис. 91, 10А).

Как правило, в изготовлении шипов щитковых псалиев довольно четко просматривается индивидуальный почерк мастера (Усачук А.Н., 1998а, с. 76; он же, 2005, с. 185). В таком случае, к набору вставных шипов одного псалия относятся четыре шипа (рис. 91, 3, 4, 6, 7), изготовленные в единой манере. На этих шипах зафиксированы многочисленные следы аккуратной резки по периметру (лезвие, скорее всего, металлическое). Орнамент на широких торцах процарапан металлическим острием. На одном шипе с крестообразной композицией (рис. 91, 3) линии орнамента нанесены довольно уверенно, а точка в центре прорезана острием на конус. На втором подобном шипе (рис. 91, 4) – точка в центре композиции более глубокая (давление на острие было больше), а линии процарапаны старательно, но неаккуратно: много стыков и ошибка в резке нижнего луча (рис. 91, 5). Узкие сохранившиеся торцы шипов (рис. 91, 3, 7) слегка завальцованы.

Оба шипа от второго псалия (рис. 91, 8, 9) довольно сильно отличаются от первых четырех шипов, но по изготовлению близки друг другу. Сохранились следы продольной подрезки металлическим лезвием. Широкие торцы шипов специально подлощены. Поперечный штифт в теле шипа (рис. 91, 9) выструган слегка на конус (обломан с обеих сторон). Оба шипа залощены.

Скопление шипов и втулок находилось на пятне древесного тлена красно-коричневого цвета с более-менее скругленными углами и размерами приблизительно 10,5x7,0 см и толщиной до 0,2 см. В середине пятна выделялся участок наложения фрагментов древесного тлена на такой же тлен. Толщина пятна здесь немного увеличивается. Очевидно, на дне погребения удалось зафиксировать остатки деревянных щитков двух псалиев со вставными шипами и втулками-усилителями центральных отверстий в щитках. Была проведена фотофиксация и попытка графической реконструкции этой пары псалиев (рис. 91, 12) (Усачук А.Н., Африканов Ю.А., 2007, с. 208, рис. 1, 12). При расчистке зафиксировано, что втулка одного псалия (рис. 91, 1) лежала орнаментированным торцом ко дну ямы. Таким образом, по крайней мере один псалий был положен шипами (внутренней частью) вверх. Наложение участков древесного тлена произошло, очевидно, из-за частичного укладывания одного псалия на другой. К сожалению, состояние древесного тлена не позволило зафиксировать центральные отверстия щитков. Фрагменты втулок, а также шипы, скорее всего, немного сдвинуты в процессе гниения. Небольшие подвижки псалиев понятны. Как известно, органическое тело в процессе разложения проходит две стадии: 1) бескислородное гниение; 2) кислородное гниение. Во время этих стадий и происходит перемещение различных предметов в погребении: в первом случае более интенсивно, во втором – довольно медленно. Кроме того, на перемещение предметов влияет объем и заполнение пространства погребения (Бородовский, Глушков, 1991, с.17). Впрочем, даже сместившиеся предметы сохраняют изначальную упорядоченность (Бородовский А.П., Глушков И.Г., 1991, с. 19). В качестве археологического примера можно привести факт смещения верхней части уникального красносельского жезла, роговые детали которого сохранили первоначальное соотношение друг с другом (Иванов А.Ю., Колев Ю.И., 1993, с. 97). Так же определенное соотношение сохранили и детали обояблоновских псалиев, хотя положение шипов не дает ответа на вопрос – как они располагались в щитках пары псалиев. Судя по форме пятна тлена, псалии были безпланочные, что очевидно, характерно для деревянных щитков (Усачу А.Н., 1998б, с. 32). Форма щитков восстанавливается приблизительно: подпрямоугольная или сегментовидная. Размеры щитков: 6,3x5,2-5,5 см (верхний псалий), 7,1-7,2x 6,4 см (нижний псалий) (рис. 91, 12). Толщина щитка псалия с набором из четырех шипов (рис. 91, 3, 4, 6, 7) должна была быть не менее 0,6-0,7 см. Наличие штифта в одном из шипов от другого псалия (рис. 91, 9) подразумевает изготовление втулки вокруг отверстия для шипа. Толщина щитка со втулкой должна быть не менее (а скорее всего и немного более) 1,0 см. Количество шипов одного обояблоновского псалия – четыре (рис. 91, 3, 4, 6, 7). Другой псалий должен был иметь не менее трех шипов (ср. Усачу А.Н., 2001-2002). Судя по разнице в шипах, в погребальной паре могли быть и не очень одинаковые деревянные псалии. Подобное встречается и среди роговых пар щитковых псалиев (Утевка-VI, к. 6, п. 5; Потапово, к. 3, п. 4; Сторожевка, к. 2, п. 2; Пичаево, к. 1 п. 1; Богоявленское, к. 1, п. 3).

Небольшая завальцованность всех шипов и фрагментированной втулки (рис. 91, 11) говорит о том, что псалии использовались, пусть и непродолжительное время. Более значительно сработана вторая втулка (рис. 91, 1). Участок сильной завальцованности и заплитровки можно сопоставить с подобными следами сработанности центрального отверстия многих щитковых псалиев (группа следов I) (Усачук А.Н., 1998а, с. 77; он же, 2007, с. 14). Очевидно, обояблоновские комбинированные псалии (деревянный щиток и роговые шипы и втулки) были рабочими экземплярами, причем шипы и втулки могли заменяться в разное время по мере сработанности.

К сожалению, находка деревянных щитков обояблоновских псалиев не позволяет выяснить такие детали, как наличие и количество отверстий на невыделенных планках, наличие или отсутствие боковых отверстий в щитках, наличие орнаментации и/или окраска щитков, сорт древесины или точные размеры изделий.

Сырьевая база производства щитковых псалиев практически одинакова во всех регионах распространения этих изделий. Подавляющее большинство древнейших псалиев изготовлено из рога лося (*Alces alces*) или, во всяком случае, из рога оленей (*Cervidae*), если говорить не о виде, а о роде животных (ср. Кузнецов П.Ф., 2004а, с. 31). Однако, кроме рога, во всех регионах изредка практиковали и иное сырье для изготовления щитковых псалиев. К примеру, мастера баланбашского и Каменского (?) псалиев выбрали в качестве сырья верхний эпифиз плюсны быка (Латынин Б.А., 1965, с. 202; Усачук А.Н., 2002, с. 91-92; Рыбалова В.Д., 1966, с. 179). Из эпифизов кости крупных копытных изготовлены и софьинские псалии (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 115). По предварительному определению, псалий из Отрожки изготовлен из тазовой кости крупного копытного (Усачук А.Н., 2003, с. 151). Из тазовой кости лошади или дикого верблюда выполнены псалии из одного из жилищ поселения Токсанбай (Самашев З.С. и др., 2007, с. 91). Говоря о костях животных, используемых в качестве сырья при изготовлении псалиев, обратим внимание на фрагменты челюстных ветвей с поселения Кындешти, которые трактуются в качестве псалиев (Florescu M, Florescu A, 1990, fig. 35, I, 4). Подчеркну, что изготовление псалиев из эпифизов крупных трубчатых костей, а также возможное использование тазовых костей крупных копытных не может считаться основным отличием технологии изготовления псалиев различных типов (Матвеев Ю.П., 2005, с. 11) именно из-за редкого на фоне рога оленей использования животной кости в качестве исходного сырья.

Разумеется, во всех регионах щитковые псалии делались и из дерева, что отмечается рядом исследователей (Зданович Г.Б., 1985, с. 118; он же, 1986, с. 65; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 126; Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998, с. 26; Усачук А.Н., 1998б, с. 32; он же, 2007, с. 9; Пыслару И., 2000, с. 333; Матвеев Ю.П., 2005, с. 11), хотя этот вид сырья является довольно-таки «неудобным» для изготовления щитковых псалиев (Усачук А.Н., 1998б, с. 32). Для южноуральского региона присутствие деревянных псалиев предполагается, а находка роговых (костяных) шипов и втулок при наличии деревянных щитков фиксируется в донском регионе и в Саратовском Поволжье. Дело здесь, очевидно, в том, что изготовление из дерева только щитка гораздо легче, чем изготовление псалия с монолитными шипами, а именно в Подонье и в какой-то мере в Саратовском Поволжье преобладают щитковые псалии со вставными шипами. Но даже здесь мастера увеличивали прочность составных псалиев изготовлением шипов и втулок центрального отверстия из рога или кости, что и проявилось в случае с новояблоновскими псалиями.

Курган Дубовый Гай, погребение 4.

В погребении найдено несколько изделий из кости и рога. Кроме того, среди инвентаря на дне могильной ямы найдены кости животных со следами резки.

1. В юго-западном углу и в юго-западной части погребальной ямы найдены три фрагмента дистальных концов поперечных отростков поясничных позвонков КРС (определение Е.Е. Антипиной, ИА РАН). Следы обработки и использования отростков отсутствуют. На одном из фрагментов – тонкий длинный поперечный след металлического лезвия с разным давлением на нож на различных участках. На другом фрагменте отростка – продольно-поперечный длинный след, оставленный кремневым лезвием. Характер этого следа свидетельствует, что кремневое лезвие тоже использовалось с разным давлением. Помимо следа кремневого лезвия, на поверхности тела отростка фиксируется короткий диагональный след не резки, но вдавления чем-то достаточно тонким, но недостаточно острым.

Следы резки на поясничных позвонках можно интерпретировать, как свидетельства кухонной разделки туш животных. Подобные следы встречаются при анализе археозоологических материалов различных памятников (Усачук А.Н., 1997, с. 173; Гершкович Я.П., Журавлев О.П., 1999, с. 50; Антипина Е.Е., 2004, с. 191, 196; Антипина Е.Е., Ольховский В.С., 2000, с. 83) и входят в основные параметры любой остеологической коллекции (ср.

Антипина Е.Е., 2003, с. 10, табл. 1, пункт 3, с. 12). В случае с дубовогайскими фрагментами костей КРС обращает на себя внимание использование при кухонной разделке не только металлического, но и кремневого ножа. Возможно, помимо ножей использовались и орудия с затупленным рабочим краем (для снятия шкур? – ср. Руденко Ф.А., Семашко В.Ю., 2003а, с. 69-70; они же, 2003б, с. 64-65; Выделка шкур ..., 1999, с. 22-23).

2. Наконечник стрелы (рис. 90, 3). Изготовлен из компакты длинной кости крупного копытного. Судя по размерам и остаткам губчатого вещества, которое идет почти по всей длине наконечника (рис. 90, 4А), в качестве сырья использовалась краевая костяная пластина (ср. Бородовский А.П., 1997, с. 56). Не слишком удачный выбор сырья привел к тому, что сломался один из трех шипов: как раз тот, который попал почти весь на остатки губчатого вещества. Впрочем, судя по контексту находки наконечника (между 4 и 5 позвонками поясничного отдела позвоночника умершего), поломка произошла после того, как стрела попала в цель, поскольку столь сломанный наконечник просто не стали бы использовать ввиду нарушения баллистики стрелы.

Наконечник вырезан тщательно, следы изготовления снивелированы залощенностью поверхности. Как и в случае с новояблоновским наконечником стрелы, отсутствие заломов и сходов на поверхности изделия свидетельствует о размягчении сырья (ср. Бородовский А.П., 1989, с. 24-25). Локально участки резки металлическим лезвием сохранились в углах между шипами (рис. 90, 4Б). Втулка для насада древка высверлена при помощи станкового сверла (материал сверла неясен). На одной из граней наконечника очень тонким металлическим острием нанесен треугольник. Стороны этого треугольника состоят из двух (правая) (рис. 90, 4В) и прерывистых неполных трех-пяти (левая) (рис. 90, 4Г) параллельных друг другу линий. Основание треугольника прорезано значительно грубее сторон. В районе вершины треугольника – диагональная, сходящая на нет линия резки (рис. 90, 4Д). Четкость и абсолютная параллельность линий сторон треугольника, отсутствие следов останковки или дрожания руки при резке приводят к выводу об использовании какого-то шаблона – «линейки» при нанесении линий. Скорее всего, треугольник не является деталью орнамента или маркировки наконечника, а остался от частичной разметки шипов на заготовке, когда мастер собирался вырезать менее длинный наконечник.

Возвращаясь к вопросу находки наконечника в теле погребенного: очевидно, стрела пробила мягкие ткани человека и остановилась, когда наконечник только уперся в позвоночник. Попадание в кость с большой силой вызвало бы сминание острия и появление продольных трещин, а такие следы разрушения на дубовогайском наконечнике отсутствуют.

3. Муфта стрелака, изготовленная из фрагмента рога козы (определение Е.Е. Антипиной, ИА РАН). Сохранность изделия очень плохая. На торцах частично сохранились следы абразива. По всей поверхности муфты – легкая залощенность. Подобная залощенность идет и по торцам. По краям торцов сформировалась чуть более интенсивная нитевидная залощенность. Внутренний канал муфты: плохо сохранились следы продольной резки-выборки канала при удалении губчатого вещества.

4. Псалий (рис. 92) изготовлен из одинарной пластины рога лося (ср. Бородовский А.П., 1997, с. 98; он же, 2007, с. 34-35). Сохранность и псалия, и шипов удовлетворительная. На щитке и планке сохранились следы резки металлическим лезвием (рис. 93, 1А). Поверх резки локально – продольные и диагональные следы мелкого абразива (рис. 93, 1Б). Торцы щитка к внутренней стороне подрезаны под углом (рис. 93, 1В). Планка по отношению к щитку немного утончена с обеих сторон при помощи не только резки, но и скалывания мелких фрагментов компакты рога. Следы скалывания сохранились на планке (рис. 93, 1Г). В районе боковых выступов планки – следы мелкой и частой резки. Торец планки тоже подрезан. Скорее всего, первоначально планка была почти симметрична и ее нынешние

очертания – результат разрушения правой части планки во время эксплуатации и последующей подрезки – ремонта торца.

Отверстия в планке просверлены с внешней стороны псалия конусовидным сверлом (станковым?). Материал сверла неясен, поскольку отверстия после сверления подрезаны концом металлического лезвия. Из-за сработанности не сохранились следы изготовления центрального отверстия в щитке; отверстия для шипов сверлились металлическим станковым сверлом с внешней стороны щитка. Небольшое отверстие в правом верхнем углу щитка (рис. 93, *1Д*) подрезано (очевидно, после просверливания). Подрезка придала этому отверстию почти овальную форму.

Орнамент на щитке вырезан аккуратно при помощи очень тонкого острого металлического лезвия и металлического острия. Фриз из каплевидных фигур под планкой резался слева направо: тщательность и аккуратность резки и каплевидных фигур, и треугольников в основании этих фигур постепенно падали. Кроме того, мастер понемногу увеличивал расстояние между «каплями». При этом, подойдя к уже вырезанному отверстию на краю щитка (рис. 93, *1Д*) мастер уменьшил длину последней каплевидной фигуры (рис. 93, *1Е*). Треугольники в основании каплевидных фигур вырезаны более – менее одинаково, почти вся компакта выбрана. Только четвертый слева треугольник остался частично не выбран (рис. 93, *2*) и немного компакты не удалено в пятом слева треугольнике. Каплевидные фигуры вырезаны не очень одинаково, с остановками и стыками линий (рис. 93, *3А*). Концы капель вырезаны отдельно. Мастер старался не делать разрывов между округлыми и прямыми линиями (рис. 93, *3Б*). Во второй слева «капле» произошел сбой в резке прямой линии из вершины треугольника (рис. 93, *3В*). В той же манере, как под планкой, вырезаны каплевидные фигуры и вокруг центрального отверстия в щитке: мастер старался быть аккуратным, но фигуры получились не одинаковые. Треугольники по краю щитка вырезаны столь ровно по основаниям, что становится ясным, что мастеру нельзя было обойтись без предварительной разметки, следы которой не сохранились. В свою очередь, расстояние между треугольниками мастер определял и выдерживал на глаз, поэтому оно оказалось разным. Выборка заполнения треугольников происходила более-менее аккуратно, но при помощи разных приемов каждый. Компакта вырезалась очень маленькими фрагментами. Возможно, разная манера вырезки треугольников свидетельствует о недостаточном опыте, когда одна и та же операция не выполняется одинаковыми, доведенными до автоматизма движениями. Особенностью орнаментальной композиции этого псалия является то, что мастер правую сторону щитка (рис. 93, *1Ж*) украсил тремя рядами врезных фигур: двумя рядами треугольников и рядом углов между ними, а левую сторону щитка – только одним рядом треугольников.

На шипах зафиксированы следы подрезки: удалялись многочисленные мелкие фрагменты компакты. Орнамент на торцах шипов вырезан-выцарапан. Манера резки орнамента на шипах напоминает резку линий каплевидных фигур щитка. Шипы очень плотно «сидят» в отверстиях – скорее всего, была проведена подгонка шипов под конкретное отверстие (ср. Усачук А.Н., 1998а, с. 74). Возможно, правый верхний шип (рис. 93, *1З*) вторичен (иная манера орнаментации и не так интенсивно залощен, как остальные шипы).

Псалий достаточно сильно сработан. Щиток почти везде по краям залощен до заполировки с внешней стороны, а на внутренней стороне – с правого торца, а также внизу по краю. Центральное отверстие сильно сработано вправо вниз (рис. 93, *1И*): группа следов I (Усачук А.Н., 1998а, с. 77). Поверхность шипов залощена до заполировки, но верхний правый шип, как сказано выше, менее залощен. К сожалению, острия шипов не сохранились. Система сработанности псалия коррелируется с наличием отверстия в правом верхнем углу щитка, с возможной заменой именно правого верхнего шипа, с предполагаемыми поломкой и подрезкой правой половины планки. В упряжи этот псалий использовался как левый.

5. Помимо целого псаляя, в погребении в разных местах обнаружены шипы от псаляев (10 экз.) и втулки (2 экз.). Шесть шипов и одна втулка лежали компактно в юго-западном углу могильной ямы. К сожалению, эта компактность была не столь очевидна, как в случае с новояблоновскими комбинированными псаляями. Кроме того, вокруг втулки и шипов не обнаружено никаких следов древесного тлена, хотя органика в погребении сохранилась относительно неплохо, а участки находки втулки и шипов расчищались при повышенном внимании. Сама втулка стояла вертикально внешней стороной вверх и была вдавлена в грунт (в дне могилы сохранился четкий отпечаток торца втулки). Вероятно, в данном случае мы фиксируем факт помещения на дно погребальной ямы только деталей комбинированных псаляев: втулки и шипов одного псаляя и просто шипов – другого. Как уже упоминалось выше, в изготовлении шипов щитковых псаляев четко просматривается индивидуальный почерк мастера (Усачук А.Н., 1998а, с. 76; он же, 1999а, с. 71; он же, 2005, с. 185). Это дает возможность среди шести шипов скопления в юго-западном углу ямы выделить четыре шипа (рис. 94, 3-6), относящихся к одному набору. Сохранность шипов в целом неплохая. С некоторой долей условности к этому набору шипов можно отнести и втулку (рис. 94, 1), которая сохранилась гораздо хуже шипов. Разница в сохранности возможно объясняется разным сырьем: шипы изготовлены из рога Cervidae, втулка – скорее всего, из костного стержня рога сайгака (определение Е.Е. Антипиной, ИА РАН). Втулка по одному из торцов имела выступающий бортик, который вырезан неровно, но аккуратно (фиксируются следы многоактной резки). На этом торце сохранились следы абразива, идущие под разными углами по поверхности. Противоположный торец оформлен мастером слегка выпуклым. Две параллельные линии по телу втулки вырезаны металлическим лезвием. Резка неровная, участки линий разной глубины и размеров. Складывается впечатление, что это не орнаментация, а своеобразные нарезки для лучшего закрепления втулки в деревянном щитке (на клею?). В целом, втулка вырезана несколько грубовато. Оба торца залощены. На краях отверстия фиксируется более интенсивная нитевидная залощенность, причем на выпуклом торце она сочетается с легкой развальцованностью. При этом микросколы на этом торце залощены (небольшой скол на внешнем торце втулки современный).

Все четыре шипа (рис. 94, 3-6) изготовлены приемами резки-строгания металлическим лезвием от головки к острию. Длина и плавность следов резки свидетельствуют о размягчении сырья (ср. Бородовский А.П., 1989, с.24-25). У острия шипы подрезаны аккуратными многочисленными движениями лезвия: мастер постепенно убирал очень мелкие фрагменты компакты. В одной манере вырезаны пазы, отделяющие головку от тела шипа: не двумя актами (рис. 94, 2А), как зачастую пазы и режутся, а в более тщательной манере (рис. 94, 2Б), оформляющей довольно широкое дно паза. Все шипы вырезаны немного асимметричными (рис. 94, 2В, Г), что отражает ситуацию с положением их в щитке (ср. Усачук А.Н., 1998б, с. 35, рис. 17, а) и делают давление на губы лошади более щадящим. Широкие торцы шипов заглажены, но без заполировки. Сами шипы немного залощены. Как и в случае с новояблоновскими псаляями, можно попытаться восстановить приблизительную толщину щитка. Толщина втулки (без выступающего бортика на внешней стороне и до края выпуклого торца на внутренней стороне псаляя) составляет 1,0-1,1 см. Толщина участков шипов, входящих в щиток (рис. 94, 2Д) немного меньше: 0,8-0,95 см. Очевидно, деревянный (?) щиток этого псаляя был толщиной от 0,8 до 0,95 см и немного утолщался в районе центрального отверстия (до 1,1 см). Более широкое сечение вокруг центрального отверстия в щитке характерно и для роговых псаляев. В случае с дубовогойским комбинированным псаляем более широкое сечение в центре щитка усиливалось и наличием на внешнем торце втулки выступающего бортика: мастер усиливал щиток в районе центрального отверстия разными способами.

Пятый шип (рис. 94, 7) из скопления в юго-западном углу могильной ямы и шип, лежащий отдельно в 0,6-0,65 см к юго-востоку от этого скопления (рис. 94, 8) можно отнести к набору шипов второго комбинированного псалия. Морфологически эти шипы идентичны вплоть до орнаментации поверхности широких торцов и являются работой одного мастера. На шипах – следы аккуратной резки металлическим лезвием при безусловном размягчении сырья. Резка велась мастером от широких торцов вниз, к узким торцам шипов. На теле одного из шипов (рис. 94, 7) – поперечный след резки очень тонким металлическим лезвием. Окружности орнамента сделаны при помощи двузубого резца – перового сверла по В.И.Беседину (1999, с.53). Ось сверла немного толще и длиннее режущего острия, при этом давление на сверло при орнаментации второго шипа (рис. 93, 8) было больше. Окружности в свою очередь соединены процарапанными прямыми. Линии резались-процарапывались металлическим (?) острием слева направо (в левых частях линий давление на острие больше). Мастер старался аккуратно соединять концы линий с окружностями. В основном, ему это удавалось, но не всегда. Правда, мелкие огрехи нанесения орнамента на торцы шипов не слишком заметны из-за незначительных размеров орнаментированных участков. С некоторой долей условности ко второму набору шипов можно отнести и последний шип из скопления в юго-западном углу могильной ямы (рис. 94, 9). Третий шип этого набора отличается от двух ранее описанных, но очень близок по форме и приемам изготовления четырём шипам первого набора (рис. 94, 3-6). Правда, в отличие от шипов первого набора, этот шип более интенсивно залощен. Возможно, в юго-западном углу погребения на дно были положены два набора от комбинированных псалиев, используемых в одной упряжи. Зачастую шипы псалиев одной пары морфологически близки. Не исключено, что первоначально все шипы дубовогайской пары комбинированных псалиев были сделаны в одной манере (как четыре шипа первого и шип второго наборов). Шипы с орнаментацией (рис. 94, 7, 8) – результат замены износившихся или сломавшихся первоначальных шипов. Неизвестно, являлся ли второй псалий этой пары трехшипным или отсутствует четвертый шип, как отсутствует втулка во втором наборе.

Три оставшихся шипа (рис. 94, 10-12), найденные в средней части погребальной ямы, можно объединить в третий набор. Правда, расстояние одного шипа (рис. 94, 12) от двух, лежащих рядом (рис. 94, 10, 11), более метра, однако, эта часть ямы сильно разрушена крупными норами и шипы оказались на самых краях этих нор. Вполне возможно, что первоначальное положение третьего набора шипов нарушено. К сожалению, два шипа из трех (рис. 94, 11, 12) сохранились очень плохо. На всех трех шипах – следы продольной и поперечной резки металлическим лезвием, головку одного шипа (рис. 94, 11) отделяет от тела узкий паз (?). На лучше сохранившемся орнаментированном шипе (рис. 94, 10) зафиксированы следы срезки мелких фрагментов компакты от широкого торца вниз – получился небольшой уступ под головкой шипа. Частично сохранившийся орнамент выполнен при помощи перового сверла. Острие этого сверла более тонкое, а шаг между острием и режущим пером чуть больше, чем у такого же сверла, использованного для орнаментации шипов из второго набора. Наличие следов аккуратной подрезки на торцах плоской головки шипа и небольшой залощенности этой подрезки свидетельствуют, что края головки не разрушены, и, следовательно, мастер при орнаментации сознательно пошел на то, что окружности, нанесенные перовым сверлом, немного «вышли» за края плоскости торца шипа (рис. 94, 10). Все шипы третьего набора немного залощены.

Невозможно сказать, относится ли к третьему набору шипов комбинированного псалия втулка (рис. 94, 13), найденная в северо-восточном секторе могильной ямы (она может относиться и ко второму набору шипов, а также – не относиться ни к одному из наборов и маркировать собой либо деталь отдельного псалия, либо изделие, вообще не относящееся к комбинированному псалию). Сохранность втулки очень плохая. Из-за этого определение сырья менее однозначное: взят фрагмент цельного рога (Cervidae), но нельзя исключить использова-

ние и фрагмента костного рогового стержня полорогих (скорее всего сайгака) (определение Е.Е.Антипиной, ИА РАН). В отверстии сохранились следы подчистки. Поперечные линии выполнены посредством глубокой резки металлическим лезвием с обеих сторон. Возможно, эти линии исполняли роль орнамента. Из-за плохой сохранности невозможно доказать, но создается впечатление, что на поверхность изделия был нанесен орнамент в виде двух рядов вырезанных мелких треугольников, направленных вершинами к основаниям. Конечно, если на этой втулке фиксируются остатки вырезанного орнамента в виде продольных линий с отходящими от них треугольниками, изделие не является втулкой псаля. Поверхность изделия залощена. Края втулки завальцованы.

Целый псалий и шипы из разных наборов в погребении 4 одиночного кургана у с.Дубовый Гай относятся к староюрьевскому типу. Подобные детали в оформлении, а также в орнаментации имеют псалии из могильников Уваровский II, к. 11, п. 2; Потапово, к. 5, п. 8; Баранниково, к. 1, п. 2; Идолга, к. 3, п. 1; Селезни-1, к. 1, п. 2; Староюрьево, к. 2, основное погребение; Кондрашкинский курган, п. 1. Похожие детали орнаментации зафиксированы и на одном из псалиев поселения Капитаново-I. Обратим внимание на изготовление каплевидных фигур: в такой же манере подобные фигуры вырезаны на староюрьевском и капитановском псалях (Усачук А.Н., 1998а, с. 74, 75, рис. 1, 1; он же, 2001, с. 299, рис. 3, с. 300; Усачук А.Н., Бровендер Ю.М., 2004, рис. 2, 4). Если говорить о комбинированных псалях, то с дубовогайскими можно сравнить псалии с деревянными (скорее всего) щитками из Богоявленского, к. 1, п. 3 (по орнаментации шипов); Селезней-2, к. 1, п. 1 (по изготовлению втулки) и из Большой Пластицы, к. 1, п. 2 (по оформлению втулки двумя продольными врезными линиями) (Мельников Е.Н., 2003, с. 241, 242, рис. 2, 3). В то же время между комбинированными псалями Ново-Яблоновки и Дубового Гая существует заметная разница в оформлении втулок и (в меньшей степени) – шипов. Это подразумевает и разницу в оформлении деревянных щитков. Очевидно и среди комбинированных псалиев (с деревянными щитками) существовали «многообразие форм щитка и планки ...», что «... отражает индивидуальный стиль мастеров» (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998, с. 32).

***Благодарности.** За разнообразную помощь в работе над материалом этих социально значимых погребений (ср. Малов Н.М., 1991, с. 38; Цимиданов В.В., 2004, с. 50, 56, 70-74) позднего бронзового века автор данного раздела признателен своим коллегам А.И.Юдину, Ю.А.Африканову, Ю.А.Зеленеву, Е.Е.Антипиной и особенно – Р.А.Мимоходу, В.Б.Панковскому, О.А.Поляковой.*

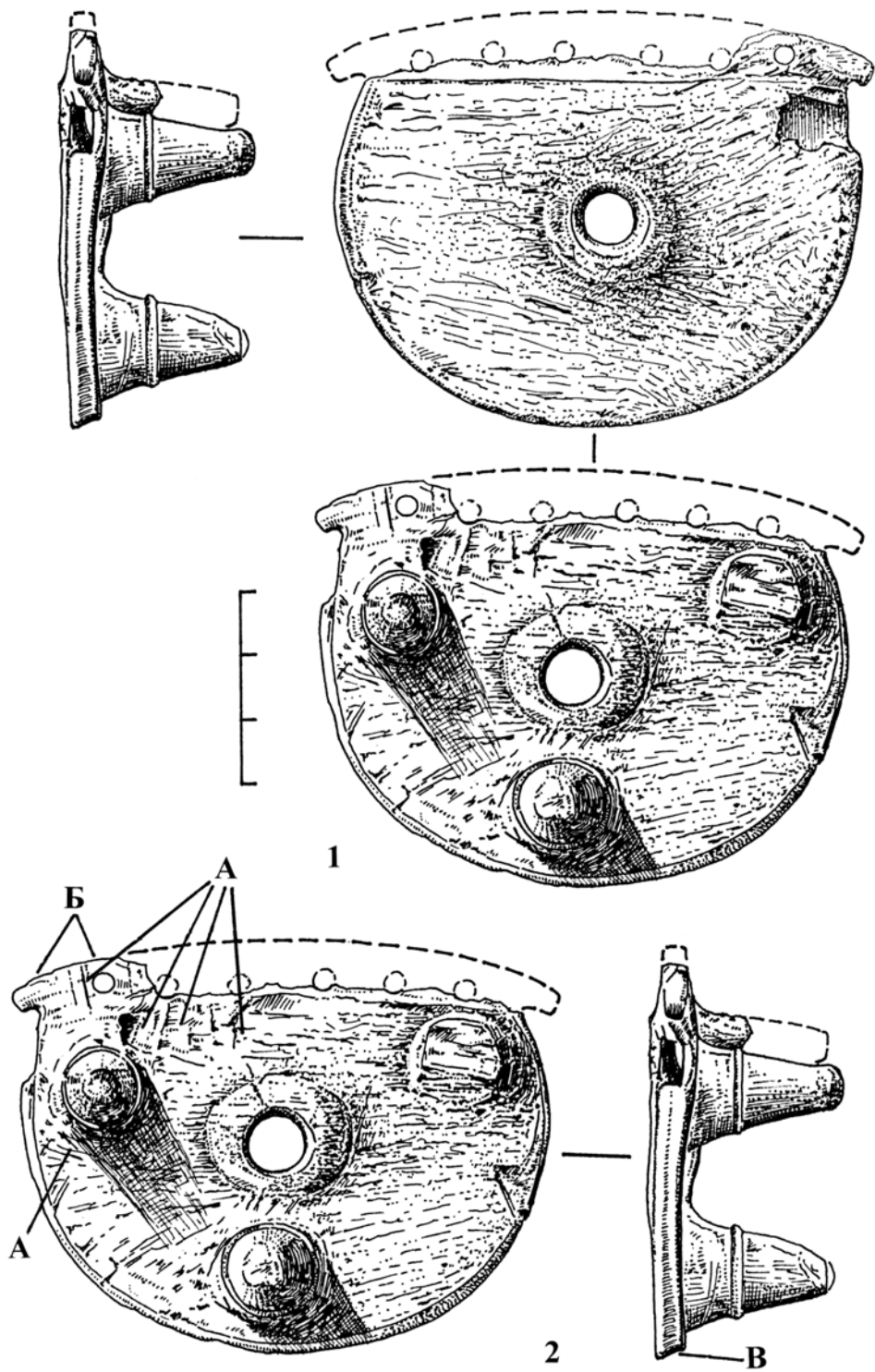

Рис. 88. Щитковый псалий из кургана Суворовский 2, погребение 1: 1 – псалий;
2 – детали изготовления

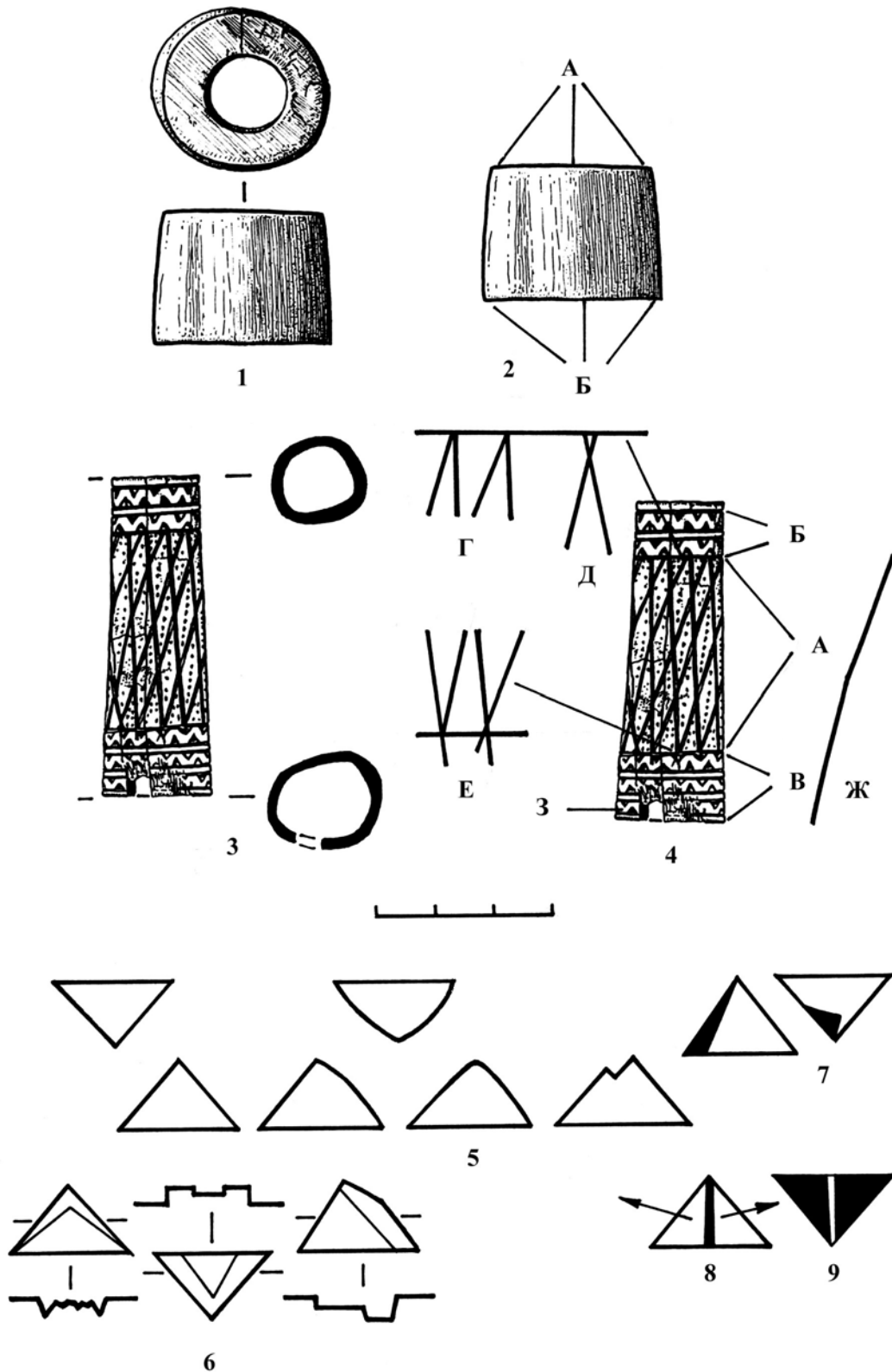

Рис. 89. Ново-Яблоновка, одиночный курган, погр.1: 1 – втулка костяная; 2 – следы использования на втулке; 3 – рукоятка роговая; 4 – изготовление рукоятки; 5-9 – схемы вырезки треугольников при орнаментации рукоятки

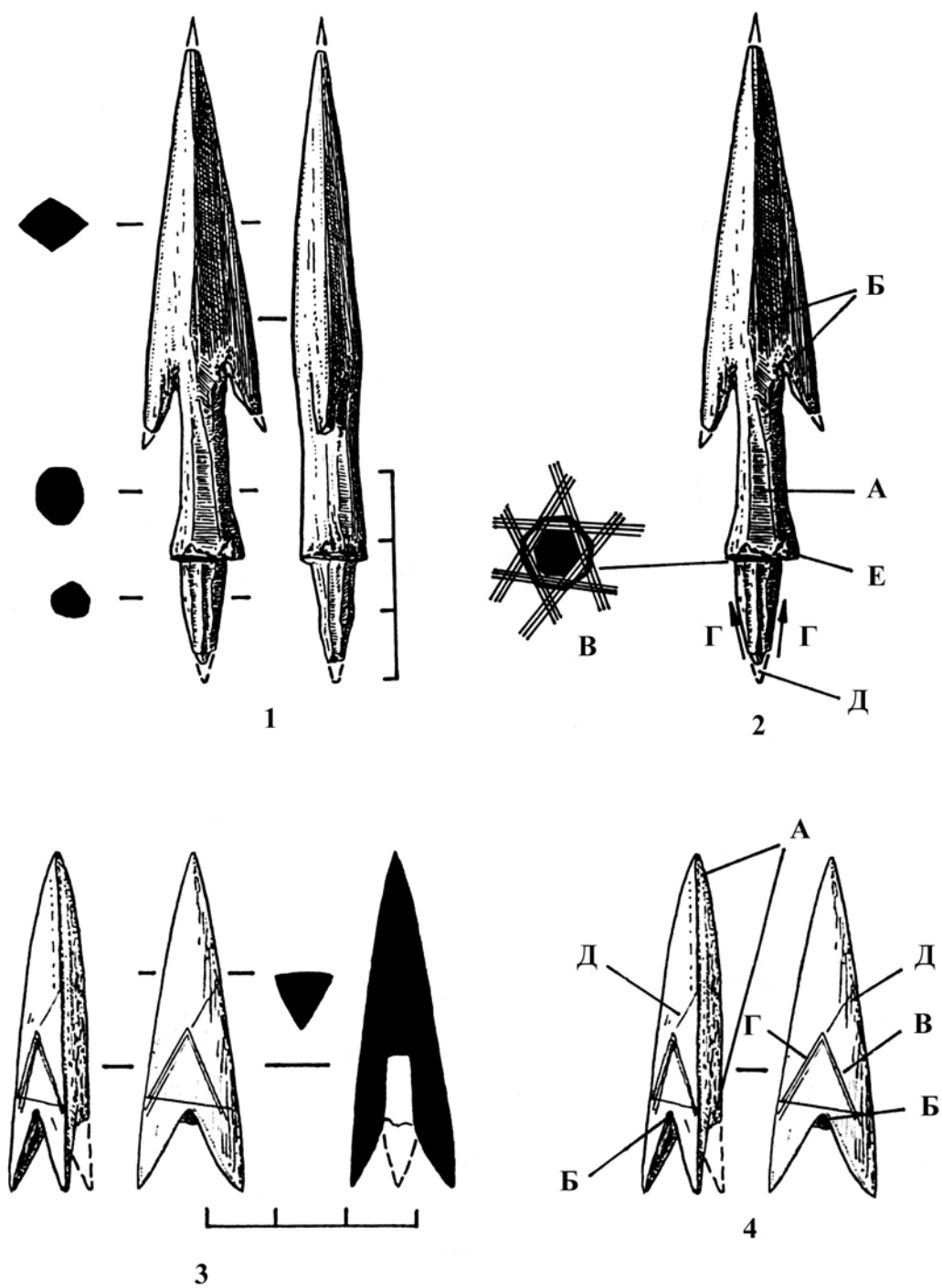

Рис. 90. 1 – наконечник стрелы (Ново-Яблоновка, одиночный курган, погребение 1); 2 – детали изготовления наконечника стрелы; 3 – наконечник стрелы (Дубовый Гай, одиночный курган, погребение 4); 4 – детали изготовления наконечника стрелы

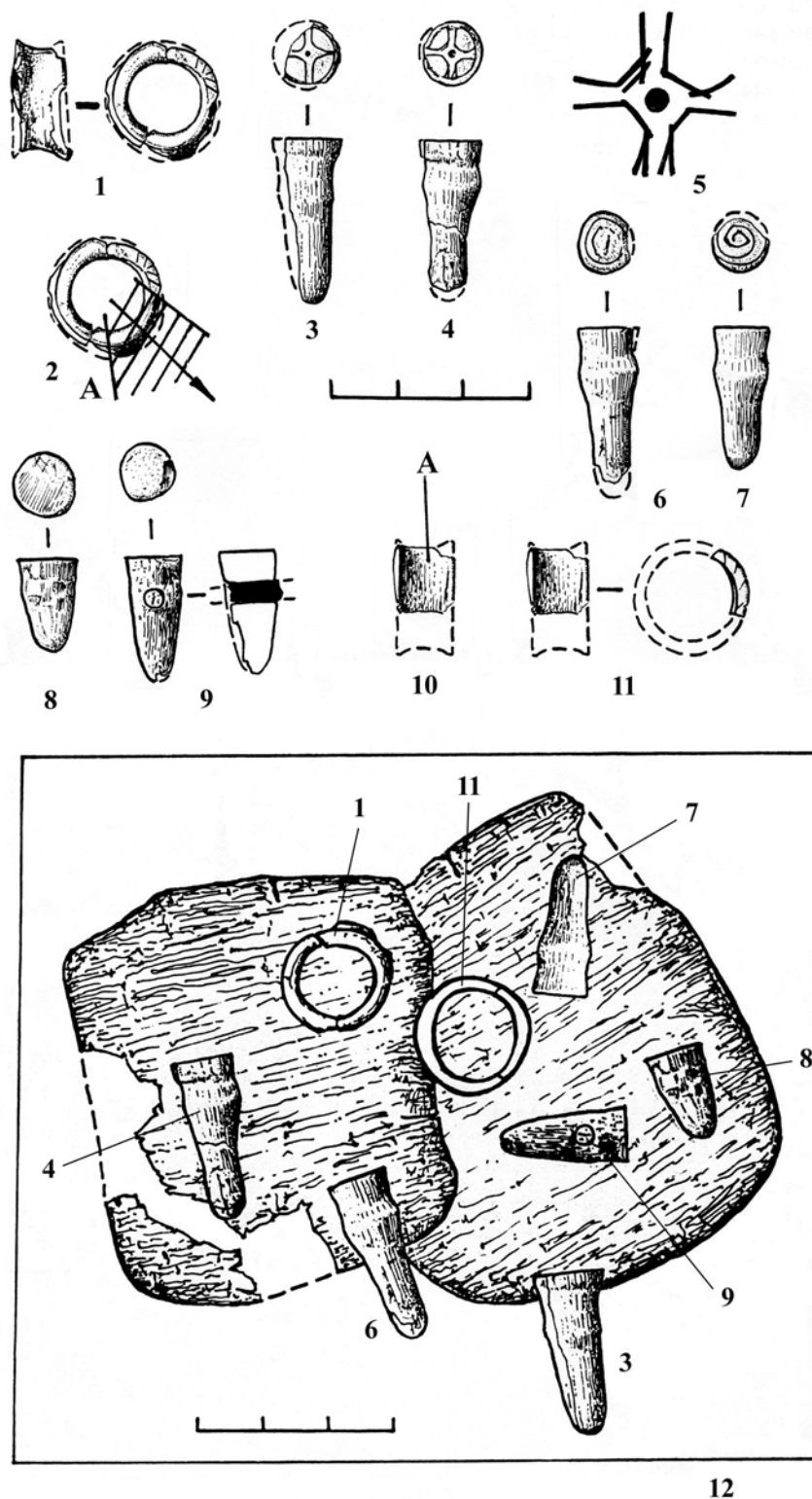

Рис. 91. Ново-Яблоновка, п. 1: 1 – втулка центрального отверстия щитка псаля; 2 – следы сработанности на втулке; 3, 4, 6, 7 – набор шипов от одного псаля; 5 – схема деталей орнамента торца шипа; 8, 9 – набор шипов от другого псаля; 10 – следы сработанности на втулке; 11 – фр-т втулки центрального отверстия щитка псаля; 12 – реконструкция положения пары псалев с деревянными щитками (втулки и шипы показаны без утраченных частей; номера вставных деталей псалев соответствуют нумерации рисунков находок)

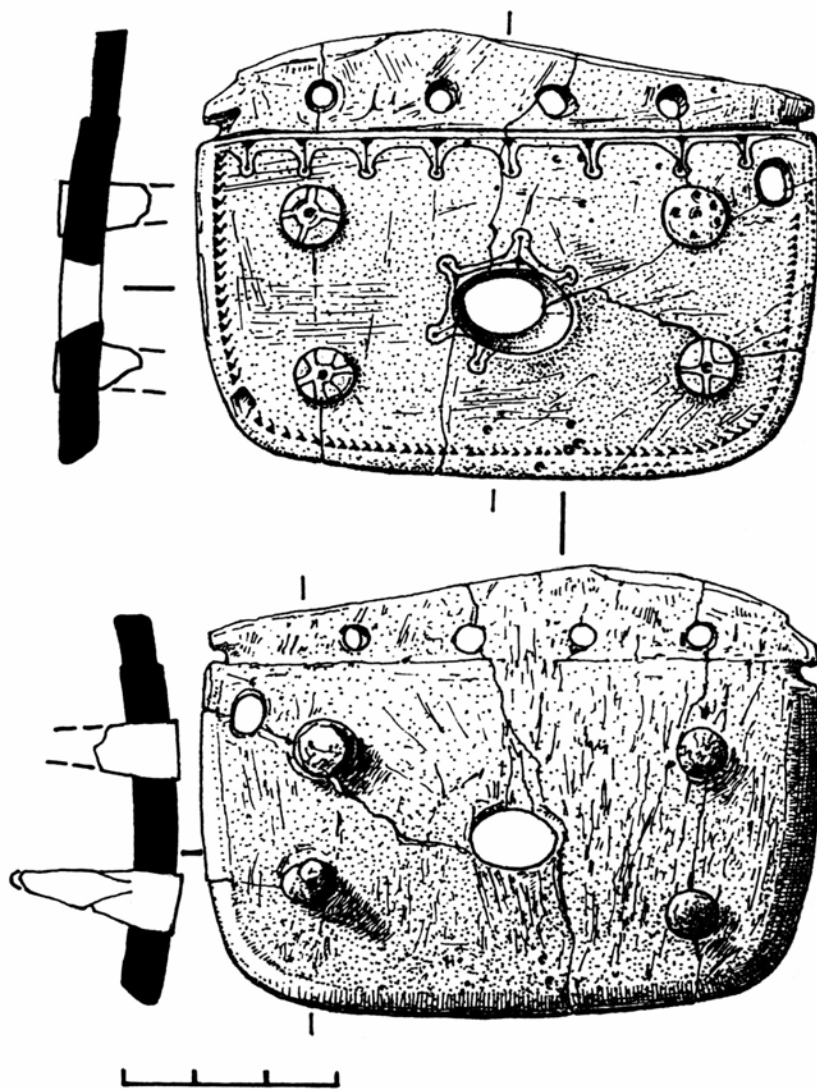

Рис. 92. Псалий из погребения 4 кургана у с.Дубовый Гай

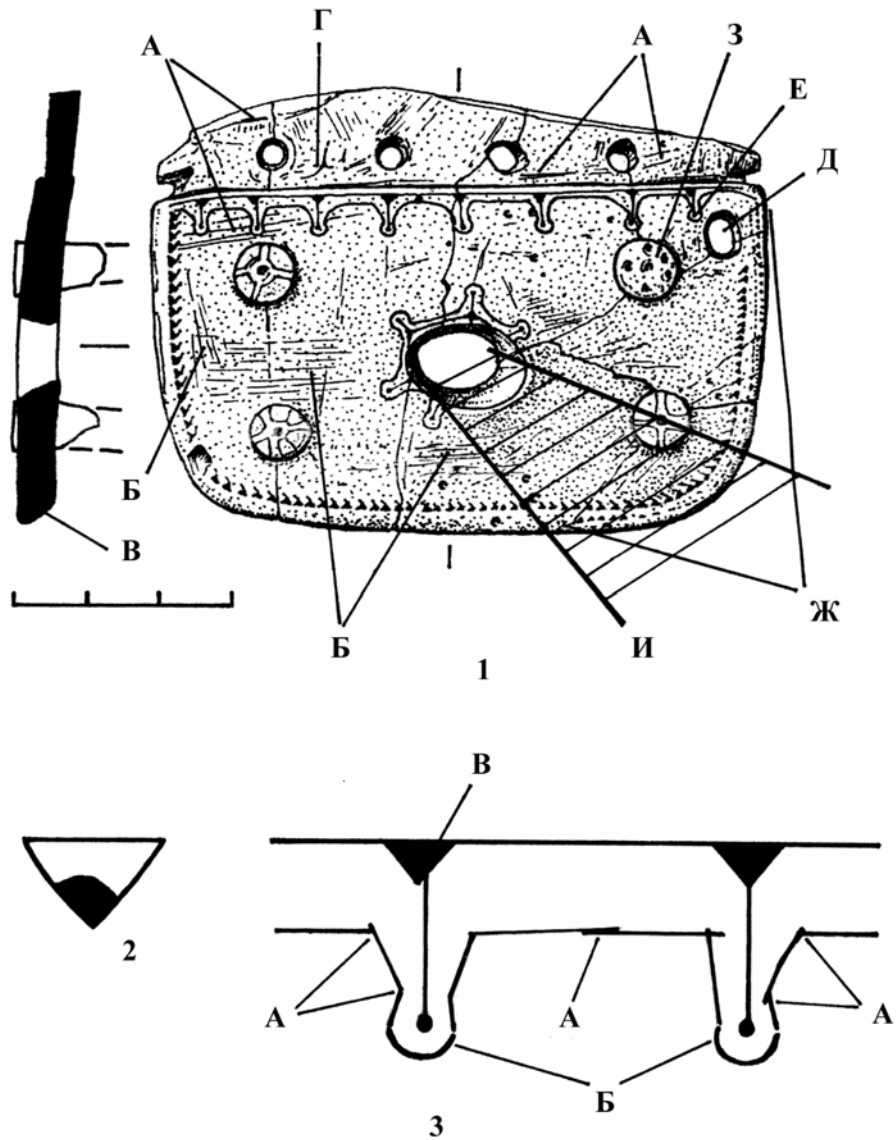

Рис. 93. Дубовый Гай, погребение 4: 1 – детали изготовления и использования псаля; 2 – схемы нанесения орнамента на псалий

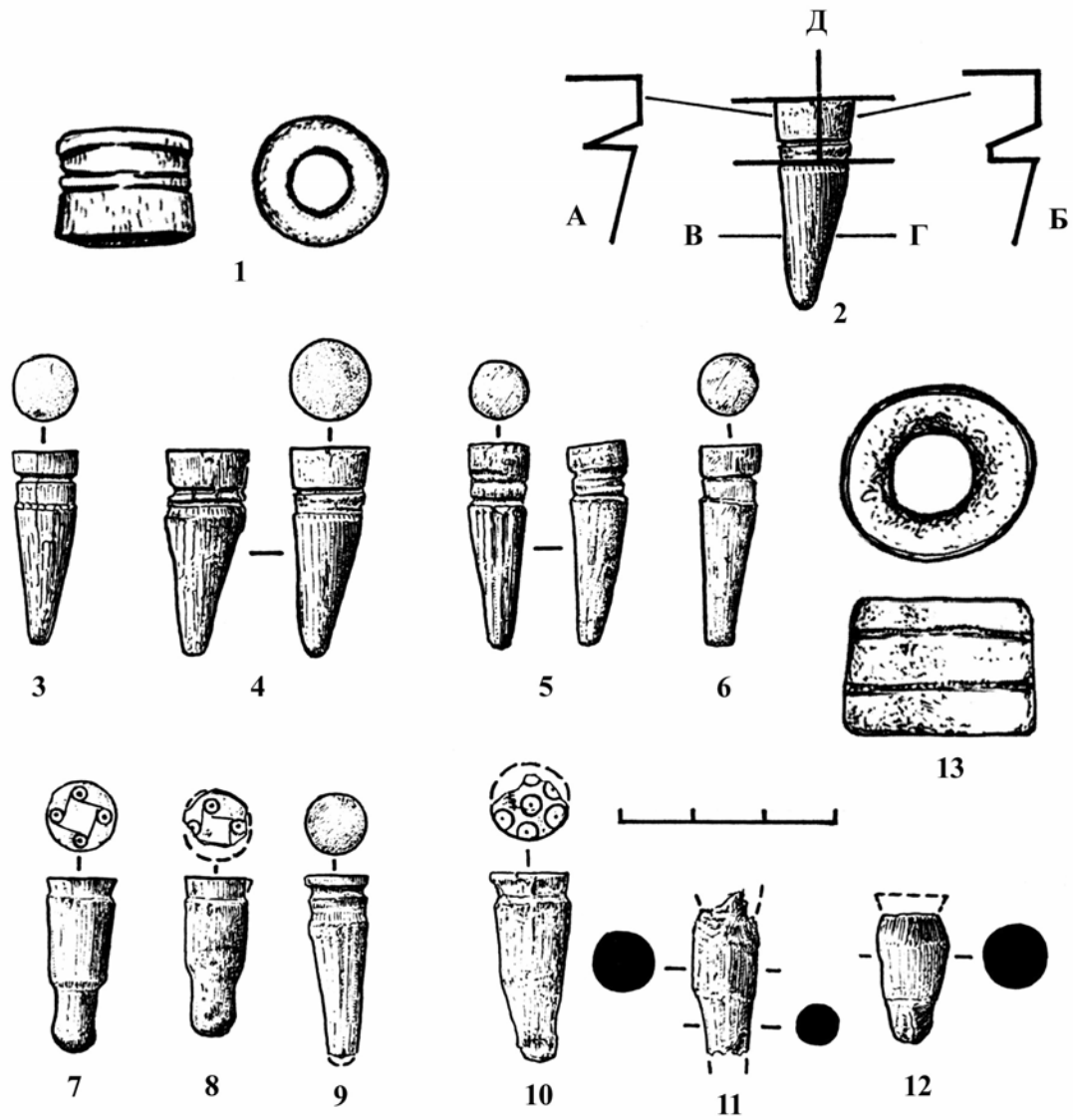

Рис. 94. Дубовый Гай, погребение 4: 1 – втулка псаля; 2 – схема изготовления шипов первого набора; 3-6 – шипы первого набора; 7-9 – шипы второго набора; 10-12 – шипы третьего набора; 13 – втулка псаля

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенных археологических исследований в течение двух полевых сезонов корпус археологических источников Саратовского Правобережья пополнился рядом уникальных комплексов эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Представленные в данной работе материалы новых раскопок 2005-2006 годов в Саратовском Правобережье охватывают широкий хронологический диапазон – от ямной культуры в кургане Суворовский 1 до позднего средневековья в могильнике Ивановский. Проведенные спасательные археологические работы сохранили для науки материалы 18 курганов, включающих почти сотню погребальных комплексов и 39 погребений позднего средневековья. Хронологический промежуток заполнен по большей части погребениями эпохи бронзы. Если говорить о количественном соотношении исследованных захоронений, то оно выглядит следующим образом: 1 ямное погребение, 4 волго-донских катакомбных, 85 срубных двух периодов, одно погребение раннечерногородского времени и несколько подкурганых погребений предположительно поздне-средневекового времени.

Ямное погребение эпохи ранней бронзы исследовано всего одно в кургане Суворовский 1, но в этом кургане встречена классическая триада степной бронзы, выявленная В.А.Городцовым еще в начале прошлого века: ямное погребение ранней бронзы было перекрыто двумя катакомбными среднебронзовой поры, а в насыпь кургана впущено срубное эпохи поздней бронзы.

Интересна закономерность распространения памятников – средняя бронза – в южной части рассматриваемого региона, погребения с чертами доно-волжской абашевской культуры в северной части. Итог культурной метисации – курган покровского этапа срубной культуры у разъезда Ивановского близ Саратова. Разумеется, это лишь частный случай, совпадение, но весьма показательное.

Следует оговориться о принятой периодизации эпохи поздней бронзы, поскольку в данной работе все же большая часть материалов относится именно к этой эпохе. В целом все авторы придерживаются утвердившейся в отечественной науке двухчленной периодизации срубной культуры Нижнего Поволжья: ранний этап – памятники покровского и бережновского типов плюс ряд переходных комплексов; второй этап срубной культуры, он же развитой или классический.

Полученные материалы не только пополняют фонд археологических источников, но и существенно уточняют ряд спорных моментов, в первую очередь касающихся культуригенеза племен эпохи бронзы.

Из всего комплекса памятников поздней бронзы для понимания процессов культуригенеза наиболее важными представляются курганы Дубовый Гай, Ново-Яблонька и Ивановский курганная группа Мессер V, материалы которых очень хорошо иллюстрируют именно сложение срубной культуры на рубеже средней-поздней бронзы и первый покровский этап функционирования культуры. Несмотря на возможность выстраивания хронологической цепочки из погребений вышеназванных курганов, следует признать справедливым высказывание А.Т.Синюка «большинство, если не все из «пре-

стижных» (с воинской и жреческой атрибутикой) подкурганых захоронений – и те, что ранее относились к исконно местному проявлению доно-волжской абашевской культуры (делившейся на ранний и развитый этапы), и абашевско-срубного типа – в культурно-хронологическом отношении едины» (Синюк А.Т., 1996, с. 204).

Уникальны кенотафы из Ново-Яблоновки и Ивановского, находки в которых дают возможность проводить широкие культурно-исторические сравнения. Погребение раннечерногородского времени киммерийской культуры относится к еще более редкому типу памятников для территории Нижнего Поволжья.

Полученные материалы, несомненно, требуют дальнейшего научного осмысления и интерпретация данных археологических комплексов будет подвергаться постоянной корректировке, но уже сейчас можно констатировать, что материалы Саратовского Правобережья являются значимой частью источниковой базы для изучения культур эпохи бронзы и средневековья Нижнего Поволжья и сопредельных регионов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П.* Остеометрия. М., 1966.
- Андреева М.В.* Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М., 1989.
- Антипина Е.Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И.Цалкина. М., 2003.
- Антипина Е.Е.* Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы, т. III. Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования. М., 2004.
- Антипина Е.Е., Моралес А.* «Ковбои» восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2005. Вып. 4.
- Антипина Е.Е., Ольховский В.С.* Археозоологические материалы из главной культовой конструкции святилища Байте III // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.
- Археология Украинской ССР.* Киев, 1985. Т. 1.
- Астафьев В.П.* Последний поклон. М., 1992. Т. 3.
- Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н.* Курганные группы Золотая Нива I и II // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004. Вып. 2.
- Балабина В.И.* Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Березанская С.С., Отроценко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Беседин В.И.* Керамика доно-волжской абашевской культуры в системе древностей абашевской общности // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии: тез. докл. междунар. конф. Тамбов, 1996.
- Беседин В.И.* «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып.13
- Бородовский А.П.* Признаки размягчения исходного сырья при изготовлении костяных и роговых предметов в эпоху металлов // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя (информационные материалы). Свердловск, 1989.
- Бородовский А.П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. - первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск, 1997.
- Бородовский А.П.* Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск, 2007.
- Бородовский А.П., Глушков И.Г.* Экспериментальное исследование погребальной обрядности // Экспериментальная археология. Тобольск, 1991. Вып. I.

- Бочкарев В.С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы // Проблемы археологии. М., 1978.
- Бочкарев В.С.* К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1986.
- Бочкарев В.С.* Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен. Казань, 2002. Т. 1. Народы степной Евразии в древности.
- Бочкарев В.С.* О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. С-Пб, 2004.
- Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Братченко С.Н.* Могилы бронзовой доби в бассейне р.Деркул // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск, 2003. № 1.
- Бугров Д.Г.* К вопросу о костяных наконечниках стрел пьяноборской культуры (по материалам Тойгузинского II городища) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М-лы научн. конф. Тр. ГИМ. М. 2000. Вып. 122.
- Бусятская Н. Н.* Стекланные изделия городов Поволжья (XIII – XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Валиулина С. И.* Стекло Волжской Булгарии по материалам Билярского городища. Казань, 2005.
- Варфоломеев В.В.* Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. Астана, 2003. Т. 1.
- Васильев Д. В.* Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.
- Васильев И.Б.* Лузановский курганный могильник (материалы раскопок) // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.
- Васильев Д. В.* Захоронения в золотоордынских мусульманских мавзолеях (опыт статистической обработки) // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. III Международная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А.Федорова-Давыдова. Тезисы докладов. М., 2006.
- Васильев И.Б.* Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф.* Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Периодизация культур бронзового века Волго-Уральского региона // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. С-Пб, 1993.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Васильев И.Б., Непочатых В.А.* Полтавкинское поселение у с.Ст.Яблонка Хвалынского района Саратовской области // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. междунар. научн. конф. Саратов, 1997.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

- Васютин С.А.* Проблемы комплексного анализа социальной организации кочевников древнетюркской эпохи по данным погребальных памятников // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II.
- Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И.* Баллистика от стрел до ракет. Новосибирск, 1995.
- Выделка шкур* в домашних условиях. Ростов-на-Дону, 1999.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Челябинск, 1992. Ч. 1.
- Гершкович Я.П.* Два аспекта покровской проблемы // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. М., 2003.
- Гершкович Я.П., Евдокимов Г.Л.* Об одной категории костяных изделий срубной культуры // СА, 1982. № 4.
- Гершкович Я.П., Журавлев О.П.* Животноводство населения сабастиновской культуры Нижнего Поднепровья (по материалам Новокиевского поселения) // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя. 1999. VII.
- Горбунов В.С.* Курганы эпохи бронзы на правом берегу р.Демы // СА, 1977. № 1.
- Горбунов В.С.* Некоторые суждения о концепции В.В.Отрощенко по истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003.
- Гуренко Л.В., Ситников А.В., Скворцов Н.Б., Сурков А.Г.* Раскопки курганов у пос. Верхне-Рубежный // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.
- Данченко Е.Л.* Погребения особого вида среднедонской катакомбной культуры // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // МИА, 1954. № 42.
- Дремов И.И.* Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.
- Дремов И.И.* Смена и преемственность культурных традиций на рубеже средней и поздней бронзы в степном Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997а. Ч. 2.
- Дремов И.И.* Материалы из курганов у с.Березовки Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997б. Вып. 2.
- Дремов И.И.* Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.
- Дрёмов И.И., Тихонов В.* Новые материалы рубежа средней и поздней бронзы из Саратовского Правобережья Волги // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. Волгоград, 2004.
- Дрёмов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В.* Курган у с.Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Дубовская О.Р.* Вопросы сложения инвентарного комплекса Черногоровской культуры // Археологический альманах, Донецк, 1993. № 2.
- Евтеев А. А.* Антропологические материалы из могильника Нижняя Студенка-I // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

- Егоров В. Л., Полубояринова М. Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967-1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Епимахов А.В.* Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.
- Епимахов А.В.* К вопросу о «деградации» колесничного комплекса в период поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам могильника Николаевка II) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. 2004. № 2.
- Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск, 2005. Кн. 1.
- Захариков А.П., Цыбрий В.В.* Охранные раскопки в Саратовской области в 2003 году // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 5.
- Зданович Г.Б.* Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.
- Зданович Г.Б.* Щитковые псалии из Среднего Приишимья // КСИА, 1986. № 185.
- Зданович Д.Г.* Аркаим: некрополь. Челябинск, 2002.
- Иванов А.Ю., Колев Ю.И.* Зрубный комплекс с роговим “жезлом” из Середнего Заволжья // Археология, 1993. № 1.
- Иванова С.В., Цимиданов В.В.* О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.
- Игнатова М.Е., Лопатин В.А.* Пиктограмма с хтонической мифологемой на керамическом сосуде из Смеловки // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Игорный бизнес* / Ред.-сост. А.В.Пурник. М., 1994.
- Ильюков Л.С.* Пастушья палка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып. 13. Азов, 1994.
- Касанкин Г.И.* Отчет об археологических раскопках средневекового поселения у с. Подгорное Энгельсского района Саратовской области в 1991 г. // Архив учебно-научной археологической лаборатории Саратовского государственного университета.
- Касанкин Г.И.* Золотоордынское поселение у села Подгорное // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994.
- Касанкин Г.И.* Русская керамика с поселения Подгорное золотоордынского времени // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П. Д. Рау. Саратов, 1997.
- Качалова Н.К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА, 1978, № 3.
- Качалова Н.К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Ким М.Г.* Отчет о раскопках курганов у с. Дмитриевка Вольского р-на Саратовской обл. в 1978 году // Архив ВКМ, Ф. 4, д. 298.
- Ким М.Г.* Отчет о раскопках курганов у с. Дмитриевка Вольского р-на Саратовской обл. в 1979 году // Архив ВКМ, Ф. 4, д. 299.
- Кияшко А.В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

- Кияшко А.В.* Культурно-исторический процесс в эпоху средней бронзы на территории Нижнего Поволжья (по материалам погребальных памятников): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. 07.00.06. СПб, 2003.
- Ковалева И.Ф.* Срубные погребения с наборами альчи́ков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990.
- Колев Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Колев Ю.И.* Комплексы позднего бронзового века поселения Григорьевка I в Самарской области // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2.
- Колев Ю.И.* Грунтовой могильник срубной культуры Съезжее II (материалы раскопок) // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара, 2003.
- Корневский С.Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.
- Кочерженко О.В.* Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожовка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Кротков А. А.* О памятниках старины в Саратовской губернии // Тр.СУАК. Вып. 29. Саратов, 1912.
- Кубанкин Д.А., Мальшев А.Б., Тугушев П.Е.* Разведки на севере Саратовского района Саратовской области в 1998-2005 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.
- Кузнецов П.Ф.* Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. СПб., 1996. Вып. 1.
- Кузнецов П.Ф.* Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004. Вып. 2.
- Кузнецов П.Ф.* Реконструкция крепления конской узды по результатам изучения диско-видных псалиев Поволжья // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах. Донецк, 2004а. № 15.
- Кузнецов П.Ф.* Курганная насыпь в обрядовой практике культур начала бронзового века (к постановке проблемы) // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов конференции. Нальчик, 2006.
- Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники Потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара, 2000.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Кузьмина О.В.* Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. Ч. II.
- Лапшин С.А.* К вопросу о культурном и хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Латынин Б.А.* Архаические круглые псалии с шипами // Новое в советской археологии. МИА, 1965. № 130.
- Литвиненко Р.А.* Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.
- Лопатин В.А.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.

- Лопатин В.А.* Элементы социоструктуры позднепервобытных индоиранских обществ Центральной Евразии // Нижнее Поволжье и Исламская республика Иран. Исторические, культурные, политические и экономические связи. Саратов, 2004.
- Лопатин В.А.* Курган покровского времени у разъезда Ивановского в Саратовской области // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития. Саратов, 2006.
- Лопатин В.А., Четвериков С.И.* Исследования курганного могильника «Мессер V» на севере Волго-Донского междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.
- Лопатин В.А., Четвериков С.И.* Родовой некрополь Песковатского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 4.
- Лопатин В.А., Якубовский Г.Л.* Усть-Курдюмский курганный могильник // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.
- Лунькова Ю.В.* К вопросу о локальных особенностях погребальных памятников лесостепной срубной культуры Волго-Донского междуречья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. научн. конф. Самара, 2001.
- Ляхов С.В.* Отчет об археологических раскопках в Хвалынском, Питерском и Татищевском районах Саратовской области в 1993 г. Архив ИА РАН, Р-1.
- Ляхов С.В.* Погребения эпохи поздней бронзы из Букатовских курганов // Срубная культурно-историческая общность. Саратов, 1994.
- Ляхов С.В.* Погребения эпохи поздней бронзы из курганов у станции Кулатка Хвалынского района Саратовской области // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9.
- Максимов Е.К.* Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области // Археологический сборник. Труды СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1.
- Максимов Е.К.* Материалы из Хвалынского музея // СА, 1962. № 3.
- Максимов Е.К.* Максимовские курганы // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.
- Малов Н.М.* Охранные работы в правобережных районах Саратовского Поволжья // АО – 1978. М., 1979.
- Малов Н.М.* Раскопки в Саратовском Поволжье // АО – 1980. М., 1981.
- Малов Н.М.* Работы в Саратовском Поволжье // АО – 1981. М., 1983.
- Малов Н.М.* Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1.
- Малов Н.М.* Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Малов Н.М.* Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Малов Н.М.* Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11.
- Малов Н.М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2003. Вып. 5.
- Малов Н.М.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Малов Н.М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Малов Н.М., Филипченко В.В.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. СПб., 1995. № 4.

- Мамонова Н.Н.* Опыт применения таблиц В.В.Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.
- Мамонтов В.И.* Курганный могильник Антонов I // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.
- Мамонтов В.И.* Материалы курганного могильника у озера Подгорное // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1999. Вып. 3.
- Матвеев Ю.П.* Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.
- Матвеев Ю.П.* Срубно-абашевские погребения переходного типа в Волго-Донском междуречье // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.
- Матвеев Ю.П.* О векторе распространения “колесничных” культур эпохи бронзы // РА, 2005. № 3.
- Матвеев Ю.П., Добрынин А.В.* Костяные пряслица в памятниках абашевского ареала // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003.
- Мельник В.И.* Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.
- Мельников Е.Н.* Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Пластица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Мерперт Н.Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1958. Т. II.
- Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М.* Погребальный обряд племен Халафской культуры // Археология Старого и Нового света. М., 1982.
- Мимоход Р.А.* Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культурной специфики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. Волгоград, 2004.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // Материалы охранных археологических исследований. М., 2009. Т. 10.
- Миронов В.Г.* Памятники эпохи бронзы бассейна верхней Терешки // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Миронов В. Г.* Раскопки на верхней Терешке // АО – 1979. М., 1980.
- Миронов В.Г.* Исследования на верхней Терешке // АО – 1981. М., 1983
- Миронов В.Г.* Погребения покровского времени кургана № 9 у с. Бородаевка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Миронов В.Г.* Редкий тип жилища в Саратовском Правобережье Волги // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11.
- Монахов С.Ю.* Работы Вольской экспедиции // АО – 1981. М., 1983
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Моржерин К. Ю.* Отчет об охранных раскопках грунтового могильника в урочище «Мартышкино» в Красноармейском районе Саратовской области в 1994 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 18888.
- Мочалов О.Д.* Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы // РА, 2004. № 2.
- Мочалов О.Д.* Типология керамики раннего этапа срубной культуры лесостепного Волго-Уралья // II Городцовские чтения. Тр. ГИМ. М., 2005. Вып. 145.

- Мыськов Е.П.* К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА, 1991. № 4.
- Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Литвиненко Р.А., Усачук А.Н.* Погребение колесничего из бассейна Дона // Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004.
- Мыськов Е.П., Лапшин А.С.* Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград, 2007.
- Мышкин В.Н.* К проблеме реконструкции сезонных перекочевок кочевников Волго-Уральского междуречья в VI-I вв. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. Вып. VIII.
- Недашковский Л. Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
- Нелин Д.В.* К проблеме сложения Варны воинов-колесничих (по материалам Южного Зауралья // Историко-археологические изыскания: сборник трудов молодых ученых. Самара, 1999. Вып. 3.
- Непочатых В. А.* Новые открытия в Саратовской области // АО – 1975.
- Новохарьковский* могильник эпохи Золотой орды. Воронеж, 2002. М., 1976.
- Обломский А.М., Усачук А.Н.* Глава 6. Технология изготовления гребней в Замятино-5 и Замятино-8 и мастерские гребенщиков // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004. Раннеславянский мир. Вып. 6.
- Обыденнова Г.Т.* Историография периодизации срубной культурно-исторической общности // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. научн. конф. Самара, 2001.
- Ольховский В.С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции. РА, 1995. № 2.
- Орехов В., Щеглов С.* Раскопка 2-х курганов при с.Адоевщине Хвалынский у. // Тр.СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.
- Отрощенко В.В.* О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА, 1990. № 1.
- Отрощенко В.В.* Клейноды зрубного суспільства // Археологія, 1993. № 1.
- Отрощенко В.В.* К вопросу о доно-волжской абашевской культуре // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.
- Отрощенко В.В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.
- Отрощенко В.В.* К вопросу о периодизации покровской срубной культуры // Проблемы археологии Евразии. М., 2002.
- Отрощенко В.В.* К истории племен срубной общности // Доно-донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003.
- Ошибкина С.В.* О находках сейменского времени в Восточном Прионежье // КСИА, 1984. № 177.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1 – 10. Т. 1.*
- Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Полубояринова М. Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Полякова Г. Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Прокофьев Р.В.* Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертковском районе Ростовской области // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 2.

- Прохорова Т.А.* Раскопки в зоне некрополя Нижне-Гниловского городища в 2002 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Азов, 2004. Вып. 19.
- Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы: Книга вторая. Воронеж, 1996.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И.* Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // РА, 1998. № 3.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П.* Кондрашкинский курган. Препринт 1–1–89. Воронеж, 1989.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П.* Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988.
- Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И.* Селезни-2. Курган Доно-Волжской абашевской культуры. Воронеж, 1998.
- Пряхин А.Д. и др.:* Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.
- Пыслару И.* Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // Stratum plus, 2000. № 2.
- Пыслару И., Самойленко В.Г.* Исследования курганов в Славяносербском и Краснодонском районах Луганской области // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. Луганск, 2010.
- Пятых Г.Г.* К дискуссии по происхождению срубной культуры // СА, 1990. № 1.
- Пятых Г.Г.* Происхождение срубной культуры: проблемы и возможности // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.
- Пятых Г.Г.* К проблеме происхождения и культурной принадлежности памятников потаповского типа // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Ражев Д.И.* Погрешность измерения длинных костей и реконструкция ширины плеч // Вестник антропологии. М., 2003.
- Ремесло эпохи бронзы на Украине.* Киев, 1994.
- Рогудеев В.В.* Элитарные погребения катакомбной культуры и проблема катакомбного наследия в срубной культуре // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. 1.
- Ромашко В.А.* К вопросу о генезисе киммерийских памятников днепровского левобережья // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.
- Руденко Ф.А., Семашко В.Ю.* Лось, кабан. М., 2003а.
- Руденко Ф.А., Семашко В.Ю.* Олени. М., 2003б.
- Рыбалова В.Д.* Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи // СА, 1966. № 4.
- Рябова В.Я.* Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М., 1983.
- Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н.,* Костяные псалии с поселения Токсанбай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1.
- Санжаров С.Н.* Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА, 1988. № 1.
- Санжаров С.Н.* Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. Луганск, 2008.
- Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынь А.В.* Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей Юго-Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск, 2003. № 1.
- Сахаров И.П.* Сказания русского народа. М., 1849. Т. 1-2.
- Седова М.С.* Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

- Семенова А.П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Сергацков И.В.* Памятники эпохи средней бронзы на р.Иловле (раскопки 1989-92 гг.) // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1999. Вып. 3.
- Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н.* Курганы у поселка Линево // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006.
- Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Коробкова Е.А., Яворская Л.В.* Курганный могильник Ольховка I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006а.
- Сергеева М.С.* К истории игры в бабки в Киевской Руси // Археология, 2002. № 4.
- Сидоров Е.А., Бородавский А.П.* Обработка кости в лесостепном Приобье (в I тыс. до н.э.) // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск, 1990.
- Синицын И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.
- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // МИА. М., 1959. № 60.
- Синицын И.В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // МИА. М., 1960. № 78.
- Синицын И.В.* Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1966.
- Синюк А.Т.* Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.
- Синюк А.Т., Козимчук И.А.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.
- Синюк А.Т., Погорелов В.И.* Периодизация срубной культуры Среднего Дона (по материалам погребальных памятников) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Скарбовенко В.А.* Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
- Смирнов А.М.* Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье. Аналогии, интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. М., 1959. № 60.
- Смирнов К.Ф.* Быковские курганы // МИА. М., 1960. № 78.
- Ставицкий В.В.* Екатериновское поселение бронзового века на р.Сура и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2004. Вып. VI.
- Степанов П.Д.* Вольское городище // Тр. СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1.
- Сухорукова Е.П.* Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. СПб., 2008.

- Тихонов В.В.* Грунтовой могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.
- Тихонов В.В.* Охранные раскопки памятников эпохи поздней бронзы в Духовницком районе Саратовской области // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.
- Тихонов В.В., Якубовский Г.Л.* Новые памятники и отдельные находки киммерийского времени из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.
- Ткачев В.В.* Погребальные комплексы с щитковыми псалями в Степном Приуралье // Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004.
- Ткачев В.В.* Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. Челябинск, 2006а.
- Ткачев В.В.* Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Челябинск, 2006б.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.* Большещеченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994.
- Тугушев П.Е.* Городище «Петровский городок» у села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9.
- Тупалов И.В., Африканов Ю.А.* Курган эпохи бронзы «Суворовский - I» // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.
- Усачук А.Н.* Костяной инвентарь поселения срубной культуры у хутора Красный Яр на Дону // Археологический альманах. Донецк, 1997. № 6.
- Усачук А.Н.* Трасологический анализ щитковых псалиев из погребений лесостепного Подонья // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998а. Вып. 11.
- Усачук А.Н.* Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ) // Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж, 1998б.
- Усачук А.Н.* Результаты трасологического изучения щитковых и желобчатых псалиев // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. СПб, 1999а.
- Усачук А.Н.* Региональные особенности технологии изготовления щитковых псалиев // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск, 1999б.
- Усачук А.Н.* О технологии изготовления щитковых и желобчатых псалиев // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Усачук А.Н.* О шипах на щитковых псалях // Stratum plus, 2001-2002. № 2.
- Усачук А.Н.* Псалий с поселения Баланбаш // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

- Усачук А.Н.* Щитковый псалий из фондов ГИМ // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. – М., 2003.
- Усачук А.Н.* Трасологический анализ псалиев могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003а.
- Усачук А.Н.* Каменноамбарские псалии (трасологический анализ) // Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск, 2005. Кн.1.
- Усачук А.М.* Найдавніші псалії доби бронзи лісостепу і степу Євразії (технологічний і функціональний аспекти): Автореф. дис. ... канд. ... іст. наук. Київ, 2007.
- Усачук А.Н.* в печати. Трасологический анализ роговой втулки из раннесрубного погребения. Луганск.
- Усачук А.Н., Африканов Ю.А.* К вопросу о щитковых псалиях из дерева // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа, 2007.
- Усачук А.Н., Бровендер Ю.М.* Трасологический анализ некоторых костяных изделий поселения Капитаново-I // Донецкий археологический сборник. Донецк, 2004. Вып. 11.
- Цимиданов В.В.* Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004.
- Цимиданов В.В.* Поховання із нагайками в зрубній культурі // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Від неоліту до киммерійців. Луганськ, 2007. Вип. 7.
- Усманова Э.Р., Логвин В.Н.* Женские наконечники украшений Казахстана: (эпоха бронзы). Лисаковск, 1998.
- Фальк-Рёнке А.* Путешествие в каменный век. Среди племен Новой Гвинеи. М., 1985.
- Федосов М.Ю.* К проблеме соотношения среднедонской катакомбной культуры и криволукской группы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. Волгоград, 2007а.
- Федосов М.Ю.* Памятники среднедонской катакомбной культуры в Волго-Донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007б. Вып. 5.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. Керамика, торговля, быт. М., 2001.
- Фёдорова-Давыдова Э.А.* Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче // Древности Дона. М., 1983.
- Фирштейн Б.В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967.
- Фисенко В.А.* Раскопки курганов в Саратовском районе осенью 1969 года // Синицын И.В., Фисенко В.А. Отчет об археологических раскопках на утесе Степана Разина в 1969 году. Архив ИА РАН. Р-1.
- Халыпин М.В.* Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. Вып. II.
- Хохлов А.А.* Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1998.
- Хохлов А.А.* Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

- Хохлов А.А.* О специфике антропологического типа населения Южного Приуралья в эпоху ранней и средней бронзы // Чтения, посвященные деятельности В.А.Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. М., 2003. Ч. II.
- Хреков А. А.* Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994.
- Хреков А.А.* Тростянский курган и некоторые вопросы истории волго-донского лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Цимиданов В.В.* Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004.
- Цимиданов В.В., Чаур Н.А.* Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск, 1997.
- Челяпов В.П., Вячин А.А.* Археологические памятники эпохи бронзы на территории Рязанской области. Рязань, 1993.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
- Четвериков С. И.* Отчёт разведочного отряда Хвалынской экспедиции СГУ о работе в Хвалынском районе. Саратов, 1980 // Архив ИА РАН. Р-1, № 8074.
- Четвериков С.И.* Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Карамыш. Археологические памятники Красноармейского района. Саратов, 1989 // Архив ИА РАН. Р-1.
- Четвериков С. И.* Отчёт об археологических исследованиях в Хвалынском и Саратовском районах Саратовской области. Саратов, 1981 // Архив УНАЛ СГУ.
- Четвериков С. И.* Раскопки грунтовых средневековых могильников в Саратовском Поволжье // АО 1993 г. М., 1994. С. 157 – 158.
- Шарафутдинова Э.С.* Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Шевченко А.В.* Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Ленинград, 1986.
- Шевченко А.В.* Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительно-антропологическом освещении // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1 – 10. Т. 1.
- Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // МИА, № 60. М., 1959. Т. I.
- Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Шишлина Н.И.* О сложном луке срубной культуры // Тр.ГИМ. М., 1990. Вып. 74.
- Шишлина Н.И.* О змее в мифологических представлениях степных кочевников эпохи бронзы // Тр. ГИМ. М., 1998. Вып. 96.
- Шишлина Н.И.* Степной энеолит Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. М., 2003.
- Шишлина Н.И.* Степные головные уборы эпохи бронзы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Шнирельман В.А.* Классообразование и дифференциация культуры (по океанийским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
- Юдин А.И.* Отчет об археологических разведках в бассейнах рек Терешки и Большого Карамана в 1987 году. Саратов, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1.
- Юдин А.И.* Срубные кенотафы у с. Кочетного // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.

- Юдин А.И.* Преемственность и инновации в раннесрубных погребальных комплексах Саратовского Поволжья // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи (тез. докл. и матер. конф.). Воронеж, 1996а.
- Юдин А.И.* О типах памятников срубной культуры Нижнего Поволжья на этапе ее формирования // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии (тез. докл. междунар. конф.). Тамбов, 1996 б.
- Юдин А.И.* Разведки и раскопки в Саратовском Поволжье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.
- Юдин А.И.* Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.
- Юдин А.И.* Исследование курганов эпохи средней бронзы у с.Шумейка Энгельсского района // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Юдин А.И.* Изменение погребального обряда как отражение социальных процессов в первобытном обществе срубной культуры на примере новых памятников // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007 а. Вып. VIII.
- Юдин А.И.* Бассейн реки Терешки в позднем бронзовом веке // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007 б.
- Юдин А.И.* Проблемы исследования социальной структуры срубного общества эпохи поздней бронзы // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. Элиста, 2008а. № 1.
- Юдин А.И.* Комплекс уникальных женских украшений из курганной группы Новопокровка 2 // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008б, № 1.
- Юдин А.И.* Курганы у с.Мокрое // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008в. Вып. 8.
- Юдин А.И.* Проблемы контактов лесостепного и степного населения в эпоху поздней бронзы в Саратовском Поволжье // Наша малая Родина: её история, развитие, проблемы. Балашов, 2009.
- Юдин А.И., Лопатин В.А.* Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье // СА, 1989. № 3.
- Юдин А.И., Матюхин А.Д.* Социальная структура раннесрубной культуры по материалам могильников Кочетное и Золотая Гора // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Юдин А.И., Матюхин А.Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.
- Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1
- Яровой Е.В.* Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинев, 1985.
- Florescu M., Florescu A.* Unele observatii cu privire la geneza culturii Noua in zonele de curburale Carpatilor Rasariteni // Arheologia Moldovei, 1990. XIII.

Список сокращений

АВЕС	– Археология Восточно-Европейской степи
АО	– Археологические открытия
ВКМ	– Вольский краеведческий музей
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников.
СОМК	– Саратовский областной музей краеведения
СУАК	– Саратовская ученая архивная комиссия
УНАЛ СГУ	– Учебно-научная археологическая лаборатория Саратовского государственного университета

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Исследования в бассейне р.Карамыш	
1.1. Курганы эпохи бронзы у разъезда Суворовский (Африканов Ю.А....)	7
1.2. Курганный могильник Мессер V (Лопатин В.А., Четвериков С.И.).....	6
Глава 2. Исследования в бассейне р.Терешки	
2.1. Новые поселения эпохи бронзы и средневековья (Тупалов И.В.).....	43
2.2. Курганы эпохи бронзы у села Новопокровка и станции Чернавка (Юдин А.И.).....	50
2.3. Археологические памятники у ст. Буровка, с.Ново-Яблоновка и с.Дубовый Гай (Африканов Ю.А.).....	119
2.4. Курган у села Дубовый Гай (Зеленеев Ю.А., Юдин А.И.).....	134
Глава 3. Исследования в окрестностях г.Саратова	
3.1. Курган у Ивановского разъезда (Лопатин В.А.).....	156
3.2. Средневековый грунтовой могильник у разъезда Ивановский (Четвериков С.И.).....	175
Глава 4. Анализ материалов раскопок	
4. 1. Бассейн р.Терешка как один из регионов формирования срубной культуры позднего бронзового века (Юдин А.И.).....	194
4. 2. Социальная структура срубного общества на втором этапе развития (по материалам могильника Новопокровка 2) (Юдин А.И.).....	214
4.3. Антропологические материалы эпохи поздней бронзы из курганных могильников Саратовского Поволжья (по материалам раскопок 2006 г.) (Хохлов А.А.).....	232
4.4. Трасологический анализ костяных и роговых изделий из некоторых курганов Саратовского Поволжья (Усачук А.Н.).....	248
Заключение.....	266
Литература.....	268
Список сокращений.....	282

Научное издание
Коллективная монография

**Археологические памятники Саратовского Правобережья:
от ранней бронзы до средневековья**
(по материалам исследований в 2005-2006 гг.).
Саратов, 2010.

ООО Издательство «Научная книга»
410031, г.Саратов, ул.Московская, 35

Подписано к печати 19.11.2010. Формат 60x84 1/8

Отпечатано в типографии ОО «ИППОЛит-XXI век»,
г. Саратов, ул. Б.Казачья 79/85
Уч.- печ. л. 33,5 Тираж 300 экз. Заказ 1511.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ САРАТОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ